

Бернард Корнуэлл

Безумен род людской

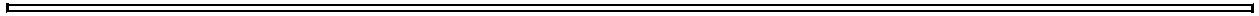
Перевод группы «Исторический роман»

Annotation

Юный Ричард Шекспир – актёр, пытающийся сделать карьеру в труппе своего старшего брата Уильяма, с которым он не близок. Их соперничество, как и соперничество театров, драматургов и актёров за славу и признание, ведёт к конфликтам и предательствам, и ставки в этой игре высоки.

- [Реквизиты переводчика](#)
- [Эпиграф](#)
- [Часть первая](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
- [Часть вторая](#)
 -
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
- [Часть третья](#)
 -
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [Часть четвёртая](#)
 -
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
- [Эпилог](#)
- [Историческая справка](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

Реквизиты переводчика

Переведено группой «Исторический роман» в 2018 году.
Книги, фильмы и сериалы.

Домашняя страница группы В Контакте
https://vk.com/translators_historicalnovel

Над переводом работали: [victoria_vn](#), [zloyzebr](#), [AthenaMar731](#),
[nvs1408](#), [gojungle](#), [Oigene](#)

Поддержите нас: подписывайтесь на нашу группу В Контакте!

Понравилась книга? Поблагодарите переводчиков:
Яндекс Деньги 410011291967296

WebMoney
рубли – R142755149665
доллары – Z309821822002
евро – E103339877377
PayPal istoricheskij.roman@gmail.com

VISA, MASTERCARD и др.:
https://vk.com/translators_historicalnovel?w=app5727453_-76316199

Эпиграф

*С любовью
ко всем актёрам, актрисам, режиссёрам,
музыкантам и техническому персоналу
театра «Мономой»*

*Пак: Как безумен род людской! [1]
«Сон в летнюю ночь»
Акт III, сцена 2*

*Ипполита: Ничего глупее я в жизни не слыхала.
Тезей: Даже лучшие из этого рода людей — всего лишь тени. Да и худшие — не хуже их, если им помогает воображение.
Ипполита: Но это должно сделать наше воображение, а не их.
Тезей: Если в нашем воображении они не хуже, чем в их собственном, то они могут сойти за отличных людей.
«Сон в летнюю ночь»
Акт V, сцена 1*

Часть первая

Отличный человек

Глава первая

Я умер, как только часы в коридоре пробили девять.

Кое-кто утверждает, что её величество Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, запретила часы с боем в своих дворцах. Времени не разрешено проходить. Она победила время. Но те часы пробили. Я запомнил.

Я считал удары. Девять. Потом убийца нанёс удар.

И я умер.

Мой брат считает, что есть только один способ рассказать историю.

— Начни с начала, — говорит он раздражающе-поучительным тоном. — С чего же ещё?

Вижу, начал я несколько поздно, так что нам придётся вернуться и начать заново, без пяти минут девять.

Представьте женщину, если угодно. Она уже не молода, но и не стара. Высокая, и как мне постоянно твердят, поразительно красивая. В ночь своей смерти она одета в платье из тёмно-синего бархата, расшитое множеством серебряных звёзд, и на каждой звезде жемчужинка. Спереди, под разрезом юбки, видны при ходьбе вставки муарового шёлка цвета бледной лаванды. Такой же дорогой шёлк очерчивает рукава, лаванда проступает сквозь прорези в усыпанном звёздами бархате. Юбка скользит по полу, скрывая изящные туфельки, скроенные из старинного гобелена.

Такие туфли неудобны, если не подбиты льняной тканью, а лучше атласом. На ней также высокий и жёсткий гофрированный воротник, а прекрасное лицо обрамляют волосы цвета воронова крыла, заколотые в замысловатые локоны и кудри, на них нити жемчуга под стать ожерелью на корсаже. Серебряная корона с жемчугом подчёркивает её высокий ранг. Бледное лицо сияет странным, почти неземным светом, отражая пламя мириады свечей, глаза её подведены чёрным, а губы — алым. Она держит спину прямо, но выпячивает бёдра и откидывает плечи, чтобы обтянутая шёлком грудь, не слишком большая, но и не маленькая, притягивала взгляд. Этим вечером она притягивает много взглядов, потому что, как мне постоянно твердили, женщина удивительно прекрасна.

Прекрасная женщина в обществе двух мужчин и девушки, и один из них — её убийца, хотя она пока этого не знает. Девушка одета с таким же великолепием, как и дама, её корсаж и юбка даже дороже, переливаются бледным шёлком и драгоценными камнями. Светлые волосы подняты в высокую причёску, милое личико невинно, но это обман, потому что она мечтает заточить свою спутницу в темницу и изуродовать. Ведь она её соперница в любви, а поскольку моложе и не менее красива, то победит. Двое мужчин заворожено слушают, как младшая оскорбляет соперницу, а потом наблюдают, как она берет в руки тяжёлый канделябр на четыре свечи. Она танцует с ним, как с партнёром. Свечи мерцают и чадят, но не тухнут. Девушка грациозно танцует, потом ставит канделябр и бросает на одного из мужчин бесстыдный взгляд.

— Коли б ты знал меня, — лукаво говорит она, — то знал бы и мои печали.

— Знал тебя? — вмешивается старшая дама. — Ох, это искусство узнавания!

Сказано остроумно и откровенно, хотя голос женщины немного хриплый и с придыханием.

— Печаль же, леди, — говорит тот мужчина, что пониже ростом, — это мой конёк.

Он вытаскивает кинжал. В залитой мерцанием свечей паузе уже кажется, что он собирается вонзить кинжал в девушку, но потом поворачивается и ударяет старшую. Начинают бить часы, то механическое чудо в коридоре, и я отсчитываю удары.

Публика охает.

Кинжал скользит по талии и правой руке дамы. Она тоже охает. А потом спотыкается. В её левой руке, невидимой для потрясённой публики, зажат ножик, которым она протыкает пузырь из свиных кишок, спрятанный в простом льняном мешочке, привязанном серебристыми верёвками к поясу. Искусному поясу из кремовой лайковой кожи со вставками из алой ткани, на которых сверкают жемчужинки. Из проткнутого пузыря течёт овечья кровь.

— Зарезали меня, увы! — выкрикивает она. — Зарезали меня!

Не я писал эти строчки, а значит, не я виноват в том, что дама объявляет и без того очевидное. Девушка кричит, но не от потрясения, а от восторга.

Старшая из женщин ещё пошатывается, теперь развернувшись так, чтобы зрители могли видеть кровь. Если бы мы играли не во дворце, то не использовали бы овечью кровь — богатое бархатное одеяние слишком дорого, но ради Елизаветы, для которой времени не существует, мы должны понести расходы. И мы их несём. Кровь, пропитавшая бархатное одеяние, почти не видна из-за тёмного цвета платья, но множество пятен проступает на лавандовом шёлке, кровь брызжет на холст, которым покрыт турецкий ковёр. Женщина всё раскачивается, снова кричит, падает на колени и с последним восклицанием умирает. На случай, если кто-то решил, что она просто в обмороке, выкрикивает два последних отчаянных слова: «Я умираю!» А потом умирает.

И в этот момент часы бьют девятый раз.

Убийца снимает с головы трупа корону и с подчёркнутой любезностью подаёт молодой женщине. Потом хватает мёртвую за руку и с неожиданной силой утаскивает труп из вида.

— Оставим тело разлагаться здесь, — громко произносит он, запыхавшись под тяжестью тела. — На веки вечные.

Он прячет женщину за высокой ширмой, которая в основном служит для маскировки двери в глубине сцены. Панели ширмы расшиты переплетёнными лозами красных и белых роз.

— Да чтоб тебя чума забрала, — тихонько говорит покойница.

— В гробу я тебя видал, — шепчет в ответ её убийца и возвращается назад, к безмолвной и неподвижной публике, потрясённой внезапной смертью темноволосой красавицы.

Я и был этой дамой постарше.

Комната, где я только что помер, освещена множеством свечей, но за ширмой темно как в могиле. Я подполз к полуоткрытой двери и вернулся через неё в тамбур, стараясь не задевать саму дверь, чей верх торчит над расшитой розами ширмой.

— Господи помилуй, Ричард, — тихо сказала мне Джин. Она провела рукой по моей прекрасной юбке, заляпанной овечьей кровью. — Какая жалость!

— Это отстирается? — спросил я, поднимаясь на ноги.

— Возможно, — с сомнением произнесла она, — но прежним платье уже не будет, верно? Так жаль. Давай-ка я замочу этот шёлк.

Джин — славная женщина, вдова и наша портниха. Она ушла за

кувшином воды и тряпкой.

У стен комнаты бездельничали с десяток мужчин и мальчишек. Алан устроился поближе к паре свечей и потихоньку заучивал роль, читая слова с длинного листа бумаги. Джордж Брайан и Уилл Кемп резались в карты, используя вместо столика один из наших ящиков с реквизитом. Кемп ухмыльнулся.

— Когда-нибудь он воткнёт этот нож прямо тебе под рёбра, — сказал он мне и состроил рожу, изображая покойника. — Он бы не прочь. Да и я тоже.

— И тебя чтоб чума забрала, — сказал я.

— Ты должен быть с ним любезен, — сказала мне Джин, безуспешно тыкая тряпкой в овечью кровь. — Я имею в виду, с твоим братом, — продолжила она.

Я ничего не ответил, просто стоял, пока она пыталась очистить шёлк. Одним ухом я прислушивался к игре актёров в том большом зале, где на троне сидит королева.

Я уже в пятый раз играл перед королевой — дважды в Гринвиче, дважды в Ричмонде, и теперь в Уайтхолле — и люди вечно расспрашивают, как она выглядит, а я обычно выдумываю, потому что её невозможно увидеть и описать. Свечи в основном горят там, где играют актёры, а Елизавета, милостью Божьей королева Англии, Франции и Ирландии, сидит под роскошным красным балдахином, который отбрасывает на неё тень, но даже в тени можно разглядеть белое, как крыло чайки, лицо, неподвижное и суровое, и собранные в высокую причёску рыжие волосы с золотой или серебряной короной. Обычно она сидит не шевелясь, как статуя, кроме тех мгновений, когда смеётся. Её белое лицо как будто не одобряет происходящее, но ей явно нравится пьеса, и придворные наблюдают за ней, как и мы, пытаясь разгадать, нравится ли ей представление.

Грудь у нее тоже белая, под стать лицу, как я знаю, она использует свинцовые белила — эта паста делает кожу такой белой и гладкой. Декольте у неё низкое, как у юной девы, соблазняющей мужчин намёком на бледную грудь, хотя, клянусь богом, она стара. Она не выглядит старой, сверкая в огнях свечей дорогими тканями, усыпанными драгоценностями. Старая, неподвижная, бледная — настоящая королева. Мы не смели на неё смотреть, ведь если поймать её взгляд, то исчезнет та иллюзия, что мы создаём, но я старался

посмотреть украдкой и видел белое лицо над надушенной публикой в нижних рядах.

— Может, придётся пришить к юбке новый шёлк, — тихо сказала Джин и поёжилась в порыве ветра, принесшего брызги дождя через высокие окна прихожей. — Мерзкая ночка на улице. Льёт как из ведра.

— Когда уже закончится эта дурацкая пьеса? — спросил Уилл Кемп.

— Через пятнадцать минут, — ответил Алан, не отрываясь от газеты.

Из большого зала появился Саймон Уиллоби. Он играл девушку, мою соперницу. Он ухмылялся. Саймон, хорошенький шестнадцатилетний юнец, бросил Джин свою диадему, а потом покрутился, так что замерцала яркая юбка.

— Неплохо сегодня сыграли! — радостно заявил он.

— Ты всегда хорош, Саймон, — ласково сказал Уилл Кемп.

— Не так громко, Саймон, не так громко, — с улыбкой предостерег Алан.

— Ты куда? — спросила у меня Джин.

Я направился к двери во двор.

— Надо отлить.

— Смотри, не намочи бархат, — шикнула она. — Вот, возьми!

Она принесла тяжелый плащ и накинула мне на плечи.

Я вышел во двор, где на булыжниках бурлила вода, и постоял под деревянной аркадой, похожей на дешёвую монастырскую. Я поёжился. Приближается зима. На дальнем конце двора находились арочные ворота, там слабо чадили два факела. В углу аркады мелькнула тень. Наверное, крыса или дворцовая кошка. Чума побери этот дворец, как и её величество, для которой время не существует. Она любит, когда пьесы начинаются в разгар дня, но это представление отложили из-за встречи с послом, так что теперь мне предстоит добираться домой по сырости, холоду и в темноте.

— Я думал, тебе надо отлить. — Саймон Уиллоби последовал за мной во двор.

— Просто хотел глотнуть свежего воздуха.

— Жарковато там, — сказал он, задрал прекрасную юбку и стал мочиться в дождь, — но мы хорошо сыграли, правда?

Я промолчал.

— Видал королеву? — спросил он. — Она смотрела на меня!

Я опять промолчал, потому что мне нечего было сказать. Конечно, королева смотрела на него. Она на всех нас смотрела. Это ведь она нас позвала!

— Видал, как я танцевал с канделябром? — спросил Саймон.

— Ага, — коротко отозвался я и пошёл прочь от него по аркаде, на дальний конец двора. Я знал, что он хочет услышать похвалу, ведь юный Саймон жаждет похвалы, как шлюха серебро, но ни один комплимент его не удовлетворит. Не считая этого, он вполне приличный мальчишка, хороший актёр, а его длинные светлые локоны заставляют мужчин вздыхать, когда он играет девушку.

— Это была моя идея, — прокричал он вдогонку, — танцевать с канделябром как с женщиной!

Я его проигнорировал.

— Хорошо же получилось, правда? — с мольбой спросил он.

Я уже находился в дальнем углу двора, в глубокой тени. Сюда не добирались отблески факелов из-под ворот. Справа находилась едва заметная дверь, и я осторожно её открыл. За дверью тьма была ещё более густой. Я понял, что пространство там совсем крохотное, но не вошёл, просто вслушивался, однако не слышал ничего кроме завывания ветра и бесконечной дробы дождя. Я надеялся что-нибудь украсть, что-нибудь на продажу, небольшое, чтобы легче спрятать. В Гринвичском дворце я нашел мешочек с жемчугом, который кто-то, видимо, обронил, он лежал в тени под гобеленовым креслом в коридоре, и я спрятал мешочек под юбками, а потом продал жемчуг аптекарю — тот размалывал жемчуг и лечил им безумие, так он сказал. Он заплатил мне куда меньше истинной стоимости, зная, что жемчуг краденый, но сумма всё равно превысила мое месячное жалование.

— Ричард? — позвал Саймон Уиллоби.

Я молчал. Из темной комнатки смердило, как будто здесь хранили корм для лошадей и он подгнил. Я решил, что красть здесь нечего, и закрыл дверь.

— Ричард? — снова окликнул меня Саймон.

Я молчал и не шевелился, зная, что невидим в тёмном плаще. Саймон мне нравился, но я был не в настроении твердить ему, как хорошо он играл.

Потом дверь в дальнем конце двора распахнулась, впуская свет

фонаря в залитый дождём двор. Сначала я решил, что один из актеров явился сказать, что мы там нужны, но это оказался человек, которого я никогда прежде не видел. Он был молод, и он был богат. Богатство легко распознать по одежде, а этот мужчина носил камзол из блестящего жёлтого шёлка, подбитый синим. Чулки на нём были жёлтые, высокие сапоги — коричневые и блестящие. Он носил шпагу и синюю шляпу с длинными перьями, золото на шее и ещё больше — на поясе, но самым заметным в нём казались длинные и светлые, почти белые волосы. Я подумал — может, это парик?

— Саймон? — позвал молодой человек.

Саймон Уиллоби ответил нервным хихиканьем.

— Ты один?

— Думаю, да, милорд.

Саймон слышал, как я открыл и закрыл дверь, и видимо решил, что я ушёл во дворец. Потом дальняя дверь затворилась, и незнакомец погрузился в темноту. Я совершенно затих — просто ещё одна тень среди многих. Молодой человек подошёл к Саймону, и в мерцающем свете факелов у ворот я разглядел на его сапогах каблуки — как на женских. Он был невысок и хотел казаться выше. Я услышал, как Саймон сказал:

— Здесь был Ричард. Но он ушёл. Думаю, он ушёл.

Незнакомец не ответил, просто прижал Саймона к стене и стал целовать. Я увидел, что он задрал юбки Саймона, и затаил дыхание. Те двое прижимались друг к другу.

В этом не было ничего удивительного, кроме того, что его милость, кем бы он ни был, не стал дожидаться окончания пьесы, прежде чем найти Саймона Уиллоби. Всякий раз, когда мы играли в одном из королевских дворцов, их милости заявлялись в гримёрку, и я наблюдал, как Саймон исчезал то с одним, то с другим. Это объясняло, откуда у Саймона Уиллоби всегда водились деньги. А у меня — нет, потому и приходится воровать.

— О да, — услышал я Саймона. — Да, милорд!

Я подкрался поближе. Туфли из гобелена тихо скользили по камням. По крыше дворца колотил ветер, а беспощадный ливень усилился до неистовства и заглушил слова тех двоих. В свете факелов я рассмотрел откинутую назад голову Саймона, его открытый рот, и по-прежнему мучимый любопытством, я подкрался еще ближе.

— Милорд! — крикнул Саймон, как будто от боли.

Его милость хмыкнул и отступил, выпустив юбку Саймона.

— Моя маленькая шлюшка, — сказал он, хотя и довольно добродушно. Даже несмотря на женские каблуки, он был не выше Саймона, а тот на голову ниже меня. — Сегодня я тебя не хочу, — сказал его милость, — но исполни свой долг, Саймон, исполни свой долг, и поселишься в моём доме.

Он добавил что-то ещё, но я не разобрал, потому что ветер обрушил поток воды на крышу галереи, а потом его милость наклонился вперед, поцеловал Саймона в щеку и вернулся в гримёрную.

Я застыл. Саймон прислонился к стене, тяжело дыша.

— Это ещё что за карлик? — спросил я.

— Ричард! — его голос прозвучал испуганно и встревоженно. — Это ты?

— Ну конечно, я. А кто такой его милость?

— Просто друг, — ответил он, и больше ему отвечать не пришлось, потому что дверь прихожей снова отворилась и оттуда высунулся Уилл Кемп.

— Эй вы, шлюхи, идите сюда, — рявкнул он. — Вы нужны! Уже конец.

Мой брат, видимо, озвучивал эпилог. Насколько я знаю, он специально написал его, чтобы вплести в конце пьесы как ленту в лошадиный хвост, и наверняка польстил королеве комплиментами.

— Пошли! — снова гаркнул Уилл Кемп, и мы оба поспешили внутрь.

В театре каждое наше представление заканчивается джигой ^[2]. Любое, даже трагедия. Мы танцуем, Уилл Кемп паясничает, мальчишки, играющие девушек, визжат. Уилл раздаёт оскорбления и непристойные шутки, публика ревёт, и трагедия забыта. Но когда мы играем для её величества, мы не пляшем и не кривляемся. Мы не шутим про члены и задницы. Вместо этого мы, как просители, выстраиваемся в ряд на краешке сцены и почтительно кланяемся, показывая, что хоть и можем притворяться королями и королевами, герцогами и герцогинями или даже богами и богинями — мы знаем наше скромное место.

Мы всего лишь актёры, и так же далеко внизу от дворцовой публики, как чудовища ада от сияющих ангелов небес. И потому этой ночью мы кланялись в знак почтения, а публика приветствовала нас

аплодисментами — поскольку сама королева одобрительно кивнула. Уверен, половина из них ненавидит театр, но они видели знак, поданный её величеством, и вежливо аплодировали. Королева лишь властно смотрела на нас, белое, как слоновая кость, лицо оставалось непроницаемым. Потом она встала, придворные затихли, мы поклонились снова, и королева ушла.

И на этом наше представление закончилось.

— Встречаемся в «Театре», — объявил брат, когда все мы наконец опять оказались в прихожей. Он хлопнул в ладоши, призывая к вниманию, поскольку понимал — говорить надо скорее, пока к нам не ввалились лорды и леди из публики. — Нам нужны все, кто участвует в «Комедии» и «Эсфири». Остальным приходить не надо.

— И музыкантам? — спросил кто-то.

— Музыканты приходят к «Театру» завтра с утра пораньше.

Кое-кто застонал.

— А когда пораньше?

— В девять, — ответил мой брат.

Актёры заныли.

— Уилл, мы будем завтра играть «Удачу мёртвого»? — спросил один из наёмных.

— Не тупи, — ответил вместо брата Уилл Кемп. — Ну как мы сможем?

Причиной такой спешки и пренебрежения была болезнь, поразившая Августина Филлипса, одного из ведущих актёров труппы, и Кристофера Бистона, его ученика, живущего в доме Августина. Они оба слишком нездоровы для работы. К счастью, Августин не играл в пьесе, которую мы только что представляли, а я выучил роль Кристофера и занял его место. Нам нужно было заменить этих двоих и в других спектаклях, хотя если дождь не прекратится, завтра в «Театре» представлений не будет. Однако об этой проблеме позабыли, едва открылась дверь в прихожую и к нам ввалились полдюжины лордов со своими надушенными леди. Брат низко поклонился. Я заметил молодого человека с длинными светлыми волосами и в сине-жёлтом камзоле и удивился, что он не обращает внимания на Саймона Уиллоби. Он прошёл мимо, и Саймон, очевидно проинструктированный на этот счёт, лишь поклонился.

Повернувшись спиной к визитёрам, я вылез из своих юбок, стащил

корсет и натянул собственную грязную рубаху. Мокрой одеждой я стер с лица и груди белила, смешанные с толчёным жемчугом, чтобы кожа блестела в свете свечей. Я отступил в тёмный угол, молясь, чтобы меня оставили в покое. А ещё я молился, чтобы нам предложили ночлег где-нибудь во дворце, хоть на конюшне, но такого предложения не сделали никому кроме тех, кто, как мой брат, жил внутри городских стен, и значит, не мог попасть домой до рассвета, пока не откроют ворота.

А всем остальным пришлось выметаться, невзирая на дождь. Когда мы уходили, была уже почти полночь, и дорога домой по северной окраине города заняла у меня почти час. Дождь всё лил, и дорога была чёрной как ночь, но я шёл вместе с тремя наёмными актёрами, а подобная компания отпугнет любого разбойника, настолько безумного, чтобы выйти из дома в такую погоду. Мне пришлось разбудить Агнес, служанку, которая спала на кухне в доме, где я снимал комнату на чердаке, но Агнес в меня влюблена, бедняжка, так что не возражала.

— Ты можешь остаться здесь, на кухне, — с притворной скромностью предложила она, — тут тепло.

Вместо этого я прокрался наверх, стараясь не разбудить вдову Моррисон, мою хозяйку, которой я слишком много задолжал, и, стянув мокрые вещи, трясся под тонким одеялом, пока в конце концов не уснул.

Утром я проснулся уставшим, замёрзшим и в сыром белье. Я натянул дублет и чулки, убрал волосы под шляпу, протёр лицо полужамерзшей тряпицей, воспользовался уборной на заднем дворе, проглотил чашку водянистого эля, стащил с кухни корочку хлеба, вдове Моррисон пообещал заплатить за аренду и вышел в холодное утро. По крайней мере, не было дождя.

До «Театра» от дома вдовы я мог добраться двумя путями. Мог повернуть налево в переулок и пойти на север по Бишопсгейт-стрит, но часто по утрам эта улица была переполнена овцами и коровами, которых гнали на городские бойни, и к тому же после дождя там по колено грязи, дерьма и навоза, так что я повернул направо и перепрыгнул через сточную канаву, опоясывающую Финсбери-филдс. Приземляясь, я поскользнулся, правая нога провалилась в тухлую зелёную воду.

— Выход с характерной грацией, — раздался язвительный голос. Я поднял голову и увидел брата, который выбрал путь на север через

Филдс вместо толкотни с испуганным стадом на улице. Его сопровождал Джон Хемингс, ещё один актёр труппы.

— Доброе утро, брат, — сказал я, поднимаясь.

Он пропустил моё приветствие мимо ушей и не предложил помочь, пока я карабкался по скользкому склону. Правую руку ожгло крапивой, и я выругался. Он улыбнулся. Джон Хемингс шагнул вперёд и протянул мне руку. Я поблагодарил его и возмущенно посмотрел на брата.

— Ты мог бы мне помочь, — сказал я.

— Точно, мог бы, — неприветливо буркнул он.

На нём был толстый шерстяной плащ и тёмная шляпа с экстравагантными полями, затенявшими лицо. Мы совсем не похожи. Я высокий, с тонкими чертами лица, чисто выбрит, в то время как у него круглое, грубое лицо с небольшой бородкой, полными губами и очень тёмными глазами. У меня ясные голубые глаза, у него — скрытные и всегда смотрят с осторожностью. Он наверняка предпочел бы пройти мимо, не обратив на меня внимания, но внезапное падение в сточную канаву заставило его заметить меня и даже заговорить.

— Юный Саймон вчера был прекрасен, — сказал он с наигранным восторгом.

— О да, он сам об этом твердил, — сказал я, — неоднократно.

Он не смог сдержать улыбку, судорогу, выдавшую удовольствие и немедленно исчезающую.

— Танец с канделябром? — продолжил он, будто не заметив моего ответа. — Отлично придумано.

Я знал, он восхваляет Саймона Уиллоби, чтобы позлить меня.

— А где Саймон? — спросил я. Мне казалось, что Саймон Уиллоби должен находиться поблизости от своего наставника Джона Хемингса.

— Я... — начал Хемингс и как будто застеснялся.

— Он пачкает простыни в чьей-то роскошной постели, — сообщил мой брат как нечто очевидное. — Как же иначе.

— У него друзья в Вестминстере, — смущенно сообщил Джон Хемингс.

Он чуть моложе моего брата, ему лет двадцать девять или тридцать, но обычно играет стариков. Он чуткий человек и знает о вражде между мной и братом, и делает всё возможное, чтобы ее смягчить, хотя и безуспешно.

Брат посмотрел на небо.

— Похоже, погода налаживается. Но медленно. Мы не сможем сегодня играть, очень жаль, — он одарил меня гаденькой улыбкой, — и ты останешься без денег.

— Но мы же репетируем? — спросил я.

— За репетиции не платят, только за представления.

— Мы ведь можем поставить «Удачу мертвеца»? — встрял Джон Хемингс, пытаясь положить конец нашей перепалке.

— Без Августина и Кристофера — нет, — ответил брат.

— Ну да, конечно нет. Какая жалость! Мне нравится эта пьеса.

— Она странная, — сказал мой брат, — но не без достоинств. Две пары, и обе женщины влюблены в одного мужчину! Здесь можно потанцевать.

— Так мы вставим туда танцы? — озадаченно поинтересовался Хемингс.

— Нет-нет, я имел в виду, что есть место для усложнения. Две женщины и четверо мужчин. Слишком много мужчин! Слишком! — Брат умолк и уставился на мельницы через поле. — И еще приворотное зелье! Идея таит в себе возможности, но всё неверное, всё неверно!

— Почему неверно?

— Потому что приворотное зелье стряпают отцы девушек. А это должна быть колдунья! Какой прок от колдуньи, если она не ворожит?

— У неё есть волшебное зеркало, — отозвался я, потому что именно я играл колдунью.

— Волшебное зеркало! — презрительно фыркнул брат. Он опять прибавил шаг, как будто старался оставить меня позади. — Волшебное зеркало! Шарлатанский трюк. Магия в том... — он помедлил, а потом решил, что говорить мне это — напрасный труд. — Да не важно. Мы не можем играть эту пьесу без Августина и Кристофера.

— А как идёт дело с «Вероной»? — спросил Хемингс.

Если бы я решился задать этот вопрос, на меня и внимания бы обращать не стали, но Хемингс моему брату нравился. И всё же ему не хотелось отвечать в моём присутствии.

— Почти закончена, — неопределённо сказал он, — почти.

Я знал, что брат пишет пьесу, чье действие происходит в Вероне — это город в Италии, и ему пришлось прерваться, чтобы придумать свадебное представление для нашего покровителя, лорда Хансдона. Он ворчал, что его сбивают.

— Она тебе ещё нравится? — поинтересовался Хемингс, не обращая внимания на раздражение моего брата.

— Нравилась бы больше, если бы смог закончить, — рассердился брат, — но лорд Хансдон желает свадебное представление, так что к чёрту Верону.

Дальше мы шли молча. Справа, за вонючей канавой и кирпичной стеной — «Занавес», наш конкурент. Синий флаг, развевающийся над высокой крышей, объявлял, что сегодня вечером там будет представление.

— Ещё одно представление со зверями, — презрительно произнёс брат.

В «Занавесе» уже много месяцев не ставили пьес, а сегодня не будет спектакля и в нашем «Театре». Нам нечего представлять, пока другие актёры не выучат роли Августина и Кристофера. Можно было сыграть то, что показывали вчера королеве, но за последние месяцы эту пьесу мы ставили слишком часто. А если часто показывать одну пьесу, публика способна забросать сцену пустыми бутылками из-под эля.

Мы подошли к деревянному мосту, который пересекает сточную канаву и ведёт к грубому провалу в длинной каменной стене. За этой дырой — наш «Театр», огромная деревянная башня, высокая как шпиль церкви. Построить театр было идеей Джеймса Бёрбеджа, как и сделать мост, и проломить стену, чтобы зрителям не приходилось добираться к нам по грязи через Бишопсгейт, а вместо этого выйти из города через Криплгейт и пройти через Финсбери-филдс. Этой дорогой ходило так много народа, что теперь через открытое пространство в грязи протоптали широкую дорожку.

— А этот плащ принадлежит труппе? — поинтересовался брат по пути через мост.

— Да.

— Не забудь вернуть его в гардеробную, — ехидно сказал он, останавливаясь у провала в стене. Брат пропустил вперёд Джона Хемингса, а потом, впервые с тех пор, как мы встретились у края канавы, взглянул мне в глаза. Ему пришлось смотреть вверх — я на целую голову выше.

— Ты собираешься оставаться в труппе?

— Я не могу себе это позволить, — ответил я. — Я задолжал за жильё. А работы ты мне не даёшь.

— Тогда прекрати торчать вечерами в «Соколе», — таков был его ответ.

Он пошёл вперёд, и я думал, больше он ничего по пути не скажет, но через пару шагов брат обернулся ко мне.

— Ты получишь больше работы, — рявкнул он. — Августин заболел, и его мальчишка хвораёт, придётся их заменить.

— Ты не отдашь мне ролей Августаина, — возразил я. — И я слишком стар, чтобы играть девушек.

— Ты будешь играть то, что предложат. Ты нам нужен, по крайней мере, на эту зиму.

— Я тебе нужен! — бросил я ему прямо в лицо. — Тогда плати мне больше.

Он проигнорировал моё заявление.

— Мы начинаем сегодня с репетиции «Эстер», — холодно сказал он. — Будем работать только над сценами Августаина и Кристофера. Завтра мы представляем «Эстер», и ещё будем играть «Субботнюю комедию». Надеюсь, ты придёшь.

Я пожал плечами. В «Эстер и Ксерксе» я играл Астинь, а в комедии — Эмилию. Я знал все слова.

— Ты платишь Уильяму Слаю вдвое больше, чем мне, — сказал я, — а мои роли такой же длины.

— Возможно, всё дело в том, что он вдвое лучше тебя? И кроме того, ты мой брат, — сказал он, как будто это всё объясняло. — Просто останься на зиму. А что потом? Да делай, что хочешь. Оставь мою труппу и сдохни от голода, если желаешь. — И брат пошёл дальше, к театру.

А я плюнул ему вслед. Братская любовь.

Джордж Брайан прошёл к краю сцены и поклонился так низко, что чуть не потерял равновесие.

— Благородный принц, — произнёс он, когда снова твёрдо встал на ноги. — Как велит мне долг, я буду вам служить, пока смерть не нанесёт мне поражения.

Наш суфлёр Исая Хамбл покашлял, чтобы привлечь внимание.

— Прошу прощения! Тут «пока смерть не поразит». Тут нет никакого «нанесёт». Извините!

— С «нанесёт» звучит лучше, — спокойно возразил брат.

— Это паршивое дерьмо, хоть с «нанесёт», хоть без, — сказал Алан

Раст, — но если Джордж желает сказать «нанесёт», господин Хамбл, значит, пусть «нанесёт».

— Прошу прощения, — сказал Исая со своей скамейки в глубине сцены.

— Вы были правы, делая замечание, — утешил его мой брат. — Это ваша работа.

— Я сожалею.

Джордж взмахнул шляпой и опять поклонился.

— Что-то и как-то там, — сказал он, — я буду служить вам, пока смерть не нанесёт мне поражения.

Джордж Брайан, нервный и беспокойный человек, которому каким-то образом удавалось оставаться решительным и уверенным в себе, когда зал полон, заменял больного Августина Филлипса. Репетиции связали его с Саймоном Уиллоби, который заменил в этом спектакле Кристофера Бистона.

Джон Хемингс вяло взмахнул рукой в ответ на поклон Джорджа.

— И это продлится для нашей услады в нашем саду или в месте ином.

Уилл Кемп одним мощным прыжком оказался на сцене.

— Того, кто будет пить вино, — проревел он, — и не имеет ни одной лозы, нужно отправить во Францию. И если он этого не сделает, ему нужен мозгоправ!

При слове мозгоправ он присел, с тревогой осмотрелся и схватился за бракетт ^[3], из-за чего на Саймона Уиллоби напал приступ смеха.

— Мы идём в сад? — прервал его вопросом Джордж Кемп.

— Да, в сад, — ответил Исая, — или в иное место. Так говорится в тексте, «сад или иное место». — Он махнул рукописью. — Прости, Уилл.

— Хотелось бы знать, сад ли это.

— Почему? — воинственно спросил Алан Раст.

— Мне представлять деревья? Или место без деревьев? — Джордж выглядел обеспокоенным. — Мне было бы легче.

— Представь деревья, — рявкнул Раст. — Яблони. Там, где ты встретил этого удальца, — он показал на Уилла Кемпа.

— А яблоки спелые? — спросил Джордж.

— Это важно? — спросил Раст.

— Если они созрели, — сказал Джордж, все еще обеспокоенный, —

я мог бы съесть одно.

— Это маленькие яблоки, — сказал Раст, — незрелые, как титьки Саймона.

— Разве эта история не из Библии? — вмешался Джон Хемингс.

— Мои титьки не маленькие, — оскорбился Саймон Уиллоби, выпячивая тощую грудь.

— Это из Ветхого Завета, — сказал мой брат, — вы найдете эту историю в Книге Эсфирь.

— Но в Библии нет никакого Удальца, — сказал Джон Хемингс.

— Но здесь он уж точно есть, — заявил Алан Раст, — мы можем продолжать?

— Книга Эсфирь? — спросил Джордж, — Тогда почему её зовут Эстер?

— Потому что у написавшего этот кусок дерьма преподобного Уильяма Венейблса в голове одна мякина, — напористо сказал Алан Раст. — Может, теперь все помолчите и дадите Уиллу произнести свой текст?

— Если пьеса так плоха, — опять спросил Джордж, — то почему мы снова её играем?

— Ты думаешь, мы успеем подготовить к завтрашнему дню какую-то другую пьесу?

— Нет.

— Вот поэтому.

— Начинай, Уилл, — устало произнес мой брат.

— Здесь неплотно прибитая доска, — сказал Джордж, ударяя носком по передней части сцены, — поэтому я чуть не упал, когда наклонился.

— Мне не хватает вина и мяса, — Уилл Кемп обращался к пустым галереям «Театра», — но мне сказать не лень, у пса есть день, время пришло, быть может, чтоб кое-что добыть мне тоже!

— Кое-что добыть! — Саймон Уиллоби чуть не рассмеялся. Он прибыл в «Театр» раньше меня и выглядел удивительно бодрым и оживленным.

— Ты не пошёл вчера вечером домой? — спросил я, но вместо ответа он лишь усмехнулся. — Он тебе заплатил?

— Возможно.

— Можешь одолжить немного?

— Меня ждут на сцене, — сказал он и убежал.

— Разве не должно быть «мяса и вина»? — Джордж снова вмешался в репетицию.

— Это моя реплика, — заворчал Уилл Кемп, — какое тебе дело?

Исайя всмотрелся в текст.

— Нет, сказал он, — Уилл прав, здесь «вино и мясо», прости.

Я устал, поэтому побрёл со двора через тенистый выход, где Иеремия Полл, потерявший глаз в Ирландии старый солдат, охранял внешние ворота.

— Опять дождь собирается, — сказал он, когда я проходил, и я кивнул.

Иеремия говорил это всякий раз, когда я проходил мимо него, даже в самые тёплые, сухие дни. Я услышал лязг и скрежет клинков и вышел на слабый солнечной свет, где тут же увидел Ричарда Бёрбеджа и Генри Конделла, практикующихся на мечах. Они стремительно двигались, отступали, скрещивали мечи и наносили удары. Генри рассмеялся над какими-то словами Ричарда Бёрбеджа, потом увидел меня, поднял меч, шагнул назад и жестом велел остановить тренировку. Они оба повернулись и посмотрели на меня, но я притворился, будто не заметил их, и подошёл к двери, ведущей на места для публики. Когда я вошёл, то слышал их смех.

Я поднялся по короткой лестнице на нижний балкон, откуда поглядел на сцену, где Джордж всё ещё хлопотал о яблоках или расшатавшихся досках. Потом, когда снова зазвенели мечи, я лёг. Я играл Астинь, царицу Персии, но мой выход не меньше чем через час, и я сомкнул веки.

Меня разбудил удар по ногам. Открыв глаза, я увидел нависшего надо мной Джеймса Бёрбеджа.

— Перси в твоём доме, — сказал он.

— Кто? — спросил я, пытаюсь проснуться и встать.

— Перси в твоём доме, — повторил он. — Я как раз проходил мимо.

— Они там из-за отца Лоуренса, — объяснил я, — сволочи.

— Они уже приходили?

— Сволочи приходят каждый месяц.

Отец Лоуренс, как и я, жил у вдовы Моррисон. Древний священник снимал комнату прямо под моим чердаком, которую, как я подозреваю,

вдова сдавала ему бесплатно. Ему уже за шестьдесят, он почти калека из-за больных суставов, но всё ещё здраво мыслит.

Он был католическим священником, и это достаточное основание для большинства оттащить его в клетке в Тайберн или Тауэр, и у ещё живого вырвать кишки, но отец Лоуренс был священником Марианского движения, то есть рукоположен во время правления сестры королевы, католической королевы Марии, а таким людям, если они не причиняли никаких хлопот, позволялось жить. Отец Лоуренс хлопот не доставлял, но королевские персиванты, люди, преследующие предателей-католиков, постоянно обыскивали его комнату, как будто бедный старик мог укрывать иезуита в уборной. Они ничего не нашли, потому что мой брат спрятал облачение и чаши отца Лоуренса среди костюмов и бутафории театра.

— Они ничего не найдут, — сказал я, — никогда не найдут. — Я посмотрел в сторону сцены. — Я нужен?

— Это танец еврейских женщин, — сказал Джеймс Бёрбедж, — так что нет.

На сцене Саймон Уиллоби, Билли Роули, Александр Кук и Том Белте выстроились в линию, а какой-то человек подгонял их по ногам и рукам посохом с серебряным набалдашником.

— Выше! — кричал он. — Вы здесь, чтобы показать свои ноги. Прыжок, хромые младенцы, прыжок!

— Кто это? — спросил я.

— Ральф Перкинс. Мой друг. Он учитель танцев при дворе.

— При дворе? — Я был впечатлён.

— Королева любит смотреть на правильно поставленные танцы. Как и я.

— Раз, два, три, четыре, пять, прыжок! — выкрикивал Ральф Перкинс. — Это гальярда ^[4], уличные оборванцы, а не какой-то деревенский танец! Прыжок!

— Вот же беда с Августином и его мальчишкой, — пожаловался Джеймс Бёрбедж.

— Они поправятся?

— Кто знает? Их выворачивало, они харкали кровью и совершенно истощены. Возможно. Я молюсь за них. — Он нахмурился. — Саймон Уиллоби будет занят в спектакле, пока Кристофер не поправится.

— Это ему понравится, — сказал я кисло.

— Но не тебе?

Я пожал плечами и не ответил. Я побаивался Джеймса Бёрбеджа. Он арендовал «Театр», а значит был владельцем здания, хотя и не земли, на которой оно стояло, и его старший сын по имени Ричард, прямо как я, был одним из наших ведущих актеров. Джеймс когда-то тоже играл, а до этого плотничал, и по-прежнему сохранил мускулы работяги. Он был высокий, седой, с суровым лицом, с короткой бородой, и хотя больше не играл, но оставался пайщиком, одним из восьми человек, делящих расходы и прибыль «Театра» между собой. «Он рьяно торговался, — сказал однажды мой брат, другой пайщик, — но придерживается договора. Славный человек».

Джеймс нахмурился, глядя на сцену.

— Ты всё ещё думаешь об уходе?

Я ничего не ответил.

— Генри Ланман, — решительно произнес Бёрбедж, — этот ублюдок говорил с тобой?

— Нет.

— Он тебя подстрекает?

— Нет, — повторил я.

— Но твой брат говорит, что ты хочешь уйти. Это правда?

— Я подумываю об этом, — угрюмо ответил я.

— Не дури, парень. И не дай Ланману себя соблазнить. Он теряет деньги.

Генри Ланман владел театром «Занавес», к югу от нашего. Во время выступлений мы слышали крики их зрителей, барабанный бой и трубачей, хотя в последнее время звуков стало меньше.

— Теперь он показывает драки на мечах и травлю медведей, — продолжил Бёрбедж. — Что ты будешь у него делать? Торчать там в платье и строить глазки?

— Я с ним не разговаривал, — настаивал я.

— Значит, в тебе есть капелька здравого смысла. Ему никто не пишет пьесы, и никто в них не играет.

— Я с ним не говорил, — повторил я раздраженно.

— Думаешь, тебя наймет Филип Хенслоу?

— Нет!

— У него полно актёров.

Хенслоу владел театром «Роза» к югу от Темзы и был нашим

главным конкурентом.

— Значит, это Фрэнсис Лэнгли, — продолжал Джеймс Бёрбедж, — он говорил с тобой?

— Нет.

— Он строит чудовищное здание в Банксайде, у него нет актёров и пьес. Соперники и враги, — горько произнес он.

— Враги?

— Ланман и Лэнгли? Ланман нас ненавидит. Местный землевладелец нас ненавидит. Чёртовы отцы города нас ненавидят. Лорд-мэр нас ненавидит. Ты тоже нас ненавидишь?

— Нет.

— Но думаешь об уходе?

— Я ничего не зарабатываю, — пробормотал я, — я нищий.

— Конечно, ты нищий! Сколько тебе лет? Двадцать? Двадцать один?

— Двадцать один.

— Ты думаешь, я начал с деньгами? — воинственно спросил Бёрбедж. Я отработал свое ученичество, я зарабатывал, экономил, оплатил аренду, построил это здание! Я работал, парень!

Я посмотрел во двор.

— Вы работали плотником, да?

— И притом хорошим, — с гордостью сказал он, — но начинал без денег. Всё, что у меня было — пара рук и готовность к труду. Я научился пилить, строгать и придавать форму дереву. Я изучил профессию. Я работал.

— А это единственная профессия, которую я знаю, — с горечью произнёс я и кивнул в сторону брата. — Он позаботился об этом. Но через год или около того вы меня выплюнете. Для меня больше не будет ролей.

— Ты не можешь этого знать, — сказал он, хотя и не слишком убедительно. — Так какие роли ты хочешь?

Я хотел ответить, но Бёрбедж поднял руку, приказывая мне молчать. Я обернулся и увидел, как группа незнакомцев только что вошла в здание и теперь расположилась во дворе вокруг сцены, наблюдая за скачущими там актёрами. Четыре суровых человека, у всех мечи в ножнах и белая роза лорда Хансдона на камзолах. Они грозно встали в каре, охраняя четырёх женщин. Женщина постарше, с седыми

волосами, торчащими из-под чепца, приказала мужчинам остаться на месте и шагнула к сцене, уверенно и с гордой осанкой. Мой брат, увидев её, низко поклонился.

— Миледи! — приветствовал он женщину, в его голосе сквозило удивление.

— Мы осматривали поместье в Финсбери, — резко ответила дама, — и моя внучка пожелала увидеть ваш театр.

— Мы очень вам рады, — сказал брат.

Мальчишки на сцене все как один сорвали шапки и попадали на колени.

— Хватит пресмыкаться, — резко оборвала женщина, — вы танцевали?

— Да, ваша милость, — ответил Ральф Перкинс.

— Продолжайте, — приказала она и жестом подозвала моего брата: — На пару слов.

Я знал, что это леди Энн Хансдон, жена лорда-камергера, покровителя нашей труппы. Некоторые дворяне показывали свое богатство, выходя в сопровождении свиты безупречно одетых слуг, или владели самыми быстрыми борзыми в королевстве, или роскошными дворцами и обширными парками, в то время как другие, немногие, покровительствовали театральным труппам.

Мы были домашними животными лорда Хансдона, мы играли для его удовольствия и пресмыкались, когда он изволил нас замечать. А когда мы гастролировали по стране, что происходило всякий раз, когда из-за чумы закрывались лондонские театры, имя и герб лорда-камергера защищал от мерзких пуритан, жаждущих упечь нас в тюрьму, а лучше выдворить из города.

— Пойдём, Элизабет, — приказала леди Хансдон, и её внучка, ради чьей свадьбы моему брату пришлось отложить свою итальянскую пьесу и написать что-то новое, присоединилась к бабушке и моему брату. Обе служанки ждали с охранниками, одна из них поймала мой взгляд, и у меня перехватило дыхание.

Леди Энн Хансдон и её внучка красовались в роскошных нарядах. Элизабет Кэри выглядела великолепно в юбке с фижмами из кремового полотна, под ним мерцал серебристый шёлк. Я не видел её корсаж, прикрытый короткой светло-серой накидкой, вышитой белыми розами — гербом её отца и деда. Волосы у неё были бледно-золотистыми и

покрыты лишь сеткой из серебряных нитей, на которой сияли маленькие жемчужины, кожа бледная, как сейчас модно, но для этого ей не нужны были никакие белила, поскольку её лицо было безупречным, не тронутым на щеках даже намёком на румяна.

Она улыбалась полными накрашенными губами, а голубые глаза сияли, когда она уставилась на четырёх парней, танцующих по указке мистера Перкинса. Элизабет Кэри была красавицей, но я смотрел лишь на её служанку, маленькую стройную девушку, чьи глаза наполнились восхищением от происходящего на сцене. На ней была юбка и корсаж из тёмно-серой шерсти, а на светло-каштановых волосах — чёрный чепец, но в её лице была какая-то загадка, в губах и скулах, и она даже затмила сияние Элизабет. Она покрутилась, осматривая театр, и с озорной улыбкой поймала мой взгляд, а потом снова повернулась к сцене.

— Боже правый, — пробормотал я, к счастью, слишком тихо, так что никто из женщин не услышал.

Джеймс Бёрбедж хихикнул. Я не обратил на него внимания.

Когда танец закончился, Элизабет Кэри захлопала ладонями в перчатках. Мой брат говорил с её бабушкой — та смеялась над его словами. Я уставился на служанку.

— Так она тебе нравится, — язвительно сказал Джеймс Бёрбедж. Он подумал, что я смотрю на Элизабет Кэри.

— А вам нет?

— Редкий лакомый кусочек, — согласился он, — но не пялься на неё своими чертовыми глазищами. Она выйдет замуж через пару месяцев. — Выйдет замуж за Беркли, — продолжил он, — Томаса. Это он её отымеет, а не ты.

— Что она здесь делает? — спросил я.

— Откуда мне знать?

— Может, она хочет увидеть пьесу, написанную моим братом, — предположил я.

— Он ей не покажет.

— А вы видели?

Он кивнул.

— Но почему тебе интересно? Ты же от нас уходишь.

— Я надеялся, что там есть роль для меня, — сказал я упавшим голосом.

Джеймс Бёрбедж рассмеялся.

— Там есть роли для всех! Это большая пьеса. Она должна быть большой, потому что нам нужно сделать что-то особенное для его милости. Большое и новое. Для внучки лорда-камергера не подают остывшее мясо, ей подают что-то новое. Что-то лёгонькое.

— Лёгонькое?

— Это свадьба, а не чёртовы похороны. Они хотят песни, танцы и любовников под луной.

Я оглядел двор. Мой брат жестикулировал так, будто произносил речь со сцены. Леди Энн Хансдон и её внучка смеялись, а молодая служанка широко раскрытыми глазами осматривала «Театр».

— Конечно, — продолжил Бёрбедж, — если мы будем играть представление на её свадьбе, нам понадобится репетировать на месте.

— В Соммерсет-хаусе? — спросил я.

Именно там жил лорд Хансдон.

— Чёртова крыша большого зала упала, — удивился Бёрбедж, так что, похоже, мы не будем репетировать в их доме в Блэкфрайерс.

— Где мне придётся играть женщину, — печально сказал я.

Он повернулся ко мне и нахмурился.

— Всё из-за этого? Ты устал носить юбку?

— Я слишком взрослый! Мой голос ломается.

Бёрбедж махнул, чтобы показать мне весь амфитеатр.

— Посмотри на это, парень! Древесина, гипс и обшивка. Сгнившие под дождём доски на авансцене, какие-то мазки краски, и вот это всё. Но мы превратим это в древний Рим, в Персию, в Эфес, и зрители поверят. Они будут смотреть не отрываясь, у них перехватит дыхание! Знаешь, что сказал мне твой брат? — Он схватился за мой камзол и притянул меня ближе. — Они видят не то, что видят, они видят то, что им хочется. — Он отпустил меня и криво усмехнулся. — Так говорит твой брат, но я знаю, что он имеет в виду. Когда ты играешь, они думают, что видят женщину! Возможно, ты больше не можешь играть молоденькую девушку, но как женщина в расцвете ты хорош!

— У меня мужской голос, — угрюмо сказал я.

— Ага, ты бреешься и у тебя есть член, но когда ты говоришь тонким голоском, им нравится!

— Но надолго ли? — засомневался я. — Через месяц скажете, что я подхожу только для мужских ролей, а у вас с избытком актёров-

мужчин.

— Хочешь сыграть героя? — усмехнулся он.

Я ничего не ответил. Его сын Ричард, которого я видел скрестившим мечи с Генри Конделлом, всегда играл героя в наших пьесах, и закрадывалось подозрение, что ему дают большие роли лишь потому, что его отец арендует театр, так же, как заманчиво было полагать, что он стал одним из пайщиков благодаря отцу, но по правде говоря, он был хорош. Люди любили его. Они шли через Финсбери-филдс, чтобы посмотреть, как Ричард Бёрбедж завоёвывает девушку, побеждает злодеев и наводит в мире порядок. Ричард был на три-четыре года старше меня, поэтому у меня не было шанса завоевать девушку или впечатлить публику своим фехтованием. И некоторые ученики, юноши, скачущие сейчас на сцене, становились выше ростом и вскоре могли уже играть мои роли, и тем самым экономить деньги театра, потому что ученикам платили в пенсах. Я же имел пару шиллингов в неделю, но надолго ли?

Солнце отражалось в лужах вымощенного булыжником двора. Элизабет Кэри и её бабушка придерживали юбки, проходя к сцене, а мальчишки перестали танцевать, сняли шапки и поклонились, все кроме Саймона, который изобразил сложный реверанс. Леди Энн говорила с ними, и они смеялись, затем она повернулась и вместе с внучкой направилась к входу в «Театр». Элизабет оживлённо разговаривала. Я увидел, что её волосы выщипаны со лба, линия волос стала выше на дюйм или больше, по последней моде.

— Феи, — услышал я её слова, — я обожаю фей!

Мы с Джеймсом Бёрбеджем ожидали, что дамы пройдут в нескольких шагах от галереи, где мы разговаривали, и сняли шапки, мои длинные волосы упали вокруг лица. Я зачесал их назад.

— Придётся попросить капеллана изгнать злых духов, — радостно продолжила Элизабет Кэри, — на случай, если феи останутся!

— Лучше пусть в Блэкфрайерсе поселится стайка фей, чем крыс, — отрезала леди Энн, потом заметила меня и замолчала. — Вчера вечером ты был хорош, — вдруг сказала она.

— Миледи, — произнёс я, поклонившись.

— Мне нравится красивая смерть.

— Это было захватывающе, — добавила Элизабет Кэри. Её лицо, уже и без того веселое, просветлело. — Когда ты умер, — сказала она,

отпустив юбки и прижав руки к груди, — я этого не ожидала, и я была так... — она колебалась, не находя слов, — подавлена.

— Благодарю, миледи, — покорно сказал я.

— Так странно видеть тебя в камзоле! — воскликнула она.

— В экипаж, моя дорогая, — прервала её бабушка.

— Ты должен играть царицу фей, — приказала мне Элизабет Кэри с насмешливой безжалостностью.

Глаза молодой служанки расширились. Она уставилась на меня, а я уставился в ответ. Глаза у неё были серые. Мне показалось, что я снова увидел намёк на улыбку, подозрительное озорство в её лице. Она насмеялась надо мной из-за того, что мне придётся играть женщину? Затем, понимая, что могу оскорбить Элизабет Кэри своим невниманием к ней, я поклонился во второй раз.

Ваша милость, — сказал я, поскольку не нашёл других слов.

— Идём, Элизабет, — приказала леди Энн. — И ты, Сильвия, — резко добавила она сероглазой служанке, все ещё смотревшей на меня.

Сильвия! Самое прекрасное имя, которое я когда-либо слышал.

Джеймс Бёрбедж рассмеялся. Когда женщины и их охрана ушли, он натянул шляпу на седые волосы. — Подавлена, — сказал он. — Подавлена! У девушки есть мозги.

— Мы ставим пьесу о феях? — спросил я с отвращением.

— О феях и безумцах, — сказал он, — и она ещё пока не закончена. — Он помолчал, почёсывая короткую бородку. — Но, может быть, ты прав, Ричард.

— Прав?

— Возможно, пришло время дать тебе мужские роли. Ты высокий! Это не имеет значения для ролей вроде Астинь, потому что она царица. Но высокий рост больше подходит для мужских ролей. — Он нахмурился, глядя на сцену. — Саймон не очень высокий, правда? Едва дотягивает до задницы карлика. А твой голос станет глубже с возрастом, и ты хорошо играешь. — Он поднялся по галерее к внешнему коридору. — Ты хорошо играешь, так если мы дадим тебе мужскую роль в свадебной пьесе, ты останешься на зиму?

Я колебался, потом вспомнил, что Джеймс Бёрбедж был человеком слова. Тяжёлым, как сказал мой брат, но честным.

— Это обещание, мистер Бёрбедж? — спросил я.

— Почти, если я могу давать обещание, да. — Он плюнул на свою

руку и протянул её мне. — Я приложу все усилия, чтобы в свадебной пьесе ты играл мужчину. Это я обещаю.

Я пожал ему руку и поблагодарил его.

— Но сейчас ты — царица чёртовой Персии, так что поднимайся на сцену и будь царственным.

Я поднялся на сцену и был царственным.

Глава вторая

Суббота.

Погода прояснилась, обнажая бледное небо, в котором раннее зимнее солнце отбрасывало длинные тени даже в полдень, когда наперебой звенели колокола городских церквей. С востока неслись большие косматые облака, но не было намёка на дождь, и прекрасная погода означала, что можно давать представление, и когда закончилась какофония полуденных колоколов, наш трубач, стоя на башне «Театра», заиграл фанфары, и поднятый флаг с красным крестом Святого Георгия означал, что мы представляем пьесу.

Первые зрители начали приходить ещё до часа дня. Они шли по Финсбери-филдс, сначала понемногу, но поток нарастал — мужчины, женщины, ученики, торговцы и дворяне, все пришли из Криплгейта. Другие поднялись с Бишопсгейта и повернули вниз по узкой тропинке, ведущей мимо лошадиного пруда к театру, где одноглазый Иеремия стоял у входа с запёртым ящиком с прорезью на крышке, а двое хмурых мужчин, вооружённых мечами и дубинками, охраняли старого солдата и его ящик. Каждый зритель бросал через прорезь пенс. Три шлюхи из таверны «Дельфин» продавали лесные орехи рядом с «Театром». Слепой Майкл под охраной огромного глухонемого сына продавал устрицы, а Гарри Вилка продавал бутылки эля. Толпа, как всегда, была в приподнятом настроении. Люди приветствовали старых друзей, болтали и смеялись, пока заполнялся двор.

Люди побогаче пошли к двери поменьше, заплатив два пенса, и поднялись по лестнице в галерею, где ещё за один пенни могли взять подушку для жёстких дубовых скамеек. Женщины наклонились над верхней балюстрадой и уставились на буржуа, а некоторые молодые люди, в основном изящно одетые, пристально смотрели в ответ. У многих мужчин, заплативших пенсы, чтобы стоять во дворе, не было намерения там оставаться. Вместо этого они просматривали галереи в поисках симпатичных женщин, и разглядев понравившихся, платили больше пенсов, чтобы подняться по лестницам.

Уилл Кемп уставился через щёлку.

— Прилично набралось народу, — отметил он.

— Сколько? — спросил кто-то.

— Тысячи полторы? — предположил он. — И они всё ещё идут. Я удивлён.

— Удивлён? — спросил Джон Хемингс. — Почему?

— Потому что, эта пьеса дерьмовая, вот почему. — Уилл отступил от щёлки и взял пару ботинок. — И всё же я люблю играть в дерьмовых пьесах.

— Господи боже, любишь? Почему?

— Потому что тогда мне не приходится смотреть эту дрянь.

— Джин, — позвал кто-то из тени, — этот чулок рваный.

— Я принесу тебе другой.

Трубач заиграл фанфары ещё чаще, каждая трель весело приветствовалась собравшейся толпой.

— Напомни мне, что за джигу мы играем сегодня? — спросил Генри Конделл.

— «Иеремию», — ответил Уилл Кемп.

— Опять?

— Им нравится, — огрызнулся Уилл.

Джордж Брайан дрожал в углу комнаты. Дрожал не от холода, а от нервозности. Одна нога бесконтрольно дёргалась. Он моргал, кусая губу, пытаясь вполголоса произнести свои реплики, но вместо этого заикался. Джордж всегда боялся перед представлением, хотя как только выходил на сцену, становился смелым. Ричард Бёрбедж упражнялся в другом углу, встряхивая руками и ногами для акробатической подготовки, а в это время блистательный Саймон Уиллоби с высоко уложенными волосами, увешанными стеклянными рубинами, в юбке цвета слоновой кости кружился взад-вперёд посреди гримёрки, пока Алан Раст не велел ему успокоиться, после чего Саймон обиженно отступил в дальнюю часть комнаты, сел на бочку и принялся ковырять в носу.

Мой брат спустился по лестнице, очевидно, из конторы, откуда взяли ящики с деньгами, чтобы вынуть выручку.

— Семь молодых лордов на сцене, — довольно сказал он.

Сидеть на краю сцены стоило шесть пенсов, а значит, пайщики только что заработали три шиллинга и шесть пенсов с семи жёстких стульев. Мне повезло заработать три шиллинга и шесть пенсов за неделю, а скоро, когда из-за зимней погоды театр надолго закроется, я

буду рад заработать и шиллинг.

Джин, наша швея, побрила меня. Это было второе бритье в тот день, холодная вода обожгла кожу, когда она брила подбородок, верхнюю губу, щёки, и затем линию волос для увеличения лба. Пинцетом она придала форму бровям, потом велела откинуть голову назад.

— Я это ненавижу, — сказал я.

— Не суетись, Ричард! — Она окунула деревянную лопатку в маленькую баночку. — И не моргай! — Она держала лопатку над правым глазом. Капля жидкости попала мне в глаз, и я моргнул. Защищало. — Теперь другой, — сказала она.

— Они называют это смертельным паслёном, — сказал я.

— Глупенький. Это просто сок белладонны. — Она капнула вторую каплю в левый глаз. — Так. Порядок.

Помимо того, что белладонна щипала и на время расплывалось зрение, она расширяла зрачки, и глаза казались больше. Я держал их закрытыми, пока Джин покрывала моё лицо, шею и верх груди белилами, из-за которой моя кожа выглядела белой как снег.

— Теперь чёрный, — радостно сказала она и пальцем намазала пасту из свиного жира и сажи вокруг глаз. — Прекрасно выглядишь!

Я заворчал, а она рассмеялась. Она вытащила другую баночку из бездонной сумки и низко наклонилась.

— Кошениль, милый, не говори Саймону.

— Почему?

— Я дала ему марену, потому что это дешевле, — прошептала она и намазала мои губы пальцем, сделав их красными как вишни.

Я больше не был Ричардом, я был Астинь, царицей Персии.

— Подари нам поцелуй! — обратился ко мне Генри Конделл.

— Боже милостивый, — пробормотал Джордж Брайан и наклонил голову между колен. Я подумал, что его вырвет, но он сел и глубоко вздохнул. — Боже милостивый, — повторил он.

Мы не обращали на него внимания, мы уже это видели и слышали, и знали, что он будет играть так же хорошо, как прежде. Мой брат прижал к груди нагрудный щит и позволил Ричарду Бёрбеджу пристегнуть ремни.

— Должен быть и шлем, — сказал мой брат, пожимая плечами, чтобы привыкнуть к только что пристегнутому щиту. — Где шлем?

— В меховом сундуке, — отозвалась Джин, — у чёрного хода.

— Что он там делает?

— Хранится в тепле.

Я поднялся по деревянной лестнице в верхнюю комнату, где хранилась большая часть костюмов и немного сценической мебели, а музыканты настраивали инструменты.

— Ты здорово выглядишь, Ричард, — поприветствовал меня Филипп, главный музыкант.

— Вставь лютню себе в задницу и поверни, — сказал я ему. Мы были друзьями.

— Сначала подари нам поцелуй.

— Потом поверни её ещё раз, — договорил я и посмотрел через балконную дверь.

В тот день музыканты играли на балконе, и игравший на тамбурине уже стоял там.

— Приятная, взрослая публика, — сказал он и простучал палочками по коже тамбурина, толпа внизу взревела.

Я вернулся в комнату и взобрался по лестнице на крышу башни. Я выглядел неуклюжим в длинных, тёмных юбках, но приподнял их и медленно поднялся по ступенькам.

— Я вижу твой зад, — прокричал Филипп.

— Тебе повезло, музыкант, — сказал я и выбрался через люк на площадку, где стоял трубач Уилл Тойер.

Уилл усмехнулся.

— Я тебя ждал, — сказал он.

Уилл знал, что я приду к нему, потому что для меня подниматься на шаткую платформу перед выступлением было чем-то вроде суеверия. Каждый раз, когда я играл в «Театре», мне приходилось подниматься на башню. Для этого не было никакой причины, кроме твёрдой уверенности, что я буду плохо играть, если не взберусь по лестнице в тяжёлых и громоздких юбках. У всех актеров свои суеверия. Джон Хемингс носил заячью лапку на серебряной цепочке, Джордж Брайан дрожащими и трясущимися руками дотрагивался до балки на потолке, Уилл Кемп целовал швею Джин, а Ричард Бёрбедж вытаскивал меч и целовал клинок.

Мой брат притворялся, что у него нет никакого ритуала, но думая, что никто не смотрит, он перекрестился. Он не был папистом, но когда

Уилл Кемп обвинил его в том, что он поцеловал грязную задницу Великой шлюхи Вавилона, мой брат просто рассмеялся.

— Я делаю это, — объяснил он, — потому что это первое, что я когда-то сделал на сцене. По крайней мере, самое первое, за что мне заплатили.

— И что это была за роль?

— Кардинала Пандульфа. ^[5]

— Ты играл это дерьмо?

Брат кивнул.

— Первая пьеса, в которой я играл. По крайней мере, как оплачиваемый актер. «Тяжелое царствование короля Иоанна», и кардинал Пандульф постоянно крестился. Это ничего не значит.

— Это значит Рим!

— А раз ты целуешь Джин, это означает любовь к ней?

— Не дай бог!

— Могло быть и хуже, — сказал мой брат, — она хотя бы труженица.

— И слушком усердная! — услышала разговор Джин. — Мне нужна помощница. Один человек не может делать всё.

— Но может попытаться, — проворчал Уилл Кемп.

— Чёртово животное, — пробормотала Джин.

Суеверия, будь то подниматься на башню, креститься или целовать швею, были едва ли бессмысленны, потому что все мы верили, что они отвратили от театра демонов, из-за которых мы забывали слова, которые приносили нам угрюмую публику или заклинивали люк на сцене, что иногда происходило в сырую погоду.

Я немного постоял на площадке башни. Ветер дул порывами, развевая наверху флаг с красным крестом. Я посмотрел на юг и увидел, что в театре «Занавес» нет флага и нет трубача, это означало, что в этот чудесный день они даже не устраивали представление со зверьём. За пустым театром внизу чернел город с вездесущим дымом. Когда Уилл Тойер еще раз проиграл фанфары, чтобы разбудить зрителей, которых хорошо подбадривал звук, я вздрогнул.

— Это их разбудит, — радостно сказал Уилл.

— Меня-то разбудило, — откликнулся я.

Я смотрел на север, за башни церкви Святого Леонарда, в сторону зелёных холмов за деревней Шордич, где вдоль лесов и изгородей

мчались тени облаков. Во дворе и на галереях шумела публика. Театр почти заполнился, значит, пайщики получают шесть-семь фунтов, а мне заплатят шиллинг.

Я спустился по лестнице.

— У тебя есть ритуал? — спросил я Фила.

— Ритуал?

— То, что нужно делать перед каждым выступлением.

— Я смотрю тебе под юбки!

— Нет, кроме этого.

Он усмехнулся.

— Я целую крумхорн ^[6] Роберта.

— Правда?

Роберт, друг Фила, поднял инструмент, который выглядел как короткий пастуший посох.

— Он его целует, — сказал он, — а я в него дую.

Другие музыканты засмеялись. Я тоже засмеялся, затем спустился по лестнице и увидел Исайю Хамбла, суфлёра, закрепляющего лист бумаги на правой двери.

— Ваши входы и выходы, господа, — объявил он, как обычно.

Все знали, когда входить, но было приятно осознавать, что список там. Ещё приятнее было видеть Шалуна, злобного театрального кота, ожидающего у той же двери. Все, кто выходили через эту дверь, гладили Шалуна, чтобы держать демонов в страхе. И если Шалун злобно выпускал когти и царапал до крови, это считалось особенно хорошим предзнаменованием.

— Мне нужно отлить, — сказал Томас Поуп.

Ему вечно нужно помочиться перед спектаклем.

— Помочись в штаны, — проворчал Кемп, как всегда.

— Джин! Где зелёный плащ? — прокричал Джон Дюк.

— Там же, где и обычно.

— Милостивый Иисус, — сказал Джордж Брайан.

Он заметно дрожал, но никто не попытался успокоить или ободрить его, потому что это принесло бы неудачу, и кроме того, мы все знали, что расшатавшиеся нервы Джорджа успокоятся в тот же миг, когда он пройдет на сцену, и мышь превратится во льва.

Парнишки с накрашенными белыми лицами, чёрными глазами, красными губами и в красивых платьях собрались у левой двери, их

длинным локонам придали объём и украсили лентами. Саймон Уиллоби устоял в полированный кусок металла, прибитый к двери, любуясь своим отражением. Потом трубач Уилл выдул над нашими головами шесть высоких и призывных нот, прозвучавших как сигнал на охотничьем поле. На первой городской церкви пробило два часа

— Подождите, — сказал мой брат, как всегда, и мы молча застыли, пока церкви одна за другой не пробили час, наполняя небо колокольным звоном. Пробил последний колокол, но никто не двигался и не говорил. Даже ожидающая толпа молчала. Затем где-то к югу от города зазвенел колокол на далекой церкви. Он пробил через добрую минуту за всеми остальными, но мы по-прежнему не двигались.

— Ещё подождём, — тихо сказал брат и закрыл глаза.

— Господи боже! — прошептал Джордж Брайан.

— Мне правда нужно помочиться! — простонал Томас Поуп.

— Помолчи же наконец! — проворчал Уилл Кемп, как обычно. — Не болтай!

Прошла как будто вечность, и на Святом Леонарде прозвонили два часа. Церковь к северу от нас в Шордиче всегда была последней, и зная, что её колокола были сигналом для начала представления, толпа снова зааплодировала. Над нами раздались шаги, это музыканты вышли на балкон. Наступила пауза, потом трубач протрубил последний раз и застучали сразу два барабана.

— Начнём! — сказал мой брат ожидающим мальчикам, Саймон Уиллоби открыл левую дверь, и мальчики протанцевали на сцену.

Мы были актёрами, и мы играли.

*Бурлящий ум злых недругов порою изошрён,
Добычу настигая равно хитростью и силой.
Приветлив взгляд их, но и тем коварен он —
Бывало, мысли твёрды в стороны клонил он.
И ты сама, царица, подтвержденье видела тому,
Что бедной Эстер явно тоже по уму.*

Ради справедливости должен сказать, мой брат не писал подобных глупостей, хотя видит Бог, он понаписал достаточно ерунды, которую приходилось декламировать на сцене. Мы играли «Эстер и Агасфер», и

я играл Астинь, царицу Персии, хотя был одет в красивую современную одежду, единственная уступка библейской обстановке — отороченный мехом большой льняной плащ, красиво закручивающийся, когда я поворачивался. Плащ был тёмно-серым, почти чёрным, потому что я играл злодейку, героиней была Эстер, пухлая шестнадцатилетняя девица в исполнении Саймона Уиллоби в бледно-кремовом плаще.

Бог знает, почему героиню называли Эстер, ведь на самом деле ее звали Эсфирь, но как бы она ни звалась, в пьесе она собиралась стать царицей Персии. История из Библии, поэтому нет необходимости её пересказывать, кроме как объяснить, что изменилось. В нашей версии Астинь пытается отравить Эстер, терпит неудачу, её обуревают ярость, затем она отказывается от своей короны и облизывает пухлую задницу Эстер, что я сейчас и делаю. Я стоял на коленях перед ухмыляющимся маленьким ублюдком.

— Спокойны будьте, королева, — сказал я и вложил в слово «спокойны» гораздо больше силы, чем требовалось, потому что Уиллоби, самодовольная маленькая шлюха, размахивал веером из павлиньих перьев, чтобы зрители смотрели на его размалёванное лицо, — прибежище для них и их опора — продолжил я, — и предназначены они служить в любви и страхе. Ни хитростью, ни силой враг не сможет управлять, когда могучей и влиятельной рукой его сдержать!

Малообразованная публика любила эту чепуху. Некоторые криками приветствовали меня, упавшего ниц перед Эстер, а люди побогаче на галереях аплодировали. Они знали, что в действительности смотрят историю не из Библии. Астинь, может, и королева Персии, но она представляла Екатерину Арагонскую, в то время как Эстер была королевой Анной Болейн, и вся эта ерунда была лестью Элизабет, изображая, будто папистка Екатерина уважала законный статус протестантской матери Элизабет. Мы играли пьесу редко, потому что хотя публике эта байка вроде нравилась, она была дурацкой, но когда ерунду написал королевский капеллан, её нужно время от времени играть. Этот капеллан, преподобный Уильям Венейблс, находился в нижней галерее и сиял в убеждении, что написал шедевр.

Он думал, что мы исполняем пьесу, потому что она блестящая, но, по правде говоря, мы уповали на королевскую милость, потому что городские старейшины попытались ещё раз закрыть театры. «Театр» был построен за пределами города, поэтому у них не было власти над

нами, но они действительно обладали влиянием. Нас называли рассадником греха и ареной разложения, «что, конечно, абсолютно точно», любил говорить мой брат.

— И в монастырь тебя бы нужно передать, — игривый Мордехая мой брат ударил меня по ребрам, — чтобы без усталости молиться и мир созерцать.

И после этого два персидских стражника в шлемах с забралом и нагрудниками, вооруженные мощными алебардами, подняли меня на ноги и отвели в гримерку. Пьеса закончилась.

— Ох, Ричард, — сказала Джин. — Посмотри на свой корсаж. Все порвано! Давай я прикреплю его булавкой.

— Это из-за Джорджа Брайана, — сказал я, — он чертовски меня подставил.

Я иногда удивлялся преподобному Уильяму Венейблсу. В библейской истории злодей Хаман обвиняется в нападении на Эстер, но этого преподобному показалось мало, он добавил сцену, где мерзавец чуть не изнасиловал Астинь. Сцена не имела никакого смысла, потому что Хаман и Астинь — предположительно союзники, но, так или иначе, публика её обожала. Джордж Брайан, вся нервозность которого ушла, вцепился в меня к вящей радости публики. Та убеждала его стащить с меня юбки и показать всем мои ноги, но мне удалось вставить колено между его бёдрами и с силой его пнуть. Он совсем затих, и вероятно, публика подумала, что он получил ещё большее удовольствие, а я оттолкнул его и одновременно выкрикнул следующую реплику, которая вызвала аплодисменты.

Публика любила меня. Я это знал. И сейчас знаю. Даже когда я играю злодея, меня подбадривают. Всегда есть несколько грубиянов, кричащих, чтобы я показал сиськи, но их быстро затыкают другие. Грубияны отрываются по полной в конце, когда мы исполняем джигу, совершенно отдельную пьесу, она задумана, чтобы отправить зрителя домой счастливым. Публика захлопала, когда закончилась пьеса, а потом закричала, чтобы актёры вернулись на сцену. Фил с музыкантами сыграли веселую мелодию, но призывы к нашему возвращению становились все громче, а когда большая центральная дверь из артистической комнаты распахнулась, и на сцену вышли мальчики, кто-то восторженно крикнул.

Когда к джиге подключился Саймон Уиллоби, ещё в костюме

царицы Эстер, раздался приветственный рёв, но он стал вдвое громче, когда танцевал я. Я обращался к ухмыляющимся лицам, кружась на авансцене, поднимая юбки и подмигивая краснолицему мяснику, который пристально смотрел на меня. Эта джига называлась «Иеремия и молочная корова», и её написал Уилл Кемп, игравший ослепшего на войне солдата, вернувшегося домой в поисках жены. А жена сбежала с фермером, которого играл мой брат.

Фермер предлагал солдату других девушек. Иеремия, хотя и слепой, понял, что ни одна из девушек не его жена, пока в конце концов мой брат не предложил ему корову Бесси, которую играл я. Я строил рожки пальцами и мычал, и убежал от Уилла Кемпа, который наконец поймал меня за бёдра, повернул и дал пинка под зад, что опять привело толпу в восторг.

— Я узнаю эту задницу где угодно! — взревел Кемп.

Я замычал, когда он снова меня пнул, толпа засмеялась, а Уилл время от времени врезался в меня и продолжал кричать, что наконец нашел свою жёнушку. Наконец, он отпустил меня и разразился чередой непристойных шуток, а я вернулся, чтобы присоединиться к танцу с другими актерами. Мне удалось наступить на плащ Саймона, он споткнулся и чуть не рухнул. Представление удалось.

— Вы, вы были... — преподобный Венейблс пришел в артистическую после пьесы и теперь махал руками, как будто не мог найти подходящие слова. Он разговаривал со всеми полураздетыми актёрами. — Вы были великолепны! — сказал он. — Просто блистательно! Ричард, дорогой, — он бросился ко мне, и не успел я уклониться, как он положил руки мне на щеки и поцеловал, — это лучшее, что я видел в твоём исполнении! И ты, милый Саймон, — и он отошёл, чтобы поцеловать Уиллоби, — я скажу её величеству о вашей преданности, — сказал преподобный, лучезарно глядя на нас и обратился к моему брату: — Я написал ещё одну пьесу. «Юдифь и Олоферн».

Брат ответил не сразу.

— Меня переполняет счастье, — сухо сказал он.

— И молодой Ричард, — пальцы преподобного коснулись моего плеча, — будет превосходно смотреться в роли Юдифи. Хотя дорогой Саймон может сыграть её сестру.

— У Юдифи была сестра? — спросил брат, очевидно озадаченный.

— Не было в «Общепринятой Библии», — сдержанно сказал Венейблс, — а в моей пьесе есть. Нельзя иметь слишком много любимых, правда?

Он улыбнулся Саймону, а тот должным образом изогнулся и улыбнулся.

Мой брат выглядел усталым.

— Разве Юдифь не отрезала Олоферну голову? — спросил он.

— Мечом!

— Казни, — предупредил мой брат, — чудовищно трудно ставить на сцене.

— Но вы можете это сделать! — воскликнул Венейблс. — Вы же волшебники. Вы все... — он запнулся от огорчения, будто не мог найти правильного слова, чтобы оценить нас, — вы все чародеи!

Что это за игрушка, которая превращает мужчин и женщин в дрожащих щенков? Мы занимаемся одним притворством. Мы рассказываем истории. Но после представления зрители заглядывают в дверь артистической уборной, желая увидеть нас, желая поговорить с нами, как будто мы святые, прикосновение к которым может вылечить их болезнь. Но какую болезнь? Глупость? Скуку? Преподобный Уильям Венейблс, очевидно, был очарован нами, театром и, как он считал, некоего рода лёгким очарованием. Он коснулся моего локтя.

— Дорогой Ричард, — пробормотал он, — можно на пару слов?

Он схватил меня за плечо и потащил к двери на сцену. Я секунду сопротивлялся, но для невысокого, худого человека он был на удивление сильным и потащил меня, в то время как Саймон Уиллоби ухмыльнулся, а мой брат выглядел удивлённым.

Преподобный провел меня через левую дверь на сцену, где остановился и посмотрел во двор, там Иеремия подметал с булыжников скорлупу фундука и раковины устриц. Кот Шалун лежал в пятне слабого солнечного света и лизал потрёпанную лапу.

— Я слышал, ты собираешься покинуть труппу, — произнёс преподобный, — это правда?

Неожиданный вопрос меня смутил.

— Возможно, — пробормотал я. По правде говоря, у меня не было никаких планов, никаких предложений другой работы и никакого будущего. Моя угроза уйти от людей лорда-камергера была всего лишь обидой, попыткой вызвать сочувствие у брата в надежде, что он даст

мне мужские роли и хорошее жалованье. — Я не знаю, сэр, — угрюмо добавил я.

— Почему ты уходишь? — резко спросил он.

Я колебался.

— Я хочу отрастить бороду, — наконец сказал я.

При этих словах он рассмеялся.

— Было бы так жаль! Но я тебя понимаю.

— Понимаете?

— Ох, дорогой мальчик, разве это не очевидно? Ты становишься старше. Твой голос подходит пожилой женщине, но как долго это будет продолжаться? И какие мужские роли для тебя есть? Ричард и Генри тебе не уступят, верно? Это они играют молодых и красивых героев, верно? И Александр и Саймон наступают на пятки, они оба настолько талантливы. — Он с сожалением улыбнулся. — Может, выйдешь в море?

— Я не моряк, — ответил я. Я видел море лишь однажды, и этого мне хватило.

— Да, ты не моряк, — страстно сказал Венейблс, — ты актёр и очень хороший актёр.

— Я? — спросил я голосом, похожим на голос Саймона Уиллоби.

— В тебе есть изящество на сцене, ты наделен красотой и говоришь отчётливо.

— Спасибо, сэр, — сказал я голосом Астинь, — но у меня нет бороды.

— Тебе не нужна борода, — сказал он и опять взял меня за руку, направляя к авансцене.

— Я не могу её отрастить, потому что пока мне приходится играть женские роли. Но Джеймс пообещал мне мужскую роль.

Он отпустил мою руку.

— Джеймс Бёрбедж обещал тебе мужскую роль? — его тон был неожиданно суровым.

— Да, сэр.

— Какую?

— Не знаю.

— И в какой пьесе?

Он разговаривал грубовато, и я вспомнил, как мой брат говорил, что преподобного Уильяма Венейблса легко недооценить.

— Он производит впечатление дурачка, — говорил брат, — но живёт при дворе, а её величество не любит ни священников, ни дураков.

— Ей не нравятся священники? — удивленно спросил я.

— После того, как с ней обращались епископы её сестры? Она их презирает. Считает, что церковники приносят ненужные проблемы, а она ненавидит ненужные проблемы. Но ей нравится Венейблс. Он её забавляет.

Преподобный Уильям Венейблс не забавлял меня. Он опять схватил меня за локоть и наклонился слишком близко. Я попытался отстраниться, но он крепко меня держал.

— Какая пьеса? — потребовал он во второй раз.

— Свадебная пьеса, — сказал я ему, — для внучки лорда-камергера.

— А! Ну конечно. — Он ослабил хватку и улыбнулся. — Новая пьеса, как восхитительно! Ты знаешь, кто её написал?

— Мой брат, сэр.

— Конечно, он, — по-прежнему улыбаясь, произнес Венейблс. — Скажи, Ричард. Ты слышал о Ланселоте Торренсе?

— Нет, сэр.

— Ланселот Торренс — третий граф Лечлейда и довольно замечательный молодой человек. — Я почувствовал, что именно поэтому он вывел меня на пустую сцену, где никто не мог подслушать разговор, и это впечатление усилилось, когда Венейблс понизил голос. — Его дед разбогател при короле Генри, дал огромные деньги королю, и вдруг кофейного торговца из Бристоля произвели в графы. Всемогущий Бог иногда ошеломляет, но должен признаться, что молодой Ланселот ценит титул и у молодого Ланселота есть деньги. — Он помолчал, лукаво улыбаясь. — Ты любишь деньги, юный Ричард?

— Кто ж их не любит?

— Твой брат называет тебя вором.

Я покраснел.

— Это неправда, сэр, — сказал я с излишним пылом.

— Какой молодой человек не вор? А на сцене ты крадёшь наши сердца! — Он широко улыбнулся. — Ты молодец.

— Спасибо, — неуклюже сказал я.

— И Ланселот Торренс, третий граф Лечлейда, хотел бы иметь труппу актеров, а у молодого человека есть деньги, большие деньги.

Думаю, он посчитал бы тебя самым ценным актёром любой труппы, которой посчастливилось похвастаться его покровительством. — Он посмотрел на меня, ожидая ответа, но я не знал, что сказать. — Он знает о тебе, — скромно добавил он.

При этих словах я рассмеялся.

— Уверен, что не знает.

— А я уверяю, что знает, или, скорее, его деловой партнер знает. Я снабдил его списком актёров, подходящих для его нового театра.

— У него есть театр?

— Конечно! Труппе нужен театр, и только самый лучший удовлетворит юного Ланселота. Кто, по-твоему, платит за это уродство на Банксайд?

Я пытался вспомнить имя человека, строящего новый театр, с которым, как беспокоился Джеймс Бёрбедж, я мог говорить.

— Фрэнсис Лэнгли?

— У Лэнгли есть деньги, но даже если бы он владел каждым борделем в Саутворке, этого было бы недостаточно. Платит маленький граф.

— Маленький? — переспросил я.

— Он красив, но невысок ростом, — объяснил преподобный, — а в тебе, мой милый, есть и то, и другое.

Я внезапно вспомнил о Саймоне Уиллоби у стены во внутреннем дворе дворца, во время дождя.

— Граф, — сказал я, но засомневался.

— Ричард?

— Он светловолосый?

— Светловолосый? — преподобный Уильям Венейблс ангельски улыбнулся. — Его локоны накручены из самого бледного золота на прялке ангела.

Значит, это граф Лечлейд был тогда с Саймоном? Конечно, я был не уверен, но это выглядело вероятным.

— Почему ты спрашиваешь? — поинтересовался преподобный.

— Задумался, видел ли его, вот и всё.

— Ты вспомнишь его, если видел.

— Вы пишете для него? — спросил я.

Венейблс как будто оскорбился.

— Твой брат больше не будет ставить моих пьес. «Эстер»

привлекает толпы, но будет ли он ставить «Сусанну и старцев»? Нет! Или «Давида и Вирсавию»? Нет!

— А Лэнгли будет? — спросил я.

— Фрэнсис и граф ценят качество, — сказал он напряженно, — но им нужны другие пьесы. — Он повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. — Если бы ты отдал новую пьесу своего брата Лэнгли, то убедился бы, что тебе больше никогда не придётся красть!

Я уставился на него в таком потрясении, что потерял дар речи.

— Тебе следует поговорить с Лэнгли, — сказал преподобный.

Я не знал, что сказать. Его предложение было настолько нечестным, настолько шокирующим, что я не мог найти слов. Театральные пьесы — огромная ценность, потому что если другая труппа сможет найти копию пьесы, она же может её и сыграть. Порой, когда театры закрывались из-за чумы, труппа могла опубликовать какую-нибудь пьесу, чтобы заработать немного денег, и тогда она становилась собственностью любого желающего.

Так мы стали собственниками «Семи смертных грехов». Нам не пришлось платить деньги автору, мы просто исполняли её, когда хотели, хотя из-за слишком частых выступлений театр вскоре мог опустеть. Если труппа графа Лечлейда получит экземпляр свадебной пьесы или новой пьесы, чье действие происходит в Вероне, которую мой брат ещё пишет, они смогут исполнять эти пьесы и переманят нашу публику. Пьеса стоит восемь, девять или десять фунтов, и поэтому они под надежным замком. Украсть её — значит предать труппу, и поэтому я колебался, запинался и, наконец, уклонился от ответа, сказав, что пообещал остаться в труппе брата на зиму.

— Обещания в театрах, — даются с лёгкостью произнес преподобный Уильям Венейблс, — как поцелуи в первый майский день. Их и не счесть. Поговори с Лэнгли.

Потому что у графа были деньги.

А у меня нет.

Я не пошел к Фрэнсису Лэнгли. Лондон, может, и громадный город, но все актёры знают друг друга. Я боялся, что если Джеймс Бёрбедж или мой брат обнаружат, что я разговаривал с Лэнгли, то их обещание мужской роли в новой пьесе растает как летний туман. Заманчиво, но я не поддавался искушению.

А в понедельник явились перси.

Мы называем их перси, но они на самом деле персиванты её величества, одетые в чёрное преданные слуги, чья задача — выследить и искоренить тех римских католиков, которые хотят убить королеву и затянуть Англию обратно в лоно Римской церкви. Их возделенная добыча — иезуиты, но любой римский священник или тот, кто укрывает такого священника, может ожидать прихода персивантов, и в понедельник они явились в «Театр».

Мы репетировали «Комедию», её полное название «Комедия ошибок». Мы хорошо знали пьесу, но в воскресенье Джордж Брайан споткнулся о порог в церкви Святого Леонарда и сломал нос.

— Мы прокляты, — сказал мой брат, сообщая новости, — сначала Августин, теперь Джордж.

Репетиция проходила не очень хорошо. Наёмный актёр по имени Роберт Паллант должен был играть роль за Джорджа. Паллант был мужчиной средних лет с брюшком, бородкой клинышком и угрюмым лицом. Он нервничал, потому что играл Эгеона, открывающего пьесу чрезвычайно длинной речью, которую Паллант запомнил, но продолжал путаться. Все остальные злились.

— Давайте начнём сначала, — предложил брат после того, как Паллант запнулся в четвёртый или пятый раз.

Шесть актёров отправились на заднюю часть сцены, как будто только что вошли в дверь из артистической.

— Звучат фанфары, — произнес Алан Раст, — они замолкают, и ты входишь.

Паллант подошёл к передней части сцены.

— Кончай, — сказал он и на этом остановился.

— Господи! Ты слоняешься, как будто у тебя кость застряла в заднице! — взревел Алан Раст.

Паллант изумленно остановился.

— Чего? — начал он.

— Какая у тебя первая строчка? — проворчал Раст.

— Э-э-э...

— Иисус на кресте! Если я еще раз услышу «э-э-э» на этой сцене, то убью тебя! Убью! Говори чертову реплику!

— Кончай, Солин, мою судьбу реши; Мои мученья смертью заверши.

— Заверши наши мученья. Христос даруй нам это благословение!

И с кем ты говоришь? Молю, скажи мне!

— С герцогом.

— С герцогом! Так почему ты бродишь, как страдающий запором гусь? Герцог вон там! — и он показал на моего брата, стоящего на правой стороне сцены.

— Речь... — начал Паллант слабым голосом.

— Я прочитал проклятую речь, — прорычал Раст. — Это заняло неделю моей жизни, но я прочитал её! Господи на пуховой перине, старик! У нас нет времени наблюдать, как ты ходишь вперевалочку, и слушать бесконечную чушь. Скажи речь герцогу! Это проклятая пьеса, а не чертова проповедь в соборе святого Павла. Ей нужна жизнь, старик, жизнь! Начни сначала.

Алан Раст был новичком в труппе. Он играл с людьми лорда Пембрука, а Джеймс Бёрбедж и мой брат убедили других пайщиков взять Рута к нам.

— Он отличный актёр, — объяснил мой брат труппе, — и публика его любит. Он прекрасно справляется с постановкой. Вы заметили?

— Нет, — сказал Уилл Кемп.

Он один среди пайщиков выступал против Раста, подозревая, что у новичка такой же сильный характер, как у него самого. Кемпа не послушали, и так Раст оказался здесь, рассказывая нам, что делать на сцене, куда двигаться, как произносить реплики, как делать все то, о чем раньше спорили пайщики. Они по-прежнему спорили, конечно, но Раст внес некоторый порядок в хаос.

— Господи, будь ты неладен, — закричал Раст на Роберта Палланта, — ради бога, что ты делаешь?

— Иду к герцогу, — с надеждой сказал Паллант.

— Ты двигаешься, как страдающая запором монахиня! Если вообще двигаешься, — Раст говорил со двора, где обычно стояли зрители. — Ради Христа, двигайся! И говори одновременно! Можешь ведь так сделать, правда? Вернись к последней реплике герцога. Какая она? — обратился он к моему брату, играющему герцога Солина.

— Теперь скажи нам вкратце, сиракузец... — начал мой брат.

— Вкратце? разрази меня гром! Речь длиннее книги Бытия! А ты, — он указал на меня, — чему ты улыбаешься?

— Саймон Уиллоби только что пёрнул, — сказал я.

— Это уж точно интереснее, чем речь Эгеона, — сказал Раст.

— Я не пердел! — провизжал Саймон. — Все остальные были в обычной одежде, но малыш Саймон надел для репетиции длинную юбку. — Он метнулся к авансцене. — Я не пердел!

— Продолжим, господа? — кисло спросил Раст.

Так мы и сделали, но очень неторопливо. Я сидел на краю сцены, потому что какое-то время не участвовал в пьесе. Я играл Эмилию, жену Эгеона. Это была небольшая роль, мои слова умещались на одном листе бумаги, но мы не играли «Комедию» уже несколько недель, и я забыл многие строчки.

— Я привела к тебе, великий герцог, несчастного, терпящего от всех гонение! — повторял я про себя, пытаюсь запомнить слова.

— Иди бормочи где-нибудь в другом месте, — проворчал на меня Раст, — туда, где тебя не слышно.

Я пошел в нижнюю галерею, где разговаривал с Джеймсом Бёрбеджем. В галерее было уже человек двадцать, потому что пайщики никогда не возражали, чтобы народ смотрел репетиции. Там были подружки некоторых актёров, двое дружков и радостная стая девушек из «Дельфина». «Дельфин» — прекрасная таверна, в которой продаются эль, еда и шлюхи. И девушки зарабатывали на несколько пенсов больше, продавая фундук публике перед каждым выступлением, а потом и несколько шиллингов, взбираясь на галереи и продавая себя. Трое из них сейчас хихикали на передней скамейке, и они удостоили меня застенчивым взглядом, когда я уселся сзади над ними. Иеремия, угрюмый старый солдат, охранявший входную дверь, любил девушек и угостил каждую мешочком фундука, трещавшего под их каблуками, в то время как Роберт Паллант рассказывал историю своего кораблекрушения.

История всегда казалась мне маловероятной. Эгеон, купец, был на море вместе со своей женой, двумя сыновьями и слугами-близнецами, когда корабль врезался в скалу и всех их выбросило в бурные волны. Жену, одного сына и слугу понесло в одну сторону, а Эгеона с другим сыном и слугой в другую. Паллану потребовалась вечность, чтобы рассказать эту историю. Я закрыл глаза, и через мгновение чей-то голос произнес:

— Открой рот.

— Привет, Элис, — сказал я, не открывая глаз.

— Орешек для тебя, — произнесла она. Я открыл рот, и она

положила орех мне на язык. — Ты снова девушка? — спросила она.

— Женщина. Настоятельница.

Она просунула свою руку под мою и прижалась ко мне.

— Не могу представить тебя настоятельницей, — сказала она. Было прохладно, но хотя бы не шёл дождь. — Но ты очаровательно выглядишь в роли девушки, — продолжила она.

— Спасибо, — сказал я как можно более равнодушно.

— Приходи поработать с нами.

— Я бы с радостью, но что будет, если какой-нибудь придурок поднимет мои юбки?

— Просто отдёрни, — сказала она.

— У тебя руки будут связаны за спиной, — крикнул Раст бедному Палланту, — так что не жестикулируй!

— Он снова найдет свою жену? — спросила Элис.

— Я его жена, ага. Он находит меня в конце пьесы.

— Но ты же аббатисса! Как можно жениться на аббатиссе? Они же монахини, верно?

— Это долгая история, — сказал я.

— Но он нашёл её?

— Нашёл, и своего давно потерянного сына.

— Хорошо! А то я беспокоилась.

Ей было шестнадцать или пятнадцать, а может быть, семнадцать, хрупкая девушка из Хантингдоншира, с очень светлыми волосами, узким лицом, беличьими глазами и щуплым подбородком, но каким-то образом эти части складывались в нежную красоту. Она могла бы играть эльфа, подумал я, или фею, вот только есть самый верный способ разбудить ярость пуритан — поставить девушку на сцену. Они уже обвиняли нас в том, что мы игрушки в руках дьявола, рассадник зла и порождение сатаны. И если бы у нас не было защиты королевы и дворянства, нас давно бы беспрепятственно выгнали из города.

— Это так грустно, — сказала Элис.

— Что грустно?

— Что он потерпел кораблекрушение и потерял жену.

— Это чертовски глупо, — сказал я. — Если бы всех несло по волнам, их бы несло в одном направлении.

— Но случилось по-другому, — возразила она. — Бедный старик.

— Почему ты не отправишься домой? — спросил я.

— В «Дельфин»?

— Нет, в Хантингдон.

— Доить коров и взбивать масло? — её голос звучал с тоской. — Я потерпела кораблекрушение. Как и ты.

— Из-за моего чёртова брата, — мстительно сказал я.

— Из-за моего чёртова любовника, — эхом отозвалась она.

Её соблазнил очаровательный мошенник, человек, который бродил по деревням, продавая пуговицы, расчески и иглы, он соблазнил её мечтой о счастливой семейной жизни в Лондоне, и глупая девушка поверила каждому слову, а оказалась, что её продали в «Дельфин», где ей немного повезло, потому что это был приятный дом под управлением матушки Харвуд, проникшейся симпатией к стройной Элис. Мне она тоже нравилась.

Во внешнем дворе зацокали копыта, но я не обратил на это внимания. Я знал, что мы ждем воз досок для ремонта авансцены, и предположил, что прибыла древесина. Я снова закрыл глаза, пытаюсь вспомнить свою вторую реплику, и тут Элис тихонько взвизгнула.

— Ой, не нравятся они мне! — сказала она, и я открыл глаза.

Перси.

Их было пятеро. Они вошли через входной туннель, все в чёрном, с королевской нашивкой на чёрных рукавах, и все с мечами в чёрных ножнах. Двое остались во дворе, а трое поднялись на сцену и пошли к артистической.

— Какого дьявола вы здесь делаете? — спросил Раст.

Они проигнорировали его и направились в гримёрку. Ещё двое перси стояли в центре двора, и Раст повернулся к ним.

— Что вы тут делаете?

— Королевское дело, — огрызнулся один.

Они повернулись, чтобы осмотреть «Театр», и я увидел, что двое из них — близнецы. Как странно — мы репетировали пьесу о двух парах близнецов, и вот они оказались здесь в реальности. И было что-то в этой паре, из-за чего они не понравились мне с самого начала. Они были молоды, возможно, на год или два старше меня, и дерзкие. Невысокие, но всё в них казалось слишком большим: здоровенные зады, здоровенные носы, здоровенные подбородки, густые чёрными волосы, торчащие из-под чёрных бархатных беретов, и рельефные мышцы под чёрными чулками и рукавами. Они смотрели на меня, как лобастые

безжалостные забияки, вооруженные мечами и презрительной ухмылкой. Элис вздрогнула.

— Жуткий вид, — сказала она. — Прямо быки! Можешь представить их...

— Лучше не буду, — сказал я.

— Я тоже, — горячо сказала Элис и перекрестилась.

— Ради всего святого, — прошипел я ей, — не делай этого! Только не перед перси.

— Я постоянно забываю. Дома, видишь ли, мы должны были креститься.

— А здесь не надо!

— Они ужасные, — прошептала Элис, когда близнецы повернулись, чтобы поглазеть на девушек из «Дельфина». Они подошли к нам.

— Покажите нам свои титьки, — ухмыльнулся один.

— Это не леди, брат, — сказал другой, — это мясо.

— Покажи нам титьки, мясо!

— Я ухожу, — пробормотала Элис.

Девушки проскользнули через задний двор, и те двое загоготали. Все актёры, кроме моего брата и Уилла Кемпа, отступили к краям сцены, не зная, что делать. Кемп стоял в центре сцены, а мой брат последовал за перси в гримёрку. Близнецы направились к сцене и увидели Саймона Уиллоби в длинной юбке.

— А он симпатяжка, брат.

— Да?

— Ты актёр? — спросил один из них у Саймона.

— Покажи нам свои прелести, мальчуган, — сказал другой, и оба засмеялись.

— Доставь нам удовольствие, парень!

— Что вы здесь делаете? — воинственно спросил Уилл Кемп.

— Выполняем свой долг, — ответил один из близнецов.

— Королевский долг, — ответил другой.

— Этот театр, — сказал Раст, — находится под защитой лорда-камергера.

— Ой, напугали, — сказал один из близнецов.

— Боже, помоги мне, — сказал другой, потом посмотрел на Саймона: — Ну же, парень, покажи нам сиськи!

— Уходите! — прорычал Кемп со сцены.

— Ох, какой страшный! — Один из близнецов притворился испуганным, сгорбился и задрожал. — Хочешь заставить нас уйти?

— И заставлю! — сказал Алан.

Один из близнецов вытащил меч.

— Ну, попробуй, — глумился он.

Алан Раст щёлкнул пальцами, и один из «стражников» пленного Эгеона понял, что это значит, и бросил Расту меч. Раст, стоявший рядом с лобастыми близнецами, направил клинок на их ухмыляющиеся лица.

— Это театр, — огрызнулся он. — А не фермерский двор. Если хотите раскидывать свой навоз, делайте это в другом месте. Убирайтесь в свою хибару и скажите своей матери, что она шлюха, раз вас родила.

— Да пошел ты, — сказал близнец с обнаженным мечом, но схватка так и не завязалась, потому что как справа открылась дверь, и двое из трёх перси, обыскавших гримёрку, вернулись на сцену. Один нёс кипу одежды, а второй — сумку, которую он показал близнецам.

— Всякие безделушки! — сказал он. — Безделушки и чётки! Римский хлам.

— Это костюмы, — рявкнул Уилл Кемп, — костюмы и бутафория.

— А это? — персивант вытащил из сумки чашу.

— Или это?

Его спутник поднял белый стихарь с кружевами.

— Костюм, придурок! — возмутился Кемп.

— Всё необходимое для католической мессы, — произнес персивант.

— Покажи ту ночную рубашку! — потребовал близнец, чей меч оставался в ножнах, и перси бросил на пол стихарь.

— Ого, красиво, — произнес близнец. — Это носят паписты, изрыгая свою мерзость?

— Отдай, — потребовал Алан Раст, приподнимая меч.

— Угрожаешь? — спросил близнец с обнажённым клинком.

— Да, — ответил Раст.

— Может, арестовать его? — сказал близнец и направил клинок на Алана.

И это была ошибка.

Ошибка, потому что каждый актёр начинает с того, что учится обращаться с мечом. Публика любит сражения. На улицах достаточно

боёв, бог свидетель, но те бои почти всегда проходят между разъярёнными болванами, которые рубят и кромсают несколько секунд, пока один не валится на спину с пробитой башкой или вспоротым брюхом. Невзыскательные зрители восхищаются человеком, способным умело сражаться, и самые громкие овации случались, когда Ричард Бёрбедж и Генри Конделл скрещивали клинки.

У публики захватывает дух от их изящества, от скорости клинков, и хотя все знают, что бой идет понарошку, но знают также, что мастерство бойцов настоящее. Мой брат настаивал на занятиях фехтованием, и я их посещал, ведь если я хочу играть мужчин, то придётся сражаться. Алан Раст давно научился этому искусству, он служил с людьми лорда Пемброка, а теперь научился изображать бой, умея драться по-настоящему, и близнецам предстояло получить урок.

Когда второй близнец вытащил клинок из ножен, Алан Раст уже разоружил первого — изящно обвел мечом вокруг первого неуклюжего выпада и вывернул его, выбив у противника оружие. Он отдернул меч, парировал второй укол близнеца и пырнул его в живот, так что тот отскочил, а затем снова рубанул слева, и острие меча оказалось у физиономии первого близнеца.

— Брось стихарь, говнюк, — крикнул Раст одному близнецу, одновременно наступая на второго. Таким голосом он мог бы играть короля-тирана; голос как будто шёл из недр земли, — или хочешь, чтобы твой брат лишился глаза?

— Арестуйте его! — обратился один из близнецов к персивантам. Его голос звучал на слишком высоких нотах, слишком отчаянно.

В это время из артистической комнаты вышел последний персивант с пачкой бумаг в руках. Это были наши пьесы, запертые в большом сундуке на верхнем этаже.

— Вот то, что мы хотели, — крикнул он своим спутникам и нахмурился, заметив незавидное положение близнецов. — Что... — начал он.

— Ничего подобного, — прервал его мой брат. Он выглядел более сердитым, чем обычно, но голос оставался спокойным.

Секунду или две никто не двигался. Затем Ричард Бёрбедж и Генри Конделл вытащили мечи, клинки лязгнули о ножны.

— Ни пьес, — сказал Бёрбедж.

— Ни чего-либо другого, — продолжил Раст, подергивая острием

меча в дюйме от глаза близнеца.

— Мы здесь по королевскому делу... — начал персивант с нашими пьесами в руках, но его опять прервал мой брат.

— Возникло недоразумение, — произнес он спокойно и уверенно. — Если вы здесь по делу, нужно было спросить лорда-камергера, мы его люди.

— А мы люди королевы, — настаивал высокий персивант, стоящий на сцене.

— А лорд-камергер, — мой брат по-прежнему говорил спокойно, — кузен её величества. Уверен, он захочет с ней посоветоваться. А это, вы отдадите мне, — он протянул руку за драгоценной стопкой пьес. — Недоразумение, — повторил он.

— Недоразумение, — отозвался персивант и смиренно позволил моему брату забрать бумаги. Верзила бросил костюмы. Он видел лёгкость, с которой Алан Раст разоружил близнеца, и настороженно взглянул на Ричарда Бёрбеджа, чей меч был поднят для удара. Вряд ли его заставили отступить мечи, несмотря на мастерство Раста. Я подозревал, что его убедило упоминание о лорде Хансдоне, лорде-камергере.

— Мы уходим, — крикнул он своим приятелям.

— Но... — возмутился один из близнецов.

— Мы уходим!

Они ничего не взяли, я просто ушли, пытаюсь окончательно не уронить достоинство, и я услышал стук удаляющихся копыт.

— Что за... — начал Ричард Бёрбедж и покачал головой. — Как они посмели сюда прийти? Разве они не знают, что наш покровитель — лорд Хансдон?

— Лорд Хансдон не может защитить нас от ереси, — сказал мой брат.

— Здесь нет никакой ереси! — рассердился Уилл Кемп.

— Это всё город, — устало сказал мой брат. — Театр не могут закрыть, потому что мы за пределами его юрисдикции, но могут намекнуть персивантам, что мы притон разврата.

— Я чертовски надеюсь, что так и есть, — проворчал Уилл Кемп.

— Они вернутся, — сказал Алан Раст, — если лорд Хансдон их не остановит.

— Ему это не понравится, — сказал мой брат, — но я напишу его

милости.

— И сейчас же! — буркнул Уилл Кемп.

Агрессивный тон возмутил моего брата, но он кивнул.

— Конечно, сейчас же, и кто-то должен доставить письмо.

Я надеялся, что он попросит меня, это даст мне возможность посетить особняк лорда-камергера в Блэкфрайерсе, ведь именно там работала та сероглазая девушка с игривой улыбкой. Сильвия, молча повторяя имя, Сильвия. Потом я произнес его вслух: «Сильвия».

Но брат попросил отнести письмо Джона Дюка.

И я перенесся в Эфес, чтобы сыграть Эмилию.

Глава третья

Через две недели Генри Кэри, лорд Хансдон, лорд-камергер и наш покровитель, сам пришел в «Театр». Он приходил не посмотреть спектакль, он никогда не смотрел представления в «Театре», а вместо этого неожиданно прибыл во время утренней репетиции. Мы узнали об этом, когда во двор вошли четверо его слуг, все в тёмно-серых ливреях с эмблемой Кэри в виде белой розы на плечах. Все с мечами и уверенной поступью, и все актёры на сцене замерли.

За этими четырьмя проследовал, слегка прихрамывая, пожилой мужчина с суровым, измученным жизнью лицом и седой бородой. Он был коренастый, с широкой грудью и носил простую одежду без украшений, но глубокого чёрного цвета, что выдавало его богатство. На шее у него висела золотая цепь и золотая брошь на чёрном бархатном берете. Если бы не золото и дорогой цвет одежды, его можно было бы принять за торговца, проработавшего всю жизнь с древесиной или камнем, крепкого, сильного человека, и конечно, человека, которому лучше не переходить дорогу.

— Мастер Шекспир, — обратился он к моему брату, — я получил вашу записку.

— Милорд, — брат сдёрнул шляпу и опустился на одно колено. Мы все последовали его примеру. Нам не нужно было рассказывать, кто этот пожилой человек с суровым лицом. Эмблема на плечах его слуг сообщила всё, что необходимо знать. Пятый слуга, худой мужчина в тёмно-серой ливрее с эмблемой Кэри, вошёл вслед за хозяином и теперь почтительно стоял за спиной его милости с сумкой в руках.

— Встаньте с колен, в этом нет необходимости, — произнес лорд Хансдон. — У меня дело в Хэмпстеде, и я подумал, что мог бы заодно взглянуть, где вы прячетесь, друзья мои. — Он повернулся и уставился на высокие галереи «Театра». — Похоже на постоянный двор.

— Очень похоже, милорд, — согласился мой брат.

— Так это театр, да? — Его милость огляделся с явным интересом, переведя взгляд с галерей на высокий навес над сценой, поддерживаемый двумя колоннами. — Думаете, это надолго?

— Надолго, милорд?

— Когда я был молодым, не было ничего подобного. Ни одного театра! А что теперь? Сколько их? Три? Четыре?

— Думаю, это надолго, милорд. Театры популярны.

— Но только не у пуритан. Они заставили бы всех петь псалмы вместо просмотра пьес. Как проклятые перси.

При упоминании персивантов брат напрягся.

— Милорд, нам удалось избежать кровопролития.

— Жаль, — усмехнулся лорд Хансдон. Саймон Уиллоби, в юбке поверх штанов, вытащил из артистической стул и спрыгнул со сцены, чтобы предложить его гостю, но лорд Хансдон ответил на любезность лишь хмурым взглядом. — Я не калека, парень. — Он оглянулся на моего брата. — Есть один мерзавец по фамилии Прайс. Джордж Прайс. Он главный у персивантов, настоящая свинья во плоти. Слышал о нём?

— Я слышал о нём, милорд, да. Но не знаком.

Брат говорил за всю труппу. Даже Уилл Кемп, обычно такой говорливый, был ошеломлён приходом лорда-камергера.

— Энергичный мерзавец, наш Поросёнок Прайс, — произнёс лорд Хансдон. — Пуританин, конечно же, и потому утомителен. Пусть себе ищет иезуитов, я не против, но пусть только попробует потревожить моих слуг. То есть вас.

— Для нас это честь, милорд.

— Вы слуги, не получающие жалованье, лучшего сорта! — Лорд Хансдон рассмеялся. — Я велел проклятому мерзавцу оставить вас в покое.

— Я благодарен вашей милости.

— Он может послушаться, а может и нет. Это же наглая стая дворняг, эти перси. Полагаю, что наглость прилагается к должности, да?

— Такое часто происходит, милорд, — сказал мой брат.

— И королева любит своих соглядатаев, — продолжил лорд-камергер. — Она не хочет, чтобы какой-нибудь поклятый иезуит перерезал ей горло, что вполне понятно, а Поросёнок Прайс чертовски хорошо вынюхивает мерзавцев. Её величество это ценит. Я велел ему оставить вас в покое, но стоит ему почуять запах мятежа, он спустит собак, и если ему удастся найти доказательства, даже я не смогу вас защитить.

— Мятежа, милорд? — озадаченно произнес мой брат.

— Вы слышали меня, мастер Шекспир. Мятежа.

— Мы актёры, милорд, не заговорщики.

— Он жаловался, что вы прячете экземпляр «Собрания». — Обвинение было жёстким и резким, произнесённым совсем другим тоном по сравнению с предыдущими высказываниями его милости. — Ему сообщили из надёжных источников, что вы раздаёте копии проклятой книги публике.

— Что делаем, милорд? — в изумлении спросил брат.

Мы актёры. Мы притворяемся, а притворяясь, мы убеждаем. Если бы кто-то спросил, не крал ли я его кошелёк, я бы посмотрел на него потрясённо и так невинно, что не успел я еще ответить, а он уже знал бы ответ, а все это время его кошелёк лежал бы у меня в камзоле.

Но в тот момент нам не нужно было притворяться. Сомневаюсь, что многие из нас знали, что его милость подразумевал под «Собранием», и поэтому большинство просто выглядели озадаченными или обеспокоенными. Мой брат точно знал, но тоже выглядел озадаченным, даже ошеломлённым. Если бы мы притворялись, это стало бы самым убедительным представлением, когда-либо происходившем в «Театре», более чем достаточно, чтобы убедить лорда-камергера, что мы невиновны в том грехе, в котором он нас обвинил. Нахмурившись, брат покачал головой.

— Милорд, — он низко поклонился, — мы ничего подобного не делаем!

Джеймс Бёрбедж, должно быть, знал, что такое «Собрание», потому что тоже поклонился, а затем, выпрямившись, развёл руками.

— Обыщите театр, милорд.

— Ха! — Лорд Хансдон ответил на это приглашение смехом, которого оно заслуживало. — Вы уже наверняка спрятали книги. Принимаете меня за дурака?

— У нас нет книги, милорд, и никогда не было, — с жаром сказал брат.

Его милость внезапно улыбнулся.

— Мастер Шекспир, мне плевать, даже если она у вас есть. Просто спрячьте от греха подальше. Вы её читали?

Брат колебался, но потом кивнул.

— Да, милорд.

— И я тоже. Но если люди Поросёнка Прайса найдут здесь экземпляр, вы все очутитесь в Маршалси. Все! Моя кузина, — он имел в

виду королеву, — терпит многое, но не потерпит эту книгу.

Маршалси — тюрьма к югу от Темзы, недалеко от театра «Роза», где играют люди лорда-адмирала, с которыми наша труппа по-дружески соперничает.

— Милорд, — медленно и осторожно произнёс мой брат, — у нас никогда не было этой книги.

— Не вижу для этого причин. — Лорд Хансдон внезапно оживился. — Чёрт возьми, это вообще не ваше дело, правда? Ваше дело — феи и любовники, да?

— В самом деле, милорд.

Лорд Хансдон щёлкнул пальцами, и худощавый слуга расстегнул сумку и вынул стопку бумаг.

— Мне она нравится, — произнес лорд Хансдон, хотя и не совсем убеждённо.

— Спасибо, милорд, — осторожно ответил мой брат.

— Я не читал всё целиком, — сказал его милость, взяв бумаги у худого слуги, — но то, что я прочитал, мне понравилось. Особенно в конце. Пирамида и напёрсток. Отлично!

— Спасибо, — еле слышно сказал мой брат.

— Но моя жена прочитала. Она говорит, что это чудо. Чудо!

Брат потерял дар речи.

— А только мнение её милости и имеет значение, — продолжил лорд Хансдон. — Я бы предпочёл несколько поединков, может, заколоть кого-нибудь, порезать горло? Но пожалуй, кровь и свадьбу лучше не смешивать.

— Они плохо сочетаются, милорд, — вставил брат, забирая страницы у его милости.

— Но вот что. Моя жена заметила, что у пьесы ещё нет названия.

— Я думал... — начал мой брат, но умолк.

— Да? И что?

— «Сон в летнюю ночь», милорд.

— Какая ещё летняя ночь? — нахмурился лорд Хансдон. — Ведь чёртова свадьба будет в середине зимы. В феврале!

— Именно так, милорд.

Немного помолчав, лорд Хансдон рассмеялся.

— А мне нравится! Это мне по душе. Это же просто чепуха, верно?

— Чепуха, милорд? — осторожно переспросил мой брат.

— Феи! Пирамиды и напёрстки! И тот парень превращается в осла!

— О да, чепуха, милорд, — сказал брат. — Конечно.

Он снова поклонился.

— Но женщинам нравится чепуха, поэтому это подходит для свадьбы. Подходит для свадьбы! Если чёртв Прайс снова вас беспокоит, дайте мне знать. Я с радостью задушу этого ублюдка.

Его милость махнул рукой, повернулся и вышел из театра в сопровождении своих слуг.

А мой брат засмеялся.

— Чепуха, — сказал он. Как всегда, когда он говорил со мной, его голос звучал отстраненно. Когда я убежал из дома и нашёл его в Лондоне, он встретил меня с горьким равнодушием, которое не изменилось с годами. — Его милость прав. Мы занимаемся чепухой.

— Чепухой?

— Мы не работаем, мы играем. Мы актёры. У нас есть театр.

Он говорил со мной, как с ребенком, задавшим дурацкий вопросом. На следующий день после визита лорда Хансдона в «Театр» брат послал мне записку с просьбой прийти в его квартиру на Уормвуд-стрит, за Бишопсгейт. Он сидел за столом у окна и писал, перо быстро царапало по бумаге.

— Другие люди, — продолжил он, не глядя на меня — другие люди работают. Копают канавы, пилят лес, кладут камень, вспахивают поля. Сажают живые изгороди, шьют, доят коров, взбивают масло, сучат пряжу, черпают воду. Работают. Даже лорд Хансдон работает. Он был военным. Теперь служит королеве. Почти все работают, кроме нас. Мы играем.

Он отодвинул лист бумаги и взял чистый из пачки возле стола. Я попытался разглядеть, что он пишет, но он ссутулился и заслонил написанное плечом.

Я ждал, пока он скажет, зачем меня вызвал, но он молча продолжал писать.

— Так что за «Собрание»? — спросил я.

— Обычно на собрании люди вместе что-то обсуждают.

— Я про то, что упоминал лорд Хансдон.

Он раздражённо вздохнул, потянулся и взял верхний том из небольшой стопки книг. Книга не имела обложки, просто сшитые

страницы.

— Вот, — сказал он, протягивая её мне, — это «Собрание».

Я поднёс книгу ко второму окну, где было больше света. Книга называлась «Собрание по поводу преемника английской короны», там стояла дата: 1594 год.

— Она новая, — сказал я.

— Недавняя, — педантично поправил он.

— Опубликовано Р. Доулманом, — прочитал я вслух.

— О котором никто не слышал, — произнёс мой брат, продолжая писать, — но он несомненно католик.

— Так это крамольно?

— Считается, — он сделал паузу, чтобы опустить перо в чернильницу, осушил кончик о её край и снова начал писать, — считается, что мы, жители Англии, имеем право выбирать монарха и должны выбрать принцессу Изабеллу Испанскую, которая, естественно, будет настаивать, чтобы Англия снова стала католической.

— Мы должны выбрать монарха? — удивился я.

— Писатель намеренно провоцирует, и королева разгневана. Она не назвала преемника, и всякий разговор о преемственности приводит её в жуткую ярость. Эта книга запрещена. Верни её.

Я покорно отдал книгу.

— И ты попадешь в тюрьму, если они найдут книгу?

— Говоря «они», полагаю, ты имеешь в виду персивантов. Да. Это тебя устроит, верно?

— Нет.

— Я тронут, брат, — сказал он язвительно, — тронут.

— Зачем кому-то лгать и говорить, что в «Театре» есть эта книга? — спросил я.

Он повернулся и посмотрел на меня с раздражением, как будто вопрос прозвучал глупо.

— У нас есть враги, — сказал он, возвращаясь к странице, которую писал. — Пуритане против нас, городской совет хотел бы закрыть театр, а землевладелец нас ненавидит.

— Он нас ненавидит?

— Джайлс Аллен увидел свет. Он стал пуританином. И теперь сожалеет, что сдал землю в аренду театру и хочет нас выгнать. Но не может, потому что закон на этот раз на нашей стороне. Но либо он, либо

какой-то другой враг на нас донёс.

— Но это же неправда!

— Конечно, обвинение несправедливое. Правда не имеет значения в вопросах веры, имеет значение только вера. Нам пытаются навредить.

Я думал, что он продолжит, но он вернулся к бумагам. Мимо окна пролетел красный коршун и обосновался на гребне соседней черепичной крыши. Я наблюдал за птицей, но она не двигалась. Брат царапал пером по бумаге.

— Что ты пишешь? — спросил я.

— Письмо.

— Так новая пьеса завершена? — спросил я.

— Ты это уже слышал от лорда Хансдона.

Скрип-скрип.

— «Сон в летнюю ночь»?

— Твоя память работает. Хорошо.

— В которой я сыграю мужчину? — спросил я с подозрением.

Вместо ответа он снова вздохнул, затем просмотрел стопку бумаги, нашел нужный лист и безмолвно передал его мне. Затем начал писать снова.

На странице был список ролей и актёров. Наверху было написано имя Питера Пигвы, а следом за ним имя моего брата. В остальном всё выглядело так:

Тезей — Джордж Брайан

Ипполита — Том Белте

Лизандр — Ричард Бёрбедж

Деметрий — Генри Конделл

Елена — Кристофер Бистон

Гермия — Кит Сондерс

Оберон — Джон Хемингс

Титания — Саймон Уиллоби

Пакки — Алан Раст

Эгей — Томас Поуп

Филострат — Роберт Паллант

Ник Основа — Уилл Кемп

Рыло — Ричард Коули

Миляга — Джон Дюк

Робин Заморыш — Джон Синкло

Фрэнсис Дудка — Ричард Шекспир

Душистый горошек

Мотылек

Паутинка

Горчичное зерно

У последних четырёх ролей не было назначенных актёров, и они меня заинтриговали. Душистый горошек... Паутинка... Я предположил, что это феи, однако меня волновало лишь то, что я сыграю мужчину.

— Фрэнсис Дудка — это мужчина? — спросил я для большей уверенности.

— Воистину мужчина, — мой брат написал ещё несколько слов, — так что тебе придётся обрезать волосы. Но не делай этого до представления. До тех пор ты играешь свои обычные роли.

— Обрезать волосы?

— Ты хочешь сыграть мужчину? Значит, должен выглядеть мужчиной. — Кончик пера застыл над бумагой. — Починщики раздувальных мехов не носят длинных волос.

— Фрэнсис Дудка — починщик раздувальных мехов? — спросил я, не скрывая разочарования.

— А кем, по-твоему, он должен быть? Странствующим рыцарем? Тираном?

— Нет, — сказал я, — нет. Я просто хочу играть мужчину.

— И сыграешь, — ответил он, — сыграешь.

— Можно мне посмотреть роль? — нетерпеливо попросил я.

— Исаяя переписывает пьесу, так что нет.

— О чём пьеса?

Он нацарапал ещё несколько слов.

— О любви.

— Потому, что она для свадьбы?

— Потому, что для свадьбы.

— И я буду на свадьбе чинить раздувальные мехи?

— Я бы не советовал. Я просто обозначил твоё ремесло, чтобы ты понимал своё место в обществе, как следует всем.

— Тогда что Фрэнсис Дудка делает в этой пьесе?

Брат остановился, чтобы взять новый лист бумаги.

— Ты влюбляешься.

На мгновение он стал мне симпатичен. Влюбляюсь! На сцене

любовники ходят с напыщенным видом, выхватывают шпаги, произносят страстные речи, завоёвывают симпатии зрителей, и те возвращаются к обычной жизни с покорностью судьбе. Любовник!

— Кого я люблю? — спросил я.

Он задержался на мгновение, чтобы опустить перо в чернильницу, осторожно осушил кончик и начать писать на новой странице.

— Чего от тебя хотел преподобный Венейблс? — спросил он.

— Венейблс? — вопрос застал меня врасплох.

— Несколько недель назад, — сказал он, — после того, как мы сыграли его поганую пьесу, преподобный Венейблс говорил с тобой. Чего он хотел?

— Он сказал, что я хорошо сыграл Астинь, — заикаясь пробормотал я.

— Теперь скажи мне правду.

Я помолчал, пытаюсь собраться с мыслями.

— Он слышал, что я могу покинуть труппу.

— Конечно. Я сам ему сказал. Так что?

— Он хотел, чтобы я остался, — солгал я.

Перо снова царапнуло по бумаге.

— А он не предлагал тебе вступить в новую труппу графа Лечлейда?

Я не ответил, но молчание было достаточно красноречиво. Брат улыбнулся, а может, и усмехнулся.

— Предлагал. Но ты обещал мне остаться на зиму в труппе.

— Обещал.

Брат кивнул, отложил перо и порылся в кипе бумаг.

— Ты вечно жалуешься на нехватку денег. — Он нашёл нужные страницы и не глядя протянул мне. — Скопируй роль Титании. Я заплачу тебе два шиллинга, нужно сделать к понедельнику. И прошу тебя, разборчиво.

Я взял бумаги.

— До понедельника?

— Начнём репетировать в понедельник. В Блэкфрайерсе.

— В Блэкфрайерсе?

— Это что, эхо? — сказал он, передавая мне чистые листы бумаги.

— Лорд Хансдон и его семья проводят зиму в своём особняке в Блэкфрайерсе. Мы будем играть пьесу в их огромном зале.

Я почувствовал ещё один всплеск счастья. Там будет Сильвия! И второй всплеск радости накрыл меня при мысли о том, что я, наконец, сыграю мужчину.

— Кто такая Титания? — спросил я, желая знать, попадет ли она в мои объятия.

— Царица эльфов. Не теряй эти страницы.

— Так пьеса об эльфах?

— Все пьесы об эльфах. А теперь ступай.

Я ушёл.

Я обожал переписывать. Такая работа никому не нравилась, а я никогда не отказывался. Обычно я копировал роль, которую мне предстояло играть, и переписывание помогало мне её запомнить, но я с удовольствием копировал и роли для других актёров.

Каждый актёр получил только свою роль, значит, для свадебной пьесы было переписано около пятнадцати ролей. И если сложить их вместе, получится пьеса целиком. У Исайи Хамбла, суфлёра, была вся пьеса, а ещё один экземпляр обычно посылали распорядителю увеселений, дабы он удостоверился, что на сцене не будет крамолы, хотя, поскольку наша пьеса была частной и ставилась в благородном доме, такое разрешение, вероятно, оказалось ненужным. Кроме того, сэр Эдмунд Тилни, распорядитель увеселений, был назначен лордом-камергером, который уже одобрил пьесу.

Я работал в комнате отца Лоуренса. Он жил как раз под моим чердаком в доме вдовы Моррисон. В его комнате стоял большой стол у обращённого на север окна. Комната была намного теплее моей. У него горел очаг, который топили морским углём, а рядом сидел он сам, завернувшись в шерстяное одеяло, так что со своей лысой головой выглядел как старая черепаха.

— Прочитай вслух, Ричард, — попросил он.

— Я только начал, отче.

— Вслух! — повторил он.

Я записал слова сразу перед появлением Титании, последние две строки, произнесенные Паком, за которыми шла строчка эльфа, чье имя не называлось. Затем следовало пояснение, что на сцену выходят Оберон и Титания.

— Не в добрый час я при сиянье лунном надменную Титанию встречаю, — громко продекламировал я.

— Чья это реплика?

— Оберона, царя эльфов.

— Титания! Красивое имя, — произнёс отец Лоуренс, — твой брат взял его из Овидия, верно?

— Серьёзно?

— Из «Метаморфоз», конечно же. А Оберон? — он нахмурился, задумавшись. — Ах да! Помню, у меня была однажды эта книга.

— Что за книга, отче?

— Это старинная французская легенда, — усмехнулся он, — Гуону Бордосскому пришлось выполнить несколько ужасных поручений, скорее похожих на подвиги Геракла, и ему помог царь эльфов, которого звали Оберон. Читай дальше, Ричард, читай!

— Как, это ты, ревнивец Оберон? — прочитал я. — Летимте, эльфы, прочь! Я отрекаюсь От общества и ложа Оберона.

Я работал в комнате отца Лоуренса, потому что из окна лился хороший свет и потому что перси многое украли, но оставили старику чернила и связку перьев. Кроме того, мне нравился отец Лоуренс. Он был старым, мудрым, вежливым и не переставал бороться против враждебных протестантов.

— Я просто хочу умереть спокойно, — говорил он, — и предпочёл бы, чтобы меня не потащили на эшафот, где мой живот вспорет какой-нибудь палач Смитфилд.

Он был калекой и едва мог ходить без помощи. Думаю, вдова Моррисон позволила ему не платить за жильё, и я подозревал, что она ему исповедовалась, но лучше не спрашивать о таких вещах. Обычно я слышал шаги этажом ниже, скрип его двери и бормотание голосов, и подозревал, что кто-то пришёл исповедаться в грехах и получить отпущение.

Приходские констебли наверняка тоже это знали, они не идиоты, но он был безвредным стариком, и его очень любили. Новый приходской священник был жестоким молодым фанатиком из Оксфорда, который проклинал всё римское, но когда прихожанин находился при смерти, часто вызывали отца Лоуренса, он хромал по улице в старой потрёпанной рясе, и местные жители приветствовали его с улыбкой, все, кроме пуритан, которые чаще плевали, когда он проходил мимо. Когда у меня были деньги, я приносил ему еду, уголь или дрова и всегда помогал прибраться в комнате после обысков перси.

— Прочитай мне ещё, — сказал он. — Прочитай ещё!

*Все измышленья ревности твоей!
Уж с середины лета мы не можем
Сойтись в лугах, в лесу, у шумной речки,
У камнем обнесённого ключа,
На золотом песке, омытом морем,
Водить круги под свист и песни ветра.*

Отец Лоуренс едва слышно вздохнул. Я посмотрел на него и увидел, как его голова откинулась на высокую спинку стула, он закрыл глаза и открыл рот. Он не двигался, не издавал больше ни звука, и я привстал, решив, что он умер. Затем он заговорил.

— Водить круги под свист и песни ветра! — очень мягко произнёс он. — «Водить круги»! Ох, превосходно.

— Превосходно?

— Помню, будучи молодым священником, я видел, как одна девушка танцует. Она тоже ходила по кругу, её звали Джесс. — Его голос погрузнел. — Она танцевала рядом с ручейком, моя Джесс, а я наблюдал, как она кружится под свист и песни ветра. — Он открыл глаза и улыбнулся. — Твой брат такой талантливый!

— Правда? — уныло спросил я.

— Будь щедрее, Ричард. Он говорит языком ангела.

— Он меня не любит.

— Печально, — заключил отец Лоуренс. — Может, потому что ты молод, а он нет?

— Он не старый!

— Ты говорил, ему тридцать один? Он в расцвете сил, Ричард. И он не любит тебя, потому что у тебя есть то, чем его Бог не наградил. Приятная внешность. У него грубоватое лицо, щуплый подбородок и редкая бородёнка. Что же касается тебя...

Он оставил фразу незавершённой.

— Меня называют привлекательным, — обиженно сказал я.

— Но привлекательный мальчик вырастает в красивого мужчину, а ты уже мужчина.

— Мой брат так не считает.

— Он не любит тебя ещё потому, что ты напоминаешь ему о Стратфорде, — продолжил отец Лоуренс.

— Ему нравится Стратфорд, — возразил я. — Он всё время твердит, что купит там дом.

— Ты сказал, что он родился в Стратфорде, вырос там и женился, но сомневаюсь, что он был там счастлив. Думаю, в Лондоне он стал другим человеком и не хочет, чтобы ему напоминали о прежнем, несчастном Уильяме.

— Тогда почему он покупает там дом?

— Потому что, когда он вернётся, Ричард, то будет важным человеком. Он хочет взять реванш за детство. Хочет, чтобы его уважали соседи. Святой Павел говорит, что в детстве мы говорили как дети, понимали и думали как дети, но когда становимся мужчинами, то стараемся не вспоминать про детство, вот только вряд ли мы когда-нибудь про него забудем. Я думаю, детские воспоминания не исчезают, и твой брат жаждет того, чего хотел в детстве — уважения в родном городе.

— Он так сказал, отче?

Он улыбнулся.

— Он нечасто у меня бывает, но когда бывает, мы беседуем. Он интересный человек.

— Я лишь хочу, чтобы он больше мне помогал, — обиженно произнёс я.

— Ричард, Ричард! Мы можем обратиться к Богу за помощью, но Бог также ждёт, что сами о себе позаботились. Ты, наверное, хороший актёр, хороший человек, и твой брат в конце концов это увидит. Не обращай к брату за помощью, помоги ему сам.

Я рассмеялся над этим не потому, что это было забавно, а потому, что не мог придумать ответ. Тогда я снова окунул перо в чернила и продолжил переписывать роль. Когда я писал, то всегда вспоминал Томаса Малливера, младшего учителя в школе Стратфорда, именно он научил меня читать и писать. Своей палкой он слегка постукивал по нашим черепам, если обнаруживал невнимательность или ошибку.

— Умение писать ставит нас выше зверей, — повторял он. — Ты зверь, мальчик?

Палка свистела в воздухе и череп пронзала острая боль. Он любил цитировать нам латынь, хотя большинство из нас не могли осилить

странный язык.

— *Audaces fortuna iuvat*, — повторял он. — И что это значит? Это значит, что судьба благоволит смелым! Ты смелый, мальчик?

И снова свистела палка. Днём, когда от него несло элем, он был добрее, рассказывал байки и даже совал монетку, если ему приглянулась чья-то работа. Он мне даже нравился, но потом его засекли за Свято-Троицкой церковью, где он поднял юбку госпожи Сиббес, жены судебного пристава, и Томасу Малливеру пришел конец.

После этого я недолго продолжал учебу. Я ненавидел Стратфорд. Ненавидел угрюмый гнев отца и слёзы матери. Брат бросил дома жену и трёх маленьких детей, дети плакали, а Анна кричала на нашу рыдающую и встревоженную. Все были несчастны. Из-за плохих урожаев продукты резко подорожали, лето выдалось дождливым, зимы холодными, и отец забрал меня из школы, потому что больше не мог позволить себе платить за моё обучение и кормить меня. Мне было четырнадцать, когда он сказал, что мои школьные годы закончились, и я должен обучиться ремеслу.

— Томас Батлер согласился взять тебя в ученики. Это хорошая возможность.

Батлер был плотником, и как его ученику, мне предстояло жить в его доме, таким образом моей матери придётся кормить на один рот меньше. Я помню, как отец вёл меня к дому Батлера в четверг утром.

— Плотник — хорошее ремесло, — сказал он, когда мы шли подвязами Хенли-стрит. — Муж пресвятой Девы был плотником, благослови его Бог.

— Почему я? Почему не Гилберт или Эдмунд?

— Не глупи, парень. Гилберт уже в учениках. А твой младший брат ещё мал. Твоя сестра уже трудится, почему бы и тебе не поработать?

— Я не хочу быть плотником!

— Но именно плотником ты и станешь. И радуйся, что умеешь читать, писать и считать! Большинство мальчишек умеют гораздо меньше. Не вредно знать буквы и цифры, а теперь ещё обучишься ремеслу.

Я вцепился в котомку со сменой белья, пока отец стоял на кухне Батлера и распивал с кувшин эля с моим новым хозяином, а неприветливая Агнес Батлер оглядывала меня с подозрением. У них не было своих детей, хотя горничной у них работала одиннадцатилетняя

сирота Бесс. Она выросла тощим, щуплым созданием с большими карими глазами, длинными рыжими волосами и тёмным синяком на лбу. Агнес заметила, что я на неё пялюсь.

— Спрячь свой похотливый взгляд, мальчик! — рявкнула она. — Он должен спать в мастерской, — сказала она мужу.

— Так и будет, — сказал мой новый хозяин, — так и будет.

Отец потрепал меня по голове.

— Он хороший парень. Веди себя как следует, Ричард.

После этого он ушёл.

— Я научу тебя полезному ремеслу, — пообещал Томас Батлер, хотя научил меня лишь как складывать дрова. — Зима на носу, — говорил он, — время колоть древесину и резать боровов.

Если он считал, что я недостаточно упорно работаю, то бил меня, и бил сильно, иногда поленом. Он колотил и Бесс, а иногда и жену, которая давала сдачи. Они кричали друг на друга. Я ненавидел их и скучал по дому. Трезвым отец был весёлым, а мать ласковой, когда её не обуревало беспокойство. Она рассказывала нам истории, сплетая фантазии о замках и галантных рыцарях, говорящих животных и духах, обитающих в зелёных лесах. Однажды я разрыдался после ее визита, и Агнес Батлер хлопнула меня по голове.

— Ты не можешь вернуться домой, — брюзжала она, — мы тебя купили! Ты обязан проработать у нас семь лет, вот семь лет и проработаешь.

Они кормили меня чёрствым хлебом и водянистыми помоями и заставляли спать в мастерской — убогом, сыром сарае во дворе. Меня запирали на ночь, без свечей, и запрещали поддерживать огонь в печурке, на которой Томас Батлер плавил клей. Однажды утром он обнаружил, что зола тёплая, и меня избили, хотя я не разжигал огонь, он просто горел дольше обычного. Томас Батлер ударил меня и наставил в лицо шило.

— Сделаешь так ещё раз, и я выколю тебе глаз. Тогда ты не будешь таким симпатягой, верно?

Семь лет работы продолжались три недели.

Закончилось всё в субботу утром, когда я случайно опрокинул горшок с клеем.

— Ах ты, мелкий говнюк, — заревел Томас и схватил длинное буковое полено, ожидающее токарного станка, — я измордую тебя до

потери сознания. — Он подбежал ко мне, и в панике я схватил тяжёлый деревянный молоток и швырнул в него.

Оно попало ему в голову, и Томас свалился, как оглушенный бык. Он дёрнулся на древесной стружке, а потом затих. Из его уха сочилась струйка крови, а я стоял, всхлипывая и вспоминая, что убийц вешают. Томас Батлер не шевелился. На поясе у него висел кошелёк, а при падении оттуда выкатилось несколько монет. Три шиллинга и восемь пенсов, которые я украл. Воров тоже вешают, но я рассудил, что меня всё равно не повесят дважды.

Я не мог отправиться домой. Констебли будут искать меня на Хенли-стрит, но и остаться я не мог. Мысли путались. Паника, в которой я схватил деревянный молоток, всё ещё вызывала дрожь. В четырнадцать лет я стал убийцей. Так что я сбежал. Я помню, как плакал, когда сбежал в большой мир.

Судьба — странная штука, но она существует. Позже мне сказали, что я родился под счастливой звездой, а моя мать верила, Боже спаси её душу, что за нами присматривают ангелы, у каждого человека свой ангел, и мой ангел в то утро обо мне позаботился. Я выбежал со двора и устремился на север, в сторону Уорика. Почему Уорика? Возможно, потому что меня ещё тревожила мысль о повешении, а в Уорике вешали убийц, но в нескольких ярдах я увидел Пега Куини, друга моей матери, который мог меня узнать, и потому я свернул и побежал в другую сторону. Я бежал не глядя, не останавливаясь, чтобы отдышаться, пока не пересёк мост и не оказался на дороге в Эттингтон. В поле за канавой и изгородью блеяли овцы. Два всадника приближались с юга, и я спрятался в высоких зарослях купыря. Всадники проскакали мимо, не заметив меня. Я дрожал, стараясь не рыдать.

Всадники направились к городу, и я заснул. До сих пор меня удивляет, что в таком кошмаре я проспал довольно долго. Может, час или два, но потом меня разбудила собака, облизывающая моё лицо, и я услышал знакомый и дружелюбный голос.

— Прячешься, парень? — Это оказался Эдвард Сейлс, стратфордский возчик и добрый человек. Он сидел на козлах своей телеги, с двумя пегими жеребцами, Гогом и Магогом, в упряжке. Дно телеги было завалено мешками и ящиками. Когда-то Эдвард возил тюки с шерстью в Лондон моему отцу, когда в доме ещё водились деньги. — Ко мне, Люцифер! — позвал он свою собаку. — Я бы тебя и не заметил,

— сказал он, — если бы Люцифер не унюхал. — Люцифер, огромный уродливый пёс, выглядел ужасающе, но я уже знал, что он с большей вероятностью залижет человека до смерти, чем укусит. — Тебя ищут, Ричард, — продолжил Эдвард, — такой крик стоит, и по горам, и по долам.

— Я не хотел его убивать, — пробормотал я.

— Что? Тома Батлера? — Он засмеялся. — Он жив. Месяцок у него поболит голова, и это послужит уроком старому пройдохе. Но ты его не убил. У него башка, словно дубовый пенёк.

— Он жив?

— Жив и изрыгает проклятия.

— Он убьёт меня, если я вернусь.

— Очень вероятно. Он злопамятный, это уж точно. Да и я бы таким стал, если бы женился на этой мегере. Она и ангелу глаза выцарапает, а потом помочится в пустую глазницу.

Я выбрался из канавы.

— Я не могу пойти домой. Я украл деньги. Я вор, а воров вешают.

Нед как будто прочитал мои мысли, потому что он усмехнулся.

— Тебя не повесят, парень. Может, выжгут клеймо, большую букву В на лбу? Но вероятнее всего, твой отец заплатит Тому Батлеру немного серебра и отошлёт тебя обратно к нему.

Мгновение я колебался, затем задал вопрос, который изменил мою жизнь.

— Куда ты собираешься, Нед?

— В Лондон, парень. Прямо в большую помойку.

— У меня есть деньги, — я вытащил два шиллинга из кармана и стряхнул с них опилки, — можно я поеду?

Нед пристально смотрел на меня, как показалось, долгое время. Одна из его лошадей, Гог или Магог, щипала густую придорожную траву.

— Полетит как ветер, когда наестся, — сказал Нед и дёрнул за узду. — И что ты собираешься делать в Лондоне, Ричард?

— У меня там брат.

— Понятно. Ну, забирайся тогда, забирайся.

Я поехал в Лондон.

Лондон!

С тех пор, как мой брат отправился в Лондон, я был очарован

городом, рассказами о нём и его славой, которая была намного больше, чем у Уорика или Кенилворта, не говоря уже о маленьком Стратфорде. Нед Сейлс часто рассказывал о нём, сидя у нас на кухне.

— Однажды я видел саму королеву, — рассказывал он, — и она была окружена тысячей всадников с горящими факелами, и те вспыхивали. Она пылала! Как рубин, красный и сияющий! Конечно, ради неё город прибрали, — хихикнул он. — На окнах вывесили флаги и гобелены. Иногда просто простыни. — Он глотнул эля и посмотрел на меня. — Это значит, что люди не будут выплескивать в окно дерьмо и мочу. И на волосах её величества не окажется дерьма простонародья.

— Не говори так, — произнесла мать, но с улыбкой.

— Это правда, госпожа Мэри, я клянусь.

Он перекрестился, и мать охнула, но снова с улыбкой.

— Я никогда не была в Лондоне, — сказала она задумчиво.

— Там полно иностранцев. Из Франции, Нидерландов, Германии, даже чернокожих! А здания... Боже мой, но в собор Святого Павла можно втиснуть весь Стратфорд, да еще для Шоттери место останется!

— Меня беспокоит, что мой Уилл там, — сказала моя мать.

— Он процветает, хозяйка. Я видел его на прошлой неделе, когда он передал мне это послание. — Нед принёс письмо от моего брата вместе с двумя золотыми монетами, завёрнутыми в льняную тряпицу. — Он процветает, — сказал он опять. — Носит серебро и кружево!

Моя мать играла с золотыми монетами.

— Говорят, что в Лондоне чума тяжелее.

Нед снова перекрестился.

— В Лондоне всё больше, лучше или страшнее. Так уж повелось.

Теперь, когда трясаясь в фургоне за крупами Гога и Магога, я мог целую неделю задавать вопросы.

— Это грязный город, парень, — сказал Нед, когда мы тащились между широкими оксфордширскими пастбищами и полями растущего ячменя, — ты даже не представляешь, какой грязный. И пахнет... дерьмом под ногами и дымом над головой, но между дерьмом и дымом есть золото. Не для таких, как мы, конечно.

— Мой брат посылает золотые...

— Да, но твой Уилл умный малый. И всегда был таким.

— Мать говорит, ему лучше вернуться учительствовать в школу.

— Матери такие, мальчик. Они думают, что слишком высоко не

стоит подниматься, потому что больно будет падать.

Я знал, что думает моя мать, потому что обычно писал за неё письма под диктовку, и в каждом письме она умоляла моего брата вернуться к старой работе младшим учителем в школу Уорикшира.

— Но он не хочет, — сказал Нед с усмешкой, — он отлично проводит время, да. Сам увидишь.

В то время мой брат квартировался в «Дельфине», таверне к северу от Бишопсгейт, и именно туда Нед меня вёз.

— Я не позволю тебе ходить по Лондону, парень, уж лучше сразу выпустить тебя в аду. — Он остановил фургон под огромной вывеской постоянного двора, на которой гротескная рыбина выпрыгивала из воды, и дал мне новое письмо, продиктованное матерью, письмо, вероятно, написанное Гилбертом или Эдмундом, и бросил мне один из тех двух шиллингов, которые я ему дал. — Береги себя, малец. Это, может, и великий город, но Лондон может быть опасным.

Я спрыгнул с фургона, но прежде чем успел дойти до двери таверны, какой-то человек схватил меня за руку так крепко, как огромные тиски Томаса Батлера.

— Подайте милостыню старому солдату, господин, — сказал он.

Одной рукой он держал меня, другой ощупывал мой камзол в поисках кошелька или подвески на шее.

Хлыст Неда щелкнул по щеке попрошайки, и мгновенно выступила кровь.

— Оставь парня в покое, — прорычал Нед и снова взмахнул кнутом. — Заходи внутрь, Ричард, — сказал он. — Заходи внутрь.

Я колебался. На мгновение возникло искушение попросить Неда отвезти меня домой. Меня избили бы до крови и могли даже заклеить как вора, но я был бы в безопасности. Я стоял в страхе и нерешительности, а затем вспомнил, как Томас Малливер бил меня палкой, приговаривая по-латыни: «Audaces fortuna iuvat, ужасный ребёнок!» Фортуна любит смелых, и поэтому ужасный ребёнок повернулся и вошёл в «Дельфин».

Я останусь.

Брата там не было.

— Не знаю точно, где он, дорогой, — сказала мне Нелл. Она была в постели моего брата, но я увидел лишь, копну рыжих волос, разбросанных по подушке. — Ты его брат?

— Да.

Она стащила одеяло с лица и посмотрела на меня.

— А ты красавчик. Как тебя зовут?

— Ричард.

— Сколько тебе лет?

Я колебался, потом соврал.

— Семнадцать.

— А я — девственница, дорогой, — сказала она с улыбкой. — Ты убежал из дома?

Я опять засомневался, потом кивнул.

— Да.

— Я тоже, — сказала она, потом зевнула. — Твой брат уехал в какой-то город в Сассексе, дорогой, играть в каком-то большом доме. К какому-то лорду. Все вернутся завтра.

Я смутился. Я увидел её обнажённые плечи и выпуклости бледных грудей. Она была хороша. У неё были ярко-зелёные глаза, крупные губы и спутанные рыжие волосы. Вероятно, ей было не больше шестнадцати или семнадцати, но она заставила меня почувствовать себя совсем юным, мне было очень неловко.

— Ты... — начал я и запнулся.

— Я здесь живу. Не в этой комнате, дорогой, но его кровать намного удобнее моей. Надо думать, она тебе сегодня понадобится?

Я не знал, что сказать, поэтому вместо этого оглядел комнату с кроватью, табуреткой, сундуком для одежды, широким столом под окном, обращённым к северу, и массивным стулом. Стол был завален бумагами. На нём стояло три чернильницы и оловянная банка с пучком перьев. В небольшом очаге осталась куча золы.

— Я могу поспать на полу, — пробормотал я.

— Не глупи. В кровати найдётся место для двоих. — Она увидела, что я покраснел, и рассмеялась. — Не волнуйся, дорогой, у тебя есть постель, а я вернусь на чердак.

— Ты... — начал я и опять засомневался.

Я чуть не предложил, чтобы она осталась, но потом растерял всю свою смелость.

— Да? — спросила она, прекрасно понимая, что я собирался произнести, потом снова засмеялась, отбросила одеяло и спустила ноги на пол. Она была голой. И сделала это специально, конечно же, зная,

что я покраснею ещё больше. Она натянула рубашку и встала.

— Похоже, ты милый парень, Ричард, — сказала она доброжелательно. — Когда ты последний раз ел?

— Вчера вечером.

— Попозже я отведу тебя вниз поужинать, если выдастся свободная минутка. Теперь отвернись, мне нужно пописать.

Я уставился в стену, всё ещё краснея. Конечно, она шлюха, я знал это, но меня также учили, что шлюхи — дьявольские существа. В Стратфорде были женщины, которых называли шлюхами, и никто не упоминал о них без сердитого неодобрения, но конечно, они очаровывали нас, парней. Помню, как Сьюзен Флетчер стояла в церкви и её обвиняли в прелюбодеянии, а я смотрел на неё широко раскрытыми глазами.

«Вот развратная женщина! — объявил преподобный Брамхалл. — Порождение сатаны!» Но Сьюзан не выглядела развратницей и порождением сатаны, она выглядела красивой и одевалась как всякая добропорядочная жена в Стратфорде, что не помешало преподобному Брамхаллу довести её до слёз жестокой проповедью.

А Нелл была ещё одним порождением сатаны, но она сразу мне понравилась. Чем больше она мне нравилась, тем больше я надеялся, что она останется в постели моего брата ещё на одну ночь, но я был разочарован, хотя в тот вечер Нелл и угостила меня хлебом, гороховым пудингом и элем.

— Ну разве не красавчик? — спросила она Мег, одну из девушек, которые жили и работали в «Дельфине». — Ты должен сохранять зубы белыми, Ричард, — добавила она мне.

— Я их почищу, — пробормотал я.

— Как? Оближешь? Нет, дорогой, растолчи кости каракатицы и смешай их с солью и уксусом.

— Или с сажей, — сказала Мэг, показывая мне белые зубы. — Сажа очищает зубы.

— На вкус дерьмо, — сказала Нелл.

— Но помогает! — ответила Мэг.

— Кости каракатицы, соль и уксус лучше, — сказала Нелл. — Смешай, затем вотри. Три усердно! Надеюсь, ты знаешь как натирать, а? — Обе девушки разразились смехом, и конечно, я покраснел.

На следующий день мой брат вернулся. Я услышал его шаги по

лестнице, дверь резко открылась, и он просто остановился и нахмурился.

— Боже, святые небеса, — наконец вымолвил он. — Что ты здесь делаешь, во имя Христа? — Он бросил тяжёлую сумку на пол, кинул шляпу на кровать, подошёл к окну и широко его распахнул. — Здесь воняет, как на кожевенном заводе. Ты опорожнился?

— Нет, — ответил я, не обратив внимания на его гнев, — не знал где.

— Внизу, пройди по коридору до конца, иди во двор и следуй на запах. Прополощи ведро водой из корыта, потом возвращайся сюда и объяснись.

Я сделал, как он приказал, затем, сбивчиво, нервно объяснился. Пока я говорил, он сидел за столом, просматривая бумаги. Он не посмотрел на меня ни разу, когда я рассказывал свою историю, и не оторвался от бумаг.

— Можешь здесь остаться, — наконец проговорил он, всё ещё читая.

Я не знал, что сказать, и выпалил:

— Я встретил Нелл.

— Нелл не имеет к этому никакого отношения, и когда ты вернёшься обратно в Стратфорд, не упоминай её имя.

— Я не собираюсь возвращаться!

— Ты не остаешься здесь и настаиваешь, что не собираешься домой, — он, наконец, повернулся и посмотрел на меня, — так что ты собираешься делать?

— Я думал, ты мне поможешь...

— Только не ной, ради бога. — Он хлопнул рукой по столу. — Тебе нельзя здесь оставаться. Я этого не вынесу. Тебе нужно где-то спать, где-то есть, где-то учиться ремеслу.

— Я не хочу быть плотником, — мрачно сказал я.

— И что? — спросил он, но адресовал вопрос скорее себе, чем мне. Он уставился на меня, нахмурившись, и я подумал, как он изменился за последние несколько лет. Стал шире в плечах, лицо огрубело, волосы поредели, а манеры стали гораздо решительнее.

— Чем ты хочешь заниматься? — спросил он.

— Быть актёром, — пробормотал я, — как ты.

Он рассмеялся.

— Святой боже, половина неработающей молодежи в Лондоне хочет стать актёрами! У тебя это получается? Ты умеешь четко говорить? Танцевать? Фехтовать? Кувыркаться?

— Я научусь.

— Нужно было начинать учиться восемь лет назад. — Он вернулся к своим бумагам, потом внезапно остановился. — Сэр Годфри, — произнёс он.

— Сэр Годфри?

Он снова посмотрел на меня.

— Ты не можешь оставаться здесь, — сказал он, — и настаиваешь, что не вернёшься домой. Значит, я дам тебе шанс. Этот шанс зовётся сэром Годфри. У тебя есть багаж?

— Кто это, сэр Годфри? — спросил я.

— У тебя есть багаж? — опять с раздражением спросил он. — Тогда следуй за мной, — приказал он и повёл по улицам Лондона.

Хаос! Такое у меня сложилось впечатление, когда Нед вёз меня по переполненным улицам, проезжая на фургоне мимо экипажей и телег, и теперь, следуя за братом, решительно шагающим впереди, я был напуган. Люди! Столько людей я никогда не видел. Шум и крики лоточников, ржание лошадей и вой собак. Женщины носили деревянные подметки, чтобы не запачкать в дерьме обувь, а мальчишки собирали собачьи экскременты и продавали их кожевенникам, работающим у реки Флит.

Церковный колокол сзывал на похороны. Ученики в синих беретах стояли у дверей частных магазинов и наблюдали за прохожими, обращаясь к любому, кто выглядел достаточно богатым, и зазывая купить товар. Они носили дубинки. Другие мужчины, побогаче, носили мечи, и люди освобождали для них дорогу.

Мы сворачивали по переулкам пересекали улицы, и брат не разговаривал со мной, пока мы не добрались до Чипсайда, широкой улицы, где проповедник в чёрном стоял в нескольких шагах от высокого каменного креста и ревел в толпу.

— Это метка сатаны! — кричал он. — Папистские экскременты! Раскайтесь в своих грехах и сбросьте этот крест!

Мой брат в низко натянутой широкой шляпе остановился и стал слушать. Казалось, он был удивлён. Я стоял рядом, робко слушая, как сердитый проповедник осуждает все кресты как образы дьявола.

— Лондон проклят! — бранился он. — Это касается крестов, борделей и театров! Их нужно очистить! Мы должны быть омыты кровью агнца.

— Господи, — произнёс брат и вспомнил про меня. — Давай, не паялься попусту. — Он зашагал вперёд, и я последовал за ним, не зная, куда он ведёт меня и почему. Он снова замолчал, пока мы не достигли высокого каменного дома рядом с небольшой церковью. В доме была тяжёлая, обитая гвоздями дверь. — Мы в Блэкфрайерсе, — сказал он, как будто это всё объясняло, и постучал в дверь.

Дверь открыл детина с бычьим телосложением. У него было широкое плоское лицо со сломанным носом и шрамами вокруг глаз. Он сердито взглянул на нас.

— Что надо? — прорычал он.

— Сэр Годфри дома, Лютик? — спросил брат.

Лютик? Я не поверил своим ушам, но когда брат произнес его имя, детина умолк.

— Я вас знаю, — сказал он неуверенно.

— Знаешь, а как же, — грубо ответил мой брат, — и мы хотим увидеть сэра Годфри.

Детина смотрел на меня. Он нахмурился.

— Вам лучше войти, — сказал он, широко распахивая тяжёлую дверь.

Через две минуты я стоял перед сэром Годфри.

А два дня спустя пожалел, что не остался у Томаса Батлера.

— Ты не написал ни слова с тех пор, как часы Святого Леонарда пробили десять, — упрекнул меня отец Лоуренс, — а это было десять минут назад.

— Я думал, — сказал я и опустил кончик пера в чернила.

— Я вижу. Какую последнюю строчку ты переписал?

— Мешаются все времена в смятение, — прочитал я вслух, — И падает седоголовый иней К пунцовой розе в свежие объятья.

— Ох, довольно цветистый стиль, — сказал он со смешком. — Цветистый, из-за розы, — объяснил он шутку и вздохнул, когда я не

улыбнулся. — Так что будешь делать, Ричард, если уйдёшь из труппы?

— Присоединишься к другой?

— К людям лорда-адмирала?

Я покачал головой.

— Им не нужны актёры. Но я слышал, что собирают новую труппу.

— Да?

— Граф Лечлейд.

— Наверно, это новый граф, — сказал отец Лоуренс, — надеюсь, что сын не такой, как отец.

Я обернулся и посмотрел на него.

— Вы знали его отца?

— Я слышал о нём, и он был мерзким человеком. Его когтистая рука появилась из-под одеяла, и он перекрестился. — Грехи плоти, — сказал он мрачно.

— Он любил женщин, отче? — спросил я с улыбкой.

— Женщин, парней, девушек, детей. Любил ли он их? Он любил их обижать. Это слухи, конечно. Возможно, я ошибаюсь, но слухи были очень настойчивыми, и королева изгнала его со двора. Значит, сын собирает труппу?

— Мне так сказали.

— Желаю ему удачи. Интересно, кто будет писать ему пьесы?

— Я не знаю.

— Говорят, он богач. Его отец был богачом. Каждый раз откупался от неприятностей, так говорят. Он подлизывается, да?

— Подлизывается?

— Новый граф. Королева любит театр, и чтобы угодить ей, нужно предложить новую труппу и новые пьесы. Может, это возможность для тебя?

— Я пообещал остаться в «Театре» ещё на несколько недель, отче, — сказал я и наконец почувствовал удовлетворение, что буду играть мужскую роль. — А может, останусь и потом.

Затем я вспомнил, что мы начнём репетиции в понедельник, в большом зале лорда-камергера в Блэкфрайерсе. И моя радость превратилась в волнение, когда я подумал о Сильвии, служанке. Я перевернул страницы, которые мне предстояло скопировать, и увидел строчки, заставившие меня улыбнуться.

*Достоинства твои
Меня невольно вынуждают сразу
Сказать, поклясться, что тебя люблю я!*

В понедельник, поклялся я, мир родится заново. Я сыграю мужчину.

Часть вторая

Любовь и разум

*По правде говоря, любовь и разум в наши дни плохо ладят.
«Сон в летнюю ночь» Акт III, сцена 1*

Глава четвёртая

Я тщательно готовился к понедельнику. Рано проснувшись, я почувствовал дрожь предвкушения, не только потому, что наконец начал репетировать мужскую роль, а потому что мы будем репетировать в особняке лорда-камергера в Блэкфрайерсе, а именно там работала Сильвия. Я попытался вызвать её облик в воображении, но хотя вспомнил серые глаза, пухлые губы, светло-каштановые волосы и озорную улыбку, не сумел воспроизвести лицо целиком. В моём воображении не предстала картина, но сегодня я смогу увидеть её снова. Сильвия!

Я обтёрся влажной тканью и почистил зубы, натирая их костной пастой каракатицы так усердно, что закровоточили дёсны. Я надел свежестыранное служанкой Агнес бельё — она всякий раз краснела, встречая меня на лестнице или на кухне в задней части дома вдовы Моррисон. Хромая Агнес была на год-два старше меня, рябая, с жидкими каштановыми волосами. Я иногда помогал ей донести воду из приходской водокачки, и она заикалась и краснела.

Я надел свои самые чистые чулки, тёмно-серые, и подвязал их лентами из белого шёлка, а поверх них — пару чёрных штанов на подкладке, позаимствованных из гримёрки «Театра». Вся чёрная одежда стоила дорого из-за краски, а штаны были красивые, хотя сильно поношены и кое-где залатаны тёмно-синей тканью, почти чёрной. Я надел белую льняную рубашку и камзол в серо-жёлтую полоску с рукавами, пришитыми к плечам белой тесьмой с серебром. Серебряное шитье! Я улыбнулся, когда вспомнил возчика Неда, рассказывающего матери о серебряном шитье моего брата, хотя, несомненно, его украшения были честно куплены, а мои украдены из гримёрки. Камзол, как и штаны, принадлежал «Театру», и я надеялся, что все пайщики позабудут об одежде, а также надеялся, что они позабудут о жилете горчичного цвета с серебряными пуговицами, который я носил поверх камзола. Пуговицы служили исключительно для украшения, поскольку жилет был поношенным, а поверх я пришил белую присборенную ленту вместо воротника. Я почистил пыль с широкополой шляпы из тёмно-серого фетра, застегнул чёрный кожаный пояс на талии и повесил нож в

ножнах рядом с пряжкой, затем натянул свои лучшие сапоги высотой до колена, чтобы грязь не попадала на штаны.

— Святые небеса! — воскликнула вдова Моррисон, увидев меня на кухне. — Вы только посмотрите! Ты на свадьбу собрался, Ричард? — Она вытянулась и поправила ленту. — Женишься что ли?

Я положил на стол шиллинг.

— Знаю, я должен вам больше.

— Да. — Шиллинг исчез как по волшебству. — Ричард, ты можешь заложить эту одежду.

— Он выглядит прекрасно, — пробормотала Агнес.

— Не знаю, как он позволяет себе выглядеть прекрасно, — сказала вдова. — Он не может заплатить за жильё, но может наряжаться. Думаю, ты и перекусить хочешь? — спросила она. — Ты ведь не собираешься умереть от голода до того, как заплатишь мне, правда?

— Было бы неплохо, — сказал я смиренно.

Вдова отрезала кусок хлеба.

— Ты сегодня репетируешь?

— В доме лорда-камергера, — сказал я небрежно, как будто репетировал там каждый день. — В его особняке в Блэкфрайерсе.

— Ого! — просияла она. Любое упоминание об аристократии привлекало внимание вдовы, а рассказ о представлении перед королевой стоил арендной платы за целую неделю.

— Это хорошо, милый, — произнесла она и вознаградила меня, намазав несколько капель жира на хлеб. — Ну-ка, расскажи мне всё об этом.

— Он кузен королевы, — сказал я, пользуясь своим преимуществом.

— Это я знаю, милый, — сказала она.

Вдова Моррисон — яркая и бесцеремонная женщина с чёрными волосами, раньше она была замужем за актёром.

— Я встречала его милость, — сказала она, — когда был жив мой муж, упокой Господи его душу. — Она перекрестилась. — Очень любезный человек.

— Ваш муж?

— Разумеется, он был любезным. Боже, я смотрю на этих новых актёров, и мне хочется, чтобы мой мистер Моррисон был ещё жив. Он мог зажечь публику одним жестом! — Она шмыгнула носом. — А его

голос! Он мог призвать ангела с небес этим голосом. Никакого шарканья и бормотания, как, бывает, играют сегодня. И его милость платил щедро. Спасибо тебе за арендную плату, милый.

Накануне я принёс брату скопированную роль Титании, и к моему удивлению, безо всякого напоминания дал мне обещанные два шиллинга. Сначала он просмотрел мою работу и одобрительно хмыкнул.

— Ты переписываешь хорошо, — сказал он, а потом неожиданно спросил, понравилось ли мне то, что я скопировал. Сомневаюсь, что его действительно заботило моё мнение, он просто хотел услышать какую-нибудь похвалу.

— Понравилось, — ответил я, а потом вспомнил совет отца Лоуренса быть добрее к брату. — Особенно мне понравилось... — начал я, но запнулся.

— Да?

— «Водить круги под свист и песни ветра», — процитировал я.

Он улыбнулся.

— Иногда, — сказал он, — слова приходят непонятно откуда. Мне тоже нравится эта строчка. — Он добавил скопированные мною страницы к стопке бумаг на столе. — Спасибо, и увидимся завтра.

Я указал на бумаги.

— Там есть роль Фрэнсиса Дудки?

— Все роли здесь.

— Могу я взглянуть?

— Посмотришь завтра, — сказал он, и его голос снова стал обычным, — и не опаздывай.

Опаздывать? Когда в Блэкфрайерсе Сильвия? Если бы я мог, то отправился бы в Блэкфрайерс в воскресенье и ждал всю ночь, чтобы ещё раз увидеть Сильвию, но вместо этого в понедельник я встал пораньше, оделся, чтобы произвести впечатление, поблагодарил вдову, взял предложенный хлеб с жиром, глотнул разбавленного эля и поспешил. Я перепрыгнул сточную канаву и не упал в неё, затем проследовал протоптанной зрителями тропой по Финсбери-филдс, где ветряные мельницы скрипели от южного ветерка. День выдался холодный, но светило солнце, и это казалось хорошим предзнаменованием. Прачки разложили тяжёлые льняные простыни по земле для просушки, их охраняли мальчишки с большими собаками.

Как всегда, над городом висела густая дымка, но солнце всё ещё бросало острые тени от зубчатых стен Мургейта. За воротами мне пришлось идти медленнее, потому что на улицах сновало много людей. Благодаря позаимствованному наряду я выглядел богаче, и ученики зазывали меня, предлагая серебряные тарелки, лён, седельное снаряжение, перчатки или тонкое французское кружево. Я не обращал на них внимания и уверенно шёл по городу, но всегда вспоминал про страх во время первого приезда. Теперь никто не обращался ко мне, никто не угрожал, потому что через семь лет я стал лондонцем. Для озиравшихся и крепко сжимавших свои кошельки новичков я выглядел лондонцем. Они пугались нищих, многие из которых получили тяжелые ранения на войне в Ирландии или Нидерландах, и почти все голодали.

Это была долгая прогулка. Театр лежал к северу от города, на его восточной стороне, а Блэкфрайерс находился на реке рядом с западными стенами. Я ненавидел Блэкфрайерс и, обойдя надвигающуюся громаду святого Павла, спустился по Картер-лейн в сторону Эддл-хилла. Именно там жил сэр Годфри, в огромном каменном доме рядом с церковью святого Бенета. Однажды во сне я с удовольствием всадил клинок ему в живот. Я часто об этом думал: как посмотрю в его испуганные глаза, когда дерну клинок вверх, как он будет просить у меня пощады, а я с улыбкой откажу. Потом я совсем забыл про сэра Годфри, когда повернул на Сент-Эндрю-хилл, где располагался городской особняк лорда-камергера. Огромный дом когда-то был монастырём и стоял на западной стороне улицы, прямо над рекой. Раньше я не бывал в доме, но найти его оказалось несложно, потому что над главными воротами виднелась вырезанная из камня большая белая роза. У ворот толпились просители и стояли два человека в ливреях и с алебардами.

Когда я пробирался мимо цепляющихся рук попрошаек, один из стражей обратился ко мне:

— Куда идёшь?

— Я...

— Ты из актёров? — прервал он меня.

Он был похож на мрачного зверя, бородатое лицо очерчивал плотно прилегающий шлем.

— Да.

— Тогда пройди через задний ход, приятель. — Он ухмыльнулся,

оглядывая меня сверху донизу, явно не впечатлённый моей прекрасной одеждой. — Через задний ход, — снова очень медленно повторил он. Он переместился с ноги на ногу, и на клинке алебарды блеснул солнечный свет. — Это на Уотер-лейн, — добавил он, резко дёрнув головой в шлеме, — и тебе туда.

Я повернулся, но меня снова остановили.

— Мы приближённые его милости! — раздался голос. Мы входим в дом его милости, когда хотим, где хотим и через те ворота, которые захотим.

Это был Алан Раст, он схватил меня за руку и развернул обратно к внушительной арке.

— Ты хочешь... — начал мрачный стражник.

— Доложить его милости о твоём нахальстве? — закончил предложение Раст. — Как тебя зовут, приятель? — Оба стражника выглядели смущёнными. — Нас вызвали, приятель, — сказал Раст человеку, который меня развернул, — нас вызвал его милость, и он не слишком обрадуется, когда услышит, что вы нас задержали. Ворота, будьте добры! Он указал на маленькую калитку в одной из двух массивных створок. — Живей, приятель! Живей!

Он воспользовался своим голосом короля-тирана, и мрачный страж поспешил открыть калитку и не стал спорить.

— Проходите, господин Дудка, — приказал мне Раст.

Я ступил в освещённый солнцем внутренний двор. Алан Раст шёл следом и предоставил стражнику возможность закрыть за ним калитку. Он улыбался.

— Вот это — вход, — сказал он. — Пользоваться входом для прислуги на Уотер-лейн, ещё чего! За кого он нас принимает? За судомоек его милости? Куда, чёрт возьми, нам теперь идти?

Я видел только один вход в особняк со двора и указал на него.

— Туда, мне кажется.

— Мне тоже. — Он пошёл через вымощенный камнем двор. — Солнце! Я уже позабыл, как оно выглядит. Солнечный свет, и никакого дождя!

— Никакого дождя! — радостно согласился я.

Лето и осень выдались прохладными и сырыми, а значит, урожай снова будет скудным. Народ голодал, я слышал на улицах болтовню про погромы богатых домов. Цены росли, ходили слухи, что в Лондоне

войска уже безжалостно подавили бунт, а вожakov повесили без лишних слов. Однако театры всё ещё наполнялись.

К внушительному арочному проёму вёл короткий лестничный пролёт в несколько каменных ступеней. Алан Раст постучал в запертую дверь кулаком, потом окинул меня взглядом.

— Вижу, ты приоделся по случаю, Ричард.

— Надеюсь, прилично, — уклончиво ответил я.

— Прилично! — в его голосе звучала насмешка. — Дай бог нам всем такой обходительности. Да где эти чёртовы люди? — Он снова заколотил в дверь, и опять без ответа. — Ты, должно быть, счастлив играть Фрэнсиса Дудку?

— Очень.

— Это хорошая роль, — сказал он с энтузиазмом.

— Брат говорил мне, что он любовник, да? — задал я вопрос с надеждой, что он побольше расскажет мне о персонаже.

— Дудка — любовник, конечно, — серьёзно сказал Раст, — и если бы пьеса была не комедией, можно было бы даже назвать его трагическим любовником.

— Трагическим?

Я был заинтригован.

Раст заколотил в плотно закрытую дверь.

— Все спят что ли?

И тут мы услышали, как открывают засов. Дверь отворилась, выглянула встревоженная женщина.

— Господа?

— Нас вызвали в большой зал, — важно объявил Раст.

— Да, милорд, — ответила женщина, открывая двери пошире.

Она была немолода, а в руке держала берёзовый веник. При виде моей одежды она подпрыгнула в реверансе.

— А где большой зал, дорогуша? — поинтересовался Раст, проходя через длинный коридор, выложенный каменной плиткой и увешанный гобеленами.

— Прямо, милорд, — женщина указала на широкий коридор. — Вон туда.

— Мы навечно останемся у тебя в долгу, — сказал Раст и повёл меня по коридору, который заканчивался у большой двойной двери. Он распахнул обе створки и резко остановился. — Боже, — сказал он после

долгой паузы. — О боже! — Мы добрались до большого зала, очевидно, первыми из трупы. — О боже! — повторил Раст.

Зал был огромным, сумрачным и грандиозным. Элегантно вырезанные дубовые балки поддерживали высокую крышу, каждая украшена белыми резными розами, обрамленными сусальным золотом. Стены обшиты панелями и завешены великолепными гобеленами со сценами охоты, а между гобеленами висели древние мечи, копья и секиры, создавая узоры.

Мы прошли с длинной стороны зала. Напротив зиял очаг, его края и каминная полка выполнены из резного белого мрамора, окружающего почерневшее от огня пространство, в котором можно зажарить и быка. Огонь не горел, в камине были только две огромные железные подставки для дров в огромной куче золы. В центре зала стоял длинный стол в окружении стульев с высокими спинками. Я их пересчитал: тридцать шесть; слева от нас находилась галерея для менестрелей, пара дверей под ней вела в остальную часть особняка. На противоположном конце зала, смотрящем на юг, виднелось большое окно, выступающее из стены, к нему вела пара резных деревянных ступеней.

— Чтобы смотреть на реку, — сказал Раст. Там было мягкое сиденье в широком эркере, единственное окно в покоем на пещеру зале. — Только одно окно? — удивился Раст. — Подумать только, сколько приходится тратить на свечи! — Он подошёл к тёмному пространству под галереей менестрелей, чтобы оценить длину зала. — Да будет свет! — громко сказал он и хмыкнул. — Здесь эхо. Но когда зал наполнится свадебными гостями, будет не так плохо. Ты когда-нибудь играл в свадебной пьесе?

— Нет.

— Я это ненавижу, — проворчал он, — терпеть не могу.

— Почему?

— Потому что вся публика напивается, вот почему. Эти ублюдки начинают пить ещё до полудня, а к вечеру, когда нам играть, уже либо шатаются, либо остолбенели. Всё равно что играть в зале, полном пердящих трупов. — Он прошёлся по залу, громко стуча по каменным плитам, потом по короткой лестнице вскарабкался к эркерному окну и теперь глядел сквозь него на скрытое в тумане солнце над Темзой. — И ведь у них привилегии, Ричард. Ты не смеешь велеть им заткнуться. Заскучают — проболтают всю пьесу. Единственное, что способно

заставить их сидеть смирно — присутствие королевы. И ещё удовольствие от спектакля. Тогда будут сидеть тихо.

— А королева будет?

Он пожал плечами.

— Кто знает? Она ведь кузина лорда Хансдона, так что возможно. Надеюсь. Терпеть не могу играть перед залом, полным щебечущих лордов.

— Зачем нас нанимать, если они не смотрят? — спросил я.

— Просто показать, что могут себе это позволить. Мы — те жемчужины, которые рассыпают перед свиньями.

Я поднялся вслед за ним по ступеням.

На реке, кишущей мелкими лодками перевозчиков, поблёскивал солнечный свет. Вниз по течению шла большая баржа под парусом, должно быть, откуда-то из провинции, гружёная зерном или овощами. Между судами сновали лебеди. На южном берегу виднелась арена для травли быков собаками, ужасающе похожая на «Театр», а на западе — новый игровой дом, который строил Фрэнсис Лэнгли. Здание возвышалось над маленькими домами южного берега, хотя каменные стены все ещё не были достроены и как паутиной покрыты сетью деревянных лесов.

— Ты только взгляни, какой он здоровенный, — презрительно произнёс Раст. — Чтобы его заполнить, нужно не меньше трёх тысяч зрителей!

— Ему понадобятся актёры, — сказал я, вспомнив разговор с преподобным Венейблсом.

Казалось, Раст меня не слышал. Он смотрел вдаль на строительные леса.

— Двадцать лет назад, — произнес он, — в Лондоне не было театра. И нигде не было. Мы играли на постоянных дворах, три раза в неделю. Понедельник в Глостере, среда в Вустере, суббота в Уорике, и одну и ту же чушь можно было сыграть во всех трёх местах. Теперь мы играем для одной и той же аудитории неделю за неделей, и нам нужно что? Тридцать, сорок пьес в год? Где Лэнгли собирается их найти? Ему не нужны актёры, актёров навалом, ему нужны люди, которые могут писать пьесы, а такие люди не растут на деревьях. Если хочешь заработать, сынок, — он слегка ударил меня по руке, — не трать время, чтобы скакать на сцене, пиши чёртовы пьесы! Вот где деньги.

— Я не умею писать.

— Слава богу, твой брат умеет. Я просто хочу, чтобы он писал больше. Зверя нужно кормить.

— Зверя?

— Публику. Огромный зверинец, который всегда жаждет чего-нибудь новенького.

Прибывали остальные актёры, проходя через двери под галереей менестрелей. Я слышал их потрясенные возгласы, когда они разглядывали большой зал. Кит Сондерс и Саймон Уиллоби забрались на длинный стол и танцевали по нему, сцепив руки и кружась, они рассмеялись, когда чуть не упали. Суфлёр Исая Хамбл перетасовывал бумаги на конце стола и возмутился, когда Саймон Уиллоби танцевал слишком близко к его тщательно уложенным стопкам. Алан Раст спустился и присоединился к моему брату и Уиллу Кемпу, которые стояли рядом с потухшим камином, а потом к ним подошёл благообразный седой человек в ливрее с белой розой лорда Хансдона. Он обернулся, хмуро глядя на Кита и Джона.

— Эй, мои юные друзья, — строго сказал он, — этот стол полированный. Поберегите его!

— Он говорит, уберите свои паршивые ноги со стола, — проворчал Уилл Кемп.

Я наблюдал за двумя мальчиками с высоты эркера и почувствовал волну удовольствия. Наконец-то я сыграю мужчину! Я больше не мальчик. Я актёр, мужчина, человек лорда-камергера! До сих пор я был «ни рыба, ни мясо», не ученик и не должным образом нанятый человек. Меня просто терпели, как младшего брата пайщика, но теперь у меня есть настоящая роль. Я спустился по короткой лестнице, решив показать, что заслужил доверие. Я уж постараюсь, чтобы пайщики меня оценили.

— Нам нужны свечи, — нерешительно сказал Исая Хамбл, — это возможно? Извините, а то очень темно.

— Свечи уже несут, — ответил человек в ливрее.

На нём было тёмно-серое одеяние, подбитое мехом, и показывающая статус цепь на шее.

— А огонь? — спросил брат. — Здесь так холодно.

— Уверен, его милость позволит разжечь камин.

— Благодарю вас, — произнёс мой брат и постучал по столу,

привлекая всеобщее внимание.

— Садитесь, садитесь! И благодарю за то, что вы здесь в столь ранний час.

В ответ раздались смешки. Все разместились — пайщики в одном конце, мальчишки в другом, наёмные актёры посередине. Я сел между Джоном Дюком и Джоном Синкло, наёмными.

— Я хотел собрать всех вас здесь, — продолжал брат, когда стих скрежет стульев, — чтобы вы увидели место, где мы будем играть. Конечно, оно будет выглядеть немного иначе. Его милость дал нам разрешение установить подмости. — Брат обернулся к седовласому человеку в ливрее лорда Хансдона, и тот кивнул. — Позвольте представить вам Уолтера Харрисона, управляющего его милости, который будет присматривать за соблюдением порядка, пока мы здесь. Желаете что-нибудь сказать? — спросил он управляющего.

Стоявший до сих пор в тени Харрисон выступил вперёд и теперь сурово глядел на нас.

— Его милость приветствует вас, — начал он. — Вы можете свободно использовать это пространство для своих упражнений.

— Репетиций, — раздражённо поправил Джон Синкло, но не слишком громко, чтобы не услышал управляющий.

— Вы можете приходить сюда и уходить через ворота с Уотерлейн, — продолжал Харрисон, — и подходить в зал через буфетный коридор, а не через главный вход, как поступили сегодня некоторые.

— Виновен, — с насмешкой сказал Алан Раст.

— Буфетный коридор ведёт вот к этим дверям, — Харрисон указал на две двери под галереей для музыкантов. — За ними — лестница на галерею менестрелей, ею тоже можете пользоваться. Я правильно понял, вы хотите использовать и её? — обратился он к моему брату, и тот кивнул. — На этом всё, — жёстко заключил Харрисон. — В вашем распоряжении конюшенный двор, буфетный коридор, коридор за теми дверями, галерея и этот зал. Весь остальной дом для вас закрыт.

— Ну, а где нам мочиться? — бесцеремонно спросил Уилл Кемп.

— В конюшенном дворе, — сказал Харрисон.

— Что нам использовать как гримёрку? — мрачно спросил Джордж Брайан.

Его сломанный нос заживал, хотя всё ещё оставался распухшим, и синяк пока не совсем сошёл.

Ответил мой брат:

— Его милость позволил нам поставить под галереей новую стену, большая часть пространства под галереей станет нашей гримёркой. Сцена разместится перед этой новой стеной. Там будет три двери. Большая посередине и две поменьше — с боков.

— Совсем как в «Театре», — вставил Джон Хемингс.

— Да, совсем как в «Театре», — согласился брат.

— Это длинная пьеса, — поднявшись с места, вмешался Уилл Кемп, обращаясь ко всем. Ему нравилось демонстрировать свой авторитет. Ну конечно, он же пайщик, и, по его мнению, брат уже достаточно долго говорил. — В ней много ролей. Значит, многие из вас будут просто сидеть тут без дела и плевать в потолок, пока другие репетируют. И вы будете вести себя тихо? Да я гляжу на ваших учеников...

— Разрешите? — Уолтер Харрисон вопросительно взглянул на моего брата, но ответил ему опять Уилл Кемп.

— Говорите, господин управляющий!

— Его милость, — сказал Харрисон, — дал указания, очень строгие указания, чтобы никто из домашних не присутствовал при ваших упражнениях. Конечно, он и её милость читали пьесу, и она им понравилась, но он желает, чтобы для всех остальных в доме она стала сюрпризом в день свадьбы. Я знаю, что леди Элизабет приходила в «Театр» и беседовала с вами, но содержание пьесы ей неизвестно, и она не должна его узнать. Если увидите слуг, присутствующих здесь или слушающих с галереи, попросите их удалиться. Вам следует настаивать, чтобы они удалились, — твёрдо повторил он, и я поморщился. Я так старательно наряжался в надежде увидеться с Сильвией, служанкой Элизабет Кэри, но, похоже, напрасно. — Единственным исключением, — продолжил управляющий, являются сопровождающие мальчиков наставники.

— Мальчиков? — с ужасом в голосе переспросил Уилл Кемп.

— Будет музыка, — пояснил мой брат, — и хористы его милости будут петь в хоре эльфов.

— Боже, помоги нам, — прорычал Уилл Кемп.

— Хор эльфов танцует? — спросил Ральф Перкинс, обучающий танцоров в «Театре».

— Они будут танцевать, Ральф, и ты покажешь им как. А теперь, —

мой брат шагнул вперёд, мягко демонстрируя свою власть над Уиллом Кемпом, — у нас мало времени, потому что нам нужно быть в театре после полудня, но мы прочитаем, сколько успеем. Вы можете держать свои роли, держать их и учить.

— Вызубрите их, — проворчал Уилл Кемп.

— И не теряйте роли, — проворчал мой брат.

— Скажи, о чём пьеса, — все ещё стоя обратился Кемп к моему брату.

— Это свадебная пьеса, — ответил тот, — и всё действие происходит как-то ночью в Афинах.

— В Афинах? — переспросил Джордж Брайан. Он нахмурился. — Почему в Афинах?

— Потому что в Афинах нет чёртова дождя, — сказал Уилл Кемп.

— Дождь есть везде.

— Афины во Франции? — спросил Саймон Уиллоби.

Мой брат ударил по столу, чтобы остановить болтовню.

— Мы начнём с «подгонки» пьесы, — сказал он, имея в виду распределение ролей каждому актёру. — История начинается во дворце Тезея, герцога Афинского, женатого на Ипполите, царице амазонок.

— Это я, — живо откликнулся Томас Белте с ученического конца стола.

— Мистер Хамбл, прошу, — сказал мой брат, и Исая аккуратно вытащил две пачки бумаг из стопки на столе и положил первую перед Джорджем Брайаном. Все мы попытались по количеству страниц предположить, велика ли роль Тезея. Она показалась существенной.

— Я должен всё это выучить? — спросил Джордж, просматривая страницы.

— Если только не предпочтёшь играть Горчичное зерно — ответил мой брат.

— Я царица амазонок, — радостно сказал Томас Белте, худой веснушчатый парень, когда Исая дал ему стопку потоньше.

На распределение ролей ушло несколько минут, и когда их разложили на столе, брат описал пьесу, которая показалась мне слишком запутанной. В ней фигурировали герцог с Ипполитой, которые поженились, и две пары любовников со двора герцога Тезея. Одна из двух девушек, Гермия, чью роль исполнял Кит Сандерс, предполагала выйти замуж за Деметрия в исполнении Генри Конделла, но в

действительности была влюблена в Лизандра, которого играл Ричард Бёрбедж. Тем временем Елена, которую играл Александр Кук, также была безумно влюблена в Лизандра, и все четверо любовников блуждают в лунном лесу, где их еще сильнее околдовывают волшебным зельем, предложенным им Аланом Растом, играющим персонажа по имени Пак, который, в свою очередь, служит Оберону, царю эльфов в исполнении Джона Хемингса.

Ричард Бёрбедж пробежался по тексту своей роли, которая выглядела огромной.

— Почему мы идём в лес, Уилл? — спросил он.

— Ты тайно сбегаешь с Гермией.

— А этот Пак что делает?

— Вызывает путаницу.

— Так может, мне сыграть Пака? — заявил Уилл Кемп.

— Нет, — коротко ответил мой брат. — Между тем, — продолжил он, — группа афинских торговцев тоже идёт в лес, чтобы репетировать пьесу, которую они надеются сыграть перед герцогом на свадебном вечере.

— Весьма оживлённый лес, — пробурчал Уилл Кемп.

— Почему они не репетируют в сарае? — печально спросил Джордж Брайан. — Или дома? Почему идут в лес?

— Всё это объяснено в пьесе, — спокойно ответил брат.

— Хотелось бы узнать об этом, — прорычал Алан Раст, — помолчите вы все, и пусть Уилл расскажет.

Мой брат продолжил, объясняя, как Ник Основа, ткач в исполнении Уилла Кемпа, и один из торговцев превратились в ослов, и Титания, царица эльфов в исполнении Саймона Уиллоби, влюбилась в него благодаря волшебному зелью Пака. Брат описал всё это, а я попытался разобраться в других историях, а также уловить любое упоминание о Фрэнсисе Дудке или женщине, которую он любил. Я не услышал ничего, что внесло бы ясность, и решил, что нужно подождать, пока я не получу свою роль.

Мы прервались, пока двое слуг вносили свечи, расставляли их на столе и зажигали, чтобы мы могли читать роли. Когда все свечи загорелись, Уолтер Харрисон одобрительно кивнул.

— Нам следует оставить вас одних, — сказал он и вслед за двумя слугами удалился из зала.

— Теперь мастеровые, — сказал мой брат.

— «Мастеровые»? — перебил Уилл Кемп. — Ради бога, что за «мастеровые»?

— Они торговцы из Афин, — коротко сказал брат. — Я сыграю Питера Пигву, плотника.

— А разве не Питер Пигва держал мастерскую на Коу-лейн? — спросил Джон Хемингс.

— Он самый, — ответил брат. — Уилл, у тебя уже есть роль Мотка, да?

— Он же плотник, — сказал Джон Хемингс.

— Колёсный мастер! — поправил его Генри Конделл. — Это его брат Джеймс был плотником.

— Они оба умерли от чумы, упокой их Господи, — вставил Джон Хемингс.

— Вы закончили? — зыркнул на них Уилл Кемп. — И да, Уилл, я получил эту роль. — Он помахал несколькими листами бумаги.

— Ричард, — мой брат посмотрел на Ричарда Коули, не на меня, — будешь играть Рыло, медника. — Он подождал, пока Исайя положит роль Рыла перед Коули. — Джон? — он посмотрел на Джона Синкло рядом со мной, — ты Робин Заморыш, портной.

— Заморыш! — сказал Саймон Уиллоби и рассмеялся.

Прозвище подходило, потому что Джон Синкло был невероятно худым.

— Джон Дюк? — брат пробежался взглядом по столу. — Теперь ты. Ты Миляга, столяр.

Исайя положил один лист бумаги перед Джоном Дюком. Кто-то хихикнул, и Джон Дюк, один из наёмных, нахмурился.

— Это очень маленькая роль, — грустно сказал он.

— Там много импровизации, — сказал брат, — ты будешь вопить.

— Вопить? — Дюк был озадачен.

— Я могу вопить! — вставил Уилл Кемп, что сразу же продемонстрировал, заревев, как безумный зверь. Саймон Уиллоби хихикнул и тоже попытался зареветь.

— Хватит! — Мой брат хлопнул по столу. — Ревёт Миляга, и только Миляга! — Он уставился на Уилла Кемпа, усмехнувшегося в ответ. — И последний из мастеровых, — продолжил брат, — Фрэнсис Дудка, починщик раздувальных мехов. И эта роль, — он улыбнулся

мне, действительно улыбнулся, — эта роль целиком твоя, Ричард.

Исайя положил последнюю стопку бумаг передо мной. Там было четыре или пять страниц, и это значило, что роль вполне существенная, и конечно, намного больше, чем у всех остальных мастеровых. Брат начал объяснять первую сцену пьесы, происходившую во дворце Тезея, но я не слушал. Вместо этого я с нетерпением читал строки роли Дудки и искал персонаж, в которого я влюблён. Это была моя первая настоящая роль мужчины! Я был взволнован.

Потом я перешёл к третьей строчке Фрэнсиса Дудки, и моё сердце оборвалось. Я вытаращил глаза. На мгновение я не мог поверить тому, что вижу. Потом я снова взглянул в начало страницы и прочитал реплики и строчки. «Мерзавец, — подумал я, — какой же ты мерзавец!»

— Итак, начнём, — сказал мой брат, — Джордж? У тебя первая строка.

Мерзавец!

Я хотел встать и уйти. Вместо этого я сидел и закипал. Начало пьесы с обычными длинными речами пронеслось мимо меня.

— Полон досады, — услышал я слова Томаса Поупа, но они и близко не отражали моё состояние.

Я был полон досады и унижения, злости и презрения. Вставай, говорил я себе, вставай и уходи, но обычная буханка стоит целый пенни, и я нуждался в деньгах. Мне придется терпеть насмешки или голодать.

Пьеса продолжалась. Никто не был особенно взволнован услышанным. Герцог пригрозил убить Гермину, если она откажется выйти замуж за Деметрия, но какое мне было дело? Я знал, что покраснел, и уткнулся в страницу на столе, не осмеливаясь поднять голову и поймать взгляд брата.

— Вся ли наша компания в сборе? — прорезался голос моего брата.

— А ты лучше сделай переключку: вызови нас всех по списку, — Уилл Кемп, играя Ника Основу, наконец добавил некоторую энергию в чтение. Все оживились, с нетерпением ожидая остроумия Уилла Кемпа. Я догадался, что приближается моя роль, и поэтому смотрел в начальную строчку на первой странице.

— Вот список, — читал мой брат, — с именами всех, кого нашли мало-мальски пригодными, чтобы представить нашу интермедию перед герцогом и герцогиней вечером в день их бракосочетанья.

— Прежде всего, добрейший Питер Пигва, скажи нам, в чём состоит пьеса, потом прочти имена актёров — так и дойдёшь до точки!

Все рассмеялись, потому что замечание Ника Основы и тревога Питера Пигвы были так похожи на то, как Уилл Кемп всех прерывал и надоедал другим исполнителям, когда мы репетировали пьесу. Кемп понял шутку и усмехнулся.

— Прямо в точку, Уилл! — сказал он.

— Правильно! — мой брат тоже ухмыльнулся, заразившись энтузиазмом Уилла, — Пьеса наша — «Прежалостная комедия и весьма жестокая кончина Пирама и Фисбы». На этот раз смех был громче, актёры за столом наслаждались диалогом.

«Прежалостная комедия и весьма жестокая кончина Пирама и Фисбы» — пьеса, которую торговцы из Афин хотели играть на свадьбе герцога. Она, несомненно, докажет насмешку над такого рода представлением со стороны портных, плотников и пахарей, которые развлекались дома зимней ночью.

— Превосходная штучка, заверяю вас словом, — искренне сказал Уилл Кемп, — и превеселая! Ну, добрейший Питер Пигва, теперь вызови всех актёров по списку. Граждане, стройтесь в ряд!

— Отвечайте, когда назову! — произнёс мой брат. — Ник Основа, ткач!

Я знал, что скоро настанет черед моих строчек. Я уткнулся в листок. Когда Кемп произнёс бурную речь, все вокруг засмеялись. У Ника Основы в пьесе, которую будут играть мастеровые, была роль Пирама, но он умолял Питера Пигву дать ему ещё более героическую роль. Все ухмылялись, понимая, что Ник Основа списан с Уилла Кемпа, Кемп и сам наслаждался шуткой.

— Вот вам была манера Геркулеса, — закончил он, — характер злодея; любовник — куда слезоточивее!

— Фрэнсис Дудка? — сказал мой брат, — починщик раздувальных мехов?

Это была первая строка на моём листе бумаги.

— Есть, Питер Пигва! — прочитал я безжизненно. Пайщики смотрели на меня, ухмыляясь при свечах. Они знали, что последует потом.

— Дудка, — я чувствовал сдерживаемую веселость в голосе моего брата, — Ты должен взять на себя роль Фисбы.

— А кто это будет Фисба? — прочитал я почти беззвучно, — Странствующий рыцарь?

— Нет, это дама, в которую влюблен Пирам, — сказал брат, не в силах сдержать веселье, и при этих словах весь зал взорвался хриплым смехом.

— О, это здорово, Уилл, это очень здорово! — произнёс Джон Хемингс.

— Нет, это дама, в которую влюблен Пирам! — проскрипел Саймон Уиллоби, и я чуть не заткнул маленького засранца.

— Говори, Фисба, — сказал Уилл Кемп с диким наслаждением, — давай тебя послушаем!

— Нет, честью прошу, — прочитал я, — не заставляйте меня играть женщину. — И на этой фразе все снова начали смеяться. Я подождал, но смех не прекращался, поэтому я сердито повысил голос, чтобы закончить фразу: — У меня борода пробивается.

— У него борода пробивается! — ликовал Саймон Уиллоби.

— Ничего не значит, — брат не смотрел на меня, когда произносил свои строки, — можешь играть в маске и будешь пищать самым тоненьким голоском.

— В маске! — повторил Ричард Бёрбедж, закрыв лицо руками и изображая маски знатных дам для защиты от летнего солнца, чтобы не потемнела кожа.

— И говори тонким голосом, Ричард! — радостно вскрикнул Саймон Уиллоби. — Говори тоненько!

— Ты играешь мужчину, — сказал Раст, — ты всегда этого хотел!

— Который играет женщину, — сказал Саймон Уиллоби, на всякий случай, если кто-нибудь за длинным столом не понял шутку.

Уилл Кемп, точнее, Ник Основа, прервал его с требованием сыграть Фисбу вместо меня, и началось ещё большее веселье, потому что Кемп славился тем, что хотел сыграть другие роли помимо своей. Труппа начала наслаждаться пьесой, и по мере её продолжения в зале нарастало веселье, а я просто кипел от негодования. Алан Раст был прав, я играл мужчину, но мужчина, которого я играл, должен был притворяться женщиной. И я ничего не мог с этим поделать.

Ухмыляющийся брат меня обманул. Когда репетиция закончилась, я подумал, что сумею как-то на это повлиять.

В тот день мы так и не закончили читать, времени было слишком

мало. Когда городские церкви пронзительно отбили одиннадцать, брат велел нам забрать свои роли, выучить их и собраться в «Театре» на следующее утро, чтобы закончить чтение.

— Участвующие в «Семи смертных грехах» теперь должны пойти в театр, — сказал он.

— Почему завтра мы не репетируем здесь? — спросил Джордж Брайан.

— Завтра здесь будет Питер Стрет, — объяснил брат. Плотник Стрет выполнял большую часть работ для «Театра». — Чаще всего мы будем репетировать здесь, — продолжил брат, но завтра привезут доски для новой сцены и стен, и будет шумно.

Я не участвовал в «Семи смертных грехах», а значит, во мне не было необходимости. Мой брат, погружённый в разговор с Джоном Хемингсом и Генри Конделлом, проигнорировал меня, когда уходил. Однако Алан Раст меня отыскал.

— Ты сглупил, — сказал он.

— Почему?

— Потому что Дудка — хорошая роль. Всё дело в том, что ты плохо играешь женщину! Публика поймёт, что ты мужчина.

— Они и так это знают, — угрюмо сказал я.

— Ну что ты за дурак? Когда ты играешь Астинь, зрители не видят мужчину, одетого как женщина, они видят королеву! Они даже слышат королеву! Мы обманываем их, Ричард! А Дудка? Вся заковыка в том, что ты их не обманываешь. Ты, как говорится в пьесе, мужчина, играющий женщину. Таким образом, ты играешь женщину как мужчина, и играешь её плохо. Это шутка, и шутка очень удачная. — Он вывел меня через дверь под галереей менестрелей, но теперь колебался, не зная, какой путь выбрать.

— Наверное, это буфетный коридор.

Это действительно был буфетный коридор, и он вел в конюшенный двор, где мыли и расчесывали пару лошадей для экипажа.

— Осмелюсь сказать, — произнес Раст, глядя на меня, — что ваша последняя сцена с Уиллом Кемпом будет самой забавной в пьесе. Это отличная роль! Тебе нужно радоваться.

— Мне придётся влюбиться в Уилла Кемпа? — сердито спросил я.

— Непросто, я согласен, но ты актёр. Ты справишься. Правда, Ричард, тебе нужно радоваться.

Я был совсем не рад. Раст прав, это шутка, но подшутили надо мной, а в довершении к моим страданиям, я не видел ни проблеска Сильвии.

Мы покинули конюшенный двор, и где-то на Уотер-лейн Раст повернул наверх, в направлении «Театра», а я свернул влево, к реке. В моём кошельке лежала горсть монет, и как бы мне ни было их жаль, я решил отправиться к лестнице Парижского сада на южном берегу Темзы. Мне больше нечего было делать в тот день, за исключением, может быть, изучения роли Фрэнсиса Дудки, а это энтузиазма у меня не вызывало.

У ступеней на нижнем конце Уотер-лейн ожидали полдюжины лодочников, но прежде чем я подозвал лодку, меня самого окликнули, или, вернее, меня отвлёк вздох, который заставил обернуться, и это, к моему удивлению и удовольствию, оказалась Сильвия. Очевидно, она следовала за мной по Уотер-лейн и направлялась, как и я, к реке. Она была в длинном сером плаще с капюшоном и несла корзину, покрытую чистой льняной тканью. Она улыбалась, что было приятно.

— Ты же актёр! — сказала она.

— Фрэнсис Дудка, — произнёс я импульсивно. Почему? Понятия не имею, и чтобы скрыть смущение, я поклонился. — К вашим услугам.

Она хихикнула от моего изощрённого поклона.

— Ты пересекаешь реку?

— Да.

— Тогда можешь идти со мной! — весело сказала она. — Вон та лодка в конце. — Она указала на дальний конец пирса, где сидели два лодочника.

— Почему эта лодка?

— Потому что здоровяк на вёслах — мой отец.

Она усмехнулась.

Все лодочники её знали. Они приветствовали её или по имени, или называя «дорогой» или «милой».

— Отхватила себе симпатичного парня, дорогая? — крикнул один.

— Для тебя он мистер Дудка, Билли, — крикнула она в ответ.

— Он хочет с тобой подудеть, милая?

Я думал, что она смутится, но она обернулась и хихикнула.

— На твою-то греблю надеяться бесполезно, Билли!

Лодочники захохотали, а её отец, усмехнувшись, встал, чтобы

помочь ей спуститься в лодку. Сильвия почтительно кивнула ему и наклонила голову, чтобы он поцеловал её в щеку.

— Как обычно? — спросил он.

— Как обычно, — сказала она, встревоженно посмотрев на меня. — Тебе подойдёт лестница Парижского сада?

— Я туда и собираюсь, — сказал я, ступая в лодку.

— Это мистер Дудка, — представила меня Сильвия. — Он один из людей лорда Хансдона, актёр!

— Для меня большая честь встретиться с вами, сэр, — ответил её отец, явно под впечатлением от моего заимствованного наряда. — Меня зовут Джо Лестер.

— Рад знакомству, сэр, — ответил я и сел рядом с Сильвией на широкую банку на корме лодки. Она помахала другим лодочникам, когда мы отплыли.

— Я знаю их с самого детства, — сказала она, объясняя свою фамильярность, затем улыбнулась отцу, крупному мужчине, гребущему против ветра большим веслом. — Боже, — сказала она, — как хорошо наконец-то убраться отсюда!

— Тебе повезло, что у тебя есть место, Сильвия, — сказал он, — у тебя и твоего брата.

— У тебя есть брат? — спросил я.

— Целых два! Два болвана. Да, Нед работает на его милость. Я знаю, что мне повезло, пап, и они благо для нас, но, боже мой, иногда мы просто сидим и ничего не делаем, пока её милость читает. Ну, может быть, не совсем ничего, но сколько единорогов может за день вышить девушка?

— Этим и занимается камеристка, — сказал её отец.

— Эта камеристка предпочла бы работать, — заметила Сильвия.

Я тайком взглянул на неё. Как я забыл это лицо? Просто смотреть на нее равносильно быть пронзённым стрелой Амура. При взгляде на неё перехватывало дыхание, закипала кровь, пронизывало до бесчувствия. Я вспомнил реплику Титании, которую переписал, и бормотал её себе под нос. «Как я люблю тебя, как обожаю!»

— Что ты сказал? — спросила Сильвия.

— Ничего, ничего.

— Так вы актёр, — сказал мне её отец. — Вы играете в «Розе»?

— В «Театре», — ответил я, — «Роза» — труппа лорда-адмирала.

— Мы иногда ходим в «Розу», — радостно сказал Джо. — В последний раз мы смотрели «Брат Бэкон и брат Банги». Я смеялся!

— Это смешная пьеса.

— Будет здорово, когда откроется новый театр, — сказала Сильвия, кивая в сторону чудовищной кучи, нависающей над домишками южного берега. — Он расположится прямо у твоего порога, папа!

— Со всеми этими чертовыми пьяницами, — произнес её отец. — Не обижайтесь, сэр. — Он оглянулся через плечо, чтобы оценить ход против течения и прилива. — Там и так хватает «Гадкого утёнка».

— «Гадкого утёнка»?

— Это таверна, — объяснила Сильвия. — Рядом с родительским домом. Я раньше там работала.

— Работала там? — с удивлением переспросил я.

— Не так, как ты подумал! — сказала она, смеясь, и я смутился, что она угадала мои мысли, хотя ни она, ни её отец как будто не обиделись. — Нет, — продолжила она, — в детстве я чистила там горшки.

— Она труженица, наша Сильвия, — гордо сказал её отец.

— Вот почему ты пересекаешь реку? — спросила она меня. — Чтобы увидеть новый театр?

— Мне хотелось бы его увидеть, — неуклюже сказал я.

— Мне тоже!

— Ты должна навестить нянюшку Доддс, — строго сказал её отец.

— Это я и собираюсь сделать, пап, это я и собираюсь, — сказала Сильвия и посмотрела на меня. — Милли Доддс — старая нянюшка сэра Джорджа, — объяснила она.

— Сэра Джорджа? — озадаченно спросил я.

— Он сын лорда Хансдона, — сказала она, — и отец невесты. Приятный человек, не правда ли, папа?

— Сэр Джордж Кэри — настоящий джентльмен, — подтвердил тот.

— Так вот, в полдень по понедельникам я отношу ей засахаренные фрукты и прочие сладости, — сказала Сильвия, показывая корзину. — Сэр Джордж настаивает. Он иногда и сам к ней ходит.

— Настоящий джентльмен, — повторил её отец, налегая на валёк весла.

— Ей выделили уютный домик, — продолжила Сильвия. — Ну, то есть ей позволили в нём жить. Она прекрасная пожилая дама. По четвергам я возу её на медвежьи поединки! Она любит эти маленькие

прогулки. Ты любишь марципаны?

— Никогда не пробовал.

— Никогда не ел марципан! Святые небеса! Вот, — она приподняла льняную ткань и достала желтый квадратик, достаточно мягкий, чтобы разделить его на четыре части. — Нянюшка Доддс не любит марципаны, но я не говорю сэру Джорджу, потому что мне они нравятся, вот, кусочек для тебя, кусочек для меня, кусочек для отца и кусочек для Тома. — Очевидно, Том — носовой гребец, который не произнёс ни слова с тех пор, как я забрался в лодку. — Только миндаль, розовая вода и сахар, — пояснила она. — И мы добавляем яичные белки, не все так делают, попробуй. Это как проглотить кусочек рая!

Лодка качнулась, идя по течению, и плавно причалила к лестнице Парижского сада. Я вышел первым и протянул руку, чтобы помочь Сильвии. Прикосновение её пальцев!

— Я тебя подожду, милая, — сказал её отец.

— Около часа, папа, — сказала она, — и спасибо, Том.

Том, грузный молодой человек, только кивнул.

— Мне заплатить? — спросил я её отца.

— Бог с тобой, парень! — ответил он. Он назвал меня «сэр», когда я впервые ступил в лодку, но короткое плавание через реку, очевидно, раскрыло ему мой истинный статус.

Я поблагодарил его и поднялся по каменной лестнице вместе с его дочерью. Я так хотел побыть с ней, но теперь обнаружил, что мне нечего сказать, или, скорее, что я потерял разум. Я репетировал сотни строк, чтобы произвести на неё впечатление, но не мог вспомнить ни одной. Однажды это случилось со мной в «Театре», я играл королеву в «Ричарде II», пьесе моего брата, роль, которую я так хорошо знал, но однажды слова просто испарились, как роса на солнце. Джон Дюк, наёмный актер, повернулся в левую сторону сцены,

— Вот герцог Йорк идет, — сказал он, и вошёл Джордж Брайан в ожерелье, и я должен был немедленно ответить.

С эмблемой войны вокруг дряхлой шеи.

Ах, полон взор его тревожных дум!

Скажите, дядя, слово утешенья.

Вместо этого я бессвязно бормотал, а Исайя Хамбл, который должен был подсказать мне слова, вышел помочиться. Джордж Брайан лишь уставился на меня, а простолюдины начали хихикать.

— Выучи слова! — выкрикнул один, и из толпы полетел огрызок яблока и сбил мою золотисто-бронзовую корону на ухо. После кошмарной паузы Джордж произнёс свою следующую строчку, которая начиналась «Я, сделав так...», и слова выглядели бессмысленными, потому что я стал заикаться, как беспомощный дурак. Именно так я чувствовал себя с Сильвией, когда мы поднимались по лестнице Парижского сада.

— Он милый, мой старик, — сказала Сильвия.

— Он показался мне приятным, — согласился я, запинаясь.

— Он добрый. Притворяется, что нет, но добрый. Мягкий, как пена, честное слово.

Я пытался что-нибудь сказать — что угодно!

— Можно я это понесу? — выпалил я, указывая на её корзину.

— Я почти пришла, — сказала она, кивая на близлежащие дома. И улыбнулась ярко, как солнце. — Если тебе понадобится вернуться на лодке, папа будет здесь ровно в час.

— Было бы здорово, — ответил я.

— Тогда до встречи, — сказала она и ушла.

— Меня зовут Ричард, — крикнул я ей вслед.

— Я знаю, — сказала она, не оборачиваясь, — но мне нравится Фрэнсис Дудка! — Она просвистела несколько нот и так же, не оборачиваясь, махнула на прощание.

Я смотрел, как она подходит к двери небольшого домика и входит внутрь, а потом пошел к новому театру. Им нужны актёры.

Марципан оказался сладким, очень вкусным, божественным.

И откуда она узнала, что меня зовут Ричард?

Глава пятая

Я пошёл от реки на юг, ругая себя за то, что был так косноязычен с Сильвией. Куда делись те умные слова, что я мечтал сказать? Я пообещал себе, что скажу их, когда мы вместе отправимся на лодке в Блэкфрайерс.

Дома на южном берегу стояли совсем рядом с Темзой. Я свернул в другой переулок, ведущий вглубь, прошел мимо замшелого каменного креста, который еле держался, и через сорок-пятьдесят шагов дома остались позади, я шёл между тёмными живыми изгородями и вонючих канав, заросших крапивой. На небольших пастбищах паслись тощие коровы. В петляющем проходе торчало несколько чахлых и мрачных деревьев, пришлось прыгать через лужи, чтобы не запачкать сапоги. Новый театр вырисовывался справа, за потрёпанными открытыми воротами. Поле вокруг нового здания было завалено брусом и грудами кирпича. Десятки человек работали на строительных лесах, двое поднимали на лебёдке шаткую платформу, гружённую черепицей.

Он был большой. Больше чем «Театр» и чем театр «Роза», располагающийся на востоке, неподалеку от южной оконечности Лондонского моста. Этот новый театр, как я думал, привлечёт людей из Вестминстера, а также из Лондона, и почти все они заплатят пенни лодочникам, чтобы те привезли их к лестнице Парижского сада. Отец Сильвии мог жаловаться на шум, который принесёт театр, но он также принесёт ему клиентов. Когда я пробирался между деревянными сваями, проснулся и яростно залаял лохматый пёс. Он прыгнул ко мне, но его остановила цепь, прикреплённая к скобе у входа в театр.

— Султан! — крикнул голос с лесов. — Прекрати зря шуметь! — Пёс зарычал и заскулил, но позволил мне пройти.

— Не обращайтесь внимания на Султана, милорд. Он не тронет вас, пока Джем не велит. — Говоривший был мастером, он сидел наверху, где разравнивал белую штукатурку на арочном потолке входной арки. — И будьте осторожны, милорд, — добавил он, когда со шпателя упали брызги штукатурки. — Ты делаешь раствор слишком жидким! — проворчал он на своего ученика, склонившегося над большим бочонком. — Осторожнее, милорд, — добавил он мне, и я протиснулся

между бочкой и лестницей в огромный двор.

Там я остановился и отдышался. Новый театр был построен так же, как «Театр», но всё в большем масштабе и гораздо богаче украшено. Работники позолотили балюстрады трех галерей, которые, в отличие от двух в «Театре», начинались лестницами с большого двора. Двое чернорабочих клали плиты на песок и щебень. Никто, подумал я, не швырнет на сцену камнем, в то время как сцена «Театра» была уязвима для булыжников со двора. Уилл Кемп однажды потребовал, чтобы булыжники убрали.

— Я не против, когда мерзавцы бросают что-то мягкое, — говорил он, — но булыжники — это уж слишком!

— Относись к булыжникам, как к поводу угодить нашей публике, — возразил мой брат, и булыжники оставили.

Передний край сцены врезался глубоко во двор и был завешен тканью, вышитой плавающими в камышах лебедями. Черепичный навес покрывал заднюю половину сцены, и под ним, сразу над тремя дверьми, через которые входят и выходят актеры, располагалась галерея с колоннами, откуда самые богатые клиенты могли смотреть вниз, на сцену. Две массивных колонны поддерживали высокий навес, и художник, взобравшийся на леса, превращал голое дерево правой колонны в гладкий мрамор. Очевидно, он работал сверху вниз, потому что нижняя половина колонны всё ещё выглядела как древесина, а верхняя часть блестела, как кремового цвета камень, испещрённый серыми прожилками. Это было потрясающе. Я подошёл ближе и мог бы поклясться, что верхняя половина колонны сделана из самого дорогого мрамора. Художник, мрачный человек с шарфом вокруг головы вместо шляпы, заметил мой интерес.

— Вам нравится? — спросил он, но без энтузиазма.

— Замечательно! — сказал я с искренним восхищением.

Художник сделал шаг назад на строительных лесах и хмуро оглядел свою работу.

— Это театр, — попросту сказал он.

— Конечно, театр, — подтвердил я, озадаченный его ответом.

— Место обмана, — сердито проговорил он.

— Вы не одобряете?

— Одобрю ли я притворство? Фальшь? Нет, сэр, не одобряю. Лечь? Ложь? Как я могу одобрять? Богохульство? Распушенность? Я

это ненавижу, сэр, ненавижу, но нужно же на что-то жить. — Он вернулся к своей кропотливой работе. — Нужно на что-то жить, — повторил он, на этот раз обиженно, себе под нос.

— Мистер Тимоти Наим — пуританин, — произнёс голос за моей спиной, — но он снизошёл до того, чтобы украсить наш дом сатанинских удовольствий.

— В наши тяжелые дни, мистер Лэнгли, — сказал художник, — я благодарен, что всемогущий Бог посылает мне работу, чтобы накормить семью. И именно Бог решит судьбу этого места, а не я.

— Я удивлён, что Бог не сразил вас насмерть за то, что разрисовываете мои колонны.

— Всё это я делаю во славу его, — сурово ответил Тимоти Наим, — даже в этом логове беззакония.

— Беззакония! — довольно повторил Лэнгли.

Я повернулся к нему и увидел крепкого человека с суровым лицом и короткой коричневой бородой. На нём была богатая одежда из тёмно-синей шерсти, в прорезях виднелся жёлтый шёлк. Одежда совсем не вязалась с лицом — пронизательным, покрытым шрамами и обветренным. Грозный человек. Я знал, что он член гильдии золотых дел мастеров, но деньги нажил, по слухам, не ювелирным делом, а с помощью полудюжины борделей. Я почтительно перед ним поклонился.

— Мистер Лэнгли, я...

— Я знаю, кто ты, парень. Видел тебя в «Театре». — Он нахмурился, очевидно, пытаюсь вспомнить. — Ты играл глупышку, упавшую в обморок. Как называлась пьеса?

— «Два веронца», сэр? — предположил я, хотя притворялся, что падаю в обморок, и в полудюжине других пьес. — Я играл Джулию.

— Возможно, это была она. Неглубокая пьеса, разумеется, — с издёвкой сказал он, — но ты был хорош. Как звали другого парня?

— Саймон Уиллоби, сэр. Он играл Сильвию.

Сама мысль, что Саймон Уиллоби играет персонажа по имени Сильвия, теперь наполнила меня ужасом. Он недостойн!

— Саймон Уиллоби, точно. — Что-то в этом имени позабавило Лэнгли, потому что он фыркнул от смеха. — Так почему ты здесь?

— Из любопытства, сэр.

— Из любопытства! — Он усмехнулся. — Будем надеяться, что ты

не кошечка, а? Теперь поднимайся на сцену, парень, посмотрим на тебя.

Я бегом преодолел пару ступенек и взобрался на высокую сцену, почти в рост человека. На сцене, как я теперь увидел, имелось три люка, которые можно было использовать в качестве могил, как ворота на выход и вход в ад, или просто для неожиданных появлений. В «Театре» у нас был только один люк, открывающийся в зловонное пространство под сценой, где кот Шалун вёл беспощадную войну против крыс и мышей. Я очутился под навесом, или небесами, как это называют некоторые актёры, и, подняв взгляд, увидел ловко нарисованные облака, белые на синем небе. В облачном потолке было прорезано два люка, оттуда будут вылетать актёры, спускаясь с «неба» с помощью лебёдки. Боги, богини и ангелы цеплялись за верёвку и откидывали люк в надежде, что поворачивающий ручку лебёдки человек окажется трезвым. Я оглянулся и понял, насколько же велико это здание с высокими галереями: один его двор вдвое больше, чем в «Театре».

— На прошлой неделе, — сказал Лэнгли, — один идиот заявил, что театр слишком большой. Что голос не слышно на верхней галерее. Скажи что-нибудь, парень, но не кричи. Просто говори так, будто играешь естественно. — Он повернулся и посмотрел вверх. — Бен, ты там наверху?

— Я здесь, сэр! — Бен, кем бы он ни был, скрылся в верхней галерее, откуда доносился прерывистый визг пилы, терзающей древесину.

— Слушай как следует, Бен, — крикнул Лэнгли, — и скажи, слышишь ли ты парня. — Он снова посмотрел на меня. — Давай, парень, говори.

Мой мозг отключился. Я пытался вспомнить слова, и не нашёл ничего.

— Давай, парень! Бен слушает.

— А ты ступай, мой мальчик, удались, — неожиданно вспомнил несколько строчек я, — изгнанник ты и здесь не должен медлить! — Я не кричал, но произносил слова довольно громко, как делал в «Театре», и помня, что публика будет позади и впереди меня, я медленно повернулся и произнес реплики из второй пьесы, которую играл с труппой моего брата. В этой пьесе я играл девушку по имени Лавиния, которую подло изнасиловали, вырезали язык и отрубили руки, но слова, которые я сейчас говорил, принадлежали Джорджу Брайану, игравшему

моего отца, римлянина Титуса Андроника. — И, если любите меня, как верю, — продолжил я, заканчивая поворот, — обнимемся, пойдём. Нас ждут дела.

— Обнимемся, пойдём! — повторил поражённый Лэнгли. — Ты слышал это, Бен?

— Каждое благословенное слово, мистер Лэнгли!

— Ага, я так и подумал, что тот паршивый кусок дерьма, что жаловался на прошлой неделе, был просто глухой.

— Хотя, если театр будет полон... — начал я и запнулся.

— Давай, парень, говори!

— Если театр заполнится, звук станет тише. Особенно, если идёт дождь. — Я попытался говорить как эксперт, повторяя услышанное от Алана Раста, брата и Джеймса Бёрбеджа. Хотя это правда. Если простолюдины были во влажной одежде, то нам приходилось говорить громче.

— Мерзавцам придётся кричать, — сказал Фрэнсис Лэнгли. — Слишком поздно уменьшать театр.

— Потому что «нас ждут дела!» — раздался ещё один голос, громкий и сердитый. — Ты слышал это, Лэнгли? «Нас ждут дела». Голос, похоже, исходил откуда-то сверху, из галереи с колоннами, находящейся прямо под навесом с небом и облаками. — Это что, актёр?

— Точно, мистер де Валль.

— Тогда приведи этого простофилю!

Лэнгли поднялся на сцену по короткой лестнице.

— Веди себя там почтительно, — пробормотал он с одышкой и провёл меня через одну из трех дверей в артистическую. Он оставил дверь открытой, чтобы немного света проникло в комнату без окон. Это была большая гримёрка, в два раза больше, чем в «Театре», и пахло свежей древесиной. — Я потратил на костюмы почти триста фунтов, — с горечью сообщил Лэнгли. — Триста фунтов! Понимаешь, он настаивает. Сюда, приятель. — Он провёл меня через дверь в коридор, откуда вверх вела лестница. — Она ведёт в ложу для лордов, — объяснил он, взбираясь.

— Для лордов?

— Место для богатых любителей спектакля, — с жадностью сказал он, — шесть пенсов за место. Может, даже шиллинг.

— Кто будет платить шиллинг за пьесу? — спросил я.

— Тот, кто сидит здесь, конечно же. И не только за пьесу, парень.
— Мы ненадолго остановились, и он мне подмигнул. — Будут ещё и шлюхи. Так что, если им не понравится пьеса, могут взять шлюху. Говорю тебе, парень, шлюхи дешевле. Для шлюх не нужно покупать костюмы, правда ведь?

Второй лестничный пролёт, более узкий и крутой, по-видимому, на площадку, где будут трубить фанфары, объявляя о представлении, но Лэнгли туда не пошёл, а открыл резную дверь в ложу для лордов. Он поманил меня внутрь.

Я ахнул. Пусть я и вырос в доме бедняков и теперь жил на обветшалом чердаке без удобств, но я знал, что такое роскошь. Мы играли в банкетном зале королевы в Уайтхолле, забавляли её в Гринвиче, развлекали её среди призрачного великолепия Ричмондского дворца, и эта ложа для лордов выглядела бы вполне уместной в любом из этих особняков. Стены из полированных резных панелей, окрашенных тёмной смолой. Запах смолы наполнял комнату, несмотря на открытый балкон, откуда просматривалась сцена. Пол мерцал так же роскошно, а потолок был разрисован голыми ангелами, летающими среди божественных облаков. Я задумался, не мистера ли Наима, художника-пуританина, попросили изобразить крылатых и бесстыдных женщин, глядящих на большой стол в центре комнаты. Стол был завален чертежами нового театра, а у дальней стены располагался большой каменный камин, почти так же искусно высеченный, как в большом зале лорда-камергера, только этот мраморный камин поддерживала парочка обнажённых женщин из молочно-белого камня. Их руки изгибались над головами, обхватывая кирпичный очаг, где горел огонь. Слева от очага стояла накрытая гобеленом скамья, а на ней разлеглась девушка. Не то пьяная, не то спящая. У неё были каштановые волосы, россыпь веснушек на бледном лице, рот приоткрыт. Она лежала, широко раскинув ноги — одна на скамье, другая на полу. Как я заметил, на ней не было ничего, кроме короткой сорочки.

— Так кто он? — воинственно спросил встающий из-за стола мужчина.

Он был одного со мной роста, но одет намного элегантнее. Он носил рапиру с серебряной гардой, обвитой красной кожей, а на правом плече у него была сложная эмблема в виде покрытого лилиями лебедя.

Я предположил, что ему чуть за тридцать, его так и распирало от самодовольства. Лицо украшала короткая светлая бородка и завитые усы. Он заметил, что я пялюсь на девушку.

— Не обращай внимания на Бекки, — проворчал он, — смотри на меня.

— Сэр, — произнёс я с поклоном.

— Так кто ты такой?

— Ричард Шекспир, сэр.

— Писатель? — он казался заинтригованным. Тот, который получает долю от борделей Лэнгли?

Меня поразил второй вопрос, и я не сумел ничего ответить. Мой брат — партнер Фрэнсиса Лэнгли? Он владеет публичным домом? Да это же неправда!

— Ну? — потребовал ответа де Валль.

— Ричард — его брат, мистер де Валль, — сообщил Лэнгли, не отрицая деловых связей.

— Брат твоего партнера-шлюховеда, — жестко заявил де Валль, — который не пишет для тебя пьесы.

— Он пишет для собственной труппы, мистер де Валль.

Де Валль фыркнул и уставился на меня, как на корову на ярмарке.

— Меня зовут Кристофер де Валль, — наконец произнес он, — и не смей даже думать, что это имя французское. Де Валли — не французы. Де Валли ненавидят эту нацию сифилитичных лягушатников. Де Валли сделаны из английского дуба от макушки до задницы. Мы рождены в Беркшире, воспитаны в Беркшире и преданы нашей королеве, пусть царствует она вечно, и благослови Бог её белоснежных малышей. Я управляю делами графа Лечлейда.

— Да, сэр, — ответил я, потому что он, похоже, ожидал какого-то ответа.

— Ты хороший актёр? — безапелляционно спросил де Валль.

— Хороший, сэр, — ответил за меня Фрэнсис Лэнгли. — Он знаменит своими женскими ролями.

— Женскими? — де Валль как будто испугался.

— Теперь я играю мужские роли, сэр, — торопливо вставил я. — Когда я был юношей, то играл женщин, — добавил я, пытаясь не показать свою нервозность, — но сейчас мне дают мужские роли.

И это было почти правдой. Фрэнсис Дудка ведь мужчина.

— Бекки! — крикнул де Валль. — Вставай, сучка! — Девушка пошевелилась и села, смахивая рыжие волосы с лица. Она безмолвно посмотрела на де Валля, а тот указал на меня. — Скажи, что ты думаешь, — велел он.

Она зевнула, потянулась, затем встала и обошла вокруг стола, чтобы меня рассмотреть. Я тоже смотрел на нее. Я догадался, что она примерно моего возраста, но она была уже опытной, это делало её старше. У неё были зелёные кошачьи глаза, веснушчатое лицо, а волосы лежали густыми кудрями. Она была привлекательной, ни один мужчина не мог смотреть на неё и остаться равнодушным, но опыт делал её пугающей. Она протянула руку и погладила мою щеку.

— Он симпатичный.

— Симпатичный! — фыркнул де Валль.

— Ну, красивый. — Она улыбнулась и щёлкнула меня пальцем по носу. — Мне он нравится.

— Если бы он мог это себе позволить, — язвительно сказал де Валль, — его бы здесь не было. Почему ты здесь?

И что мне было на это ответить? Что я беден, задолжал арендную плату и ищу работу? Или что хотел отомстить владеющему борделем брату, который обманул меня, предложив мужскую роль, а оказалось, что Фрэнсис Дудка играет женщину? За реку меня привел гнев в ответ на это предательство, но сейчас не время говорить правду.

— Я слышал, вам нужны актёры, сэр, — сказал я с самым большим достоинством, какое мог изобразить.

Де Валль хмыкнул.

— У тебя сейчас есть работа?

Я кивнул.

— В «Театре», сэр.

— Так почему ты пришел сюда?

— Я наёмный работник, сэр, — ответил я, — а там их много.

— Так ты мало занят, так, что ли?

— Я бы хотел играть больше, сэр, — ответил я.

— Он хороший актёр, мистер де Валль, — вставил Лэнгли.

Когда мы встретились на сцене, Лэнгли был полон показной уверенности, но в присутствии де Валля вел себя скромно.

— Как и другие, которых мы видели, — сказал де Валль, — по крайней мере, так ты говорил.

— Они были не такие симпатичными, как этот, — заявила Бекки.

— Подбрось-ка дров в огонь, девочка, — сказал де Валль, — и держи рот на замке, шлюха. — Он злобно уставился на меня. — Мне говорили, что актёры обучены фехтованию, это правда?

— Если этого требует пьеса, сэр, то да.

— А большинство пьес требуют?

— Люди любят смотреть пьесы с фехтованием, — ответил я.

— Тогда давай посмотрим, захотят ли они на тебя смотреть, — сказал де Валль, и пошёл к сундуку, стоявшему в тени у дальней стены. Он поднял крышку, порылся среди содержимого и вытащил шпагу. Он бросил её мне, и она упала на пол, а не пытался ее поймать. Я поднял клинок и обнаружил, что это старая тупая рапира, а кожа на рукоятке ободрана. Оружие было плохо сбалансированным и топорным. Де Валль улыбнулся, глядя на мое лицо, и вытащил свою рапиру с искусной серебряной гардой, длинный клинок выскользнул из ножен с едва слышным свистом.

— Давай-ка попробуем, — сказал де Валль, — и посмотрим, достаточно ли ты хорош, чтобы развлекать наших зрителей.

— Мистер де Валль, — встревоженно произнёс Фрэнсис Лэнгли.

— Помолчи, Лэнгли, — сказал де Валль, не сводя с меня глаз.

Бекки выглядела взволнованной.

— До первой крови? — предложил де Валль, имея в виду, что поединок закончится, когда одного из нас ранят.

— Возможно, тогда мне лучше сразу сдаться, — сказал я, неуклюже удерживая рапиру остриём вниз.

— Нет, если хочешь здесь работать, — беспощадно ответил де Валль и поднял оружие.

Он предлагал состязание между старым, плохо сбалансированным оружием и отличной рапирой. На сцене обычно дрались обычно на мечах, предназначенных для режущих ударов и выпадов, потому что для таких боев требуется меньше места, чем для длинных рапир, а кроме того, зрители любили и стремительные замахи, и изящные выпады. Рапирой же не порежешь; она предназначена исключительно для уколов. Она требовала не меньших умений, чем меч, но совсем других. Генри Конделл и Ричард Бёрбедж, разыгрывавшие большую часть наших боев в «Театре», могли сражаться и тем и другим, но синьор Манчини, в чьём зале я тренировался не реже одного раза в

неделю, научил меня обращаться только с мечом.

— Сначала научись обращаться с этим, — любил говорить он, — тогда и с рапирой будет легко.

Имея дело с де Валлем, я притворился, что ничего не умею. Я подозревал, что он хороший фехтовальщик, гордый своим мастерством и стремящийся меня победить, но я был не таким неуклюжим, каким притворился. Я был актёром, поэтому играл неуклюжего, необученного и испуганного. Я крепко встал на ноги и развернулся к де Валлю, который элегантно выставил правую ногу вперёд и задрал клинок вверх.

— Готов? — спросил он.

— Сэр? — промямлил я.

— До первой крови, парень, — сказал он и бросился вперёд, длинный клинок мелькнул у моего лица, и я отвел его в сторону внешней стороной своей рапиры, ее слабым местом.

Я встревоженно отшатнулся.

— Только не в лицо, мистер де Валль, — умолял Фрэнсис Лэнгли, прошу, сэр, не в лицо! Он актёр!

Де Валль проигнорировал просьбу. Он с улыбкой отступил. Он решил, что мой финт — лишь счастливая случайность, потому что ни один фехтовальщик не парировал бы слабой частью клинка, если мог этого избежать. Он шагнул вперед, сделав выпад длинным клинком, и сразу отступил. Это была лишь уловка, но я махнул рапирой и отступил на два шага, словно в панике, а он засмеялся.

— Может, вам стоит играть только женщин, мистер Шекспир, — сказал он.

— Порежь его, Кит, — кровожадно попросила Бекки.

— Только не в лицо, — опять взмолился Лэнгли.

— Не в лицо, — сказал де Валль, — тогда я помечу ему бедро.

Я знал, что он ударит в лицо. Он был мерзавцем, уверенным в своем мастерстве, и хотел меня унижить. Однако он был плохим актёром, потому что неумело солгал, будто проткнет мое бедро. Он просто хотел ввести меня в заблуждение, а затем поцарапать мне щеку, и, как я и ожидал, он посмотрел на мои ноги, слегка опустил клинок, улыбнулся и ринулся вперед. Конечно, длинный клинок дернулся вверх, целясь мне в лицо, и я отпрянул влево, резко рубанул, чтобы отбить

рапиру, и провел клинком вниз, прямо по отрывшемуся предплечью. От такого удара де Валль встревожился. Я больше не изображал неуверенность, неуклюжесть исчезла. Я двигался легко. Де Валль развернулся, рапира оказалась справа от меня, из-за её длины ему пришлось бы отступить для атаки, но я не дал ему такого шанса, сделал выпад, и остановил клинок в дюйме от его бороды.

— Первая кровь, сэр, — сказал я, кивая на его предплечье, где сочилась кровь, окрасив красным кружевную манжету на рукаве.

Мгновение он выглядел взбешенным, а потом заставил себя улыбнуться.

— Умно, — сказал он.

— Новичкам везёт, сэр, — произнес я, опуская клинок, и, показывая, что бой закончен, отдал шпагу Фрэнсису Лэнгли.

— Новичкам везёт, да? — спросил де Валль. Он убрал шпагу в ножны. — Думаю, нет. Думаю, ты хитришь, мистер Шекспир. Думаю, ты увиливаешь, да ты просто проныра. Но ты и впрямь пустил мне кровь.

Он задрал рукав. Мой тупой клинок оцарапал кожу, совсем чуть-чуть, но до крови, а на память обо мне останется шрам. Де Валль плюнул на кровь, растер пальцем и опустил рукав.

— Кто тебя тренирует?

— Синьор Манчини.

— На Сильвер-стрит, — сказал де Валль. — Он хорош, — нехотя добавил он.

Я не мог позволить себе уроки фехтования, но не получил бы мужские роли без подобных навыков. Синьор Манчини меня любил и давал уроки в долг, но как долго это будет продолжаться? Мне так отчаянно нужны были деньги. Нужно платить за жилье, покупать еду, нужно на что-то жить. «Театр» сейчас работал редко, начиналась зима, и погода ухудшалась. Я стоял на грани нищеты, и сколько ещё осталось до того момента, когда вдова Моррисон выбросит меня на улицу?

— Садись, — де Валль указал на стул у стола.

Я сел, де Валль занял место напротив. За спиной у меня была открытая галерея, зимний свет падал на его лицо. Он уставился на меня, по-прежнему с неприязнью.

— Значит, драться ты умеешь, — сказал он.

— Сценические поединки, — пренебрежительно ответил я, — где

мы пытаемся не ранить и не причинять боль.

— Граф Лечлейд, мой господин, — сказал он, игнорируя мои слова, — желает иметь труппу актёров. Я не разделяю его желаний, но ему не откажешь. Актёры, как ты только что мне показал, полны притворства. — Он прервался, наливая себе бокал красного вина. — Моя задача — найти его сиятельству актёров, которые будут заниматься притворством в театре мистера Лэнгли.

— В «Лебеде», — вставил Фрэнсис Лэнгли.

— Так его называли, — сказал де Валль, — потому что эмблема его сиятельства — лебедь. — Он коснулся эмблемы на своём плече. — Но мы пока никому не сообщаем это название. Объявим его, когда анонсируем первую пьесу. — Он посмотрел на Фрэнсиса Лэнгли с явным неодобрением, а потом снова перевел взгляд на меня. — Вы бы хотели играть в «Лебеде», господин Шекспир?

— Да, сэр, — сказал я, хотя не намеревался отвечать именно так.

— Как ты сейчас зарабатываешь? — спросил он.

— Сэр, это зависит от того, занят ли я в пьесе и открыт ли театр. В плохую погоду мы не работаем. А сейчас зима, сэр, поэтому несколько недель мы вообще не даём представлений.

— Мне не нужны пространные рассуждения, — рявкнул он. — Сколько ты сейчас зарабатываешь?

— В плохую неделю, сэр? Ничего. В хорошую неделю? Три-четыре шиллинга. В основном только один-два шиллинга.

— Жалкие гроши. Мы будем платить актёрам его сиятельства гораздо больше, верно, мистер Лэнгли?

— Как скажете, сэр, — ответил тот.

Он выглядел встревоженным, и у меня было ощущение, что стоимость строительства театра «Лебедь» превысила изначальную, основанную на обещаниях графа Лечлейда. Его сиятельство славился тем, что не выплачивал долги или задерживал платежи на месяцы и даже годы. Несомненно, его сиятельство ожидал ещё больше поддельного мрамора, ещё больше разукрашенных обнаженных дам и щедрого количества сусального золота, а Фрэнсис Лэнгли предоставлял это за свой счет и молился, чтобы ему возместили расходы.

— Мы будем хорошо платить, — сказал де Валль. Его голубые глаза презрительно и недружелюбно остановились на мне. — Но должен признаться, актёров нетрудно найти. Пни в Лондоне любой

камень, и выскочит актёр. — Он замолчал, словно ожидая моего возмущения, но я выдержал его взгляд и ничего не ответил. — Ты симпатичный, как сказала Бекки, — неохотно продолжил он, — а уж она-то видела достаточно мужчин, чтобы судить.

— Он симпатичный парень, — вставил Фрэнсис Лэнгли.

Де Валль не отреагировал.

— Ты умеешь танцевать?

— Да, — ответил я.

Он сомневался, возможно, раздраженный тем, что я не назвал его «сэром».

— Так мы рассматриваем его или нет, мистер Лэнгли?

— Да, сэр. Он хорош! Публике он нравится.

— Но какой прок от актёров? — спросил де Валль. — Какой прок от театра?

Вопросы повисли в воздухе. Огонь потрескивал в очаге, посыпались искры, когда упало полено.

— Театр бесполезен, — презрительно продолжил де Валль, — а актёры — трата денег, если нет пьесы. У нас есть театр, и мы можем найти актёров, но где тот, кто напишет пьесы?

Фрэнсис Лэнгли переминался с ноги на ногу.

— Я говорил с преподобным...

— Не говори мне о Венейблсе! Кто играет его пьесы?

— Люди лорда-камергера, — сказал Лэнгли, — ну, одну.

— «Эстер и Ксеркс», — сообщил я.

— И что? — спросил де Валль.

— Полная ерунда, — ответил я.

При этом он искренне улыбнулся.

— Нам не нужно ерунды! Нам нужны пьесы!

— Том Нэши согласился что-нибудь написать, — слабо возразил Фрэнсис Лэнгли.

— Ты видел эту пьесу?

— Ну, думаю, он ещё не начал. Сказал, что скоро начнёт. А Бен Джонсон, вы не встречали его, сэр, но Бен сказал, что хотел бы что-нибудь придумать... — его голос затих.

— Бен пишет для «Розы», — заметил я.

— И потребовал двадцать пять фунтов за пьесу, — проворчал де Валль.

— Да, сэр, — подтвердил Лэнгли.

— Его сиятельство — не дойная корова, — сердито бросил де Валль.

Ясно, что у «Лебеда» есть сцена и, несомненно, есть актёры, но нет пьес. Де Валль потоптался и подошёл к перилам балкона, откуда пристально уставился на сцену внизу.

— Когда построят театр, Лэнгли?

— В конце января, сэр. Если будут деньги.

Последнюю фразу он произнёс с отчаянием.

Де Валль проигнорировал отчаянный тон.

— Так значит, мы сможем поставить пьесу в конце января?

— При хорошей погоде, сэр, да.

— Но у нас нет пьесы! — Де Валль посмотрел на Лэнгли беспощадным взглядом. — У нас нет пьесы!

— Будет, сэр. — Голос Лэнгли звучал неубедительно. — И мы всегда можем сыграть «Семь смертных грехов», народу нравится.

— Ради бога, это же старье! Уже всем надоело! Его сиятельство не для того расходует средства, чтобы ты выперднул какую-то древнюю чушь, которую уже видела половина Лондона. Ты бы открыл новый публичный дом со старыми сифилитичками, которые ходят под себя на изъеденных молью матрасах?

— Нет, сэр.

— Клиенты хотят новых шлюх. Свежее мясо. Не надкусанные пироги вроде Бекки.

— Спасибо, — произнесла Бекки.

Де Валль не обратил на неё внимания и вернулся к осмотру театра.

— Когда свадьба? — вдруг поинтересовался он.

— Сэр? — озадаченно спросил Лэнгли.

— Я не тебя спрашиваю.

Де Валль по-прежнему стоял к нам спиной.

— Свадьба? — неуверенно переспросил я.

— Внучка лорда-камергера выходит замуж за Томаса Беркли, — угрожающе произнес де Валль. — Когда?

— В феврале, сэр, — ответил я.

— В феврале, — повторил де Валль, — а при дворе много говорят об этой свадьбе. Лорд-камергер с женой даже хвастались пьесой, которую будут на ней играть. Комедию, говорила её милость.

Прекрасно написана, сказала она. Ты её видел?

Я колебался.

— Частично, — наконец признался я.

Я не сказал, что утром прослушал большую часть пьесы.

— Как она называется?

— Мой брат пока размышляет над названием, сэр, — солгал я.

— Размышляет?

Де Валль повернулся и направился к дальней стороне стола. Он сел, нащупал кошелек на поясе и высыпал на стол горсть золотых монет. Меня притягивал этот блеск, Бекки уставилась на стол, Лэнгли смотрел с жадностью.

— Принеси мне эту пьесу, — вкрадчиво произнес де Валль.

Я поднял голову и встретился с его взглядом.

— Сэр?

— Принеси... мне... эту... пьесу, — повторил он, выдерживая паузу между каждым словом.

Я ничего не ответил. Меня охватили тревога, страх, предчувствие опасности.

— Пьеса хорошая, Ричард? — беспокойно спросил Фрэнсис Лэнгли.

— Не знаю.

— Леди Энн Хансдон говорит, что хорошая, — лукаво заявил де Валль. — Она нахваливала её королеве. Сказала, что никогда не читала комедии прекрасней.

— Я знаю, она читала пьесу, — подтвердил я, — но платит её муж, и если другой театр поставит пьесу первым...

— У нас при дворе тоже есть друзья, — резко прервал меня де Валль. — Недовольство лорда-камергера — наше дело, а не твоё.

— Сколько нужно актёров, Ричард? — спросил Лэнгли.

— Много, сэр! — сказал я в надежде, что это его удержит. — По меньшей мере десяток.

— Это дорого, — произнёс Лэнгли.

Де Валль как будто и не заметил.

— Испугался, парень?

— Не знаю, смогу ли украсть пьесу, сэр. Бумаги стерегут.

— Её написал твой брат?

— Да, сэр.

— Тогда кому сподручней её украсть, как не тебе? — Он покатиł одну монету через стол, и мне пришлось её поймать, пока она не упала на пол. — Оставь её себе, парень, — сказал де Валль, — и я дам тебе еще шесть, когда принесёшь страницы. — Я уставился на огромную и тяжелую монету, сияющую в моей руке. Портрет королевы украшал одну сторону; корона едва держалась на длинных, струящихся волосах, а королева косилась в сторону, поверх длинного носа, и от этого выглядела раздражительной. Я перевернул монету, чтобы разглядеть королевский герб с буквами E и R. — Это совершен, парень, — сказал де Валль, — золотой совершен. Ты когда-нибудь держал в руках совершен?

Я покачал головой. Я никогда раньше не видел совершен. Говорили, что их делают из почти чистого золота, и хотя ценность монеты установлена в двадцать шиллингов, по слухам, она стоила гораздо больше. Я положил монету на стол, глубоко вздохнул и отодвинул её обратно к де Валлю.

— Рукопись охраняется, сэр.

— Значит, ты не хочешь здесь работать?

Если одно мгновение в канаве у дороги из Стратфорда в Эттингтон изменило всю мою жизнь, тот момент, когда я спросил Неда Сейлса, куда он направляется, и под влиянием порыва попросил его отвезти меня в Лондон, то сейчас всё было по-другому. У меня был выбор. Я мог бы принять золото де Валля и предать брата. Мог украсть «Сон в летнюю ночь» и даже, возможно, новую пьесу, которую он писал, чье действие происходит в Вероне. Я мог разбогатеть! У меня появилась бы работа. Это стало бы сладкой местью за роль Фрэнсиса Дудки, за годы страданий у сэра Годфри, но меня преследовали и слова отца Лоуренса. «Не обращай к брату за помощью, помоги ему сам». Я смотрел на де Валля, а тот уставился на меня.

— Ну что, парень?

— Вы хотите, чтобы я украл пьесу своего брата, сэр?

— Господи боже мой, ну как же ты глуп! Разве не это я только что сказал?

Я глубоко вздохнул.

— Если такова цена, сэр, то нет.

— Тогда убирайся, — прорычал он. — Пошел вон!

Когда я поднялся, никто не заговорил. Стул громко царапнул по полу. Де Валль посмотрел на меня, Фрэнсис Лэнгли нахмурился, Бекки

улыбнулась, и все по-прежнему молчали, когда я направился к двери.

Я сбежал вниз по лестнице и через гримёрку вышел на сцену, где стоял высокий человек в чёрном, долговязый и худой, как долгоножка, его сальные чёрные волосы торчали из-под широкополой чёрной шляпы, чёрная окладистая борода доходила до груди, а лицо было морщинистым, ухмыляющимся и злобным. Он выставил руку, чтобы меня остановить.

— Посмотрите, кто к нам пожаловал, — сказал он с усмешкой, достойной де Валля. — Это же малыш Ричард, только уже не такой и малыш, да?

Я отшвырнул руку, покосился на его тощее и ухмыляющееся лицо, спрыгнул со сцены и пошёл прочь. Мне хотелось бежать, но я шёл, потому что слишком много чести — убегать от него.

Это был сэр Годфри. Его издевательский смех преследовал меня и за пределами театра. Сэр Годфри Каллен не был рыцарем. «Сэр» — лишь любезность, оказываемая священникам англиканской церкви, а сэр Годфри был священником прихода церкви святого Бенета в Блэкфрайерсе. Он также владел подворьем к северу от города, в Кларкенуэлле, и поставлял медведей, собак и других зверей в лондонские увеселительные заведения, но в основном был владельцем и главным эксплуататором школы церковно-хорового пения для мальчиков прихода святого Бенета.

Когда я приехал в Лондон, брат отправил меня на попечение церкви святого Бенета и сэра Годфри. Я присоединился к двадцати трём другим мальчикам, в большинстве своем младше меня, жившим в злополучной хибаре на кладбище за церковью святого Бенета, рядом со старым монастырским залом, который превратили в театр, вмещающий двести семьдесят человек. Пуритане среди членов городского совета Лондона терпеть не могли театры и запретили их в пределах городских стен, но не могли запретить хоровые школы, и если хоровая школа решала представлять пьесы, в качестве части образования мальчиков, городскому совету приходилось проглотить ярость и терпеть это непотребство. В пределах городских стен существовало три таких театра, из которых приход святого Бенета был самым маленьким, и все они пользовались громадной популярностью, туда стекались нетерпеливые театралы, готовые платить по три-четыре пенса, чтобы посмотреть, как дети гордо расхаживают по сцене.

— Привлекательный мальчик, — сказал сэр Годфри, изучая меня во время первой встречи. Мы были в ризнице церкви святого Бенета, где сэр Годфри вытянул длинные ноги под столом, где лежала Библия и стояли две высокие свечи и графин вина. Я стоял напротив него, гадая, что у него на уме.

— Он сбежал из дома, — сказал мой брат. — Может, стоит отправить его обратно?

— Возможно, — ответил сэр Годфри, уставившись на меня. У него было иссохшее лицо, в глубоких морщинах, со злобными чёрными глазками. — Возможно, — опять повторил он, — но он симпатичный. Сколько ему лет?

— Четырнадцать.

— Четырнадцать! — вздрогнул сэр Годфри. — Я предпочитаю мальчиков помладше. Гораздо проще обучить щенка. Старых собак новым трюкам не научишь, мистер Шекспир, как вы хорошо знаете. Ты умеешь читать, мальчик?

— Да, сэр, — ответил я.

— Нельзя быть актёром, если не умеешь читать.

— Я умею читать.

— Докажи, — сказал он, придвинул Библию поближе, нашёл нужную страницу и толкнул книгу через стол. Грязным ногтем он показал мне, какую строфу читать.

— «Не ложись с мужчиною, как с женщиною, — читал я, запинаясь, эта строфа была мне незнакома и выглядела странной, — это мерзость. И ни с каким...».

— Довольно! — Сэр Годфри лукаво захихикал. — Итак, он умеет читать. И у него милый голосок.

— Он умный мальчик, — нехотя признал мой брат, и помню, как это меня удивило, я-то никогда не считал себя умным.

Сэр Годфри изучал меня несколько секунд.

— Умный и непослушный, да? Точно, непослушный! Ты убежал из дома. Умный и непослушный. Неудачное сочетание. Но он симпатичный, очень симпатичный, — жадно произнёс он. — А воспитание детей требует денег, мистер Шекспир, требует денег.

Мой брат заплатил. Я не знаю сколько, просто слышал звон монет, это означало, что меня продали в приход святого Бенета сэру Годфри, как когда-то продали Томасу Батлеру в Стратфорде. И поэтому я надел

совершенно дурацкую серую рясу, накрахмаленный отложной воротник и начал обучение. Это место, как предполагалось, было школой церковно-хорового пения, и каждое воскресенье нам следовало надевать стихари и петь псалмы в церкви святого Бенета, но на самом деле мы упражнялись в актёрском мастерстве, потому что самая большая часть денег сэра Годфри поступала от представлений театра в старом монастырском зале.

Законом разрешалось одно представление в неделю, но мы часто играли три или больше, вне зависимости от погоды, поскольку находились в помещении. Сцена освещалась свечами. Самым молодым актёрам было по восемь-девять лет, я оказался среди мальчиков постарше и благодаря высокому росту и обнаружившемуся таланту к актёрству вскоре стал получать главные роли. Я был королем Сайрусом в «Войнах Сайруса» и Фаоном в «Сафо и Фаоне». Фаон был скромным перевозчиком, которого Венера наделила изысканной красотой, так что ему удалось обольстить королеву Сафо.

— Он прирожденный актёр, — объяснял сэр Годфри какому-то лорду, посетившему репетицию. — Ну разве он не красавчик?

— На редкость, сэр Годфри, — ответил лорд. — Где происходит действие пьесы?

— На Сицилии, милорд.

— И вы, конечно, знаете, что сицилийские паромщики работают без одежды?

— Правда, милорд?

— Чистая правда, сэр Годфри. Странная привычка, но это так.

— Замечательная привычка, милорд, — сказал сэр Годфри.

Понятно, он не верил ни единому слову лорда, но эта ложь пришлась ему по душе. Он улыбнулся мне, или, скорее, скривился, показав почерневшие зубы.

— Раздётся, мальчик.

Но даже сэр Годфри не осмелился заставить меня обнажиться во время публичного выступления, вместо этого я играл в узкой набедренной повязке, а кожа была густо намазана белилами и припудрена жемчужной пылью, так что при свечах мое тело мерцало. Сэр Годфри поднял цену за вход на эту пьесу, которую мы играли более шестнадцати раз, и всё — при полном зале.

Я играл мужские роли, потому что был высоким, но все хористы

сэра Годфри должны были научиться играть девушек. Я был лунной богиней Синтией в «Эндимионе», проплывая вокруг подсвечника в платье из серебристой полупрозрачной ткани. Я был хорош. И знал об этом. И я хотел быть лучшим, потому что хорошо выступать — это один из способов избежать жестоких тумачов сэра Годфри или розог, которыми угощали два младших учителя.

Я прожил там три года. Не по собственной воле, просто мне некуда было пойти, а когда мальчик сбегал из церкви святого Бенета, его неизменно возвращали констебли, которым платил сэр Годфри. Только когда мне исполнилось семнадцать, я осмелился бежать, но к тому времени сэр Годфри, похоже, был счастлив увидеть мою спину. В семнадцать я совсем не подходил ему по возрасту. Я вернулся к брату, который видел меня играющим десятки ролей в зале сэра Годфри, и он смягчился и позволил мне сыграть в «Двух веронцах».

— Ты уже не в том возрасте, чтобы быть учеником, — сказал он, — будешь наёмным актером. Точнее наёмным мальчишкой. Тебе нельзя жить у меня. На Бишопсгейт-стрит одна вдова дешево сдает комнаты. Её муж был прекрасным актёром, бедняга. Но его больше нет.

Я избегал сэра Годфри, но за эти три года многому у него научился.

Научился жестам, выражающим ярость, печаль, удовольствие и похоть. Научился танцевать джигу, куранту ^[7] и гальярду. Научился сражаться мечом, поскольку на сцене в зале святого Бенета часто играли пьесы с фехтованием. Я научился чётко говорить, чтобы высокий голос мог слышать народ, толпящийся на дешевых местах в конце зала и наверху, в галерее. Научился играть на лютне, хотя и не слишком хорошо, но вполне прилично, чтобы петь под эту музыку. Научился так маскировать лицо, чтобы мужчины смотрели на меня с вождением. Научился воровать.

Я познал, что ясеновые прутья в руках двух младших учителей сэра Годфри жалят, как ядовитые змеи, до крови. « Только не по лицу! — командовал сэр Годфри. — Не по лицу! По ягодицам, бейте его по ягодицам. И чтобы до крови! ».

Я научился лгать, чтобы избегать жестоких избиений. Научился изображать девушку. Нас заставляли одеваться женщинами и ходить по улицам, и если мужчина не пытался поцеловать нас или залезть под юбки, мы проваливали испытание, а провал означал новое избиение. За нами следил Лютик. На самом деле его звали Джон Хардинг, но почему-

то он получил прозвище Лютик. Он был церковным старостой в приходе святого Бенета и помощником сэра Годфри во всём; огромный, мускулистый, как бык, и медлительный в мыслях и речи, но говорил до странности правильно. Ходили слухи, что он знатного происхождения, и, возможно, это правда.

Я узнал, что если тебя вызывают в ризницу, особенно после вечерней службы, то чтобы стать «игрушкой» сэра Годфри. А иногда там ждал богатый покровитель, надушенный, весь в бархате, жемчуге и атласе.

— Ступай, мальчик, — говорил сэр Годфри, — и чтобы о тебе хорошо отзывались.

Он зарабатывал на таких тайных свиданиях. Естественно, покровитель вознаграждал и мальчиков, но их обыскивали, как только они возвращались, и забирали монеты.

— Это для бедняков прихода, — лукаво заявлял сэр Годфри.

Иногда эти покровители оказывались грубыми жирдяями, вялыми и потными, и мальчики приходили в ужас.

— Ступай, мальчик, — Лютик заберёт тебя утром, — говорил сэр Годфри, а за этим звякали монеты, когда нас забирали для «получения образования».

Я столь многому научился. Из наскучившего мне невинного Стратфорда брат послал меня в котёл прихода святого Бенета, открывшего мне глаза на мир. Теперь, хотя я и ненавижу сэра Годфри больше, чем любое другое существо на земле божьей, я благодарен за образование, которое он мне дал. Я умею петь, танцевать, декламировать стихи, сражаться, воровать, лгать и лицемерить. Я актёр.

Лютик стоял возле театра, как мастиф, ожидающий хозяина. Увидев меня, он радостно улыбнулся.

— Мастер Ричард!

— Лютик, — с опаской признал его я.

Он раздавил орех громадной ладонью.

— Ты видел сэра Годфри?

— Да, имел такое удовольствие.

— Уймись! — он отдал приказ Султану, собаке, которая зарычала, но теперь утихла, признав, что Лютик — гораздо более грозный зверь. — Хорошая псина, — сказал Лютик и улыбнулся. — Как поживаешь, мастер Ричард?

— Вполне нормально. Что привело вас сюда?

— Им нужны мальчики, — сказал Лютик, кивая на входную арку, где таскали лестницы штукатурки.

Он раздавил двумя пальцами еще один орех и предложил его мне. Он навис надо мной — плоское, как лопата, лицо со сломанным носом, кривыми зубами, шрамом на лбу и на щеке. У него были огромные руки, похожие на бревна ноги и бочкообразная грудь. Сплошные кости и мышцы, облаченные в камзол из тусклой жёлто-коричневой шерсти и буйволиной кожи.

— Мальчики, — повторил он.

— Я думал, хоровая школа закрыта, — сказал я.

— Да-да, это так, — Лютик нахмурился, как будто с трудом припоминая закрытие школы святого Бенета. Я слышал, крыша театра рухнула — сгнили старые бревна, и сэру Годфри повезло, что старый зал в то время пустовал. — Но у сэра Годфри ещё есть мальчики, — продолжил Лютик, — семь мальчиков, достаточно для хора. Не похоже на старые времена, мастер Ричард. Но звери у нас тоже есть!

— Вы проводите здесь представления со зверями? — спросил я.

Он опять нахмурился, как будто не понял вопроса, потом кивнул.

— Мистер де Валль нанимает нас проводить звериные представления. Мы можем предоставить ему собак, медведя и петухов, но петухи не так популярны, как собаки. Я скучаю по старым пьесам! Но у нас есть хористы, поэтому мы можем показывать и мальчиков, и зверей. — Он просиял. — Мальчики и звери! — Он засмеялся и снова раздавил орех. — Мы тебя видели!

— Видели меня?

— В той пьесе про Эстер, — пояснил он. — Ты был там хорош. Особенно когда ты съёжился, а тот мерзавец пытался тебя изнасиловать. Мне понравилось.

— Он меня изнасиловал, — сказал я.

— Мне понравился этот кусок, — сказал я, — и ты был хорош. — Он замолчал, потом улыбнулся. — Ты до сих пор самая симпатичная девушка на сцене, Ричард.

— Я слишком стар.

— Нет, нет и нет! Ты милашка. И голосок хорош.

— Мой голос давно сломался, Лютик.

— Мне нравится голос с хрипотцой. Ещё орех?

— Нет, спасибо.

— А твой брат... — пробормотал он.

— У него больное горло.

— И он двигался неуклюже, как утка.

— Он играл злодея, — сказал я, потому что мне нечего было сказать.

— Но мне понравился ты, — сердечно заявил Лютик. — Так ты играешь и здесь?

— Нет, — твёрдо ответил я. Даже если бы меня соблазнило золото де Валля, я бы отказался от его предложения, как только узнал, что в его схемы входит и сэр Годфри. — Я просто пришел посмотреть, — объяснил я. Часы в церквях начали отбивать час по всему Лондону. — И мне пора идти, Лютик.

— Другой паренёк тоже здесь был, — продолжил Лютик.

— Другой паренёк? — переспросил я.

Звон колоколов нарастал, всё больше и больше церковью отбивали время.

— Тот, чьи ноги ты целовал, — сказал он, имея в виду тот момент, когда Астинь ползала у ног Эстер. Значит, здесь побывал Саймон Уиллоби? И я вспомнил лорда, который тискал его в Уайтхолле. Светловолосого лорда, который строил театр, нанимал актёров, но не имел пьес.

— Симпатичный парень, тот самый, — задумчиво добавил Лютик.

— Мне пора.

— Тогда Бог с тобой, — покорно произнес Лютик.

Я поспешил по переулку к реке и помчался по берегу к лестнице Парижского сада. У причала, где ожидали два лодочника, плавали лебеди.

— Нужна лодка, сударь? — спросил лодочник.

Я покачал головой. Я уже заметил, что Сильвия на полпути через реку. Она сидела ко мне спиной, а её отец греб к лестнице Блэкфрайерса, и меня охватила печаль. Мы разминулись на несколько минут. Я был предметом насмешек в труппе моего брата. Я был одиноким, никому не нужным, бедным и несчастным. Я прошёл на восток, к мосту, и хотя должен был бы поразмыслить о Саймоне Уиллоби, вместо этого в моей голове звучала песня из пьесы моего брата «Два веронца». Это была моя самая первая роль в пьесе с трупой

лорда-камергера, и теперь, оглядываясь назад, я подумал, не предзнаменование ли это. Я играл Джулию, замаскированную под мальчика, а Генри Конделл, играющий хозяина таверны, пел мне:

*Кто Сильвия? И чем она
Всех пастушков пленила?
Умна, прекрасна и нежна,
Велением богов дана
Ей чар любовных сила.
О слепоте своей скорбя,
Амур к ней приласкался:
«О, как хочу узреть тебя!»
И вдруг прозрел он и, любя,
В её глазах остался.
Друзья, среди чудес земли
Что Сильвии чудесней?
Мы к нежной Сильвии пришли,
Мы ей гирлянды принесли,
Её мы славим песней.*

Глава шестая

Мне не хотелось смеяться. Я все еще злился на обман моего брата и всё же, несмотря на обиду, обнаружил, что читаю роль Дудки с возрастающим интересом. Неудивительно, подумал я, что жена лорда-камергера похвасталась пьесой при дворе, потому что когда мы читали финальные сцены, было трудно удержаться от смеха.

Герцог Тезей и его невеста Ипполита хотели развлечься в вечер свадьбы и вопреки всему выбрали к просмотру пьесу, предложенную группой афинских купцов, мастеровых, как называл их мой брат, одним из них был Фрэнсис Дудка. Герцога предупредили, что пьеса мастеровых плохая, просто ужасна, но он настоял на её просмотре, и мы играли «Пирама и Фисбу».

Нехватка времени заставила нас отказаться от первого прочтения «Сна в летнюю ночь» в особняке Блэкфрайерс, поэтому мы закончили через два дня, сидя на неудобных стульях на холодной сцене в «Театре», и пока мы читали, я вспомнил первую пьесу брата. В то время мне было десять лет, а ему двадцать, он всего два года назад женился и преподавал в деревенской школе недалеко от Стратфорда. Сэру Роберту Трокмортону, крупному землевладельцу в близлежащем Каутоне, понадобилась, как он сказал, «интерлюдия» для свадьбы его внучки, и мой брат пообещал её написать. В интерлюдии, то есть короткой пьесе под названием «Дидона и Акербант», мой брат играл злодея Пигмалиона, один из его учеников — Дидону, продавец шерсти из Аллестера — обречённого Акербанта, а полдюжины местных ремесленников исполняли другие роли. Они репетировали по меньшей мере недели три, и поскольку сэр Роберт отличался щедростью, на представление пригласили народ из окрестных деревень.

Эту историю многие знают со школы, — это трагедия, заканчивающаяся самоубийством Дидоны, бросившейся в пылающий огонь. С чего вдруг мой брат счёл хорошей идеей отпраздновать свадьбу пьесой о смерти, загадка, но впервые трагедия вместо слёз вызвала нервный смех, который всё нарастал, под конец публика уже не могла сдерживаться, и у дворян, и у простолюдинов по щекам текли слёзы от смеха. Сэр Роберт вовсе не гневался и объявил представление

лучшим развлечением, которое он когда-либо видел, но мой брат был унижен. Однажды я спросил его, сохранил ли он экземпляр пьесы, и он нахмурился, а затем мрачно пробормотал, что она поделила судьбу Дидоны. — «Я её сжёт».

Интерлюдия закончилась смертью героини в огне. Мой брат сначала подумывал использовать железную жаровню с горящими поленьями, чтобы воссоздать эту важную сцену, но сэр Роберт опасался за безопасность своего огромного дома, и поэтому вместо этого шестерых учеников моего брата не старше десяти лет нарядили в красные плащи, красные капюшоны и красные перчатки.

— Мы — пламя! — объявил один из них, когда они отправились на импровизированную сцену, где сели на край помоста, а потом медленно поднялись, покачиваясь из стороны в сторону, махали руками над головами и монотонно заывали: — Мы пламя! Мы пламя! Огненное пламя и пылающий огонь!

Тем временем героиня в белом платье, слишком большом для худосочной актрисы, корчилась в смертельной агонии и пыталась перекричать поющее «пламя». Как и вся остальная труппа, мальчики храбро произносили свои реплики, несмотря на смех в зале, а позже сэр Роберт щедро наградил всех актёров, как мальчиков, так и взрослых. Наша мать смеялась вместе со всеми, хотя Анна, жена моего брата, пришла в ярость, утверждая, что её муж опозорил семью.

Однако в своей новой пьесе, написанной для внучки лорда-камергера, брат превратил убогую пьесу «Дидона и Акербант» в блестящую «Пирам и Фисба». Я примерно помнил легенду о Пираме из уроков латыни в Стратфорде, и знал, что речь идёт о паре обречённых любовников, которым родители запретили пожениться, но они тайно встречались, стоя по обе стороны стены, разделявшей их дома. В стене была трещина, через которую перешептывались разделённые любовники (или, в нашем случае, перекрикивались), с клятвами в вечной любви.

Я должен был сыграть Фисбу, а Уилл Кемп — Пирама, и я этого боялся, потому что Уилл Кемп вечно устраивал пакости. Для простолудинов во дворе и для народа, приветствовавшего его на улицах, он казался весёлым, беззаботным человеком, щедрым на улыбки и остроты, но в труппе, вдали от поклонников, становился угрюмым и злобным. Играл он хорошо, настолько хорошо, что мой брат

специально писал для него реплики, зная, что публика не раз заплатит, чтобы посмотреть, как клоун Уилл Кемп поёт и дурачится. Кемп всегда злился, если труппа исполняла пьесу без комической части, соответствующей его таланту, потому что считал, что зрители пришли посмотреть на него, а не на Ричарда Бёрбеджа. Но он понял, что Ник Основа — настоящая жемчужина, и на этот раз не ворчал и не спорил, а с энтузиазмом бросился играть этого персонажа. Когда мы подошли к финалу пьесы и торговцы из Афин наконец представили герцогу свою интерлюдия «Пирам и Фисба», Кемп больше не мог усидеть на месте. Он встал и начал расхаживать по сцене со страницами в руках.

О ночи тьма! Ночь, что как мрак черна!

Ночь, что везде, где дня уж больше нет!

О ночь, о ночь! Увы, увy, увy!

Он произнес дурацкую речь в фальшивом героическом тоне, жалуясь, что его возлюбленная Фисба не пришла, но тут она, наконец, явилась. Я встал и засеменил по сцене.

Уилл Кемп, схватил со стула Ричарда Коули, наёмного актера, игравшего Томаса Рыло, и отвёл его в центр сцены.

— Ты — стена, — сказал он ему, выпрямил руку Коули и заставил его растопырить пальцы. — Трещина в стене, — пояснил Кемп и кивнул мне. — Продолжай, Дик.

— Не ты ль, Стена, внимала вопль печали, что от меня отторжен мой Пирам? — смешно запищал я высоким голосом. Я снял шляпу, распустил длинные волосы, покачивал бедрами, ступал крошечными шажками и, поскольку уже выучил слова и руки у меня были свободны, приложил их к груди. — Вишнёвые уста мои лобзали эти камни... — завопил я, наклонившись вперёд, и влажно чмокнул вытянутую руку Коули. Вся труппа засмеялась, только теперь они смеялись не надо мной, а над Фрэнсисом Дудкой, гротескно играющим женщину.

Кемп усилил сцену, придавая каждому жесту выразительности, и корчил рожи, подчеркивая глупость слов.

— Я вижу голос! — воскликнул он, вытаращив глаза, — дай взгляну я в щёлку, — он зашагал тяжёлыми шагами к стене, наклонился, оттопырив зад, и повернул изумлённое лицо в сторону двора, — увижу ль Фисбы я прекрасный лик? О, Фисба!

Я ахнул от радости, снова скрестил руки, закрутился, принял застенчивый вид и заговорил ещё более высоким голосом.

— Ты ли к щёлке там преник? Я думаю...

Кемп вытянул губы и просунул их через руку Коули, а затем издал животный, голодный рык.

— Целуй сквозь щель: уста твои так сладки!

Я бросился к «стене», остановился и поцеловал руку.

— Целую не уста, — простонал я, — дыру в стене!

Все на сцене засмеялись. Уилл Кемп выпрямился.

— Может, вместо уста пещеру? — предложил он моему брату.

— Пещеру?

Кемп сымитировал женский голос, похожий на мой.

— Целую я дыру в стене, — пропищал он, — а не твою «пещеру»!

Опять раздался смех.

— Так лучше, — согласился мой брат, — но лорда-камергера трудно будет в этом убедить. И его жена не согласится.

— Верно подмечено, Уилл, верно подмечено! — Впервые Уилл Кемп не спорил. — Оставь как есть, — сказал он мне.

Несколько мгновений спустя Уилл Кемп снова задумался о небольшом изменении пьесы. Это была сцена его смерти. Он ошибочно полагал, что Фисба уже мертва, и поэтому снова и снова ударял себя мечом. Его смерть, конечно же, всех рассмешила. Он вонзал меч так часто, так театрально, извиваясь и падая, затем снова поднимался и снова падал. Последние слова Пирам произносил, задыхаясь в смертельных муках.

— Несчастный, умирай... — продекламировал он и остановился, очевидно, потеряв нужные строчки.

Он нахмурился, явно не в силах вспомнить или найти следующее слово. Он хмурился над страницей в поисках слова и молчал, пока, наконец, суфлёр Исая Хамбл не подсказал ему.

— Там ещё «ай», — Уилл.

— Ай! — взревел Уилл.

И мы все засмеялись, как он и ожидал. Рассмеялся даже мой брат, который мог рассердиться из-за того, что Уилл Кемп переделал его слова.

— Мы это запишем, — сказал он, — спасибо, Уилл.

— Ага, — произнёс Уилл Кемп, — мы молодцы!

Наши лица горели нетерпением. Пьеса захватила нас, мы знали, что её хорошо воспримут, и уже ожидали смех публики, аплодисменты,

волнение зрителей.

А люди за рекой хотели украсть её у нас.

На следующий день пошёл дождь. И через день. Он лил неустанно, заливая потоками улицы и каскадом спускаясь с лондонских крыш. Так похолодало, что на третий день дождь превратился в мокрый снег, его принес кошмарный северный ветер. «Театр» закрыли. Иногда мы играли в плохую погоду, хотя, как правило, старались поскорее закончить, если начинался дождь, но при таких холодных порывах ветра играть было невозможно, и поэтому флаг не развевался над башней, а фанфары не созывали публику на Финсбери-филдс.

Я хотел остаться дома, спуститься в комнату отца Лоуренса и дрожать перед его камином, но ещё больше хотел увидеть Сильвию, и поэтому выдумал предлог. Увидев, что облака сгущаются, предвещая дождь, Алан Раст объявил, что труппа будет репетировать заключительные сцены в Блэкфрайерсе.

— В понедельник, — сказал он, — начнём с придворных. Это герцог Тезей, Ипполита, четыре любовника и Филострат.

Мастеровых не вызывали, хотя они появлялись в конце пьесы на герцогском суде. Я запахнулся в здоровенный плащ, но тот всё равно промок, прежде чем я успел добраться до Мургейта.

— Ты похож на утопшую крысу, — приветствовал меня брат, — а почему ты пришёл?

— Мы могли бы взяться за сцену с Пирамом и Фисбой, — предложил я, прекрасно зная, что мы этого не сделаем.

— Нет, — бесцеремонно заявил он, — и не путайся под ногами. Иди домой.

— Скоро пойду, — ответил я.

В огромном очаге горел огонь, и я сел рядом, тепло окутало мою промокшую одежду. Брат колебался, как будто собирался настоять на моем уходе, но бесконечно шмыгающий носом Исая Хамбл хотел, чтобы мой брат расшифровал некоторые слова, которые он не сумел разглядеть, и я остался один.

Большой зал был полон. Придворные находились в дальнем конце, под эркерным окном, где Алан Раст прогонял с ними сцены, решая, где они должны войти и где будут стоять. Три плотника пилили и стучали под галереей менестрелей, делая сцену и новую ширму, а наша швея Джин разворачивала огромные рулоны ткани на большом столе.

— Помоги-ка мне, милый, — обратилась она ко мне.

Джин была взволнована. Костюмы представляли собой пёструю смесь — некоторые были красивыми, большинство потрепанными, и все часто использовались, но, похоже, леди Энн Хансдон отдала распоряжение: костюмы для «Сна в летнюю ночь» должны быть яркими и запоминающимися.

— Она хочет, чтобы это выглядело как маскарад, — пояснила Джин, — и дала мне одну смышлёную деваху в помощницы. Ты только глянь! — Она развернула рулон мерцающего серебристого шёлка. — Один бог знает, сколько это стоит. А это! — Она вытащила из кучи рулон тёмно-синего бархата. — А это! Боже мой! — Она провела рукой по рулону бледно-жёлтого атласа, а затем вытащила ещё один. — А бархат! Тридцать шиллингов за ярд на Чипсайте. А подкладочный шёлк! Бог знает, сколько стоит подкладочный шёлк. Кружево! Батист! Тафта! О-о-о, и ещё это.

Она состроила гримасу.

— Что это?

— Бумазея, — ответила она, — зелёная, как гусиный помёт. Ненавижу этот цвет. Но как раз подойдёт тебе на камзол. Поможешь мне всё это донести?

— Я хочу шёлковый камзол.

— Фрэнсис Дудка не носит шёлк, глупый мальчишка. Вытяни руки. Я покорно вытянул руки.

— Куда мы идём?

— В комнату её милости, — сказала она, водрузив рулоны на мои вытянутые руки, — и ты не скажешь ни слова про пьесу.

— Не скажу.

— Её милость надеется, что на свадьбу придет королева, поэтому всё должно быть в лучшем виде, — сказала она, опережая меня, чтобы открыть центральную дверь. Когда мы оказались в большом коридоре, она повернулась ко мне и понизила голос.

— Говорят, его милость наполовину брат королеве!

Я улыбнулся.

— Слухи, Джин, слухи.

— Нет, честное слово, клянусь Богом! Его мать — Мария Болейн, тётя королевы. А Мария Болейн была любовницей толстого Генриха, прежде чем он выдал её замуж. Бедная девушка. Можешь себе

представить огромный бугор, болтающийся у тебя промеж ног? Идём вон туда, и ни слова. — Она поспешила дальше, затем остановилась и снова повернулась ко мне. — Но королева может и не прийти на свадьбу. Ей не нравится мать жениха.

— Откуда ты знаешь?

— Все это знают!

— Я — нет.

— Леди Беркли купила лютню, сплошь усыпанную драгоценными камнями. Королева очень хотела её иметь, а леди Беркли перекупила, так что теперь они друг с другом не разговаривают. На месте леди Би я бы отдала ей эту лютню, и дело с концом! Это же просто лютня, верно? Они все пиликают одинаково. А теперь тихо. Ни слова.

Она провела меня через лабиринт коридоров, окончившийся у полуоткрытой двери, где велела ждать, а сама прошмыгнула внутрь. Я увидел, как она приседает в реверансе.

— Можно войти мистеру Шекспиру, миледи?

— А у него чистые ноги? — ответил ей голос, вызвав хор дружных смешков.

— Чище, чем когда-либо, миледи.

— Тогда можно рискнуть и позволить ему войти.

Джин обернулась ко мне и с улыбкой сказала:

— Входи, Ричард.

Мне пришлось протискиваться внутрь с громоздкими рулонами ткани. Комната была обшита деревом, согрета огнём камина и увешана гобеленами. За мной наблюдали шесть женщин, и я покраснел. Две сидели в креслах с высокими спинками, и я неуклюже им поклонился. Одна из них — Элизабет Кэри, невеста, а рядом с ней разместилась прекрасно выглядевшая дама постарше, с такими же светлыми волосами, как у Элизабет. Глаза у старшей дамы были живые и умные, а улыбка сделалась шире, когда я ей поклонился.

— Приятно видеть, что и от мужчины бывает польза! — заметила она.

Все женщины засмеялись. Другие четверо, придворные или служанки, устроились на подушках, и среди них была Сильвия. Я заметил, что она сморит на меня, увидел улыбку на её лице, и быстро отвёл глаза, боясь покраснеть.

— Мистер Шекспир — актёр, матушка, — сказала Элизабет Кэри.

Она была в бледно-голубом, атласная юбка украшена серебряной вышивкой в виде плюща. Светлые волосы распущены, как и подобает незамужней девушке. Её мать, леди Кэри, одетая в тёмно-красное платье с белыми вставками, похоже, находила меня забавным.

— Ведь ваш брат — поэт? — наконец поинтересовалась она, внимательно меня изучив.

— Да, он поэт, миледи.

— Ах, как же вам повезло.

— Опустите ткани, Ричард, — Джин указала на турецкий ковёр посреди комнаты.

За двумя высокими креслами пылал жаркий огонь. Дождь молотил по застеклённым ромбовидным узором окнам, выходящими во внутренний двор.

— Ваш брат — умный человек, — произнесла леди Кэри.

— Ну да, он такой, миледи, — ответил я, не найдя, что ещё сказать, а потом неуклюже свалил рулоны ткани на ковёр.

— Он, может, и умный, — шутливо продолжила Элизабет Кэри, — но не такой красавчик, как вы!

Все девушки захихикали, а я, конечно, тут же залился краской.

— Элизабет! — одернула её леди Кэри, однако не слишком строго.

— Ты найдешь дорогу обратно? — спросила у меня Джин.

— Думаю, да, — но я сомневался, поскольку старый особняк просто кишел комнатами, коридорами и залами.

— И ты лишишь нас общества мистера Шекспира? — спросила леди Кэри. — Я надеялась, что он расскажет нам о пьесе. Твоя бабушка её читала, — добавила она, обращаясь к дочери, — и заявила, что она изумительна, однако все остальные лишены этого удовольствия.

— В самом деле, матушка, нам это запрещено, — сказала Элизабет Кэри.

— И вот здесь сам мистер Шекспир, — добавила леди Кэри. — Приказываю вам, мистер Шекспир, рассказать нам об этой пьесе. — Она окинула меня властным взглядом. — О чём она?

— Я... — начал я и запнулся. — Это очень сложно, миледи, — растерянно сказал я, и мне известны лишь небольшие фрагменты, в которых я занят.

— Небольшие фрагменты! — Она чуть улыбнулась и тут же строго нахмурилась. — Для актёра вы очень плохой лжец! Что за роль вы

играете?

Я снова засомневался. Мне хотелось ответить «любовника», чтобы произвести впечатление на Сильвию, но такой ответ мог вызвать ещё больше вопросов, на которые сложно ответить. Прежде чем я успел что-то сказать, Элизабет Кэри бросила мне новый вызов.

— Вы играете эльфа?

— Нет, миледи! — ответил я, пожалуй, слишком пылко.

— Но в пьесе ведь есть эльфы?

— Да, миледи, — подтвердил я, зная, что мой брат уже рассказал ей об этом.

— Но если вы не эльф, — сказала леди Кэри, изображая недоумение, — то кто? Людоед? Демон?

— Починщик раздувальных мехов, миледи.

Глаза у неё округлились. Она явно заинтересовалась.

— Починщик мехов! Что ж, полагаю, весьма полезное ремесло. И много ли в пьесе мехов?

Я понятия не имел, что ответить, и потому промолчал.

— Похоже, леди, мы с вами узнали одно, — продолжала она, — в этой пьесе есть починщик раздувальных мехов! Признаюсь, я заинтригована. Вы их чините прямо на сцене?

— Нет, миледи.

— Так вы починщик раздувальных мехов, который не чинит меха! Очень интригующе! А что чем же вы занимаетесь?

— Играю в пьесе, — ответил я и это, конечно, был мой самый правдивый ответ.

Леди Кэри вздохнула.

— Он очень упрямый починщик раздувальных мехов. Сильвия, покажи упрямому починщику раздувальных мехов дорогу в зал.

— Хорошо, миледи.

— И если ты споткнешься о сломанные меха, отдай их ему в починку. Ступайте, молодой человек. — Я покорно подошел к её креслу и поклонился. — Я над вами подшучиваю, — сказала она, — но мы с нетерпением ждём вашей пьесы.

И с этими словами она порылась в кошельке, достала монеты и протянула мне.

— Миледи... — начал я сбивчиво благодарить.

— Ступайте, — сказала она с улыбкой.

Сильвия по случайности сидела ближе всех к двери, и поэтому её послали меня сопровождать. Я снова поклонился леди Кэри и неловко попятился, чуть не споткнувшись о рулоны ткани, а потом последовал за Сильвией через дверь. Она хихикнула.

— Починщик раздувальных мехов? — переспросила она, схватила меня за рукав и потащила из комнаты. — Леди Кэри такая добрая, — сообщила она.

— Щедрая, — подтвердил я. — Дала мне четыре шиллинга. Жалование в удачную неделю!

— И она любит поэзию. Иногда она читает нам стихи. Я не понимаю половину из них, но приходится слушать. Сейчас она читает одну поэму о рыцаре-крестоносце и драконе. Красивую. Но, как по мне, слишком длинную. — Она рассмеялась. — И её дочь такая же, вечно читает стихи. И, конечно же, обе в восторге от вашей пьесы. Как и все мы. Ты видел новый театр? Какой он?

— Большой.

— Это я и сама могу увидеть! — сказала она насмешливо. Шла она очень медленно. — Мне бы хотелось пойти в театр.

— Ты никогда там не была?

— Никогда.

— Я тебя проведу, — неуклюже предложил я.

— Если меня когда-нибудь отсюда выпустят. — Она засмеялась. — Мне нужно вернуться, мы должны шить костюмы. — Она по-прежнему шла медленно. — На них столько денег потратили! Ну, у них есть что тратить. — Она остановилась на повороте в обшитом панелями коридоре. — Надеюсь, я увижу эту пьесу?

— Я тоже надеюсь.

— И ты будешь здесь на Рождество.

— Правда?

— На Рождество поставят пьесу. Разве ты не знаешь? Вот почему в зале такая спешка. Нужно закончить столярные работы. Так что я увижу две пьесы!

— Да, — сказал я, — но это совсем не то, что в театре.

— Правда?

— В театре много шума.

— Я люблю шум, — улыбнулась она.

— Только пока не бунтуют, — ответил я.

— Бунтуют?

— В прошлом году случился бунт, — ответил я, — некоторым подмастерьям не понравилась пьеса, и они начали кидаться всяким дерьмом на сцену, потом забрались туда, и пришлось возвращать их на место пистолетами и алебардами. Так произошло и на постоялом дворе Грейс. Мы играли «Ричарда II», а публика требовала «Комедию ошибок».

— И что вы решили?

— Сыграли комедию. Лучше, чем ходить с проломленной головой! Она усмехнулась.

— Мы ведь не хотим, чтобы Фрэнсису Дудке проломили голову, да? Будь осторожен! Здесь тёмный спуск.

Предупреждение прозвучало, когда она повернула в узкий проход без окон. Я понял, что она ведет меня обратно в большой зал гораздо более длинным путем, чем Джин, и в тёмном углу, где сходились два коридора, она остановилась и посмотрела мне в лицо. Мгновение она молчала, просто смотрела на меня, этот неловкий момент растянулся, а затем, набравшись мужества, я наклонился и поцеловал её. Внезапный порыв. Конечно, она сама это устроила. Сильвия улыбнулась — она этого ждала, и я сделал то, чего она хотела. Я поцеловал её, и она поцеловала меня. Мы молчали. Я просто оцепенел.

Она ещё улыбалась, по-прежнему не двигаясь.

— Кто Сильвия? — спросил я. — И чем она всех пастушков пленила?

Она посмотрела на меня, её темные глаза казались больше.

— Ты это сам сочинил?

— Да, — ответил я.

— Ты забавный. — Она встала на цыпочки и снова меня поцеловала. — Я должна вернуться, иди прямо по этому коридору.

— Я ещё тебя увижу? — крикнул я ей вслед.

Она махнула, не поворачиваясь, а потом ушла. А я влюбился.

По-прежнему шёл дождь. Вернувшись в зал, я увидел за эркерным окном мокрый снег и услышал завывания ветра в высоком дымоходе. Я ещё был в оцепенении, вспоминая поцелуй Сильвии, и в то же время чувствовал разочарование, что теперь она будет заниматься шитьём, и я её не увижу. Мне нечего было делать в зале, но я не хотел уходить. Я подошёл к большому камину, пытаясь высушить промокшую одежду.

Ричард Бёрбедж, Генри Конделл, Александр Кук и Кит Сандерс репетировали с Аланом Растом, а другие актёры смотрели. Александр и Кит играли девушек и стояли на краю воображаемой сцены, а двое актёров наблюдали за ними сзади. Кит был маленького роста для своего возраста, а Александр — высоким, и мой брат написал слова соответственно их росту.

— Ты, лицемерка, кукла! — вскричал Александр. Когда мы читали сцену в первый раз, все смеялись над ссорой двух девушек, но погода, казалось, вселила во всех уныние, ни у кого не осталось энтузиазма.

— Иди влево, — велел Раст Киту.

Порыв ветра брызнул дождём в высокое окно, огонь в камине заметался.

— Как, я мала, раскрашенная жердь? — кричал Кит на Александра. — Как, я мала? Не так уж я мала, чтоб не достать до глаз твоих ногтями!

Он побежал по сцене, растопылив пальцы, чтобы вцепиться Александру в глаза.

— Кричи на неё на бегу, — сказал Алан Киту. — Без пауз! И не позволяй ей тебя догнать, — добавил Алан Александру. — Позволь ей приблизиться, а потом беги, спасайся. Спрячься за мужчинами.

— Мне её преследовать? — спросил Кит.

— Нет, просто остановись там, где она стояла. Повернись и посмотри на неё, но ты не собираешься на неё нападать, пока она с мужчинами. Теперь повтори.

Ричард Бёрбедж, уставший или скучающий, взял стул от большого стола, поставил его на воображаемую сцену и сел. Настоящая сцена строилась на другом конце зала, всё пространство наполнилось воем пил и стуком молотков. Алан Раст заглянул через плечо Исаии Хамбла, чтобы прочитать реплики, и тот внезапно чихнул.

— Ох, ради бога, Исайя! — Раст отскочил от него.

— Прости, — сказал Исайя и снова чихнул.

Раст схватил страницы и отодвинулся от Исайи.

— Кит? — позвал он, начни с «Так вот что! Ты — обманщица, ты — язва, воровка!»

— Прости, — сказал Исайя.

Он выглядел больным, но кто не ощущает себя больным в такую ужасную, холодную и сырую погоду?

Мой брат подошёл к камину.

— Завтра мы репетируем Титанию и Оберона, — сказал он, — и мастеровых в пятницу. Ты знаешь свою роль?

— Целиком.

— Тебе нет нужды сейчас оставаться, — многозначительно сказал он. — Приходи в пятницу.

— Я подожду, пока закончится дождь.

— Он и не думает заканчиваться. Он никогда не закончится. Небо чёрное, как задница сатаны.

Он повернулся понаблюдать, как Кит кричит и бежит по сцене.

— Быстрее! — кричал Алан Раст. — Беги, как будто ты хочешь её убить. Повтори ещё раз.

— Ты и на Рождество ставишь здесь пьесу? — спросил я брата. Скорее, мне хотелось спросить его, правда ли, что он и Фрэнсис Лэнгли были пайщиками борделя, но я знал, что этот вопрос только вызовет насмешку и я не получу ответа.

— В Двенадцатую ночь? — переспросил он и скривился, как будто мысль была неприятной, но затем смягчился и ответил: — Да, по желанию его милости.

— Какую? — спросил я слишком нетерпеливо, так что он нахмурился.

Конечно, я надеялся, что получу в пьесе хоть какую-нибудь роль и вернусь в Блэкфрайерс и к Сильвии.

— Я подумывал о «Бесплодных усилиях любви», — ответил мой брат, — но это вряд ли тактично.

— Тактично?

Исайя Хамбл закашлялся и никак не мог остановиться. Раст повернулся и хмуро посмотрел на него.

— Прости, — выдавил Исайя.

— Избави нас боже от чумы, — тихо произнёс мой брат.

— Сейчас ведь зима, — заметил я, — чума не свирепствует зимой.

— Она приходит, когда захочет, — грубо сказал брат. — А ставить «Бесплодные усилия любви» будет нетактично, потому что в конце пьесы принцесса откладывает брак на год, и не думаю, что леди Кэри воспримет это как хорошую примету перед свадьбой своей дочери. К тому же рождественские пьесы должны быть короткими. Большая часть публики пьяна, спит или и то и другое, поэтому мы должны представить что-то лёгкое и недлинное.

— «Плодотворные усилия любви»? — предложил я.

— Мы ставили пьесу для его милости два года назад, — ответил он, глядя в огонь хмурым взглядом. — Может, «Прекрасную Эм»? Мы её здесь не играли.

— Я думал, тебе она не нравится.

— Она написана топорно, — усмехнулся он, — но зато короткая, и, кажется, нравится публике, а его милость её не видел.

Я тоже не видел «Прекрасную Эм, или дочь мельника».

— Там есть роль для меня? — спросил я в надежде, что у меня будет причина прийти в особняк на рождественское празднество.

— Нет, — ответил он без колебаний.

Исайя чихал, кашлял и стонал. Он нашёл носовой платок и уткнулся в него, потом опять чихнул.

— Ради бога, — проворчал Раст на Исайю, — уйми свой кашель. Иди домой. Поправляйся.

— Или умри! — добавил Уилл Кемп.

— Простите!

Бедняга встал, пробежал мимо плотников и выскочил за дверь.

— Если хочешь остаться, — уныло сказал мне брат, — будешь суфлёром, пока Исайя не вернётся.

— Ты мне заплатишь?

— Ради бога, — раздражённо ответил он, — мы тебе заплатим. Садись.

У меня была работа. В Блэкфрайерсе! Я сел на место Исайи, взял страницы у Алана Раста и постарался скрыть свою радость.

*О слепоте своей скорбя,
Амур к ней приласкался:
И вдруг прозрел он и, любя,
В её глазах остался.*

Воров вешают. В любом значимом городе имелась виселица, а в Лондоне несколько, хотя я видел единственную казнь через повешение

в Смитфилде. Смертный приговор осуждённому с завязанными за спиной руками приводили в исполнение на телеге. Вокруг шеи ворами затягивали верёвки, а телегу тащили, так что они падали на фут или около того, дёргались и начинали танцевать в воздухе. Если у них были друзья, а констебли и палач стояли сзади, они могли умереть быстро, если эти друзья дёргали их вниз за лодыжки, но это никогда не встречало одобрения толпы, которая любила смотреть на судороги, танцующие в воздухе ноги и мочу, стекающую по босым ступням. Ноги у них почти всегда были босыми, пусть это и были воры, но всегда бедные.

— Богатые воры, — не единожды говорил мне брат, — не заканчивают жизнь на виселице. Они живут в Грейс-Инн или Мидл-Темпл [\[8\]](#) и носят чёрное.

Сэр Годфри любил брать нас на смитфилдские повешения. Когда я был упрямым учеником в приходе святого Бенета, и мы шли гуськом, человек пятнадцать, все в сером, а сэр Годфри, в рясе священника, требовал освободить нам дорогу. Двигаться было легче благодаря Лютику, который распугивал толпу рыком.

— Вот какова судьба преступников — вещал сэр Годфри, когда мы пробирались вперед. — Расплата за грехи!

Когда мочевого пузыря повешенного начинал опустошаться, он толкал нас вперед.

— Ползи под ним, мальчик, ползи! Это ещё одно крещение!

Как и остальные, он верил, что крещение мочой умершего убережёт нас от похожей судьбы.

Если платой за грех была смерть через повешение, сэр Годфри без лишних терзаний удерживал нас от греха. Для проверки нашего умения изображать девичью походку он посылал нас фланировать по Чипсайду или другой оживлённой улице, соблазняя мужчин. Если дело происходило в Чипсайте, мы исчезали в тёмном даже в самый яркий летний день переулке Купера. Над переулком нависали дома, а потом он резко поворачивал прямо в грязный, зловонно пахнущий двор, где поджидали Лютик и Джордж Хэрроуби, младший учитель. По взмаху маленькой ладони мужчина следовал за соблазнительной улыбкой и оказывался в крепких объятьях Лютика.

— Чего тебе надо от моей сестрёнки? — ревел Лютик.

Мужчина пытался возмущаться, но когда тебя припирают к стене и

сжимают горло пальцами-сосисками, возмущаться бесполезно. Некоторые нащупывали нож или даже шпагу, но Джордж Хэрроуби держал наготове кинжал.

— Тебе нравится вкус стали? — спрашивал он с крысиной усмешкой и прижимал острое кинжала к рёбрам жертвы.

Платили всегда.

— Ты хороший парень, — говорил нам Лютик.

Иногда тайком от Хэрроуби он совал нам монетку.

— Спрячь её, парень.

Констебли знали, чем мы занимаемся, но сэр Годфри щедро платил им, и они не обращали на нас внимания.

Сначала я боялся прогуливаться по улицам Лондона в женской одежде, но потом научился получать от этого удовольствие. Быть девчонкой — совсем другое дело. Мужчина может прогуливаться по улицам Лондона, и никто его не заметит, если он не в кружевах, атласе, шёлке и без меча. А на девушку, даже одетую как служанка, смотрят всё время. Я всегда чувствовал оценивающие взгляды, иногда наглые, иногда скрытые, но постоянно. Мужчины подзывали нас.

— Иди сюда, милая, у меня есть кое-что для тебя!

Они смеялись, тискали нас.

Все молодые женщины, кроме знатных в сопровождении слуг, становились добычей для любого мужчины. Некоторых останавливал мой рост, другим он казался восхитительным.

— Обними меня своими длинными ножками, киска! — говорили они.

А я одаривал их скромным взглядом, улыбкой и заводил в переулок, где скрывались Лютик и Хэрроуби. Я помогал опустошать их кошельки, стал вором.

Я понял всю необходимость денег и жаждал их заполучить. Я мечтал о слугах, красивой одежде, уважении толпы и собственной лошади. Я мечтал приехать в Стратфорд верхом и плюнуть на Томаса Батлера и его мерзкую жёнушку, плюнуть на всех, кто велел мне работать изо всех сил. Работать для чего? Чтобы стать плотником? Сапожником? Перчаточных дел мастером или землекопом? Чтобы кто-то вечно мной помыкал? Всегда кланяться, пресмыкаться и льстить? Я начал воровать и понял, что в этом преуспел. В награду сэр Годфри меня не бил. Я носил юбку с разрезом, где скрывался глубокий карман,

и наловчился бросать ценные предметы в это потайное укрытие. Другой паренёк, одетый девчонкой, как и я, отвлекал владельца магазина или его учеников, а я незаметно запихивал в карман серебряную чашечку или какую-нибудь безделушку; то, что мог продать сэр Годфри. Хитрость, которой я научился, заключалась в том, что нужно задержаться в магазине после кражи, создать о себе хорошее впечатление, улыбаться и всегда уходить не спеша. К шестнадцати годам я стал опытным вором.

А воров вешают.

В семнадцать я стал играть в труппе моего брата, исполняя небольшие роли, постепенно становившиеся всё больше, но хотя я получал за это честные деньги, их никогда не хватало, и я стал подворовывать. Теперь я уже не мальчик в женском платье, а охотник на лондонских аллеях. Моими жертвами стали беспомощные пьяницы или недавно прибывшая в город деревенщина, не уследившая за багажом, а в один славный день даже дворянин, чей кошелек содержал шестнадцать шиллингов. Его милость явился в театр, заплатив за драгоценный стул на краю сцены, и принёс с собой бутылку вина, хотя и так уже был пьян. По окончании пьесы его бутылка опустела, а сам он заснул, привалившись спиной к стене. Когда зрители ушли, он проснулся и потребовал, чтобы двое актёров помогли ему добраться домой. У него не было слуги, что странно для дворянина, но мы с Саймоном Уиллоби провели его через Финсбери-филдс к Мургейту, а там он внезапно потребовал оставить его в таверне «Испанская дама» сразу за воротами. Мы помогли ему сесть, дворянин пошарил в вышитом кошельке и дал мне монету.

— Вина, парень, принеси мне хорошего вина и трубку с табаком. Давай, тащи!

Через секунду он провалился в сон. Мы с Саймоном переглянулись, я приложил палец к губам, а затем украдкой расстегнул кошелек. «Испанскую даму» мы покинули, став богаче на восемь шиллингов каждый, я больше никогда не видел этого человека. Ещё шиллинг я выручил от продажи прекрасного кошелька с серебряными застёжками и расшитого серебряными нитями.

Саймон Уиллоби, будучи моложе меня, был слишком возбужден воровством, и мне пришлось рявкнуть на него, чтобы молчал, когда мы вернулись в «Театр». Я больше никогда не воровал вместе с ним, хотя

иногда он смотрел на меня с поднятой бровью, словно предлагая снова пуститься в эту авантюру. Он был учеником Джона Хемингса, и его жалование уходило хозяину, который мог отдать, а мог и не отдать часть, хотя, наверное, Саймону было безразлично. Он был милым мальчиком и, как сказал мой брат, побывал в половине постелей Уайтхолла. Я знал, что он нуждается в деньгах. Он был хорошим актёром, страстно жаждавшим похвалы, но надёжным на сцене, и публика его очень любила. Но в тот рождественский сезон, когда мы репетировали «Сон в летнюю ночь», он вёл себя странно.

Он играл Титанию, царицу эльфов, одну из самых больших ролей. Она поссорилась с царем эльфов Обероном из-за мальчика-сироты, которого каждый хотел заполучить себе в компаньоны, но Титания не уступала. В отместку Оберон подшутил над ней, окропив ей веки соком волшебного цветка, что заставит её беспомощно влюбиться в первое существо, которое она увидит при пробуждении.

— Что увидишь, как проснёшься, — сказал Джон Хемингс, наклонившись над спящим телом Саймона Уиллоби, — всей душой тем увлечёшься.

*Пусть любовь тебя гнетёт:
Будь то волк, медведь, иль кот,
Иль с щетиной жёсткой боров.
Для твоих влюблённых взоров
Станет он всего милей.
Как придёт, проснись скорей!*

Этим человеком оказался Уилл Кемп, игравший Ника Основу, чья голова волшебным образом превратилась в ослиную.

— Спаси тебя Бог, Основа, спаси тебя Бог! — воскликнул мой брат, играющий Питера Пигву, — Ты стал оборотнем!

Конечно, это была бессмыслица! Как говорит Ипполита о Пираме и Фисбе: «Я никогда ничего глупее не слыхала!». Но глупость сработала. Таково чудо театра — публика поверит чему угодно.

— Они хотят верить, — однажды объяснил мне брат, — И тем самым делают половину работы за нас. Они приходят с желанием развлекаться, удивляться, испытать благоговение или страх. У них есть

воображение, и их воображение нам помогает.

Но приёме в честь свадьбы воображению пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы исправить работу Саймона Уиллоби, потому что он не мог вспомнить свои реплики и не помнил, где должен стоять на сцене, когда их произносит. Он дергался и буквально готов был расплакаться, особенно когда Уилл Кемп начал его задирать. Это не было похоже на Саймона, ведь, несмотря на все его интрижки и глупость, он усердно учил реплики и гордился своим актёрским мастерством. Он, как и большинство мальчиков, хотел остаться актёром и мечтал однажды стать пайщиком, но теперь, в большом зале Блэкфрайерса он запинался и бормотал на всех репетициях.

Ник Основа снова вышел на сцену, как только Пак превратил его голову в ослиную. Мы, мастеровые, в ужасе разбежались, оставив его в одиночестве, не считая незамеченной нами Титании, спавшей в глубине сцены. Ник Основа, озадаченный ужасом своих товарищей и не подозревающий, что превратился в чудовище, напевая ходил взад-вперёд.

*Эй чёрный дрозд, эй, чёрный хвост,
Оранжевый носок.
И сладкозвучный певчий дрозд,
И крошка-королёк!*

— Прости, Уилл, — прервал его Джон Хемингс. Он разговаривал с моим братом. — Чёрный хвост? Оранжевый носок? — Разве у дрозда не чёрный клюв?

— Кого, чёрт возьми, это волнует? — взорвался Кемп.

— У петуха оранжевый... — начал Джон Хемингс, но поспешно отпрянул от разозлившегося Кемпа.

— Никого, чёрт побери, не волнует! — заорал Кемп. — Чёрный клюв, синий клюв, зелёный зад, красный зад, какого хочешь цвета зад, чёрт тебя дери! Может, продолжим?

— Продолжай, — спокойно сказал Алан Раст. — Просто спой последнюю строчку ещё раз.

Уилл проревел последнюю строчку, и Титания проснулась, увидела гротескную фигуру и сказала:

- О, что за ангел пробудил меня?
- Среди цветов, — поправил я Саймона.
- Ох, чёрт, — сказал Саймон.
- Повтори ещё раз, — терпеливо попросил Алан Раст.

Теперь Саймон произнёс правильно. Уилл Кемп запел, а на сцену вышли эльфы Титании. У четырёх эльфов были роли со словами, и их играли ученики, трое остальных были мальчиками из церковного хора лорда Хансдона, и все семеро тихо подхватили песню Уилла Кемпа.

*Щеглёнок, зяблик, воробей,
Кукушка с песнею своей,
Которой человек в ответ
Сказать не часто смеет: нет!*

Титания окончательно проснулась и уставилась широко открытыми глазами на человека с ослиной головой. Она сразу влюбилась в него из-за волшебного зелья. Уилл закончил свои строки и ждал. И ждал. Молчание. Только плотники всё ещё работали на сцене. Звенела пила и стучал молоток.

- Титания, — тихо подсказал я, — твоя реплика.
- Прости.
- Прошу, прекрасный смертный, спой... — подсказал я ему.
- Прошу, прекрасный смертный, — поспешил прервать меня Саймон, — спой еще! Твой голос мне... твой голос мне... — Он снова запнулся.
- Чарует.
- ...чарует слух, твой образ пленяет взор. — Саймон выглядел так, будто готов закричать, но опять умолк.
- Ну же, ради бога, — проворчал Уилл Кемп.
- Извините.
- Кому нужны твои дурацкие извинения? Выучи треклятые реплики, безмозглый идиот.
- Здесь дети! — возмутился один из слуг лорда Хансдона, ответственный за мальчиков.
- Дай Саймону страницу, — спокойно попросил мой брат.
- Я повиновался.

— Начни со слов «сколько бы она ни кричала свое «ку-ку», — сказал Алан Раст.

Но несмотря на страницы в руке, Саймон снова запнулся, что лишь вызвало град нечестивых и грязных ругательств Уилла.

— Я не могу прочитать, — пожаловался Саймон, — здесь слишком темно.

В большом зале действительно было темно, свет исходил только от высокого эркерного окна, за которым небо Суррея было окутано дымом под тёмными зимними облаками. У меня на столе горели четыре свечи, чтобы облегчить чтение ролей, но там, где репетировали Саймон, Уилл и эльфы, пролегли глубокие тени.

— Ричард, — сказал брат, глядя на меня, — перечитайте это с Саймоном. На скамейке у окна.

Остальные актёры собрались у огня, тлеющего в большом очаге, а мы с Саймоном поднялись к эркерному окну. Я читал реплики Ника Основы, а Саймон проговаривал их. Он помнил все, кроме двух.

— Я их знаю, — сказал он мне.

— Знаешь.

— Но когда здесь Уилл, они вылетают из головы, — печально пожаловался он.

— Уилл может быть пугающим, — сказал я, — но Основа — нет. У него же ослиная голова! Давай еще раз повторим, — предложил я, но он больше не слушал, а смотрел вместо этого на реку — на огромный театр, построенный Фрэнсисом Лэнгли. Леса уже убрали, очевидно закончили черепичную крышу.

— У меня не только Титания, — жалобно звучал голос Саймона. — Я должен ещё выучить роль Эм. У неё много реплик!

«Прекрасная Эм, или дочь мельника» — пьеса, которую труппа представит в большом зале на Двенадцатую ночь, как часть рождественских торжеств лорда Хансдона. Я просиживал на репетициях, благодаря тому, что Исайя Хамбл всё ещё кашлял у себя дома, но радовался, что не выступаю в спектакле. Пьеса по сравнению со «Сном в летнюю ночь» была топорной.

— Эм — хорошая роль, — солгал я, чтобы приободрить Саймона. Он не ответил, даже не взглянул на меня, а вместо этого смотрел на реку, где на фоне тёмного неба выделялся новый театр. — Большой, — заметил я, и Саймон только кивнул, а я вспомнил, как он стоял у стены

во дворце возле светловолосого молодого лорда. Я наблюдал за ним. — Интересно, — сказал я, — как его назовут?

— «Лебедь», — ответил он, почти не раздумывая, всё ещё глядя на серую, медленную реку. Наступил отлив, и тонкие пластины льда мерцали на грязных берегах.

— «Лебедь»? — переспросил я. — Откуда ты знаешь?

Он с беспокойством посмотрел на меня.

— Я просто слышал, как кто-то так говорил, — сказал он, краснея. — Может, назовут как-то по-другому. Давай еще раз прочитаем.

— «Лебедь»?

— Начнём оттуда, где я просыпаюсь, — сказал он.

— Я слышал, они ищут актёров, — упорствовал я.

— О, что за ангел пробудил меня среди цветов? — произнёс он. В его глазах блеснули слёзы.

Я прочитал следующую реплику Ника Основы, и Саймон ответил, и на этот раз он знал все реплики. Каждую. Когда мы закончили, он улыбнулся.

— Я молодец, правда?

— Ты молодец, — подтвердил я.

— Я знал, что сумею!

— Теперь вместе с Уиллом, — сказал я, и он кивнул. Я крикнул брату, стоящему с другими актёрами у камина: — Он знает роль!

— Ричард, — Саймон схватил меня за рукав.

Его радость от повторения всех реплик без ошибок прошла и снова сменилась страхом.

— В чём дело?

— Тогда спускайтесь, — отозвался брат.

— В особняк есть еще один вход? — тихо спросил меня Саймон. Он наклонился ко мне, и я увидел следы красной марены на его губах.

— Главные ворота на Сент-Эндрю-Хилл, — сказал я.

— Стража меня не выпустит. Мне нужна другая дверь.

— Вы идёте уже, голубки? — рявкнул Уилл Кемп.

— Я не хочу кое с кем встречаться, — прошептал Саймон.

— Я не знаю другой двери, — сказал я.

— Эй, ребята! — нетерпеливо выкрикнул Алан Раст.

— Он знает реплики, — повторил я, чтобы успокоить Алана.

Саймон и впрямь их знал. Титания, царица эльфов, не забыв ни

слова, влюбилась в Ника Основу, ткача с ослиной головой.

И Титания знала, что новый театр будет называться «Лебедем».

Лорд Хансдон был щедр. Каждый день он приказывал, чтобы зал хорошо отапливали, и присылал нам эль, хлеб и сыр. Он или его сын, сэр Джордж, иногда приходили проверять работу Питера Стрита, нашего плотника, который со своими четырьмя помощниками закончил обустраивать сцену, возвышающуюся на пять футов. Сейчас они работали над фальшстеной, скрывавшей пространство под галереей менестрелей.

— Мы решили, милорд, — сказал мой брат лорду-канцлеру на следующий день после того, как Саймон Уиллоби спросил меня о другом выходе из особняка, — задрапировать стену и авансцену тканью.

— Тканью?

— И вместо дверей, милорд, просто занавесим три входа.

— Закроете стену тканью? — спросил лорд Хансдон. — Я думал, вы собирались закрыть её панелями.

— Мы могли бы это сделать, милорд, и покрасить древесину, как предлагали сначала, но к Рождеству запах не выветрится.

— Ясно, — хмыкнул лорд Хансдон. — Ладно, вонь на Рождество нам ни к чему. Значит, нужно купить ткань?

— Обычную ткань, милорд, скажем, крашеную шерсть?

— Во что обойдётся проклятая материя?

— Рулон тёмно-фиолетового цвета, милорд, шесть пенсов. Мы предпочли бы жёлтый, он на пенс дороже.

— И сколько рулонов?

— По меньшей мере тридцать, милорд,

— Господь всемогущий! Это безумно дорого, вы что, шутите?

— Придется потратиться, милорд, иначе будет вонь, — упорствовал брат.

Лорд Хансдон рассмеялся.

— Придётся потратиться, а? Поговорите с Харрисоном. Я скажу ему, чтобы доставили ткань.

Уолтер Харрисон, управляющий, стремился сберечь деньги хозяина, потому что в тот же день пришёл в большой зал со словами, что в доме уже есть какая-то синяя ткань, и спросил, можно ли её использовать для маскировки грубых деревянных лесов в передней части сцены. Оказалось можно, поэтому через час двое слуг принесли

два рулона и попросили спрятать их под сценой. К моему удивлению и удовольствию, с ними пришла Сильвия. Она тайком мне улыбнулась и поклонилась моему брату.

— Её милость спрашивает, можем ли мы пришить белые розы и красные кресты к синей ткани, сэр, — задала вопрос она.

Мой брат рассеянно кивнул.

— Конечно, конечно. — Потом он нахмурился. — Красные кресты?

— Эмблему семьи Беркли, сэр, — пояснила Сильвия.

— Ах, жениха. Да, конечно.

— Я этим займусь, сэр, — сказала она, снова кланяясь, а затем слегка кивнула мне, поднимаясь по временным ступеням на сцену, и исчезла.

— Мне нужно отлить, — заявил я, но никто не отреагировал.

Пайщики спорили о том, как поставить финал пьесы. Мой брат хотел, чтобы эльфы стояли на галерее, а Алан Раст беспокоился, хватит ли свечей для такого пространства, и они не обратили на меня внимания, когда я последовал за Сильвией.

Она стояла в дальней части зала, в тёмном пространстве под галереей менестрелей, которое станет нашей гримёркой. В тени её лицо казалось бледным.

— Я просто хотела тебя увидеть, — сказала она.

— А я тебя.

Я поцеловал её, и она прижалась ко мне.

— Мы так заняты, Рождество не за горами, — сказала она, — шью и то, и сё. Будет свободнее, когда оно закончится.

Я держал её в объятьях, а потом вспомнил вопрос Саймона.

— Есть ли другой способ войти и выйти из особняка? — спросил я её. — В смысле, кроме главных ворот и ворот на конном дворе?

Она откинулась назад, чтобы посмотреть на меня.

— Ты собираешься пробраться ко мне, Ричард Шекспир?

— Конечно.

Она засмеялась.

— Есть дверь с выходом к реке. Но она закрыта на ночь.

— Покажешь?

— Давай быстрее, — поторопила она, — её милость меня ждёт. Пошли!

Она повела меня по узкому проходу, ведущему из буфетного

коридора. Мы проходили мимо кладовок, забитых дровами или бочками с элем, а в конце коридора оказалась крепкая деревянная дверь с огромным железным засовом.

— Вот, — сказала она. — Нам разрешено ей пользоваться, но Харрисон всегда посылает слугу до наступления темноты проверить, заперта ли она.

— Тогда я лучше приду, когда будет светло, — сказал я.

Она хихикнула, встав на цыпочки, поцеловала меня и убежала.

Я на мгновение остановился, отпер тяжелую дверь, приоткрыл её и увидел, что она выходит в узкий переулок, ведущий к Уотер-лейн и дальше к реке.

Дождь со снегом перешёл в просто снег. Тяжелые хлопья оседали на грязную мокрую землю переулка, где и таяли, но снег валил всю и скоро ляжет основательно. Снег перед Рождеством — это редкость. В январе и феврале это привычно, но до Рождества? Я поёжился, закрыл тяжёлую дверь, задвинул щеколду и пошёл обратно в зал.

— Снег идет, — сказал я.

— Да поможет нам Бог, — проворчал Уилл Кемп.

— Мы можем продолжить? — требовательно спросил Алан Раст.

Сейчас мы репетировали две пьесы. «Прекрасную Эм» и «Сон в летнюю ночь». Мы могли использовать готовую сцену, репетируя при свете фонарей, висящих на галерее менестрелей. Рождество наступало через неделю, и в особняке царила суэта, заполнялись кладовые: слуги подвешивали ветчину и закатывали чаны с вином. Они же украсили большой зал остролистом и плющом, а к очагу принесли огромное «рождественское полено». Полено зажгут в Сочельник, в надежде, что оно будет гореть все двенадцать дней праздника, иначе в доме не будет удачи. Оно лежало близко к камину, и из-под коры выползла разбуженная теплом мокрица.

— Мы не сможем пользоваться особняком все двенадцать дней, — объявил мой брат, — за исключением одной утренней репетиции перед выступлением. Запоминайте роли! — С этими словами он посмотрел на Саймона Уиллоби. — Костюмы останутся здесь, и пьеса тоже.

— Я могу забрать свою роль? — спросил Саймон Уиллоби. Он все еще нервничал и боялся Уилла Кемпа, но на репетициях изо всех сил старался, и мне почти не пришлось ему подсказывать.

— Можешь забрать домой «Прекрасную Эм», — сказал мой брат,

— но не Титанию.

— Эх. — Саймон выглядел разочарованным.

— Тебе хватит времени выучить Титанию, прежде чем мы поставим свадебную пьесу, — утешал его Джон Хемингс. — Главное — выучи роль Эм.

— Кто-нибудь знает, как там Исая? — спросил я.

— Кашляет кровью и отплевывается, как я слышал, — со злорадством ответил Уилл Кемп. — Возможно, он умрёт, и его похоронят до Двенадцатой ночи!

— Так что приходи сюда на Двенадцатую ночь, — сказал мне брат. Он посмотрел в эркерное окно, хотя на улице стоял такой сумрак, что почти ничего не разглядишь. — Лучше отправиться по домам, пока снег не усилился. Наслаждайтесь рождественскими днями, господа. Наслаждайтесь рождественской порой.

Я отправился домой один.

Глава седьмая

Вильгельм-завоеватель увидел изображение принцессы на щите маркиза Любекского, прибывшего в Англию на турнир. Король влюбился в девушку, чей портрет был нарисован на щите, и, узнав, что это принцесса Марианна Шведская, которую удерживал в заложниках датский король Цвено, пересёк Северное море, чтобы ухаживать за ней.

При этом принцесса Марианна была влюблена в маркиза Любекского и не заинтересована в короле Англии, так что она отвергает его сватовство, но не дружбу. Однако принцесса Бланш, дочь короля Дании Цвено, влюбляется в завоевателя. К несчастью для неё, завоеватель не отвечает ей взаимностью, так что принцесса Марианна и принцесса Бланш придумывают план. Принцесса Бланш переодевается принцессой Марианной, и маскировка обманывает Вильгельма Завоевателя, он сбегает с принцессой Бланш, думая, что это принцесса Марианна.

— Господи Иисусе, — сказал Алан Раст на первой репетиции, — кто написал это дерьмо?

— Не я, — проворчал мой брат.

— Чёрт возьми, где вы это нашли? В канализации? Протараторьте текст побыстрее. Не оставляйте публике времени на размышления.

Вильгельм Завоеватель обнаруживает подлог, но, к счастью, осознает, что на самом деле любит принцессу Бланш, и женится на ней, в то время как принцесса Марианна выходит замуж за маркиза Любекского. Тем временем в Манчестере, Эм, прекрасная дочь скромного мельника, принимает ухаживания трёх мужчин, двое из которых ей не нравятся, и поэтому притворяется слепой, чтобы отпугнуть первого, и глухой, чтобы вызвать неприязнь второго, но в итоге, мужчина, за которого она хотела выйти замуж, оказывается неверным, поклявшимся в вечной любви другой девушке, и Эм выходит за лорда Валингфорда, считающего её слепой, а в ней пробудились чувства к нему. Также выясняется, что отец Эм — на самом деле сэр Томас Годдард, рыцарь, изгнанный из страны Вильгельмом Завоевателем, но вместо бегства из страны он спрятался под личиной мельника в Манчестере. Таким образом, Эм имеет знатное

происхождение и может стать подходящей женой для лорда Валингфорда. Вильгельм Завоеватель в исполнении моего брата признаёт несправедливость изгнания сэра Томаса и возвращает ему надлежащее положение, на чём спектакль заканчивается.

— И что сказала Эм милому Валингфорду? — спросил Вильгельм Завоеватель.

Саймон Уиллоби присел в глубоком реверансе.

— Эм отдыхает к удовольствию вашего высочества! — сказал он и замолчал, но пауза затянулась, и со своего наблюдательного пункта наверху я заметил широко раскрывшиеся в панике глаза, потому что слова вылетели у него из головы.

— И стала б... — прошипел я.

— И стала б я женой ему в награду, — пропищал Уиллоби слишком быстро.

— Тогда, лорд Валингфорд, — высокопарно произнёс мой брат, и я услышал облегчение в его голосе, ведь Саймон забыл не так много своих реплик и пьеса наконец заканчивалась, — прими прекрасную Эм. Возьми её и сделай законною женой.

— Идите же готовиться, чтобы мы увидели торжественную свадьбу.

Уходят. Гремят барабаны и трубы. Аплодисменты.

Вялые аплодисменты. Аплодисменты, в которых едва теплилась жизнь, пока леди Анна, жена лорда-камергера, не встала и не воскликнула:

— Отлично сыграно!

После чего все гости, желая быть любезными с её милостью, изобразили энтузиазм, а актёры выстроились вдоль сцены и поклонились залу. Глубоко поклонившись, хотя и быстро, актёры с предельной скоростью, стараясь, чтобы это не выглядело постыдным бегством, вернулись в гримёрку.

— Господи Иисусе, — произнёс Фил, — это провал.

Я слушал пьесу с галереи музыкантов — не лучшее место для суфлёра. Когда я расположился под сценой, никто меня не слышал и приходилось кричать, поэтому я оказался на галерее вместе с Филом и его музыкантами. Иногда я смотрел через балюстраду, наблюдая за актерами внизу. Мой брат надел расширяющуюся к затылку лбу плешь, и казалось, будто злобный парикмахер выбрил на макушке

контуры песочных часов. Брат, как и все актёры, пропускал реплики, ускоряя спектакль, потому что публика вела себя беспокойно. Многие зевали, а некоторые спали всю пьесу. Возможно, это простительно, потому что только что закончился щедрый праздник. Чтобы прогнать зимний холод, в большом зале полыхал огонь в камине, достойный преисподней, в нём ярко догорали остатки святочного полена и нескольких корзин дров. Слуги бегали туда-сюда, подавая глинтвейн тем, кто ещё не уснул. Вино и тепло — враги актёров. Я наблюдал за Сильвией, которая, уворачиваясь от аристократических рук, наливала вино, а в свободную минутку с восторгом смотрела на сцену. Хотя бы ей нравился каждый эпизод пьесы «Прекрасная Эм, или дочь мельника из Манчестера», но большинство гостей болтали во время действия, смеялись над чем-то своим и явно с облегчением (как и актёры) вздохнули, когда всё закончилось. Несмотря на провал пьесы, гости смеялись. Они вдруг проснулись и наблюдали, как игравший мельника Уилл Кемп вернулся на сцену. Он прошел на авансцену, поднял вверх большие руки и потребовал внимания.

— Господа! Милые дамы! Дорогие джентльмены! — Шум в зале медленно затихал, и Уилл после низкого поклона пообещал им нечто новое и прекрасное. — На свадьбе мы представим новую пьесу. Такую, что вам всем понравится! И уверяю, в ней не будет ни мельника из Манчестера, ни завоевателей из Нормандии. Это будет пьеса, уместная для бракосочетания красавицы.

Это вызвало смех и аплодисменты, а сэр Джордж Кэри, сын лорда Хансдона, заставил дочь встать и выразить благодарность. Элизабет покорно стояла при свете свечей — бледная, застенчивая и милая, а на Уилла Кемпа снизошло внезапное вдохновение.

— Господа! — кричал он. — Милые дамы! Дорогие джентльмены! Прошу внимания, у меня есть стихотворение для невесты.

— Нет, — простонал Фил, главный музыкант, — нет, пожалуйста, нет. Только не песня-перделка, господа спаси!

— Скажите, отчего так тошно мне? — Уилл заговорил женским голосом, высоким и пронзительным.

— Слава богу, — выдохнул Фил. — Не перделка.

— Как обернулась женская судьба моя? — воскликнул Уилл.

С пятнадцати я чахла при луне

*И с возрастом росли мои терзанья.
Нет больше сил ночами спать одной,
Приди, мой милый, рядом будь со мной!*

Его приветствовали криками, Элизабет Кэри засмеялась, а лорд-камергер одобрительно проревел. Уилл Кемп низко поклонился его милости и поднял руки, чтобы снова успокоить публику. Он, очевидно, решил компенсировать разочарование от пьесы, став «владыкой буянов», традиционным устроителем беспорядков на Двенадцатую ночь.

— Прежде чем уйти в эту прекрасную ночь, — объявил Уилл, — одно последнее стихотворение.

— Нет, — спокойно сказал Фил, — не делай этого, Уилл, не делай этого!

— В одном городишке, — начал Уилл.

— Ох, господи боже, — простонал Фил, — угомонись!

— Жил мальчишка, — продолжил Уилл, — хороший был муж, смотри.

*Но он съедал за один только ужин
Как двадцать парней за три...*

Уилл резко остановился, потому что мой брат с Аланом Растом поспешили на сцену, взяли Уилла за локти и потащили его в гримёрку. Фил, быстро поразмыслив, посмотрел на музыкантов.

— Фанфары! Раз, два, раз, два, три!

Зазвучали барабаны и трубы, плавилась свечи, рождественское полено рухнуло в пылающий пепел, а гости смеялись.

Рождество закончилось. Мне оно не понравилось. Я не ощутил никакого праздника, за исключением остатков еды, поданной гостям лорда Хансдона Двенадцатой ночью. Я впервые попробовал холодного лебедя, и по вкусу он напоминал жёсткую, кислую баранину. Марципаны тоже подавали, но я съел слишком много, и меня подташнивало. Труппа угрюмо сидела за столами, где ранее пировали гости, в окружении плавящихся массивных свечей из воска и останков

лебедей и гусей. К нам пришла леди Энн Хансдон, бабушка невесты. Мы встали, неловко кланяясь, царапая тяжёлыми стульями по каменным плитам. Слуги, убиравшие остатки пиршества, преклонили колена.

— Итак, — бесцеремонно произнесла леди Хансдон, — я ожидала другого. Садитесь.

— Простите, миледи. — Мой брат остался стоять.

— Эту пьесу написали вы?

— Нет, миледи.

— Я так и думала. Пьесе не хватило остроумия. А вы, молодой человек, — она уставилась на Саймона Уиллоби, — не должны забывать свои слова.

Саймон Уиллоби пробормотал согласие. Сквозь блеск пасты из толчёного жемчуга и белил на его лице пробивался румянец.

— Свадебная пьеса... — нервно начал мой брат.

— Лучше, я знаю, намного лучше, — прервала её милость, — но подходящее ли это развлечение, если сыграно плохо? Многие гости снова придут. Возможно, они предпочли бы что-то еще. Жонглёров? Акробатов?

Никто не ответил. Я знал, что думали пайщики: если мы не понадобится на свадьбе, нам не заплатят за весь труд, вложенный в «Сон в летнюю ночь». Сильвия вместе с другими слугами убирала остатки угощения после рождественского праздника и, поймав мой взгляд, выглядела встревоженной.

— Музыка нам понравилась, — продолжила леди Хансдон.

— Какая она все-таки добрая, — тихо сказал Фил, сидящий возле меня.

— Больше музыки! Больше танцев! — сказала её милость. — Королеве это нравится.

— Её величество посетит свадьбу? — всё ещё стоя спросил мой брат.

— Она не соизволила сказать, будет присутствовать или нет, но если будет, мастер Шекспир, то захочет чего-то лёгкого и остроумного. Никакой вульгарности и грубости.

Она многозначительно взглянула на Уилла Кемпа.

— Мы... — начал мой брат.

— А ещё, — прервала его леди Энн, — она захочет, чтобы актёры

знали свои слова! Всё. Приятной трапезы.

И она вышла из большого зала.

Наступило минутное молчание, затем Уилл Кемп громко фыркнул.

— Значит, мы по-прежнему работаем?

— Это значит, завтра снова начнутся репетиции, — ответил мой брат.

На столе остался нож с костяной рукояткой и выгравированной на серебряном навершии розой, и когда пришла леди Хансдон и отвлекла всеобщее внимание, мне удалось засунуть его в рукав. Его можно продать за один-два шиллинга, а для меня каждый шиллинг не лишний. Суровая зима означала опустевший театр, а опустевший театр — бедность.

Мы ночевали в пустой конюшне особняка, потому что наступил комендантский час и мы не могли покидать город. Помню, я смотрел на освещённое свечами окно и размышлял, там ли Сильвия, но не было никакого шанса это выяснить, потому что двери из конного двора в особняк были заперты. Вот такое Рождество 1595 года.

В Стратфорде, в детстве, я с нетерпением ждал Рождества. Мать пекла особые рождественские пироги, традиционное блюдо: измельчённая баранина символизировала пастухов, а тринадцать видов фруктов и специй отвечали за Христа и двенадцать апостолов. Обычно она делала четыре или пять больших пирогов, каждого хватало, чтобы накормить десяток людей, и я нёс их Хамнету Садлеру, пекарю на Овечьей улице, куда наши соседи приносили свои заготовки, чтобы испечь в его больших печах. Потом в эти двенадцать дней мы ходили друг к другу в гости и ели пироги, пели, танцевали и смеялись. Выпивали огромные чаши пряного эля со специями и нарезанными яблоками. Худшие дни зимы, когда пастбища вокруг города и река насквозь промерзали, а колокол Святой Троицы слишком часто звонил, возвещая о чьей-нибудь смерти, ещё предстояли впереди, но в эти двенадцать дней нас ждали только тепло радушных очагов, еда и смех.

Мать верила, что когда колокола в канун Рождества звонят полночь, скот в стойлах и овцы на пастбищах преклоняют колена, празднуя рождение Иисуса. Однажды я ускользнул из дома, чтобы заглянуть в коровник за домом семьи Ларкин.

— Коровы не преклоняли колена, — сообщил я матери рождественским утром.

Она рассмеялась.

— Глупый мальчишка, конечно нет! Они не станут этого делать, когда ты смотришь.

Мы украшали дом гирляндами из плюща, приветствовали ряженных, которые кружили по городу в ярких костюмах, и забывали про тёмные дни. Но той зимой в Лондоне мое Рождество было тёмным. Вдова Моррисон испекла рождественские пироги, но запретила мне их пробовать.

— Ты задолжал мне плату, мастер Шекспир, — сказала она в рождественское утро.

— Я знаю, хозяйка.

Я заплатил ей два шиллинга из тех, что щедро дала мне леди Элизабет, но этого было недостаточно.

— Шиллинг и три пенса! Жду до первого понедельника после Крещения и выставлю тебя на улицу!

— Хорошо, хозяйка.

— На улицу, в снег!

Снег растаял к пахотному понедельнику [\[9\]](#), а я по-прежнему оставался на чердаке, подозревая, что отец Лоуренс оплатил мои долги за жильё.

— Это вы, отче? — спросил я его.

— Я становлюсь глуховат, Ричард. Как твоя вчерашняя репетиция?

— Паршиво, отче.

— Опять юный Уиллоби?

— Он знает слова, — сказал я, потом пожал плечами, — то есть, знал до Рождества. А теперь? Как только нужно сказать их Уиллу Кемпу, он тут же их забывает.

— Бедняга.

Но Саймона Уиллоби жалел один лишь отец Лоуренс. Декабрь закончился, январь принёс еще больше снега и пронизывающего холода, а Саймон всё силился запомнить реплики Титании. Исайя Хамбл вернулся на несколько дней, но потом опять начал кашлять. Августин Филипс и его ученик ещё болели, и когда мой брат объявил, что закончил новую пьесу, настроение в труппе даже ухудшилось.

Это были хорошие новости. Мы все знали, как его захватил новый сюжет, и он негодовал, что пришлось отвлекаться для написания свадебной пьесы. Брат был полон энтузиазма, когда однажды утром

прибыл в большой зал и уронил на большой стол толстую пачку бумаг.

— История, господа, о Ромео и Джульетте, — объявил он.

— И кто они такие, чёрт подери? — поинтересовался Уилл Кемп.

— Несчастные любовники, — ответил брат.

— Это хорошо, Уилл, это хорошо! — немедленно откликнулся Ричард Бёрбедж.

— Скажи, что я Ромео, — проворчал Уилл Кемп.

— Ты... — Мой брат был явно удивлен требованием, как и все остальные, но было ясно, что Уилл Кемп не шутит. — Ромео будет играть Ричард, — твёрдо ответил брат, кивая Ричарду Бёрбеджу, — а Джульетту... — Он резко замолчал. Я подозревал, что он собирался назвать Саймона Уиллоби, но Саймон в последние дни совсем не справлялся, и мой брат не посмел предложить его.

— Если Кристофер Бистон выздоровеет, то отлично подойдет на роль Джульетты.

— Но я подумал... — начал Саймон Уиллоби чуть не плача.

— Кристофер отлично подойдет, — жестоко произнес Алан Раст. — Он не забывает реплики.

— Разве мы, пайщики, не подходим для пьесы? — требовательно спросил Кемп.

— Джульетте тринадцать, — сказал мой брат, — не ответив на вопрос, — так что Ромео не может быть намного старше. Семнадцать? Может, восемнадцать? И у него нет бороды.

Он посмотрел на Ричарда Бёрбеджа, носившего короткую каштановую бородку.

— Я могу побриться, — сказал Бёрбедж.

Кемп недовольно заворчал, неохотно признавая, что его возраст не позволяет играть Ромео, но по-прежнему пребывал в воинственном настроении.

— Так какую роль я играю?

Мой брат выглядел огорченным.

— Есть слуга по имени Питер.

— Большая роль?

— Это не комедия, — уклончиво ответил мой брат.

— Сколько реплик?

— Я же сказал, это не...

— Сколько реплик?

— Столько, сколько я написал, — проворчал мой брат.

— Люди приходят в театр не грустить, — сказал Кемп с нажимом.
— Они хотят смеяться.

— Питер — хорошая роль, — неубедительно произнес мой брат, и это испортило Уиллу Кемпу настроение на остаток дня, а когда Кемп недоволен, страдали все остальные.

Мы рано заканчивали в эти зимние дни. Живущие за пределами городских ворот должны были уйти до объявления комендантского часа, а кто жил в городе — успеть добраться домой до темноты. Констебли редко беспокоили нарушителей, но никто не любил ходить по ночным улицам, если только не в компании, причем вооружённой.

В этот день мы закончили рано, в тот самый день, когда Кемп выразил недовольство ролью Питера. Церковные часы пробили четыре, когда мой брат поместил пьесы в большой деревянный сундук, стоявший у очага в большом зале, причем в этот день он положил в сундук две пьесы: «Сон в летнюю ночь» и новую.

— У нее есть название? — спросил Алан Раст.

— Я думаю, «Ромео и Джульетта».

— «Ромео, Джульетта и Питер», — вскинулся Кемп.

— «Ромео и Джульетта», — твердо произнес мой брат, — точно. — Он запер сундук и положил ключ обратно в потайное место на высокой резной каминной доске.

— Встретимся здесь завтра, — продолжил он.

— Если сумеем сюда добраться, — мрачно произнес Хемингс, — похоже, опять идёт снег.

— Ничего, доберётесь! — огрызнулся брат.

Дневная репетиция и недовольство Уилла Кемпа оставили всех в раздражённом настроении.

Мы собрались у камина, чтобы надеть сохнувшие там плащи. Саймон Уиллоби ушёл первым.

— Мне нужно отлить, — объявил он.

— Тебе нужно выучить свою роль, — проворчал Уилл Кемп.

— Я подожду тебя во дворе, — сказал Саймон, проскользнул по сцене и скрылся в буфетном коридоре.

— Завтра утром, — обратился мой брат к музыкантам на галерее, — те же люди, в то же самое время. Продолжим с того места, где остановились сегодня.

Мы уходили все вместе, направляясь к воротам Уотер-лейн и в зимние сумерки. Все молчали, пока не оказались в конном дворе, где Уилл Кемп выругался.

— Проклятая Богом погода!

Шёл сильный дождь со снегом.

— До наступления ночи он перейдёт в снег, — сказал мне Джон Хемингс, — и тебе лучше успеть до темноты, если живёшь в городе. — Он нахмурился, осматривая двор. — Где Саймон?

— Пошел отлить, — сказал Кемп, — один из немногих талантов, который у него остался.

— Саймон! — позвал Хемингс. — Саймон! — Ответа не было. Крепкая рука высунулась из одной двери и затем исчезла. — Саймон! — опять позвал Хемингс, но ответа по-прежнему не последовало.

— Он сказал, что будет ждать нас здесь, ведь так? — печально спросил Хемингс.

— Может, он с кем-нибудь встретился, — предположил Ричард Бёрбедж, — и не хотел, чтобы остальные знали, чью постель он сегодня осеменит.

— Совсем от рук отбился, — проворчал Хемингс. — Понятия не имею, где он шляется по ночам.

— На репетиции он никогда не опаздывает, — сказал я.

— И что с этого толку, — огрызнулся Уилл Кемп, — если он не способен выучить свою роль?

Джон Хемингс был уязвлен, поскольку любая критика в адрес ученика плохо отражалась на репутации наставника.

— Обычно на него вполне можно положиться, — пожаловался он мне, пропуская других вперёд, — но я не понимаю, почему он так мандражирует.

— Титания — большая роль.

— У него были и больше. Намного больше. Обнаглел, гадёныш! — Последние слова прозвучали мстительно.

— Утром появится, — сказал я, стараясь его успокоить.

Хемингс хмуро посмотрел на меня. Конечно он был пайщиком и неплохим человеком, но в этот холодный вечер не на шутку рассердился.

— Так мне ждать его или нет? — спросил он. Он рассчитывал, что они с Саймоном вместе вернутся в уютный дом в Сент-Мэри-Экс, где

он жил с молодой женой и тремя детишками.

— Доберётся как-нибудь,— предположил я.

— Что ж, ему придётся, — сказал Хемингс, поёживаясь от холода.
— А ты поторопись.

Городские ворота запирали с наступлением темноты, а зимой темнело рано, и грубость стражников к опоздавшим была хорошо известна. Если я хотел попасть домой, нужно выйти через ближайшие ворота, и побыстрее. Следом за другими актёрами я вышел на Уотерлейн и окинул взглядом холм, но если Саймон и ушёл в этом направлении, то его уже давно и след простыл. Конечно, он мог воспользоваться дверью, ведущей к реке, той самой, которую я показал ему вчера, и было ясно, ради кого бы ни скрывался Саймон, он не хотел, чтобы этого человека увидел кто-то из нас. А это, несомненно, означало кого-то из наших конкурентов, кого-то из «Лебеда», и я вспомнил коротышку-лорда, который лез Саймону под юбку возле дворца.

— Увидимся завтра,— сказал я Джону Хемингсу.

— Удачи тебе, — ответил он, — и поспеши.

Уже скоро звон церковных колоколов должен был известить о закрытии всех городских ворот, поэтому я вышел через ближайшие – Лудгейт, и двинулся вдоль стены сначала на север, а потом на восток, вокруг города. Я замёрз, промок и имел совершенно жалкий вид. Колокола прозвонили, когда я проходил Ньюгейт, а когда добрался до Смитфилда, с меня уже текло, а ещё оставались Элдерсгейт, Крипплгейт и Мургейт. Дождь со снегом всё усиливались, подгоняемые противным ветром, а когда стемнело, остался только снег, ледяной коркой замерзающий на моём насквозь промокнутом плаще. Я был один, но в такую ночь ни один грабитель не высунет нос на улицу.

Домой я не пошёл. Камина на чердаке нет, холод там жуткий, а мне нужно в тепло. Может, отец Лоуренс спит, а может, и нет, а если он не спит, к нему вполне мог забрести какой-нибудь тайный католик, желающий исповедаться, но через два дома от жилища вдовы находилась маленькая дешёвая таверна под названием «Сокол», а в «Соколе», при всех остальных её недостатках, зимой всегда горел огонь.

Звучное название таверны не соответствовало заведению. Большинство местных жителей называли её «Вонючим цыплёнком», потому что она располагалась достаточно близко к сточной канаве около Финсбери-филдс и воняло там, как в выгребной яме. В

«Цыплёнке» был один зал для пьющих с выходом на Бишопсгейт-стрит, ещё один выходил в переулок, а третий вход вёл в зловонную комнату, где владелец, Жирный Хэрольд, варил эль. Шаткая лестница поднималась в комнату наверху, где увядающая французская вдова по имени Мари приносила «Соколу» скромный доход, или, что случалось чаще, под изъеденными блохами одеялами могли за пенни переночевать путники, не добравшиеся до Бишопсгейт до наступления комендантского часа. В эту ночь путников не было. Я влетел через переднюю дверь, дрожащий, жалкий, еле живой, и увидел почти пустую комнату. Жирный Хэрольд и его жена Маргарет сидели там с Мари и Диком, угрюмым стариком, который как будто жил в таверне. Я и не посмотрел в их сторону, потому что, благодарение Богу, в очаге пылал огонь. Я присел на корточки у огня, слишком замерзший для разговоров.

— Ты замёрзнешь до смерти, Ричард,— сказала Маргарет. Она была добрая душа и жалела всех, кроме своего мужа. — Снимай мокрый плащ.

— Снег идёт, что ли?— спросил Жирный Хэрольд.

— А ты как думаешь? — огрызнулась Маргарет, подошла ко мне и осторожно сняла плащ с моих плеч. — Посмотрите-ка на него! Промок до нитки. Вот дурачок!

— Я замёрз, — еле выговорил я.

— А ну-ка, снимай всё мокрое. Я принесу тебе одеяло. А ты налей ему эля с бренди, тупица.

— Если он заплатит, — сказал Хэрольд.

— Заплачу, — с трудом выдавил я сквозь клацающие зубы. Я удачно продал нож с серебряной рукояткой за шиллинг и три пенса. Хорошая цена.

Вечера всегда наводили на меня скуку. По утрам мы часто репетировали, днём, когда позволяла погода, играли спектакли, а вечера, особенно зимние, были пустыми. Летом на Финсбери-филдс всегда толпился народ, кто-то стрелял из лука, кто-то играл в шары или кегли, шумная кучка учеников пинала мяч, а большинство просто отдыхали в долгих сумерках, но зимой опускался холод, рано смеркалось, и комендантский час сковывал город. Я ненавидел возвращаться на холодный чердак, в тишину и одиночество, а сидеть в «Дельфине» тоскливо, даже если эль там хорош, потому что шлюхи в

«Дельфине» симпатичные, а денег всегда не хватало, чтобы позволить себе их общество. К сожалению, Нелл умерла от чумы два года назад, но Алиса, симпатичная девчонка из Хантингдоншира, с внешностью эльфа, по-прежнему там работала и иногда сидела со мной, пока её не требовал клиент. «По малину в сад пойдём, — всегда говорила она, когда её подзывал мужчина. — Пришло время ваньки-встаньки!»

«Вонючий цыпленок» был дешевле. Эль здесь разбавляли и вели глупые разговоры, если вообще вели разговоры. Но там собралась компания, было тепло, горели кем-то оплаченные свечи и хозяйничала Маргарет, заботливая и добрая, всегда готовая побаловать меня. Она развесила мою одежду на двух стульях поближе к огню и принесла кружку горячего эля, в которую её муж с неохотой плеснул глоток бренди. Маргарет нагрела кочергу в огне и окунула её в кружку, чтобы подогреть напиток. Кочерга зашипела.

— Выпей, Ричард, — сказала она.

— Хороший бренди, — заметил Жирный Хэрольд из дальнего конца комнаты, — не дешёвое пойло.

— Не обращай внимания, — сказала Маргарет. На пенистой поверхности пива плавали хлопья пепла, но оно было тёплым, и я выпил. Я по-прежнему дрожал, но почувствовал, что снова оживаю.

— Вчера я видел твоего брата, — сказал Дик.

Я хранил молчание, Маргарет накинула мне на плечи одеяло.

— Он пил здесь раньше, — сказала она, — а теперь нет.

— Он облысел, — сказал Дик. — Я знаю, потому что его шляпу сдуло.

Мы вечно обсуждали подобные новости. Разговоры в «Цыпленке» часто походили на этот, хотя Маргарет больше всего радовалась, если я приходил вечером после представления во дворце. Как и её подруга Моррисон, она хотела знать обо всех деталях наряда королевы, о том, что та сказала и кто сидел рядом с ней. Она почему-то считала меня близким другом королевы Элизабет, по воле Божьей королевы Англии, Ирландии и Франции.

— Его шляпу сдуло, — повторил Дик, беспокоясь, что остальные не восприняли его новости, — и он оказался лысым.

— Вчера было ветрено, — бодро отозвалась Маргарет.

— Он ещё не совсем лысый, — уточнил Дик, — но скоро полысеет.

— *Votre frere est chauve, oui?* [\[10\]](#) — спросила Мари.

— Он лысый, — ответил я, догадавшись. — А ещё умный, ублюдок. Нет, наверное, ублюдок как раз не он, а скорее я, потому что ни капли не похож на трёх своих братьев.

— Ты должна говорить по-английски, — с хмурым взглядом на Мари сказал Жирный Хэрольд, — как христианка.

— Я умею говорить по-английски, — ответила она, — и я христианка.

— Ты француженка, — сказал Хэрольд, — это ведь не то же самое, что христианка?

— Думаешь, Иисус не умер и за французов? — возразила ему Маргарет.

— Вряд ли, если у него была хотя бы капля здравого смысла.

— Я удивился, — продолжил Дик. — Его шляпу сдуло, и он оказался лысым!

— Как и многие другие мои знакомые, — добавила Маргарет, глядя на хмурого мужа.

Жирный Хэрольд был толстым, как боров, а его голова напоминала задницу младенца: бледную, голую и полную дерьма.

— Он ведь ещё не очень старый, да? — спросил Дик.

— Тридцать один, — ответил я.

— Ещё не старый. Мне сорок семь.

— Он в расцвете сил, — сказала Маргарет. — Смешай ещё эля с бренди, Хэрольд.

— Если он заплатит, — угрюмо буркнул Хэрольд.

— Я заплачу, — подтвердил я.

— Лысый! — повторил Дик, пытаясь оживить разговор, который, похоже, исчерпал себя, потому что в комнате наступила тишина, лишь свистел ветер, и в очаге потрескивали сосновые брёвна. Дик работал мусорщиком, одним из тех, кому приход оплачивал уборку улиц, и считал себя экспертом по пожарам, возможно, потому, что сжигали собранный мусор на поле Спиталфилд, и он постоянно отговаривал Хэрольда от использования сосновых дров.

— У тебя загорится дымоход, и тогда прощай дом, — любил говорить он, но Хэрольду дешёвая древесина нравилась не меньше, чем тепло.

Маргарет принесла мне вторую кружку эля с бренди.

— Вспомнила, я хотела тебе рассказать кое о чём — сегодня опять

приходили перси.

— Только не это, — охнул я.

— Сегодня утром, — сказала она. — Бедный старый отец Лоуренс, они должны оставить его в покое. Он никому не причиняет вреда.

— Он чёртов католик, — сказал её муж.

— Он безобидный старикан, — произнесла Маргарет, — и я уверена, он любит королеву так же, как и все мы.

Я сомневался в этом, но решил промолчать.

— Я люблю королеву, — сказала Мэри.

— Храни её Господь, — вставил Дик, понимая, что если скажет что-нибудь плохое о королеве, Маргарет уж постарается, чтобы он больше никогда не выпивал в «Цыпленке».

— Они и в «Театре» побывали, — произнес Хэрольд.

— Королева? — переспросил Дик.

Никто не обратил на него внимания. Я повернулся и посмотрел на Хэрольда.

— Перси? В «Театре»?

— Я их видел. Видел их огромных лошадей во дворе.

Лорд Хансдон пообещал, что поговорит с персивантами и предостережёт их от повторных обысков в «Театре», но если Хэрольд прав, значит, они вернулись, когда мы репетировали в Блэкфрайерсе.

— Ты уверен? — спросил я.

— Конечно, ещё как, — подтвердил Хэрольд, наслаждаясь моим беспокойством. — Пятеро ублюдков, как раз около полудня, и они шли из дома вдовы в «Театр». Я их видел!

— Глупцы, — радостно объявила Маргарет, — они не найдут иезуитов в театре. Ты ведь не прячешь там иезуитов, правда, Ричард?

— Ни одного, — ответил я.

Но мы хранили там пьесы. Наши драгоценные пьесы. Которые кто-то хотел украсть.

На следующее утро брат меня ударил. Он был на удивление сильным, и от удара по голове со всей мощи в ушах у меня зазвенело.

— Уходи, — рявкнул он, — просто уходи и никогда не возвращайся! Мужлан! Кусок дерьма!

Он снова меня ударил.

— Уилл! — произнес Джон Хемингс, повысив голос. — Уилл!

Прекрати!

Я опоздал в Блэкфрайерс. Рассветное утро было ярким и холодным, Лондон покрылся блестящим на солнце слоем снега в несколько дюймов. Церковные колокола возвестили, что мне нужно поторопиться, чтобы добраться до Блэкфрайерса вовремя, но я не направился к Бишопгейтс, а пошел в «Театр». Башмаки скрипели на снегу. Я прошел по переулку мимо замерзшего лошадиного пруда и свернул во внешний двор «Театра», где увидел распахнутую дверь в артистические. Засов на замке был сломан.

Я проскочил три ступеньки в гримёрку. Через открытую дверь нанесло снег, он лежал прямо на полу. Кажется, ничего не пропало. Плащи, камзолы, костюмы, платья и сорочки плотно висели на своих обычных деревянных вешалках, а огромные сундуки были по-прежнему забиты чулками, ботинками и юбками. Я поднялся по лестнице и распахнул двери балкона, впуская яркий от снега утренний свет.

Большие тамбурины остались на месте, а также подсвечники, арфа без струн, кубки и блюда, и все другие предметы, которые использовались на сцене. На первый взгляд казалось, что ни к чему не притронулись, но потом я заметил дверь, ведущую в кассу — там вываливали на стол коробки, куда собирали пенсы зрителей. Замок на двери был взломан, я увидел отколотую древесину вокруг замочной скважины. Я распахнул дверь. Внутри было темно, но две коробки по-прежнему стояли на столе. Ни в одной из них не было денег, так что украсть монеты не представлялось возможным. Потом я увидел сундук в дальнем углу комнаты. Как и дверь, его тоже взломали, крышка была открыта. Я пересек комнату и с ужасом заглянул в сундук.

Он был пуст.

— Кто там? — отозвался осторожный голос из гримёрки.

— Иеремия? — позвал я. — Это я, Ричард.

Иеремия, охраняющий «Театр» одноглазый солдат, взобрался по лестнице. Он держал в руке пистолет.

— Всего лишь конопляное семя, — произнес он, имея в виду, что оружие заряжено семенами, которые вызывают боль, но не убивают.

Он остановился в дверях и уставился на распахнутую крышку сундука.

— Иисус в Иудее, — ошеломленно выпалил он.

— Тебе понадобится Его помощь, — мрачно сказал я.

Он положил пистолет на стол и осторожно подвинул сундук. Он устался в него, как будто в надежде, что пропавшее содержимое волшебным образом объявится снова. Потом выругался.

— Воры забрали всё?

— Всё до последнего, — ответил я.

— Все пьесы? — Он всё никак не мог переварить свалившееся на нас несчастье.

— Всё, — подтвердил я, — и пайщики не обрадуются.

Это было мягко сказано. Сундук содержал все наши пьесы, все роли, все рукописи. Я не знал, запер ли брат копию «Сна в летнюю ночь» или свою новую итальянскую пьесу в тяжелый сундук, но все остальное лежало там.

— Тебя здесь не было? — спросил я Иеремию.

— Вчера было слишком холодно, — объяснил он. Он обычно казался грубым и даже угрюмым, но вид взломанного сундука вызвал в нем взрыв гнева. — И шел снег, — продолжил он, — я посчитал, что ни один христианин не высунет носа в эту проклятую метель, и пошёл домой. Дома есть очаг, понимаешь? Здесь нет очага.

Его голос затих. Иеремия понимал, что может лишиться работы.

— Жирный Хэрольд сказал, что это перси, — произнес я.

— Перси! — он выглядел возмущенным. — Для чего этим ублюдкам понадобились пьесы?

— Бог знает.

Он поднял пистолет. Это было германское оружие, порох воспламенялся колесцовым замком, на стволе серебряная чеканка, навершие рукоятки сделано из того же металла. Он принадлежал «Театру» и использовался для создания шума за кулисами во время сцен сражения.

— Если это были перси, — лукаво сказал Иеремия, — я бы не смог их остановить, ведь так?

— Да.

— Чертовы перси могут делать, что им вздумается. Это бы не помогло, правда? — Он поднял пистолет. — Они бы просто меня застрелили!

— Застрелили бы, точно.

— Значит, это не моя вина! — Он посмотрел на меня в ожидании согласия, но я лишь пожал плечами. — Так что нам делать? — спросил

он.

— Оставайся здесь, — предложил я. — Мне нужно сходить в Блэкфрайерс и рассказать пайщикам. Они пошлют кого-нибудь отремонтировать двери.

— Скажи им, что это не моя вина. Скажи, что я был здесь, — умолял он. — Скажи, что я не мог их остановить. Ведь это перси!

— Я скажу им, что тебе не удалось остановить перси, — пообещал я.

— Скажи им, что я был здесь, — опять повторил он. — Господи Иисусе и мать Мария, даже Иосиф не смог бы остановить этих мерзавцев. Это не моя вина!

Он еще причитал, когда я поспешил к Бишопсгейт. Из-за посещения театра я опаздывал, а снег на улицах уже превратился в серую слякоть. Я поскользнулся на льду на Уотер-лейн, больно приземлившись на бедро и ободрав правую руку. Я дрожал. Собиравшиеся обычно около больших домов нищие ушли, попрятавшись бог знает где. Темза частично замерзла, серое русло реки бежало между льдинами. Лодочники пересекали русло к лестнице Парижского сада, но несколько лодок ждали клиентов. Стоявшая у ворот конного двора лорда-камергера привычная охрана отсутствовала, но я увидел стражника внутри, откуда он наблюдал за входом во двор из лошадиного стойла.

Я ожидал, что труппа будет репетировать, но все собрались вокруг камина в большом зале. Они громко и возмущенно спорили, перебивая друг друга, но когда я подошёл, немедленно замолчали и уставились на меня. Пять мрачных бородатых лиц, а также мальчики, стоящие в сторонке и выглядящие испуганными. Я слишком замёрз, чтобы почувствовать неприязнь. Я лишь хотел добраться к огню и передать им новости.

— Я только что из «Театра», — сообщил я. — Там вчера побывали перси, и они забрали рукописи всех пьес. Всех! Они...

— Они ничего не забрали! — прервал меня брат.

— Я был там сегодня утром, — настаивал я. — Они побывали там вчера и взломали дверь кассы.

Вот тогда-то он шагнул мне навстречу и ни с того ни с сего дал мне оплеуху. Стоявший с мальчиками Саймон Уиллоби выдохнул. Я видел его лицо. Независимо от того, какое приключение побудило его

покинуть особняк пораньше, оно уже закончилось.

— Они ничего не забрали! — повторил мой брат, и снова меня ударил. — А ты...

— Уилл, нет!

Джон Хемингс подошёл, чтобы вмешаться.

— Ты проклятый вор! — брат плюнул мне в лицо. — Убирайся! Просто убирайся и не смей возвращаться! Убирайся! — Он пытался развернуть меня и подтолкнуть к двери, а когда я воспротивился, ударил в третий раз. — Мужлан! Кусок дерьма!

Он снова меня ударил.

— Уилл! — сказал Джон Хемингс, повысив голос. — Уилл! Прекрати!

Брат занёс руку, чтобы снова меня ударить, но я ударил первым, толкнув его в грудь. Не сильно, но достаточно, чтобы отбросить его назад.

— Уилл! — выкрикнул Джон Хемингс и схватил моего брата за руку, — Уилл! Прекрати! — Он удерживал моего брата. — Он не брал.

— С какой стати мы должны тебе верить? — прорычал мой брат.

— А моего слова недостаточно?

Хемингс, обычно мягкий человек, сейчас разозлился.

— А ну прекратите! Прекратите! Прекратите же! — проревел Алан Раст и бросился к нам.

— Не мешай им! — прокричал Уилл Кемп. Он усмехался, наслаждаясь сценой.

— Ударь мерзавца ещё, Уилл! Ударь его покрепче! Расквась его милое личико! Давайте посмотрим на кровь!

— Хватит! — выкрикнул Раст. Он встрял между мной и братом, потом с силой прижал меня к большому столу.

— Что ты видел в «Театре»? — спросил он.

Я описал взломанные двери и открытый сундук в кассе.

— Сундук был пуст, — сказал я, — и все пьесы пропали.

— Где был Иеремия? — сердито потребовал ответа Генри Конделл.

— Приходили перси, — продолжал я. — Иеремия не мог их остановить. Его пистолет заряжен семенем конопли, но если бы он пустил оружие в ход, то уже был бы мёртв.

Я решил солгать ради Иеремии и не раскрывать, что он покинул «Театр» до прихода персивантов. Правда заключалась в том, что он не

смог бы их остановить, потому что они обладали королевскими полномочиями, и его присутствие или отсутствие им бы не помешало.

— Больше ничего не пропало? — спросил Раст.

— Вроде бы ничего.

— Значит, ничего и не пропало, — сказал брат, все ещё злясь.

— Забрали все... — начал я.

— Я забрал ценные пьесы из «Театра», — прорычал он, — и оставил просто шлак. Они взяли рукописи «Семи смертных грехов» и с десяток других чепуховых пьес.

— Ты их забрал? — робко спросил я.

— Потому что было очевидно, что они могут вернуться, — сказал он, — несмотря на помощь его милости. Кто-то ненавидит нас, кто-то пытается нас уничтожить. Ты!

Он снова метнулся ко мне, но Алан Раст его остановил.

— Ценные пьесы, объяснял мне Раст, — принесли сюда. Их заперли, — он кивнул на большой сундук около очага, — а вчера ночью кто-то украл страницы «Сна в летнюю ночь» и «Ромео и Джульетту».

Это меня потрясло. Я на мгновение запнулся, потому что бородатые лица с негодованием смотрели на меня.

— Это не я!

— Ты ходил в новый театр Лэнгли, — обвинил меня брат. — Ты думаешь, я не знаю? Фрэнсис Лэнгли — мой друг!

— Потому что ты имеешь долю в его борделях? — парировал я.

— Правда, Уилл? — нетерпеливо спросил Кемп.

— Это правда? — Алан Раст не обращал внимания на Кемпа и смотрел на меня. — Ты ходил в новый театр Лэнгли?

Я колебался с колотящимся сердцем, потом кивнул.

— Ходил. Мне было интересно. И они предложили мне золото, а я отказался. Я сказал «нет»!

— Тебе предложили золото?

— Они хотели получить «Сон в летнюю ночь», — сказал я, — потому что у них нет пьес.

— Теперь будут, — горько произнес мой брат.

— И как я мог украсть две пьесы вчера ночью? — спросил я. — Я ушёл со всеми остальными.

— Это правда, — сказал Джон Хемингс.

— А ты сказал, что пьесы заперли здесь, — сказал я брату, — но не

забрал ключ?

— Это не наш сундук. Им пользуются жители дома. Я не могу забирать ключ.

— Значит, их мог украсть любой, но это не я.

— Может, кто-то из домочадцев взял их на время? — нервно предположил Джон Хемингс.

— Никто не брал их на время, — огрызнулся мой брат. — Я спросил Харрисона. — Харрисон — дворецкий его милости. — Он говорит, что только он знал, где спрятан ключ. Это кто-то из нас, и пьесы украдены. А ты просто мог вернуться сюда вчера вечером.

— В такую метель? Нет!

— К тому же ты говорил с Лэнгли, — резко обвинил он меня.

— А ты ещё не ходил в новый театр? — спросил я и увидел по выражению его лица, что я прав. — И сколько других из здесь присутствующих ходили смотреть, что там строят?

Никто не ответил. Никто даже не переглянулся.

— Я был там, да, — признал я, — и говорил с Лэнгли и с человеком по фамилии де Валль, и он предложил мне деньги графа Лечлейда. Он предложил мне золото! И сказал, что заплатит мне жалованье, если я присоединюсь к труппе. Лэнгли был там, и я уверен, он рассказал тебе, что случилось. — Я выждал некоторое время, а брат не ответил — значит, ему и впрямь рассказали. — И он наверняка сказал тебе, — продолжал я, — что я отказался.

Я произнёс последние три слова очень медленно и чётко.

— Граф Лечлейд? — спросил Хенри Конделл.

— Это его деньги, — сказал я, — и новый театр назовут «Лебедь».

— Это не Ричард, — Джон Хемингс стоял сзади меня. — Он был со мной, когда мы уходили вчера вечером. Я дошёл с ним почти до Лудгейта, и это было за несколько минут до комендантского часа.

Теперь они поверили, я это видел, хотя мой брат, раздосадованный и обиженный, не встретился со мной взглядом.

— Тогда кто? — мрачно спросил он.

— Кто не ушёл с нами вчера вечером? — спросил я.

Я слышал, как Джон Хемингс выдохнул. Он повернулся и посмотрел в сторону очага, где до сих пор стояли напуганные ссорой мальчишки. Я поймал взгляд Саймона Уиллоби. Он уставился на меня, потом на своего наставника, и я заметил панику на его лице. Он был

актёром, но в тот момент его покинуло всё умение. Ему следовало бы притвориться и изобразить невинность, но вместо этого он побежал. Он пересёк комнату, запрыгнул на недостроенную сцену, спрыгнул с другой стороны и исчез в буфетном коридоре.

— Саймон! — позвал Хемингс, но его ученик уже исчез.

Мы все последовали за ним, но слишком медленно. Пока все взбирались на сцену и толпились у дальней двери, Саймон Уиллоби давно удрал.

— Сюда! — Алан Раст пустился по буфетному коридору к конюшенному двору, но я знал, что Саймон Уиллоби воспользовался другим выходом, который я ему показал, ведущим к реке. Он отправился в зимний Лондон. И две наших новых пьесы исчезли вместе с ним.

Репетиция тем утром прошла в подавленном настроении, и неудивительно. Титания исчезла, и Оберон, её господин, чувствовал стыд и вину за предательство. Питер Пигва был ужасно зол. Ник Основа не удержался от шуток, которые в конце концов спровоцировали моего обычно спокойного брата на очередной приступ гнева. — Пьеса потеряна, ублюдок! Мы потеряли свои деньги!

— В ней не нашлось подходящей роли для меня, — проворчал Уилл Кемп, — так какая разница?

— Не в каждой пьесе есть глупец.

— В пьесах, которые приносят деньги — есть. Парочка итальянских любовников и гроша ломаного не стоит.

— Господа! — вмешался Алан Раст.

Оба Уильяма замолчали, злобно поглядывая друг на друга.

Джон Хемингс сгорбившись сидел на стуле, страдая из-за предательства своего ученика

— Я не знал, — в сотый раз повторял он.

— Никто из нас не знал, — резко сказал Раст.

— Он предатель, — горько сказал Джон Хемингс, — но я не понимаю почему.

— Из-за денег, — кисло произнёс мой брат.

— Он расстроился, — сказал я, — потому что не его выбрали на роль Джульетты.

— Ты знал об этом? — брат яростно повернулся ко мне.

— Мы все знали, — произнес Уилл Кемп, — мелкий ублюдок не

делал из этого секрета.

— Теперь он может играть Джульетту, — произнёс мой брат, — в чёртовом «Лебеде»!

— Или может играть Титанию, — горестно сказал Томас Поуп, самый спокойный из пайщиков.

— Они поставят «Ромео и Джульетту», — сказал мой брат. — Они знают, что у нас почти готов «Сон». Им нужно что-нибудь новое. Это будет «Ромео», чёрт их подери.

— Мы ещё можем сыграть её, разве нет? — предположил Поуп. — «Лебедь» будут строить еще не одну неделю. Мы можем сделать это первыми!

— Был только один экземпляр, — горько произнёс брат.

— Дерьмово, — прокомментировал Ричард Бёрбедж.

— И он пропал, — сказал брат.

— Нет, если мы вернём рукописи, — выпалил я.

Зачем я это сказал? Полагаю, какой-то внезапный порыв. Я боялся гнева брата и знал, что он меня не любит, но в тот момент чувствовал к нему только жалость. Я, как и все мы, знал, что он гордится новой пьесой, что он впечатлен историей двух влюблённых в далекой Вероне. Он рассчитывал представить «Ромео и Джульетту» как можно скорее, возможно, при дворе или, если погода улучшится, в «Театре».

— Вернём рукописи? — резко передразнил меня брат. — Каким образом?

— Ты говоришь, что Фрэнсис Лэнгли твой друг? — спросил Раст.

— Друг? — брат смущенно пожал плечами. — У нас общий бизнес, вот и всё.

— А бизнес Фрэнсиса Лэнгли — бордели, — с энтузиазмом сказал Кемп.

— И что, если так?

— Ты мог бы обратиться к нему, — сказал Джон Хемингс.

— Ему больше нужна пьеса, а не моя дружба, — ответил брат. — Ему нужны пьесы, ему нужны деньги. Он по уши в долгах из-за «Лебеда».

— Пусть заставит шлюх работать в два раза быстрее, — предложил Уилл Кемп.

— Он станет отрицать, что пьесы у него, — рассуждал мой брат, игнорируя Кемпа, — вплоть до дня представления «Ромео и

Джувлетты». Так что — нет, — он повернулся, чтобы посмотреть на меня, — нам не удастся вернуть рукописи.

— Они их украли, — сказал я, — а мы выкрадем обратно.

Он уставился на меня, а я уставился на него.

— Ты не такой ловкий вор, — наконец сказал он.

— Лучше, чем ты думаешь, — произнёс я с напором, бросая ему вызов, и мой грубый тон застал всех врасплох.

Я сам удивился, сколько злости выплеснулась в этих пяти словах. Брат отступил на шаг, думая, что я его ударю, и все на мгновение замолчали, пока Алан Раст не прервал молчание.

— Слабый разум смертным дан! — процитировал он пьесу, которую предполагалось репетировать.

— Бей его, парень! — взывал Уилл Кемп.

— Можно мы начнём? — вмешался Раст. — Нам нужно работать.

— Но у нас нет пьесы, — возразил Ричард Бёрбедж.

— У нас есть роли из «Сна», — огорченно ответил мой брат. — Мелкий ублюдок не украл эти страницы.

Первая задача заключалась в том, чтобы заменить мелкого ублюдка. Пайщики совещались, и я видел, как они посмотрели на меня пару раз, но я не отводил взгляд, показывая, что роль нужно отдать мне, и всё же в конце концов они отдали роль Титании Бобби Гофу, ученику Томаса Поупа. Он был на год младше Саймона Уиллоби, и выбор меня удивил. Бобби был худым, очень застенчивым, тихим и мог расплакаться, если что-то шло не так или его ругали. В костюме, с накрашенным лицом у него появлялась хрупкая красота, а Титания, как мне казалось, была отнюдь не хрупкой. Она была могучей царицей, вполне способной противостоять своему своенравному царю, а Бобби, хотя у него и хороший чёткий голос и он неплохо сыграл пару больших ролей в «Театре», казался более подходящим для более мягких женских ролей, чем дерзкая Титания. Тем не менее, выбрали его, и мой брат дал ему страницы с ролью царицы эльфов.

— Можешь прочитать их сейчас, — сказал он.

И день, начавшийся плохо, только ухудшился. Мы репетировали сцену в конце пьесы, в которой Титания, окруженная свитой эльфов, ласкала уродливого ослиноголового Основу. Когда мы впервые прочитали сцену, реплики прерывались смехом, но сегодня был просто несчастливый день. Разумеется, Уилл Кемп знал свои реплики.

— Надо бы мне к цирюльнику, любезнейший, — провозгласил он, потирая щеку, — сдаётся мне, что у меня лицо слишком уж заросло волосами. А я такой нежный осёл: чуть меня волосок где-нибудь пощекочет — я начинаю скрестись.

Сидящий возле Уилла Бобби Гаф смотрел в сценарий.

— Не хочешь ли ты... — он остановился, поднеся страницу близко к глазам, — этой сладкой?

— Сладкой, — подтвердил я.

— Не хочешь ли ты сладкой музыки послушать, любовь моя?

Уилл Кемп потянулся, наслаждаясь пышными подушками, изображающими будуар царицы эльфов.

— О, что до музыки — у меня отличный слух. Ну что ж, пожалуй, сыграйте мне что-нибудь на щипцах и на костяшках, — сказал он.

Бобби держал страницу очень близко к глазам. Освещение было плохим, но прочитать всё-таки можно.

— А может быть, — нерешительно сказал он, — скажи мне, нежный друг... — Он опять замолк и нахмурился. — Желаешь ты чего-нибудь... — он посмотрел на меня, — что за слово...

— Покушать! — взревел Уилл Кемп. — Господи спаси, парень, «покушать»! Чёрт возьми, разве ты не умеешь читать?

Бобби чуть не расплакался.

— Я умею читать, сэр.

— У него плохое зрение, — с тревогой сказал Томас Поуп, его наставник. — Ему приходится подносить текст близко к глазам, но он усердный!

— Чёртово усердие! — разъярился Кемп.

— Бобби. — Алан Раст взял мальчика за руку. — Иди к окну, — указал он на высокий эркер, где светлее всего. — Начни учить свои реплики.

— Хорошо, сэр.

Раст повернулся ко мне.

— Ричард? Встань на его место и прочитай реплики.

— Мне ни к чему играть сцену, — угрюмо сказал Уилл Кемп, — я знаю чёртовы реплики. Мы можем двигаться дальше.

Мы продолжили. В мучениях.

Сильвия и другая служанка пришли в зал как раз перед окончанием репетиции. Они начали пришивать белые розы и красные кресты на

обрамлявшую авансцену ткань, и Сильвия всё поглядывала в мою сторону. Мы репетировали финал пьесы с Джорджем Брайаном, играющим Дюка Тезея, и Томасом Белтом, вторым учеником Джона Хемингса, играющим Ипполиту. Оба знали свои роли. Предполагалось, что я снова работаю суфлёром со всеми отдельными ролями, с которыми возникают проблемы, но, к счастью, все актёры кроме бедного Бобби Гофа знали свои роли. Я поглядел на Алана Раста.

— Мне нужно отлить.

— Иди, — махнув рукой, рассеянно сказал он.

Я поднялся на сцену и прошёл через занавешенную дверь в гримёрку, и, конечно же, Сильвия последовала за мной. Она обняла меня.

— Боже, какой ты милый и тёплый! Так о чём же был весь этот сыр-бор сегодня утром? Её милость решила, что вы поубиваете друг друга.

— Почти так и было.

— Так расскажи!

— Любопытно, да?

— Ты хранишь от меня секреты, Ричард Шекспир? — усмехнулась она.

И я рассказал. Рассказал, как драгоценные страницы с новой пьесой моего брата украли из сундука в большом зале и как Саймон Уиллоби, по-видимому, их забрал.

— А я дурак, — сказал я.

— Почему?

— Я пообещал выкрасть их обратно.

— Что-что?

— Обещал выкрасть их обратно, — я помолчал. — Только я не знаю, куда он их спрятал.

Она пристально смотрела на меня. Сильвия по-прежнему обнимала меня за талию — чтобы согреться и из-за волнения.

— Так ты не знаешь, куда идти?

Я помотал головой.

— Нет.

— Так как же ты выкрадешь их обратно?

— Они могут быть где угодно, — произнёс я.

— Где угодно?

— Они могут быть в доме графа Лечлейда, — сказал я, — где бы он ни был. Или даже в новом театре.

— Граф? Он же в Вестминстере, — сказала она.

— Ты точно знаешь?

— Я точно не знаю, — твёрдо ответила она, — но дамы говорили о нём, потому что он появился при дворе в горностае!

— Это плохо?

— Да поможет тебе Бог и его ангелы! Конечно, плохо! Только королеве дозволено носить горностае. Это закон. И он надел свои дурацкие туфли на высоких каблуках. Он коротышка, понимаешь? Её милость говорит, что он прямо как маленький петушок, но ему велели избавиться от горностае. Она сказала, вероятно он живёт неподалёку, потому что вернулся очень быстро. Туда и обратно, как чёртов хорек, сказала она.

— Петушок и хорёк?

— Не дразни меня, мистер Дудка! Конечно, маленький хорёк мог остановиться в таверне, некоторые сельские лорды так делают, но — это вестминстерская таверна, поблизости от дворца.

— Я тебя не дразню.

— Не дразнишь?

— Я тебя поцелую, — сказал я и поцеловал, и кажется, ей понравилось. — Или более вероятно, — продолжил я, — что Саймон забрал пьесы в «Лебедь».

— В «Лебедь»?

— В новый театр.

— Только если он перешёл реку по мосту, — сказала она презрительно. — Вчера вечером никто не пересекал реку на лодке. И только полные идиоты выходят на улицу в такую метель.

— Я выходил.

— Да, об этом я и сказала, — усмехнулась она, — если у него есть хоть капля здравого смысла, он ушёл недалеко. Ни в Вестминстер, ни через мост. Это слишком далеко. Он спрятал пьесы где-то рядом.

Где-то рядом. Конечно! Саймон Уиллоби не мог далеко уйти из-за погоды, а это значило, что он спрятал украденные пьесы в самом Блэкфрайерсе или где-то неподалёку. В каком-то безопасном месте.

И я знал, где скрывается маленький негодник.

Часть третья

Низкое и пороки

*Любовь способна низкое прощать
И в доблести пороки превращать.
И не глазами — сердцем выбирает:
За то её слепой изображают.
«Сон в летнюю ночь»
Акт I, сцена 1*

Глава восьмая

— Расскажи мне о «Ромео и Джульетте», — попросил я брата.

Мы шли рядом. Особняк Блэкфрайерс он покинул раздражённым, я пытался шагать с ним в ногу, но он меня не слушал. Он намеренно остановился у лавки шорника, рассматривая товары.

— Стоило бы иметь лошадь, прежде чем покупать седло, — сказал я, а он притворился, что не слышит. Он поспешно двинулся по Чипсайду, но я не отставал. — Расскажи мне о «Ромео и Джульетте», — повторил я.

— Это пьеса, — язвительно сказал он, когда гнев в итоге пересилил раздражение от моего общества, — и этот мелкий ублюдок её украл.

— А теперь я выкраду её обратно.

Он усмехнулся.

— Откуда? У кого?

— У того, у кого она сейчас, — беззаботно ответил я.

— Тот, у кого она сейчас, — проворчал он, — уже её переписывает.

— На это уйдёт по меньшей мере неделя, — сказал я, — а пьесу украли только прошлой ночью. Они скопировали только одну страницу. Или две.

Некоторое время мы шли молча. Брат опустил поля шляпы, чтобы его не узнали. Народ замечал актёров, когда мы гуляли по городу, и нас часто останавливали, желая рассказать, какое удовольствие они получили от пьесы, хотя в этот морозный вечер мало кто хотел вступать в беседы. Некоторые актёры радовались признанию, другие пытались его избежать. Саймону Уиллоби, конечно же, всегда недоставало похвалы, и, как и Уилл Кемп, он щеголял по улицам, привлекая внимание. Брат же предпочитал скрываться.

— Нет толку от аплодисментов дураков, — однажды сказал он мне. — Возможно, они радуют, но не имеют смысла.

— Неужели тебе не нравится, когда тебя восхваляют? — спросил я.

— Если комплимент исходит от человека умного, то да. В противном случае это просто таяканье собаки.

Теперь он пристально смотрел вниз, не только, чтобы его не узнали, но и чтобы обходить замерзшую слякоть и экскременты,

покрывающие Чипсайд. Он оценивающе поглядывал на небо, всегда угрюмое из-за лондонского тумана, которое теперь набухло тёмно-фиолетовыми облаками.

— Опять снег пойдёт, — сказал он.

— Лучше бы мы переночевали у лорда Хансдона.

— Сомневаюсь, что его милость этому обрадуется, — сердито заметил он, — а после «Прекрасной Эм» он, вероятно, сожалеет, что вообще нас пригласил. — Порыв ветра взметнул снег с крыши, кинув его на наши плащи. — Разве ты не должен покинуть город до комендантского часа? — спросил брат.

— Должен, но я хочу знать, есть ли для меня роль в «Ромео и Джульетте».

Он вздохнул, словно я ему надоел, хотя, вероятно, так и было.

— Это решат пайщики, а не я.

— Но ты же пайщик, — возразил я, — и другие к тебе прислушиваются. Так там есть для меня роль?

Он снова вздохнул.

— Ты можешь сыграть кормилицу.

— Я о мужской роли.

— Дай подумать, — сказал он, его голос сочился сарказмом. — Если бы у нас ещё была пьеса, Ричард играл бы Ромео, а Генри — Меркуцио. Есть еще отец Джульетты, но ты не подходишь для этой роли по возрасту. Однако есть ещё куча слуг. Может, один из них?

— Роль со словами, — упорствовал я.

— Возможно, Тибальт?

— А чем он занимается?

— Почти ничем. Реплик двадцать.

«Мало, — подумал я. — Как и у Питера».

Меня передёрнуло от мысли о том, что почувствовал бы Уилл Кемп, получив двадцать реплик, а то и меньше.

— Я хочу знать, — сказал я, — дашь ли ты мне хорошую роль, если мне удастся вернуть рукопись?

Он остановился возле старого каменного креста, возвышающегося над Чипсайдом. Обычно там собирались нищие, которые убегали только при виде пуританина-проповедника, требовавшего разрушить папистский символ, но сегодня стоял такой мороз, что вокруг креста было пусто. Мой брат посмотрел на меня с обычной неприязнью.

— У меня есть слабая надежда вернуть рукописи, — сказал он, — одним из трёх способов. Я могу обратиться к Фрэнсису Лэнгли, хотя это и бесполезно, но попытаться можно. За пенни Фрэнсис и собственную мать обведёт вокруг пальца. Даже за полпенни! Я мог бы попросить лорда Хансдона использовать своё влияние, но его милость не любит беспокоиться по пустякам, и ему не понравится такая просьба. Кроме того, нет доказательств, что именно я написал эти две пьесы. Вмешаются стряпчие, а его милость питает вполне объяснимую неприязнь к законникам. А еще я могу пойти к сэру Эдмунду Тилни и на коленях умолять его отклонить рукописи, когда ему принесут их на утверждение.

— И он это сделает?

— Конечно, нет. А даже если бы и сделал, это не помешает играть пьесы в частных домах.

Сэр Эдмунд Тилни был распорядителем увеселений, и назначил его лорд Хансдон, лорд-камергер. Сэр Эдмунд нанимал актёров для игры перед королевой, а также отвечал за то, чтобы ни в одной пьесе не содержалось какой-либо крамолы или ереси. Каждую пьесу, независимо от того, кто и где собирался её играть — при дворе, в театре или просто труппа бродячих актёров объезжала города графства — сначала представляли сэру Эдмунду на утверждение, и ни одну пьесу нельзя было играть ни в Англии, ни в Уэльсе, пока на первой странице рукописи не красовались его подпись и печать. Я часто приносил ему рукописи пьес, и он всегда был любезен, ему нравилось посплетничать об актёрах.

— Бери яблоко, — поприветствовал он меня однажды, — это из моего сада. Как лодыжка Уилла?

— Гораздо лучше, сэр Эдмунд.

Уилл Кемп растянул лодыжку во время представления «Семи смертных грехов».

— Рисковый парень! — сказал сэр Эдмунд. — Какие коленца выкидывает, а? Знаешь, что он вытворяет? Придумывает новые реплики прямо на ходу. — Он довольно усмехнулся. — По правилам мне следовало бы посадить его в Маршалси, но он меня забавляет. Признаюсь, он меня забавляет! Так что ты принёс нам сегодня?

— Ещё кое-что забавное, сэр Эдмунд.

— Неприличное, наверное? Дай-ка посмотрю!

Сэр Эдмунд, порядочный человек, имел право запретить пьесы, если «Лебедь» представит ему на рассмотрение «Ромео и Джульетту» и «Сон в летнюю ночь», а это означало бы, что актёры графа Лечлейда не смогут играть их на публике, но мой брат был, несомненно, прав в том, что сэр Эдмунд, не говоря уже о лорде Хансдоне, не хотели попадаться в лапы к законникам. Раз в пьесах не оскорбляют королеву и не призывают к папистской ереси, то сэр Эдмунд, вероятнее всего, их подпишет.

— Есть четвёртый способ,— сказал я.

— Какой? — спросил брат. — Лесные гоблины спасут мои пьесы?

— Я выкраду их обратно.

Он презрительно усмехнулся.

— Да на гоблинов и то больше надежды, чем на тебя.

— Если мне удастся их вернуть, — сказал я, — я хочу мужскую роль в «Ромео и Джульетте». Хорошую роль.

— Если вернёшь пьесы, — язвительно сказал он, — можешь играть хоть самого Ромео. — Он невесело усмехнулся и зашагал прочь. — Помоему, тебе туда, — он указал в сторону Вуд-стрит.

— Завтра я опоздаю на репетицию, — крикнул я ему вслед.

— Не опоздаешь, если хочешь работать, — огрызнулся он, не оборачиваясь. — Завтра мы репетируем всю пьесу целиком. Ты будешь нам нужен, так что изволь прийти вовремя.

— Может, даже сильно опоздаю, — продолжил я, — потому что принесу тебе «Ромео».

Это на него подействовало. Он остановился, обернулся и посмотрел на меня. Из тёмных туч начали падать первые снежинки.

— Ты просто круглый дурак, Ричард, — беззлобно сказал он, снова развернулся и пошёл дальше.

Но он не запретил мне попробовать. Поэтому завтра я опоздаю на репетицию.

— Я знаю, почему Саймон украл пьесы, — сказал я вечером.

— Почему?

Закутанный в одеяла отец Лоуренс сидел у камина, куда я подбрасывал поленья.

— Он расстроился, что ему не дали роль Джульетты.

— Так он завидовал? Бедный мальчик. Зависть разрушает.

— И он получил золото, — добавил я.

— Он ещё и жаден?

Я слегка улыбнулся.

— Можете добавить к этому похоть, отец.

— Боже мой! Зависть, алчность и похоть! Ему необходимо отпущение грехов! И кто же вызывает его похоть?

— Я видел его с графом Лечлейдом. Они целовались.

— Такого рода похоть? Боже мой!

— Это же грех, верно, отче?

— Так нас учили, Ричард, так нас учили. — Он протянул к огню тощие руки. — Вот так огонь ты развёл! Надеюсь, мы не спалим дымоход.

Мягко падал снег. Сквозь крошечное окошко отца Лоуренса можно было различить большие хлопья. К рассвету мороз выгравировует на стекле свои узоры, и днём всё станет хрупким от холода.

— Одного я не понимаю, — сказал я.

— Чего же именно?

— Почему перси вернулись в «Театр». Они украли только рукописи пьес. Может, они тоже работают на графа?

— Это кажется маловероятным.

— Правда?

— У графа плохая репутация. Как и драгоценный Спаситель наш, он общается с мытарями и грешниками.

— А перси не грешники?

— Конечно, грешники, Ричард, конечно, но другого сорта. Все мы грешники. Никто из нас не достоин Божьей благодати, но перси — самые опасные из грешников.

Я ждал разъяснений, но он просто смотрел в огонь.

— Опасные? — осторожно напомнил я.

— Они считают, что делают доброе дело, Ричард. Когда люди творят зло, заявляя, что трудятся во славу Господа, они опасны, как никто. Не просто опасны! Они самые отвратительные грешники.

Я нахмурился, припоминая услышанные мною проповеди.

— Но если священники, простите, отче, если священники задумали убить королеву, разве это не зло?

— Папа утверждает, что нет, хотя, признаюсь, здесь мы с ним расходимся во мнениях. Поэтому согласимся, что убийство королевы — это зло, но вырывать человеку кишки за то, что он следует своей вере —

это тоже зло. Я видел, как принимали смерть мученики, Ричард, видел, как они умирали. — Он перекрестился похжей на когтистую птичью лапу рукой.

— А вы видели, как жгли протестантов? — Я постарался, чтобы это звучало как вопрос, а не как обвинение.

— Бедняжки. Я молился и за них. Конечно, они заблуждались, но если бы жгли всех, кто заблуждается, костры горели бы вечно. — Он вздохнул. — Королева Мария, бедняжка, думала, что очистит Англию огнём. Ничего не вышло, как и Елизавета не сумела очистить Англию кровью. Идёт сильный снег?

Я посмотрел в окно.

— Не переставая, отче.

— Свежий снег так прекрасен, правда?

— Да, отче.

— Весь мир выглядит ярким и чистым после снегопада, — пробормотал он, — а потом греховное человечество его замарывает. — Он печально улыбнулся и вздрогнул, когда бревно в огне надломилось, извергая на пол искры, которые я стал спешно тушить. — Перси не работают на графа, — сказал старый священник, — в этом я уверен. Если на кого они и работают, то только на городские власти.

— Город их не нанимал, — сказал я.

— Нет, конечно! Но они разделяют стремления городских властей. Никаких театров. И многие перси — пуритане, а пуритане считают врагом любого не согласного с ними. У перси не осталось священников, которых они могли бы пытаться, и теперь они принялись за театры, убедив себя, что сражаются с грехом. Дай-ка посмотрю. — Он наклонился, чтобы покопаться в корзине, где держал книги и памфлеты, которые ещё не украли перси. — Вот!

Он вытащил рваную книгу без обложки и показал титульный лист.

Я прочитал название вслух. «Трактат о вреде игры в кости, танцев, пьес, интермедий и других праздных развлечений».

— Её написал один житель Девоншира, — сказал отец Лоуренс, — некто по имени Джон Норсбрук. Однажды я с ним встречался. Очень энергичный проповедник. — Отец Лоуренс перелистнул страницы и нахмурился, словно что-то вспомнил. — Неприятный человек, крайне неприятный, но любил собак. Трудно не любить человека, который любит собак, верно? — Он усмехнулся, а затем нашёл нужную

страницу. — Книга представляет собой диалог между юностью и старостью, — объяснил он. — Вот, Юность задаёт вопрос: «Вы выступаете также против тех мест, которые созданы и построены для пьес и интермедий, таких как «Театр» и «Занавес»?»

— «Театр!» — сказал я. — Он упомянул нас?

— Конечно, и вот что сказала про вас Старость: «Да, поскольку я убеждена, что для дьявола-искусителя эти места — самая подходящая школа и скорейший путь научить грязным страстям нечестивого распутства, и поэтому эти места с актёрами необходимо запретить, распустить и уничтожить».

Я засмеялся.

— И даже больше, — сказал отец Лоуренс. — «В их пьесах вы узнаете обо всех мерзостях. Вы узнаете, как обманывать, как играть блудниц, как добиться любви, как восхищаться, как предавать, льстить, лгать, ругаться, отрекаться, как очаровать блудниц, как убивать, как отравлять, как ослушаться и восстать против знати, как расточительно обращаться с богатством, испытывать вожделение, праздно жить, богохульствовать, петь непристойности о любви, говорить скабрёзности, быть гордецом, как насмехаться, издеваться и высмеивать!» — Он снова засмеялся, явно наслаждаясь, и перевернул ещё две-три страницы. — Ох, а здесь Старость говорит о тебе!

— Обо мне?

— Конечно! Она осуждает тебя за то, что восстаешь «против природы»! — Он насмешливо посмотрел на меня. — Мужчины наряжаются, говорит она, «в женскую одежду, с лебедиными перьями на голове, в шелка и золотые ткани!». Ты носишь на голове лебединые перья, Ричард?

— Однажды носил гусиные.

— Какой ты плохой мальчик, — сказал он, бросая книгу обратно в корзину. — И персиванты, и члены городского совета — пуритане! Мы можем насмехаться над ними, но в их руках власть. Их число увеличивается. — Он закрыл глаза с расстроенным видом. — Церковь коррумпирована. Бог знает, что она коррумпирована, но всё же мы кормили голодных, одевали голых и заботились о больных. Мы делали добрые дела, молились о заблудших душах и давали утешение. Но теперь пуритане нас оскорбляют, называют дьявольскими созданиями и ненавидят. Они ненавидят даже себе подобных, других протестантов. И

они закроют ваши театры, Ричард, лишат церкви той маленькой красоты и сделают мир серым.

— Пока нет, отче, — сказал я, — и пока они этого не сделали, я должен найти пьесы.

Он грустно посмотрел на меня.

— Надеюсь, ты найдёшь, — сказал он, — и думаю, ты правильно понял, куда их отнёс бедняга Саймон.

Я уже рассказал ему о своих подозрениях, и очевидно, он обдумал мои слова. — Понятно, что мальчик побежал к сэру Годфри. Церковь Святого Бенета совсем рядом. Но с тех пор прошли почти сутки, Ричард. Думаешь, пьесы ещё там?

— Нет, — ответил я.

— Тогда что ты сможешь сделать?

— Пойду туда, где их прячет сэр Годфри, — сказал я. — В то место, о котором все даже подумать боятся.

— А ты не побоишься?

— Мне придётся.

— И завтра ты пойдёшь туда?

— Пойду, отче.

Он закрыл глаза.

— Ради бога, Ричард, будь осторожней. Прошу, будь осторожней.

Потому что завтра я встречу с Вашингтоном.

На следующее утро я сначала поехал в «Театр». Снег прекратился, и мир на рассвете предстал чудом белизны, ярким и сияющим, в ожидании, пока его запачкает греховное человечество. Плотник уже был в театре, судя по глубоким следам на свежем снегу. Он ремонтировал дверь артистической и неохотно посторонился, впуская меня. Внутри я обнаружил Иеремию, закутанного в самые толстые плащи трупы. Он сидел с огромным германским пистолетом на коленях.

— Это ты, — мрачно поздоровался он.

— Это я.

— Сегодня репетиции здесь?

— Нет, в Блэкфрайерсе. Я просто пришёл забрать кое-что. И я сказал пайщикам, что ты не мог остановить перси.

Он нахмурился.

— Конечно, не мог, — дерзко заявил он. — Сам Господь

всемогущий их бы не остановил. Они же чёртовы перси! И могут делать, что пожелают.

— Ты не мог их остановить, — вставил я, — потому что тебя здесь не было, но пайщики об этом не знают.

Он понял, что я солгал ради него и он не потеряет работу сторожа в «Театре». Благодарность была чужда Иеремии, но он прищурился и скорчил гримасу, которая, вероятно, изображала улыбку.

— Ты хороший парень, — скупно признал он.

— А в благодарность, — сказал я, — можешь одолжить мне пистолет.

— Пистолет?

— Одну из этих штук, — сказал я, кивая на оружие у него коленях.

Он опять нахмурился.

— Зачем тебе пистолет?

— Пугнуть кое-кого.

Он уже хотел возразить, но вспомнил, что я сделал ему одолжение, и кивнул.

— С конопляным семенем или пулей?

— С пулей.

— Ты должен быть осторожнее, парень. Убьёшь кого-нибудь, и тебя отправят танцевать на виселицу. Конопляное семя ничуть не хуже! Направишь в лицо мерзавцу и можешь превратить его глаза в желе.

— С пулей, — повторил я.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, парень. — Он поднялся на ноги. — Тебе нужен запасной порох? Запасные пули?

— Всего лишь одна пуля, — ответил я. Я посчитал, что мне не хватит времени для перезарядки, по правде говоря, я надеялся, что мне вообще не придётся использовать пистолет, но место, куда я шёл, было опасным, и одна пуля может спасти меня. Или сразить.

Пока Иеремия рылся наверху среди оружия, я переоделся, выбрав из висящих в артистической костюмов плотные льняные чулки, штаны и камзол. Вся одежда была из очень тёмной ткани, либо шерстяная, либо из саржевого хлопка. Рабочая одежда мастеровых для пьесы «Сон в летнюю ночь». Большинство мастеровых носили ботинки, но я выбрал высокие, крепкие сапоги из чёрной кожи. Я спрятал волосы под простой шерстяной берет, а потом позаимствовал толстый тёмный плащ с капюшоном и холщовый мешок, как у ремесленников для переноски

инструментов. Моими инструментами были долото, кинжал и пистолет, заряженный Иеремией, самый маленький из его арсенала.

— Держи его вертикально, — посоветовал он. — Я зарядил его должным образом и как следует забил пыж, но лучше держать его в вертикальном положении, чтобы ничего не выпало. — Он протянул мне оружие, оказавшееся на удивление тяжёлым. — Я его проверил, — сказал он, — искрит отлично, но спуск тугой, как грудь монахини. Нужно как следует нажать.

Пистолет был с колесцовым замком. Если нажать на спусковой крючок, открывалось небольшое углубление с порохом, в это же время кремень ударялся о вращающееся зубчатое колесо, и каскад искр воспламеняли порох. Раньше я стрелял из такого пистолета, но только во время боевых сцен пьесы, причём без пули. В артистической стояли трое или четверо и в нужный момент нажимали спусковые крючки, потому что неизбежно стрелял только один или два пистолета, а иногда и ни одного, а в случае удачного выстрела приходилось затаптывать горящие пыжи, вылетающие из стволов. А в это время другие актёры били металлом по металлу и нескладно кричали.

— Не переусердствуйте с боевым шумом! — настаивал Алан Раст, но все без толку.

Я повесил сумку через плечо и натянул на голову капюшон плаща.

— Ты похож на монаха, — заметил Иеремия.

— На улице холодно.

— Думаешь, я не заметил? Здесь нужен очаг. Я заслуживаю немного тепла. И не забудь вернуть пистолет! — прокричал Иеремия, когда я проходил мимо плотника, ремонтирующего дверь.

— Не забуду!

Я шёл на запад, сначала пересёк Финсбери-филдс, где неподвижно стояли ветряные мельницы со свисающими с лопастей сосульками, затем мимо крытых соломой домишек на Чисуэлл-стрит. Справа от меня, к северу, лежала промёрзшая сельская местность, а на юге — сады, огороды и дома, достигающие городской стены. Дым поднимался из труб и делал облачное серое небо над Лондоном еще темнее. Я шел быстро, за исключением тех участков, где дороги заledenели. Я повернул на север, чтобы добраться до улицы Олде, затем на запад и пересёк дорогу святого Альбана. На юг гнали крупный рогатый скот, от его навоза поднимался пар. После дороги я проследовал по тропинке

через кладбище на Клеркенвелл-роуд и там замедлил шаг.

Замедлил, потому что место, куда я направлялся, было уже близко. Оно располагалось на каменистом пастбище к северу от дороги, вокруг стоял деревянный забор выше человеческого роста. Река Флит бежала к востоку от огороженного двора, спеша на юг, чтобы соединиться с Темзой, хотя в это холодное утро узкая река полностью замерзла. За забором стояло с полдюжины сараев, но только из одной трубы поднимался дым.

Я пересёк старый мост через реку, двигаясь медленно и сгорбившись, как старик, большой темный капюшон закрывал моё лицо. На дороге виднелись следы ног и копыт, и я заметил, что утром кто-то уже посетил большой огороженный двор, потому что следы копыт шли по снегу от дороги к воротам. У ворот же следов было много, очевидно, всадник спешил, и кто-то вышел его поприветствовать, а на снегу виднелась дуга, оставшаяся после открывания ворот, чтобы человек и лошадь попали внутрь.

Со двора же следов копыт не было, а значит лошадь и всадник всё ещё внутри. Я не остановился. Сомневаюсь, что кто-то следил за дорогой, но я не хотел привлекать внимание проявлением любопытства. Пройдя вдоль западной стороны забора, я поискал дыру в живой изгороди из боярышника и пролез в неё. После этого я побежал к западной стене двора, а потом повернул на север, пока не свернул за угол, и остановился, только на полпути вдоль северной стороны ограды. Тут меня никто бы не заметил. Тут пустошь, только поля, голые рощицы и дым далекой деревни Ислингтон.

Мощная деревянная стена окружала место под названием двор Мусорщика. Я не знал, почему оно так называется, возможно, когда-то городские мусорщики свозили сюда хлам, что насобирали на улицах, но теперь место принадлежало сэру Годфри Каллену, священнику церкви Святого Бенета, мучителю мальчиков и поставщику зверей для развлечений её величества и населения Лондона.

На дворе Мусорщика держали петухов, собак, обезьян и самое ценное — Вашингтона. Вашингтон — это медведь, огромный, лохматый и покрытый шрамами зверь. Его приковывали цепью к столбу, а затем спускали свору мастифов. Медведя называли в честь деревни на севере Англии, где он вырос, и он был почти так же известен, как Сакерсон, чудовищный зверь, собиравший во время поединков по две-три тысячи

человек зрителей. Когда бился Вашингтон, его вели по переулкам и улицам города к «Ристалищу» или туда, где в этот день прикуют цепью.

В наморднике из ржавого железа его вёл Лютик, а охранял Сэм Соломенное брюхо — дрессировщик с тяжелой палкой. Дети бежали рядом, подзадоривая друг друга шлепнуть по спутанным и покрытым шрамами бокам Вашингтона, а за медведем лошадь тянула клетку с рычащими и воющими мастифами, к концу дня они по большей части окажутся искалеченными и с распоротыми животами.

Когда я был ещё учеником в приходе Святого Бенета и ходил в сером, меня и парочку других иногда посылали помочь Сэму, поэтому я хорошо знал двор Мусорщика. Я мыл клетки, разрезал туши и очищал от дерьма маленькую арену в центре двора, окруженную местами для четырех-пяти сотен человек. Двор располагался далеко к северу от города и был не так популярен, как «Ристалище» или «Занавес», но летом по субботам служил хорошим развлечением для народа, приходившего поглазеть, как собаки нападают на Вашингтона, а ещё лучше — увидеть перепуганную обезьяну, привязанную к дешёвой обречённой кляче и пытающуюся избежать наскоков обезумевших собак. Обезьяна, часто одетая как католический священник, с криками погибала под одобрение и смех толпы.

В это холодное утро я почувствовал облегчение, что во двор въехал всадник, ведь это означало, что его лошадь где-то внутри, и собак, обычно бегających на свободе, заперли, чтобы они не смогли её поранить. Двор Мусорщика был действительно опасным местом, его охраняли животные, обученные убивать.

Я решил, что украв пьесы, Саймон Уиллоби сбежит в самое близкое убежище, где найдет тепло и приют, и этим убежищем станет дом сэра Годфри, находящийся всего через одну улицу от особняка лорда-камергера. Мой брат не подумал про сэра Годфри, возможно, не зная, что священник собирался проводить звериные представления в новом театре на том берегу реки. Если бы он заподозрил, что сэр Годфри укрывает Саймона Уиллоби и украденные рукописи пьес, то собрал бы пайщиков, вооружил их и повёл в приход Святого Бенета. Случилась бы драка, а, возможно, что-то похуже. Обнажили бы мечи, вызвали констеблей, и, несомненно, в конечном счёте судья выдал бы ордер на арест, чтобы предотвратить стычку.

Кажется, только я понял, что Саймон побежит к сэру Годфри, но

сэр Годфри не мог этого знать, и он, должно быть, боялся гнева моего брата. Если группа вооруженных людей заявится к нему и обыщет дом, он должен быть уверен, что пьес там нет. Он захочет, чтобы драгоценные пьесы находились в самом безопасном месте, которое никто не посмеет обыскивать и охраняемом рабски преданными тварями, готовыми разорвать злоумышленника в клочья. В месте под названием «Двор мусорщика».

А я был непрошеным гостем.

В северной стене имелись небольшие ворота, которые открывались только в конце субботних звериных представлений, чтобы жители Ислингтона могли напрямик попасть домой. Конечно, сейчас они заперты, но не на замок. Не было необходимости. Только дурак попытается сюда залезть, и этим холодным утром таким дураком был я.

Я взял долото, вставил его в щель между створками ворот и косяком и нащупал задвижку. Но она не поддавалась. Задвижка как будто приржавела, и всякий раз, когда я пытался её сдвинуть, долото соскальзывало и скрипело по железному стержню. Я старался изо всех сил, ворота скрипели. Я стукнул по долоту и попробовал ещё раз, и наконец, задвижка со скрипом поддалась. Я обнаружил, что если немного поднажать на ворота, дело продвинется легче. Старая задвижка по-прежнему сопротивлялась, но понемногу, стержень сдвигался, пока не выскользнул из паза, и ворота приоткрылись на пару дюймов. Я потянул и наполовину открыл их, вздрагивая от скрипа старых петель, вот тогда-то и завывли собаки.

Я инстинктивно присел и задержал дыхание. Я никого не видел. Собаки лаяли и выли, царапали и били лапами по стенкам сарая. Я прокрался внутрь, потянул и закрыл ворота, а потом запер засов, делая всё как можно спокойнее, затем для успокоения нащупал в холщовом мешке рукоятку пистолета. Передо мной стояли покрытые снегом шаткие скамейки на грубых деревянных помостах, поддерживаемых примитивными лесами.

Перед скамейками была яма, где страдали и умирали звери, а с левой стороны от меня, между забором и верхними рядами скамеек, стоял небольшой дом Сэма Соломенного брюха, из кирпичной дымовой трубы валил густой дым.

— Тише, мокрые сволочи! — крикнул Сэм в ближайший сарай, а потом я услышал, как он колотит по прутьям клетки палкой, которую

всегда носил с собой. Шум немного утих, хотя собаки продолжали скулить. Закукарекал боевой петух, но птицы содержались на дальней стороне двора, подальше от собак. Я выждал. Из сарая с собаками никто не появился, да и кто выйдет в такое морозное утро?

Я поднялся и пошел в направлении сараев, сапоги скрипели на чистом снегу. Послышались голоса, хлопнула дверь.

Собаки всё ещё беспокоились, скулили и рычали. Неужели они чувствуют мое присутствие? Я находился близко к сараю, двигаясь между его стеной и скамейками. Мне хотелось оказаться где угодно, лишь бы не здесь. Почему я не рассказал брату о своих подозрениях? Он мог собрать полдюжины человек с оружием, и мы вломились бы сюда. Собачий зал вызвал у меня дрожь. Мне хотелось оказаться дома или в большом зале в Блэкфрайерсе, и это навеяло мысли о Сильвии.

А размышления о Сильвии напомнили о матери. Когда-то её удивил вопрос, который я задал в возрасте всего одиннадцати или двенадцати лет. Я спросил её, как мужчина находит жену, а она рассмеялась и посмотрела на меня. Её руки были белыми от муки.

— Не ты её найдешь, Ричард, это она тебя найдёт!

— Она?

— Скорее всего, — сказала мать. Она пристально посмотрела через кухонное окно на яблоню в нашем саду за домом. — Это девушки охотятся за вероятными мужьями, — сказала она, перестав смеяться. — Взгляни на Уилла и Энн!

— Уилла и...

— Да поможет им Бог, — прервала она меня, сожалея о своих словах, и начала раскатывать тесто.

— А ты охотилась за отцом? — спросил я.

— Ох, охотилась, ещё как! Твой отец был красивым юношей. Очень красивым. Тогда у него было много волос на затылке! — Она опять рассмеялась. — Я столкнулась с ним на выходе из церкви и сделала вид, что это случайность, хотя это неправда, чтобы он меня заметил. Так и оказалось!

Так это Сильвия меня нашла? Я не видел в этом ничего постыдного, я хотел, чтобы так оно и было. Отчаянно хотел. И почему я вдруг задумался о браке? Я почти не знал её, но она была мне нужна. Прежде я никогда не задумывался о браке, это казалось чем-то далёким, что могло случиться с человеком, которым я ещё не стал, с человеком,

которого я не знал. Брат женился молодым, и его опыт не вдохновлял, но вдруг, стоя в снегу и прислушиваясь к собакам, пока я медленно приближался к их сараю, я почувствовал себя взрослым.

Я слишком долго оставался в труппе в роли мальчика. Я хороший актёр, я знал это, но таких ролей, как Астинь, у меня было совсем мало. Теперь младшие мальчики играли персонажей, которых когда-то играл я, а я застрял — ни мальчик, ни мужчина, слишком поздно подстригся и отпустил бородку. И я решил, что оказался во дворе Мусорщика, именно поэтому: чтобы заставить брата относиться ко мне как к мужчине. Я стану Ромео.

Я слышал голоса. Злые голоса. Выделялся женский, и я вспомнил, что у Сэма Соломенное брюхо есть жена Мэрион, к которой он относится как к своим животным. Она была серым существом с жидкими волосами и запавшими щеками, но умела противостоять своему угрюмому мужу.

— Я накормила его, сэр! — с обидой произнесла она.

— Ты накормила его помоями, — напирал кто-то, и я узнал голос Кристофера де Валля, человека графа Лечлейда, самозванного англичанина и полного придурка. — Ты накормила его той же дрянью, что кормишь своих животных, — резко продолжил он, — а теперь накорми как следует, женщина.

Голоса затихли, и я больше ничего не слышал. Я стоял у двери в короткий проход, связывающий собачий сарай с кладовой и с логовом Вашингтона. Дом располагался за клеткой с медведем. В доме находилось по крайней мере трое: Сэм, его неряшливая жена и де Валль, но я подозревал, что есть и четвёртый. Желательно, чтобы те трое, чьи голоса я узнал, ушли, но что потом? Я не придумал. Когда мы ставим пьесу, то репетируем передвижения на сцене. Актёры двигаются по сцене, а зрители, вероятно, не уделяют этим передвижениям внимания, настолько они выглядят естественными, но, по правде говоря, они постановочные и отрепетированные. И только теперь я понял, что вообще ничего не обдумал. Я посчитал, что достаточно забраться во двор Мусорщика, а потом воспользоваться возможностью. Я стоял, дрожа от холода, и меня терзали сомнения, как я сумею одолеть трёх, а возможно, и четырёх человек.

«Заберись внутрь сарая», — сказал я себе. Внутри можно спрятаться. В заснеженной яме со скамейками спрятаться негде, а кроме

того, как только де Валль уйдёт, собак выпустят.

Я нажал на задвижку, она щелкнула, и тяжелый деревянный рычаг внутри поднялся. Я затаился и прислушался, но ничего не услышал. Я открыл дверь, вздрагивая от скрежета петель и с колотящимся как пойманная птица сердцем шагнул внутрь и закрыл дверь, в нос мне ударил запах собачьего дерьма и гниющих туш.

Собаки увидели меня и тут же снова завyli. В клетке их было множество, и все рычали и пускали слюни, лаяли и выли, царапая лапами железные прутья. Это были огромные собаки с похожими на тиски челюстями, с желтыми глазами и грязными зубами, злые и голодные. Они бросались на решетку, пока я шел к кладовой, а потом потеряли меня из вида. В кладовой воняло. Именно там Сэм хранил пищу для животных. На крючьях висели мертвые кошки, две мёртвые собаки, какие-то вонючие обрезки от неизвестных животных, массивный окровавленный топор лежал на деревянном столе, а в дальнем конце кладовой – небольшая комнатка с уборной, устроенной так, что всё сливалось прямо в реку Флит. Я бросился внутрь и успел закрыть дверь до того, как Сэм ворвался в кладовую и начал орать на собак, чтобы те замолчали.

Запах из уборной свалил бы с ног и ломовую лошадь. Я задержал дыхание насколько смог, в ожидании, пока собаки не успокоятся, и наблюдал за Сэмом Соломенное брюхо через щель в деревянной двери. Он был похож на горбатого гнома, злобного, как и его мастифы. У него была заячья губа, которую не могли скрыть жалкие усы. Он ударил тяжелой дубиной по прутьям клетки, а когда мастифы успокоились, вернулся в свой дом за логовом Вашингтона.

Я подождал, пока дверь не закрылась, и последовал за ним.

Следующий сарай, рядом с домом, был самым маленьким, и большую часть его занимала огромная клетка, где лежал Вашингтон. Во мраке он выглядел как гора грязного меха, но он увидел меня или почувствовал по запаху и поднял массивную голову. Его глаза странно сверкнули красным. Он зевнул или, может, угрожающе зарычал, и я увидел его зубы, сточенные или поломанные, чтобы мощная хватка не убивала его мучителей слишком быстро. Я проскользнул мимо его клетки и остановился в маленьком проходе у дома.

И узнал, что сделал верное предположение.

— Это крысы, — сказал Сэм Соломенное брюхо, — они

взбудоражили собак. Чёртовы крысы.

— Он здесь не для того, — услышал я твёрдый голос де Валля, — чтобы кормить твоих проклятых собак. Он не твой слуга, ты, мерзкий хрящ! Он твой гость. Ясно тебе?

— Да, сэр, — раздался мрачный голос Мэрион.

— Ты накормишь его, — сказал де Валль, — и накормишь как следует!

— Да, сэр.

— А твоя задача, юнец, всё скопировать, и быстро!

— Я стараюсь, сэр.

Я сдержал улыбку, потому что это был голос Саймона Уиллоби.

— Всего четыре страницы? — Де Валль усмехнулся. — Это не старание!

— Свечи плохие, — заныл Уиллоби, — и перья расщепились.

— Кто дал тебе перья?

— Я, — ответил Сэм своим невнятным голосом, — и с перьями всё в порядке, сэр! Я сам их сделал из петушиного хвоста. Хорошие перья, сэр!

— Ты умеешь писать? — потребовал ответа де Валль.

Наступило молчание, Сэм обдумывал ответ.

— Не совсем, сэр, нет, сэр, — наконец произнёс он, — не умею, нет, как вы заметили.

— Тогда что ты понимаешь в перьях? Парень прав. Перья никудышные! — проворчал де Валль. — Купишь ему подходящие перья. Сегодня же! Немедленно! И чернила.

— Сэр Годфри прислал чернила, — угрюмо заметил Сэм.

— Это жабья моча, а не чернила! Купишь новые перья, хорошие чернила и свечи. Сегодня же! Нынче утром! Сейчас!

— Есть, сэр.

Наступила пауза, потом послышался звон падающих на стол монет. За спиной рычал и метался в клетке Вашингтон. Я был готов отпрыгнуть обратно в кладовую, если услышу шаги за дверью.

— Когда обе пьесы будут готовы, парень, отправишься в дом его сиятельства, — продолжил де Валль более благосклонным тоном, — но здесь самое безопасное место, чтобы закончить переписывать.

— Да, сэр, я знаю, сэр.

Голос Саймона Уиллоби звучал жалко.

— И купи еды, — продолжил де Валль, вероятно обращаясь к Мэрион, — что-нибудь подобающее христианину.

— У меня вкусная похлёбка, сэр, — возразила она.

— Твоя похлёбка — помои, которыми пёрнул дьявол, — сказал де Валль. — И испеки свежего хлеба, женщина, а не эту позеленевшую дрянь.

Я услышал шаги и отступил назад, но было очевидно, что те трое идут к дальней двери, ведущей к главным воротам двора, где ожидала лошадь де Валля.

— Я вернусь завтра, мастер Уиллоби, — услышал я слова де Валля, — и жду результата.

— Вы его получите, сэр, обещаю.

— Откроешь ворота, — приказал де Валль Сэму, — а потом пойдёшь в город и купишь перья. Первая копия нужна уже на это неделе, а не в следующем году!

— Да, сэр.

— За это тебе заплатили хорошие деньги, — напомнил он.

— Да, сэр, — снова ответил Сэм. — А ты пойдёшь запри ворота, Мэрион, — добавил он, и я услышал скрип, удаляющиеся шаги и стук захлопнувшейся двери. Те трое ушли, и Саймон Уиллоби остался в комнате один.

Две дубинки Сэма стояли в проходе. Каждая около ярда длиной, крепкая деревянная рукоятка с ржавыми железными клещами наверху. Их использовали в яме, когда собаки вонзали зубы в бока медведю и не отпускали. Сэм Соломенное брюхо или Лютик вставляли железные клещи в пасть собаке и разжимали, заставляя отцепиться. Я поднял одну дубинку. Она оказалась тяжелой. Потом я выждал несколько мгновений. Сердце колотилось. Я услышал царапанье стула или табурета по полу и подскочил от страха. Потом, как будто собираясь выйти на сцену из артистической, я сделал глубокий вздох и открыл дверь.

Саймон Уиллоби сидел у огня. Он обернулся и увидел меня. Его глаза расширились, а рот открылся от удивления.

Не успел он поднять шум, а я уже ударил его собачьей палкой.

Я не размышлял, просто замахнулся тяжелой палкой, и железный набалдашник врезался ему в висок. Запаниковав, я размахнулся слишком сильно, потому что Саймон ахнул и рухнул с табурета, из уха закапала кровь. Он лежал без движения. Неужели я его убил? Я

ошеломленно смотрел на него, вспоминая Томаса Батлера, лежащего в крови в далеком Стратфорде. Потом Саймон Уиллоби дёрнулся и застонал, я понял, что он жив, но головная боль у него будет страшная, и метнулся к столу под окном, где лежали две пьесы.

Вот так просто! Я сгрёб пачку бумаг, лишь взглянув на первую попавшуюся страницу. Я прочитал:

*Блаженная и сладостная ночь!
Но это всё — не грёзы ли ночные,
Столь сладкие и чудные, что им
В действительность нельзя преобразиться?
Ромео, два-три слова — и прощай.
Когда любовь твоя чиста и если
Намерен ты вступить со мною в брак...*

Этого было достаточно — я держал в руках украденные пьесы. Я затолкал толстую пачку бумаг в холщовый мешок и услышал сзади какой-то шум, обернулся и увидел, что Саймон Уиллоби пытается встать. Из-под его длинных волос сочилась кровь.

— Ричард! — прохрипел он, и я с силой пнул его по голове.

Он тяжело дышал, и чтобы заставить его замолчать, я пнул ещё раз.

— Заткнись, подонок! — прошипел я, удивлённый своим гневом.

Я услышал визг петель — это открылись наружные ворота. Настало время уходить. Я снова пнул Уиллоби, вышел через дверь, в которую ранее вошёл, и оказался в сарае Вашингтона. Там меня озарило. Я отпер клетку с медведем и ткнул зверя палкой. Он заворочался, поднялся на все четыре лапы, а я бросил палку и пробежал через кладовую к двери. Тут меня увидели собаки и завyli, я пробежал по снегу, отпер маленькие ворота и выскочил на пастбище.

Дело сделано! Пьесы у меня!

Я затих, прислушиваясь. Были собаки.

У меня получилось!

Да будет свадьба! Сильвия!

Потом Мэрион закричала.

А я запаниковал.

Собаки! Почему я раньше о них не подумал? Стоило только Сэму

спустить собак, и меня затравят на пастбище, снег покраснеет от крови, когда псы разорвут меня на части.

Спотыкаясь, я слепо бежал на запад через поле, протиснулся сквозь живую изгородь и всё бежал, прислушиваясь к вою собак, становившемуся громче. Они не появились. По-видимому, меня спас Вашингтон, потому что собак не выпустили, и я счёл, что Сэм Соломенное брюхо не смог пройти мимо медведя, чтобы добраться до собачьих клеток.

Так почему Мэрион закричала? Она увидела Саймона Уиллоби, истекающего кровью? Или злого медведя на свободе? Я всё бежал, спотыкаясь на заснеженных кочках. Небо закрывали пузатые тёмные тучи. Скоро снова пойдёт снег, подумал я, и чем раньше, тем лучше. Снег засыплет мои следы. За следующей живой изгородью находился Кожевенный переулок. Если у сумею до него добраться, то убегу на юг и затеряюсь среди переулков и таверн Холборна.

А потом я оглянулся и увидел Кристофера де Валля.

Он преследовал меня верхом на большом вороном коне. Де Валль был закутан в большой чёрный плащ, и на фоне снега всадник на лошади выглядел мрачным и мстительным дьяволом. Я видел, как де Валль прищипоривает лошадь, как из-под больших копыт летят хлопья снега, и понимал, что не успею добраться до Кожевенного переулка, а тем более до Холборна. Он поймаёт меня раньше.

Я остановился. Встал на колени в снег и покопался в холщовом мешке. «Боже, помоги мне», — подумал я, но пистолет лежал дулом вниз. Он по-прежнему заряжен? Я вытащил его. Тяжёлый. Держать пришлось двумя руками, а они дрожали. Чёрный дьявол приближался. Де Валль открывал рот, что-то выкрикивая, но я его не слышал. Меня переполняли страх и отчаяние.

Я оттянул курок с кремнем. Он был тугим и держался на стальной пружине, толкающей его вперёд. Наверняка де Валль увидел пистолет, но это его не остановило. Я видел, как его сапоги со шпорами впились в бока лошади, видел, как он вытащил рапиру. Меня затрясло от паники и страха, я прищурился из-за слепящего снега и направил пистолет на лошадь, увидел, как дрожит дуло, и нажал на спусковой крючок.

Он не нажимался — слишком тугой. Я опять нажал, чуть не взыв от ужаса, и на этот раз курок дернулся, кремень щёлкнул, крышка откинулась назад, зубчатое колесо прокрутилось, высекая искры... и

ничего не произошло. Я попытался увернуться от лошади.

И тут пистолет выстрелил.

С жутким грохотом.

Из ствола курился вонючий дым. На снегу догорал пыж.

Раздался крик.

Сначала я решил, что это кричу я, но потом понял, что встала на дыбы лошадь. Я упал в снег, меня отбросила паника и удивительно сильная отдача пистолета. Я беспомощно растянулся и увидел сверкнувшие высоко над головой подковы. Думаю, тогда и вправду закричал, боясь, что те сверкающие копыта меня раздавят, но потом жеребец упал набок.

Де Валль выронил рапиру и схватился за гриву лошади, падающей боком в снег. Он закричал от боли, когда упавшая на него лошадь снова встала. Кровь стекала у неё по голове, ещё больше по морде. Несколько красных капель упало на снег, жеребец постоял, заржал и унёсся вдаль. По-видимому, рана оказалась несерьёзной. Де Валль выругался. Правая нога у него изогнулась под неестественным углом. Его шляпа с двумя длинными чёрными перьями лежала в десяти футах.

— Ах ты, мерзавец! — сказал он и рванулся к своей рапире, но я отшвырнул её ногой, а он зашипел от боли, когда ступил на сломанную ногу.

Я подумал взять его лошадь, но как только я приблизился, та унеслась прочь. Я забрал шляпу де Валля и увидел в ней дыру. Я вытряхнул из неё снег и пошёл к живой изгороди. Де Валль попытался встать на ноги, но застонал, нога подогнулась под его весом.

— Ты заплатишься за это жизнью! — выкрикнул он.

Потом я пролез через живую изгородь, порвав в колючках плащ. Я оглянулся и увидел, что де Валль ползёт к лошади. Я дрожал, но не от холода. Потом я побежал по Кожевенному переулку.

Я буду играть Ромео!

Глава девятая

Я добрался до Блэкфрайерса, когда колокола пробили одиннадцать. Снег медленно засыпал городские колокольни и шпили, делая крыши белыми и превращаясь в сероватую слякоть на улицах.

Я постоянно оглядывался, опасаясь преследования, но никто не появился. Как такое возможно? У де Валля сломана нога, у лошади головная боль, а Сэм Соломенное брюхо несомненно слишком занят, загоняя медведя. Я торопился, дрожа не из-за холода, а потому что вновь переживал это утро, вспоминая зловоние моего укрытия и ужас, когда лошадь встала надо мной на дыбы.

Я вошёл в особняк через ворота на Уотер-лейн, сторож приветственно мне кивнул.

— Холодно, — сказал он, притопывая ногами. — Красивая шляпа, Ричард!

На мне была колоритная шляпа де Валля с двумя длинными перьями.

— В ней дырка, — сказал я.

— Вот всегда так с хорошими вещами!

Я пересёк конный двор, где из огромного фургона разгружали бочки.

— Ещё вино для свадьбы, — сказал мне слуга.

— Если они выпьют всё это, то заснут во время спектакля, — сказал я.

— Скорее, ещё во время церемонии!

Когда я зашёл в дом, служанка одарила меня заговорщической улыбкой.

— Я скажу ей, что ты здесь!

Я благодарно улыбнулся и прошёл в большой зал через буфетный коридор, хотя эта дверь теперь вела в тёмное пространство нашей артистической. Три коротких пролёта временной лестницы вели к занавешенным входам на сцену, где репетировала труппа. Я с минуту постоял наверху, всматриваясь сквозь ткань. Ричард Бёрбедж, Генри Конделл, Александр Кук и Кристофер Сандерс неловко топтались на сцене, а мой брат говорил с Аланом Растом.

Из разговора стало понятно, что они закончили репетировать всю пьесу и теперь обсуждали, какие сцены нужно ещё доработать.

— Может, ты переместишься на правую часть сцены? — предложил Раст Ричарду Бёрбеджу.

— Но Гермия слева.

— Может, она переместится пораньше? — спросил брат.

— Попробуем, — ответил Бёрбедж. — А что, если... — потом он замолк, потому что я высунулся из-за занавеса.

— Что если... — начал Раст.

— Не имеет значения, — отрывисто произнёс мой брат.

Он смотрел на меня, явно разозлившись, что я так поздно пришёл на репетицию. Впервые труппа играла всю пьесу целиком, и им пришлось пройти мои сцены без меня, что всех раздражало. Остальные актёры собрались в зале, и, как и мой брат, сердито уставились на меня.

Не обращая внимания на их гнев, я пересёк сцену, спрыгнул на пол в зале и пошёл прямо к огню. Присев на корточки, я почувствовал, как тепло проникает в промёрзшие кости.

— Как хорошо, что ты появился, — язвительно обратился ко мне Алан Раст.

Исайя Хамбл не вернулся, а Томас Поуп, очевидно, выступал в качестве суфлёра, на столе были разбросаны актёрские роли, потому что единственный полный экземпляр пьесы лежал в моей сумке. Уилл Кемп хихикнул, плюхнувшись в большое кресло у камина, а другие актёры держались от меня подальше, как будто опасаясь заразиться.

Все на секунду умолкли, как будто труппа ждала, что брат набросится на меня за опоздание, но когда он ничего не сказал, Ричард Бёрбедж повернулся к Алану Раству.

— Откуда ты хочешь начать? — спросил он

— Начни с «Но Гермия страшна бывает в гневе», — предложил Раст.

— Какая реплика перед этим? — спросил Генри Конделл.

Томас Поуп пролистал страницы.

— О да, хотя б и ты ей помогал.

— Нет, не эта, — перебил я его.

Все посмотрели на меня. Я чувствовал их гнев, нужна была лишь искра, чтобы разгорелся скандал. Алан Раст пытался всех успокоить.

— Начни с «О да, хотя б и ты ей помогал...».

Я вынул из холщовой сумки растрепанную кипу бумаг. Я стоял и ждал, когда Генри скажет свою реплику, затем прервал его и громко продекламировал:

*— Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.*

— Отдай мне! — брат двинулся в мою сторону, но остановился в испуге, потому что с его приближением я поднёс толстую пачку ближе к пылающему огню.

Когда он остановился, я убрал пьесу от огня и продолжил чтение:

*— Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладёт конец непримиримой розни.*

Я остановился, улыбаясь.

— Хочешь, чтобы я это сжёг?

— Ричард! — взмолился он.

— Кто играет Ромео? — спросил я, поднося страницы к ненасытному огню.

— Нет, — умолял он, не отводя взгляда от страниц, — нет! Прошу тебя, не надо!

— Кто играет Ромео? — снова спросил я, на этот раз громче.

— Что это? — Ричард Бёрбедж спрыгнул со сцены, но брат протянул руку, чтобы его остановить.

— Как у тебя это вышло? — тихо спросил брат.

— Я тебе расскажу, — сказал я громко и медленно, чтобы меня слышали все собравшиеся в зале. — Я проломил голову Саймону Уиллоби. Выстрелил из пистолета в одного всадника. Сыграл в классики с медведем и принёс тебе это.

Я протянул ему страницы.

— Он играет Ромео? — сердито потребовал ответа Ричард

Бёрбедж.

Мой брат проигнорировал вопрос. Он также проигнорировал и рукопись, и я увидел, к своему удивлению, что в его глазах выступили слёзы. Он подошёл и неуклюже обнял меня за пояс.

— Спасибо, — прошептал он, — спасибо.

Он отошёл и взял страницы так, будто это самая большая ценность в мире.

— Он играет Ромео? — снова спросил Ричард Бёрбедж.

— Нет, нет, — рассеянно сказал брат, — конечно нет.

— Он не может играть... — начал Бёрбедж.

— Он и не играет! — проворчал мой брат.

— Почему же? — ехидно спросил Уилл Кемп.

— Тише! — вмешался Алан Раст, и этот диктаторский королевский голос успокоил весь зал. Он смотрел, как мой брат осторожно кладет пьесы на стол. — У кого были пьесы? — спросил меня Раст.

— У сэра Годфри, — ответил я.

— Куда это положить? — выкрикнул голос со сцены, и я увидел, что слуга принёс рулоны зелёной ткани.

Сильвия стояла позади него, тоже с ношей в руках.

— Куда угодно, — нетерпеливо ответил Алан Раст, — просто брось их! — Он обернулся ко мне. — Пьесы были у сэра Годфри?

— Он организует звериные представления для нового театра, — объяснил я.

— О боже, — пробормотал брат, — ну конечно же!

— И он спрятал Саймона Уиллоби во дворе Мусорщика, — добавил я.

— Это там держат собак? — с ужасом спросил Джон Хемингс.

— Там держат собак, — сказал я, — бойцовых петухов и огромного медведя.

— Так что случилось? — спросил Хемингс.

Мы актёры и любим зрителей. Порой, когда спектакль не удался, о зрителях легко думать как о врагах, но на самом деле они часть спектакля, потому что публика меняет нашу игру. Можно репетировать пьесу неделями, как это было со «Сном в летнюю ночь», но как только театр наполняется людьми, пьеса меняется. В ней, естественно, появляется новое напряжение, но также и энергия. Часто на репетиции мы играем всю пьесу в «Театре» вообще без публики, и получается

уныло и тоскливо, пьеса утрачивает новизну из-за большого количества репетиций, а на следующий день при двух тысячах с изумлением вззирающих на сцену зрителей пьеса вдруг оживает. Сейчас у меня были свои зрители, хотя я притворился, что не замечаю присутствия Сильвии.

Слуга схватил её за локоть, явно желая увести, но она осталась, и слуга остался с ней, и они оба сейчас слушали, как я описываю вторжение во двор Мусорщика. Джон Хемингс, благослови его Бог, скормил мне недостающие реплики.

— Разве ты не беспокоился по поводу собак? — спросил он.

— Я испугался, — признал я, — поэтому взял вот это, — я вытащил из холщовой сумки кинжал. — Решил, что мне, возможно, придётся убить пару человек, прежде чем я доберусь к двери сарая.

Это было неправдой. Мастифы искромсали бы меня в фарш задолго до того, как я поцарапал хотя бы одного из них. Я считал, что если собаки на воле, мне хватит времени добраться до сарая, прежде чем они меня настигнут, а потом я выберусь, отвлекая их мясом из кладовой. Мне повезло, что всё сложилось, как сложилось.

— Но мне повезло, — сказал я Джону.

— Повезло? Как?

— К ним приехал человек графа Лечлейда.

— Ты знаешь, что это был человек графа? — внезапно спросил брат.

— Я узнал его, — сказал я, — и подслушал их разговор. — Я положил кинжал обратно в сумку. — Его лошадь стояла во дворе, так что все собаки были заперты.

— Тебе повезло, — пылко сказал Джон.

— Продолжай! — потребовал мой брат.

— Я прошмыгнул внутрь, — сказал я, — и собаки начали выть, но я спрятался, пока их утихомиривал Сэм Соломенное брюхо. Потом я подошёл к двери в дом и услышал их разговор. Саймон Уиллоби, — я посмотрел на Джона Хемингса, — должен был переписать пьесы, но ему выдали плохие перья.

— Ха! — отреагировал мой брат.

— Когда Сэм и его жена провожали де Валля до лошади...

— Де Валля? — переспросил брат.

— Это управляющий графа, — объяснил я. — Они оставили Саймона в доме, тогда я вошёл внутрь и ударил его, пока он не успел

позвать на помощь.

— Ты ударил его? — взволнованно поглядел Джон Хемингс.

— Очнувшись, он не мог сообразить, Рождество сейчас или Пасха, — сказал я. — У него текла кровь. Я ударил его слишком сильно.

— Хорошо, — твёрдо сказал брат.

— Я взял пьесы, — продолжил я, — и ушёл. Да, и выпустил медведя.

— Вашингтона? — спросил Уилл Кемп. — Мне нравится Вашингтон. Старый мерзавец. Я видел, как он однажды прикончил десяток собак.

— Ты его выпустил? — переспросил Джон Хемингс. — Зачем?

— Потому что они наверняка бросились бы вдогонку, — пояснил я, — а медведь может их задержать. — Все уставилась на меня. — Так и вышло.

— Что вышло? — спросил Хемингс.

— Он их задержал.

— Разве это не опасно?

— Я бежал быстрее медведя, — сказал я, как будто это объяснение было очевидным. — Я вылетел со двора и продолжал бежать, но де Валль последовал за мной, верхом. Я бежал в Кожевенный переулок, и он преследовал меня со шпагой в руке.

— Господи Иисусе, — тихо произнёс Джон Хемингс.

— Но я взял и это, — я вытащил из сумки пистолет.

— Господи Иисусе, — эхом повторил брат за Джоном Хемингсом, — только не говори, что ты застрелил человека графа Лечлейда!

— Я выстрелил в его лошадь, — сказал я. — Всё вышло неплохо, она испугалась и сбросила де Валля, а сама упала на снег и сломала ему ногу.

— Ты взял его шляпу? — в изумлении спросил Джон Хемингс.

— Красивая шляпа, — объяснил я, — только с дыркой от пули.

Все замолчали. Мы любим, когда публика молчит, когда никто не кашляет, не ёрзает, не щёлкает орехи и с неожиданным шипением не открывает бутылки эля. Молчание означает, что спектакль удался и публика в нашей власти. Для актёра мёртвая тишина лучше, чем аплодисменты, и тем утром в большом зале публика сидела тихо.

Моя история в целом, конечно, была точна, но я очень многое опустил. Как-то раз, когда брат беспечно забыл о своей

недоброжелательности ко мне, он сказал, что искусство рассказа состоит в том, чтобы выкинуть лишнее, и осмелюсь сказать, он прав, но пока я заучивал роли его пьес, мне часто хотелось выкинуть в двадцать раз больше.

Я переборол страх, из-за которого чуть не обмочился. Переборол дикое сердцебиение, панику, когда надо мной нависла лошадь де Валля, и вслепую нажал на спусковой крючок, а пистолет запоздало выстрелил. Я не признался, что выстрелом меня отшвырнуло назад, что я закричал от страха и беспомощно растянулся в снегу. Вместо этого я невозмутимо описал этот момент, как будто я прицелился, хотя на самом деле закрыл глаза, и выстрел только чудом попал в цель. Я всхлипывал, дрожал, испугался чуть ли не до смерти, но зная, что слушает Сильвия, изобразил себя героем.

И я стал героем! Брат смотрел на меня так, что можно было даже счесть это за восхищение и уж точно за благодарность, Джон Хемингс сиял, мальчишки уставились на меня как на полубога, и даже Уилл Кемп впечатлился. Он со скрипом отодвинул стул, встал и крепко хлопнул меня по спине.

— Молодец, парень, — прогудел он, — молодец!

Только Ричард Бёрбедж не радовался. Он отвёл моего брата под руку к эркерному окну, и они стали переговариваться, а Ричард Бёрбедж поглядел на меня, чему-то обрадовался и вернулся к новой сцене. Мой брат забрался на подоконник и подозвал меня.

— Ты не можешь играть Ромео, — заявил он.

— Ты... — начал я.

— Не можешь, — сказал он удивительно мягко. — Садись.

Я сел. Он посмотрел в окно. От тепла в зале морозные узоры таяли, капли воды стекали снаружи по стеклу, искажая вид замёрзшей реки.

— Всё ещё идёт снег, — сказал он. — Ну и холодина!

— Ты сказал... — снова начал я.

— Я знаю, что сказал, — прервал меня он, — и это было сказано легкомысленно. — Ромео — большая роль, слишком большая, а Ричард сыграет ее красиво. Но я обещаю тебе серьезную мужскую роль, хорошую роль.

— Серьезную, — повторил я.

— Роль пайщика, обещаю.

— Мужскую роль? Не такую, как Фрэнсис Дудка?

Он благосклонно улыбнулся.

— Не такую, как Фрэнсис Дудка. Тебе она понравится. Настоящая мужская роль. Можешь отрастить бороду, и тебе хорошо заплатят, обещаю. — Он подождал ответа, но я молчал. — Это хорошая роль, даже очень хорошая, и мы можем начать репетиции, как только её перепишут. Его милость сказал, что её величество просила нас выступить, а теперь у нас есть две пьесы, чтобы сыграть при дворе. И ты участвуешь в обеих. — Он встал. — И наступит весна! Как только погода прояснится, будем играть обе пьесы в «Театре». Ты будешь играть, Ричард, и тебе заплатят. А теперь нужно закончить репетицию. — Он мельком взглянул на подоконник. — Спасибо, — сказал он и спустился по ступенькам.

Я проследил за его взглядом и увидел, что он оставил монеты на гобеленовой подушке. Шесть шиллингов!

— Как его зовут? — крикнул я ему.

Он повернулся и посмотрел на меня.

— Его имя? Роль, которую я буду играть.

— Для этой роли тебе понадобится рапира, так что тренируйся!

— Его имя? — снова спросил я.

Он притворился, что не слышит, и просто пошёл дальше, а я раздумывал, можно ли верить его обещанию. Что сказал преподобный Венейблс? Что обещания в театре — как поцелуи в майский день. Меня только что поцеловали.

А за окном всё сильнее падал снег.

Настало время спокойно репетировать другие сцены, и они получились отлично, возможно потому, что все пребывали в хорошем настроении, кроме Джона Хемингса, горюющего из-за предательства ученика. Даже Бобби Гаф умудрился запомнить все свои реплики, хотя он по-прежнему беспокоился, возможно потому, что был на год моложе, чем требовалось для Титании.

Из актёров меня удивил Алан Раст. Он был высоким человеком крепкого телосложения и обычно играл роли серьёзных персонажей среднего возраста. Он обладал низким голосом, и одно его присутствие на сцене производило впечатление. И выбор его на роль Пака, вредного слуги Оберона, чьи ошибки и шутки в основном и задавали тон, выглядел удивительным. Когда я переписывал пьесу, Пак виделся мне феей, эльфом, весёлым гоблином, который скорее танцевал, а не ходил,

пел или говорил.

Он был обманщиком, духом глубоких лесов, интриганом, и мне казалось, что эту роль прекрасно мог сыграть один из мальчиков, а пайщики отдали её человеку, обычно игравшему королей, лордов или тиранов. Раст изменил роль и в качестве комика соревновался с Уиллом Кемпом. Он не пытался уменьшить свой рост, хотя и заговорил более высоким голосом, а все его движения стали подчёркнуто легкими. Замирая, он был само достоинство, но достоинство исчезало, когда он двигался. Он танцевал, дрожал, был нетерпеливым, был забавным.

— Мой милый Пак, поди сюда! — звал Оберон, и милый Пак слишком ретиво понёсся по сцене и застыл в готовности снова умчаться.

— Ты помнишь, — продолжил Оберон, — как слушал я у моря песнь сирены, взобравшейся к дельфину на хребет?

И Пак кивнул слишком быстро и с нетерпением. Он дрожал, как будто жаждал улететь, исполняя поручение. Он явно не слушал хозяина. Оберон хотел, чтобы он вспомнил, как пела русалка пела и успокоилось бурное море, а звезды опустились, чтобы услышать её музыку.

— Ты помнишь?

— Я помню! — быстро ответил Пак, и стало ясно, что он не помнит, но что бы ни произошло, в конечном итоге получится не так, уж слишком в нём много энергии и мало здравого смысла. Зелье из волшебных цветов выльется на веки не того любовника, и результатом будут несчастные пары и замешательство.

— Найди цветок, — приказал Оберон, показывая на левую часть сцены, — и возвратись скорее, чем мило проплывет Левиафан.

— Весь шар земной готов я облететь за полчаса! — произнёс Пак и убежал через правую дверь, словно за ним гнался медведь.

Все засмеялись.

Сильвия тоже засмеялась. Она покинула большой зал, когда принесла ткани, но вскоре вернулась с Джин, нашей швей, в руках обеих женщин громоздилось ещё больше ткани. Леди Энн Хансдон, бабушка невесты, осмотрела некоторые законченные костюмы и настаивала, что их нужно ещё больше украсить.

— Вот деньги, мастер Шекспир, — сказала она моему брату, — потратьте их!

Он поклонился.

— Ваша милость, — пораженно ответил.
— И не скупитесь! — властно сказала она.

В «Театре» имелся большой склад одежды, который я считал своим гардеробом, но мы не особо беспокоились о костюмах — достаточно замаскировать мальчиков под женщин и одеть благородных героев в шелка и атлас, а простого человека в бумазею. Играя Тита Андроника, Ричард Бёрбедж надевал штаны, сорочку, ниспадающий воротник и ботинки, а поверх искусно драпировали белую простыню, изображающую тогу. Его воины в исполнении нанятых актёров носили побитые шлемы и дырявые нагрудники, прошедшие службу в Ирландии или Нидерландах. Публика никогда этого не замечала, но леди Энн хотела всё самое лучшее.

— Я хочу, чтобы пьеса напомнила маскарад, — твердила она.

Я никогда не видел маскарад, но знал, что это расточительное развлечение, которое устраивают в загородных особняках и городских дворцах для королевы и аристократии. Брат сказал, что это не столько пьесы, сколько показуха, изобилующая богами и богинями, хорами и музыкантами, с самыми замысловатыми эффектами и костюмами, которые только могли создать изобретательность, деньги и рукодельницы. Боги летали, русалки как будто скользили по озерам, фонтаны извергали цветную воду, траву красили в золотой цвет, херувимы мило щебетали, и что самое удивительное, женщины играли женщин.

— И некоторые делают на редкость хорошо, — сказал мой брат.

— Тогда почему мы не...

— Потому что пуритане уже достаточно нас ненавидят! Выведи женщин на сцену, и пуритане сожгут театры дотла. Если пуританин чего и боится, так это — женщин. Кроме того, они ненастоящие актёры.

— Ненастоящие?

— Театры масок — простые благочестивые декламации, — зло сказал он, — созданные, чтобы заставить публику поддаться бесконечным речам о целомудрии, благородстве, храбрости и другой подобной ерунде. На них приятно смотреть, но тоскливо слушать.

«Сон в летнюю ночь» будет приятно смотреть. Джин с Сильвией принесли много ярдов белого шёлка, кремового атласа и тонкого кружева, чтобы одеть фей. У группы самых юных мальчиков-учеников были роли фей со словами, но их сопровождали полдюжины детей из

прислуги лорда-камергера, для которых мой брат написал три песни, а Фил положил на музыку. Дети были сыновьями домашних слуг, а один, по имени Робин, оказался племянником Сильвии.

— Поздоровайся с Фрэнсисом Дудкой, — приказала она ему.

— Привет, — произнёс мальчуган лет шести-семи.

— Привет, — ответил я неловко.

— Он маленький негодник, — произнесла Сильвия, наклоняясь, чтобы укутать Робина. — Стой спокойно, или я тебя шлёпну.

Последние слова адресовались ребёнку, который смотрел на меня широко открытыми глазами.

— Он старший сын моего брата, — объяснила Сильвия.

Её брат Нед работал в конюшнях. Кажется, вся её семья имела связи с хозяйством лорда Хансдона. Отец Сильвии работал гребцом его милости, пока не купил собственную лодку, а её мать, как и Сильвия, работала служанкой.

— Думаю, Робин тоже будет служить семье, когда вырастет, — продолжила она.

— Я хочу стать солдатом, — сказал Робин.

— Ты не хочешь стать солдатом, — сказала она, — потому что солдат рубят на кусочки. Ты хочешь работать на конюшне, как твой папа. И перестань ковыряться в носу. — Она шлёпнула Робина по руке и накинула шёлк ему на плечи, а после подвернула, пришилила ткань и добавила шёлковую ленту. — Смотри, ты прямо настоящая милая фея!

— Не хочу быть феей.

— Но ты фея. И ты поёшь. Ты поющая фея. — Она завязала ленту и взглянула на меня. — У него приятный голос. У Робина. Он поёт как птичка, правда? Как маленькая красногрудая малиновка.

Робин ничего не сказал, просто глядел на меня, словно призывая на помощь в борьбе с этим чудовищным женским злоупотреблением властью.

— Так ты застрелил лошадь? — спросила Сильвия.

— Вряд ли.

— Значит, ты её не убил?

— Нет, просто напугал.

Она усмехнулась и хотела сказать что-то ещё, но тут Джин окликнула моего брата:

— Мы кладём ковры на сцену?

— Да!

— Так что, феям не нужна обувь?

— Конечно, им не нужна обувь.

— Ты слышал? — сказала Сильвия Робину. — Тебе не нужна обувь, так что не забудь помыть ноги.

— Зачем?

— Потому что я так сказала. — Она чуть отпрянула, чтобы посмотреть на результат своих трудов. — Прелестная маленькая фея! Разве он не прелестный, Ричард?

— Ещё как, — сказал я.

— И не грызи ногти! — Сильвия шлёпнула Робина по руке.

Мальчик нахмурился.

— Тётя Сильвия собирается выйти замуж за Тома, — сказал он ни с того ни с сего.

Мой мир остановился. Я понятия не имел, что сказать, потому что сказать было нечего. Сильвия покраснела и отвернулась. Она разрезала ножницами кисею, и лезвия на мгновение дрогнули, а потом снова решительно начали резать.

— Ты выходишь замуж? — беспечно спросила Джин, стоя на коленях перед другим ребёнком.

На мгновение наступила тишина. Сильвия сжимала губами две булавки, но вынула их.

— Мой отец так хочет, — попросту заявила она.

— Кто этот Том? — спросила Джин.

— Лодочник. — Сильвия так и не взглянула на меня. — Он помогает моему отцу.

— Хороший парень?

— Обошьём этот край атласом?

— На детских жилетах будем использовать синий цвет. — Джин, всё ещё стоявшая на коленях, заёрзала по полу, чтобы посмотреть на Робина. — Какая красота! До чего же хорошо выглядит этот высокий! А может быть, сделать то же самое для Титании? Но в золоте? Мы принесли золотой?

Сильвия зажала губами две булавки и покачала головой.

— Я принесу, — сказал Джин, вставая.

Сильвия выплюнула булавки.

— Нет, я схожу!

Она пробежала по залу и исчезла за большими дверями. Робин, обмотанный марлей и атласом, принялся ковырять в носу.

— Прекрасная девушка, — сказала Джин, когда Сильвия ушла. — Этому Тому повезло.

— Да, повезло, — невесело подтвердил я.

— И шить она умеет! — Джин начала подшивать край безрукавки Робина. — Она мастерски управляет с иглой. С ней хорошо работать вместе.

— Да, — сказал я.

Джин откинулась на каблуках и посмотрела на меня.

— Силы небесные, Ричард, не понимаю я вас, Шекспиров. Витаєте в облаках. Стой спокойно, паршивец. — Она шлепнула Робина по руке. — Не ковырайся в носу! Хочешь, чтобы все мозги вытекли? Как ты думаешь, почему твоя Сильвия не замужем?

— Моя Сильвия? — спросил я.

— Ради бога, ей шестнадцать! Жена Джона Хемингса в шестнадцать уже овдовела. Сильвия должна была выйти замуж два года назад.

— Должна?

— Нечего тебе это слушать, — сказала Джин Робину, — и не грызи ногти или всё закончится двумя обрубками, как у Скользкого Даниэля. Будешь есть как собака, с такими-то обрубками. Она не хочет выходить за этого Тома, так? А её отец слишком мягкий, чтобы заставить.

— Кто этот Скользкий Даниэль? — спросил Робин.

— Ты его не знаешь, дорогой, но он устраивает ужасный беспорядок, когда ест. Не может даже зад подтереть, так что от него ужасно воняет.

Робин рассмеялся, а я смотрел за двери зала, но Сильвия не появилась. Снег падал всё сильнее, окно эркера облепило белым, и пайщики решили объявить перерыв и отпустить всех домой.

— Встретимся завтра, — объявил мой брат.

И я пошёл домой.

Поднялась метель. Почти весь день казалось, что мы потонем под большими мягкими хлопьями, но когда я добрался до дома, снег прекратился. Я заплатил вдове Моррисон за комнату три шиллинга, и она устала на монеты, как будто прежде никогда не видела ничего подобного.

— Февральское чудо! — произнесла она и поцеловала меня в щёку.
— Возьми овсяную лепёшку, милый. Возьми две.

— Как отец Лоуренс? — спросил я.

— Он занят, дорогой. — Она подмигнула мне. Как я подозревал, это значило, что старый священник выслушивает исповеди.

— Тебя здесь спрашивал один тип.

— Меня?

— Мерзкий тип, — сказала она, и вид у меня, видимо, стал встревоженным. — Всё в порядке, дорогой, — продолжила она, — я сказала, что ты не заплатил за жильё и тебя вышвырнули на улицу. Это ведь почти правда, верно?

Я пошёл на чердак, там было темно и холодно. Я ударил кресалом о камень, поджёг обрывок обугленного льна в коробке с трутом и поднёс пламя к лучине. Я чувствовал себя несчастным. Отец Лоуренс занят, а у меня нет настроения болтаться на чердаке в одиночестве. Сильвия! Мне хотелось верить словам Джин, но разум всегда представляет худшее. И свадьба с Томом имела смысл. Он лодочник, он молод, у него есть занятие, он зарабатывает деньги. И с чего бы родителям Сильвии хотеть, чтобы она вышла замуж за нищего актёра? Возможно, Джин была права, возможно, Сильвия не хотела замуж за Тома, но здравый смысл диктовал, что она должна за него выйти.

Я подумал о словах, которые Основа сказал Титании, когда она объявила ему о своей страсти, пылкой страсти, несмотря на его ослиную голову. Под влиянием волшебного зелья Оберона она поклялась в бессмертной любви, на что Основа ответил: «По правде говоря, любовь и разум редко ладят в наше время», и я надеялся, что это правда! Тем не менее, я боялся, что разум и любовь поладят. В пьесе всё может случиться. Королева фей может влюбиться в чудовище, а родители Сильвии хотели, чтобы их дочь благополучно вышла замуж за человека, который станет ей опорой и будет содержать в старости.

Я не хотел сидеть в одиночестве и на холоде, но не хотел и оставаться в одежде мастерового, которую носил весь день, и потому переоделся в красивую одежду, украденную в «Театре». Я разозлился и сказал себе, что Сильвия меня обманула, а когда я обнаружил обман, убежала от меня. Поэтому нынче же вечером я найду другую женщину и растрочу всё, что у меня осталось от подарка брата.

Я выбрал камзол, скроенный из наимягчайшей чёрной испанской

кожи со вставками из тёмно-синего бархата. Когда-то он стоил целое состояние, но какая-то великодушная душа, устав от него, пожертвовала его театру. Рукава крепились к плечам серебряными шнурами, продетыми сквозь небольшие серебряные отверстия, и дополнялись белым шелком, пропущенным через прорези на предплечьях. Манжеты были из французского кружева, короче говоря, прекрасный камзол. Этот наряд я выбрал как жест против злой судьбы, против попорченной любви. Я повесил у пояса кинжал в ножнах, завернулся в плотный тёмный плащ и затем с монетами в кошельке вернулся в холодную ночь.

— Идёшь в таверну? — спросила вдова.

— Ненадолго.

— Тебе стоит беречь деньги, Ричард.

Несомненно, это был мудрый совет, но тем не менее, я пошёл в «Дельфин», надеясь, что Алиса пока одна, но когда я толкнул дверь в переполненный, дымный зал, то увидел брата, сидящего за большим столом около очага. Он был с четырьмя незнакомцами. Я остался в тени, наблюдая за ним. Он выглядел оживлённым, явно рассказывал какую-то историю, а его спутники смеялись. Он выглядел счастливым. И почему это меня не удивило? Может быть, потому, что со мной он вечно хмурился?

Я сомневался, что он обрадуется моему приходу, несмотря на возвращение своих драгоценных пьес, и не хотел оказаться в его обществе, поэтому снова отступил в тень, а затем увидел, как Алиса спустилась по лестнице и пересекла переполненную комнату. Она выглядела такой худой и бледной, светлые волосы растрепаны, но при виде моего брата её лицо просветлело, а тот жестом пригласил её к столу. Она подошла, села на скамью и прижалась к плечу моего брата. Давно наступил комендантский час, а это значило, что городские ворота уже закрыты. Ясно, что мой брат не собирался идти домой. Он проведёт ночь здесь. Он что-то прошептал на ухо Алисе, и та засмеялась. Он наклонился и поцеловал её в лоб. Она начала оживленно говорить, а мой брат и его спутники слушали. Они были счастливы.

Я не хотел здесь оставаться, но не хотел и домой, так что в тоске побрел в «Сокол», где, как обычно, Мари сидела у огня, Дик хмурился, а Маргарет с мужем ссорились.

— Выглядишь как испанский гранд! — поприветствовала меня Маргарет. — Разве Ричард не выглядит грандом?

— Обвяжи ленту вокруг собачьей шеи, — проворчал Жирный Хэрольд, её муж.

— Жалкий старый мерзавец.

Я купил пряного эля и уселся у камина, где размышлял о Сильвии, а затем вспомнил «противного типа», который наводил справки у вдовы. Я подозревал, что его послал де Валль. Каким-то образом за весь день волнений и разочарований я не подумал о мести де Валля, но он точно захочет отомстить. Он человек гордый, а я сломал ему ногу и украл шляпу. Я вздрогнул, внезапно осознав опасность.

— Возможно, сегодня я переночую здесь, — сообщил я Маргарет.

— Снег уже прекратился, Ричард, но конечно, добро пожаловать.

— Если заплатишь, — вставил Жирный Хэрольд, — можешь остаться, если заплатишь. Мы не богадельня.

— Разве нет? Вот это новость, — сказала Маргарет. — Конечно, можешь остаться, Ричард, не переживай.

— Ему понадобится кровать, — проворчал Джон.

— Кровать! Кому сегодня может понадобится кровать?

— Кому-нибудь.

— Тому, кто пропустил комендантский час, — услужливо вставила Мари.

— Сегодня ни одного путешественника! — насмешливо сказала Маргарет.

И в этот момент мы услышали стук копыт.

— Разве? — возликовал Хэрольд. — Значит, ни одного?

Поздно вечером в Шордиче не услышишь стук копыт, а это была не одна лошадь, а грохот множества копыт, едва заглушаемый снегом. Всадники приближались, и мы ждали, что они проедут мимо, но они остановились, и наступила тишина. Лошади означают деньги, а деньги означают власть. А власть — значит проблемы, и все в «Вонючем цыплёнке» это знали. Мы уставились на дверь.

— Это не к нам, — прервала Маргарет напряжённое молчание.

Молчание затянулось.

— Они ушли, — неуверенно сказал Хэрольд.

— Мне нужно отлить, — объявил я, оставил монетку на столе, схватил плащ и направился к двери кладовки.

— Не здесь, мерзавец! — заорал Хэрольд. — Выйди в переулок, как истинный христианин!

Я протиснулся в дверь. Под бочками скрылась парочка, и я толкнул дверь в конюшню и увидел поджидающего там человека. Вернее, увидел длинную тусклую полоску клинка. И стоило мне появиться, как его направили на меня. Владелец клинка молчал. Он был в чёрном, и я увидел его только потому, что в задней комнате дома Нелли Коттон горел фонарь, освещая двор. Нелли никогда не спала. Она не покладая рук шила в дальней комнате одежду для своих детей, лежащих на кладбище Святого Леонарда. Она была безумной.

Мужчина двинулся ко мне, свет фонаря Нелли мерцал на его клинке. Я быстро свернул налево, через ворота в смрад переулка, но там ждал ещё один тип, тоже в чёрном и тоже с клинком, на этот раз — коротким ножом с широким лезвием.

— Тебя хочет видеть мистер Прайс, — сказал он, и тот тип, что стоял во дворе «Сокола», прошёл через ворота и острием шпаги коснулся моей спины между лопатками.

— Что за мистер Прайс? — спросил я, прикидывая, что сумею подпрыгнуть, уцепиться за стену и перемахнуть через неё в задний двор Дэви Локета, но меня подтолкнули клинком в спину. Я не успел бы перепрыгнуть.

— Мистер Прайс, — сказал второй тип, — это джентльмен, который хочет тебя увидеть.

— Вы ошиблись, — сказал я и на мгновение даже поверил в это. Я знал единственного мистера Прайса, продавца рыбы, и он не мог заработать и двух пенни, не говоря уже о слугах в чёрных одеяниях и с обнажёнными мечами.

— Нет, Ричард, — сказал позади меня владелец клинка, — мы не ошиблись.

— Иди и не дергайся, парень, — сказал человек с ножом, — и сохранишь яйца.

— Или одно яйцо, — сказал владелец шпаги и сдвинул клинок так, что он пронзил плащ и скользнул между бедер. А потом он надавил. — Но лучше хотя бы одно, правда, парень?

Он был прав. Так что я смиренно пошёл.

Их было шестеро, и семь лошадей. Седьмая — для меня. Это была заморенная кляча с седлом, но без стремян, и даже если бы я мог послать её в галоп, всё равно никогда бы не удрал от шестерых всадников на холёных жеребцах. Это были перси. Персиванты. Они мне

этого не сказали, но в этом не было необходимости, потому что ими верховодили лобастые близнецы, над которыми издевался Алан Раст в «Театре». Один ехал слева, а другой справа, и они обсуждали меня.

— А он симпатичный.

— Да, брат. Пока что.

— У него красивая шляпа.

— Точно!

— Он не очень-то разговорчив, да? — Правый близнец толкнул меня. — Проглотил язык?

— Скорее всего, он лишится языка, — сказал второй близнец, — если мистер Прайс решит его вырвать.

— С корнем.

— Кулдык-кулдык, — произнёс второй близнец со смехом. — Так ты будешь говорить, когда он с тобой разделается.

— Нет, — возразил первый, — обычно больше похоже на буль-буль, но только после того, как они перестают кричать.

— Значит, будет кулдыкать и булькать.

Близнецы были молоды. Лет двадцать с небольшим. Молодые и уверенные. А те двое, что ехали впереди, и двое позади, были крупнее, старше и молчали. Пара впереди слушала болтовню близнецов, даже не оборачиваясь, и я чувал, что они презирают близнецов.

Мы двигались медленно. Нельзя торопить лошадь в темноте, если не хочешь, чтобы она сломала ногу, особенно когда едешь по ненадёжной дороге и недавно выпавшему снегу. Мы направились на северо-запад вокруг города, следуя по Хог-лейн между укрытыми снегом живыми изгородями. На юге темнела полосой городская стена с зубцами, слабо освещёнными лондонскими фонарями. Ночной ветер дул с юга, принося в город вонь сточных вод и дыма. Лунного света едва хватало, чтобы рассмотреть гладкие и белые поля.

Лошади ускорили шаг, когда мы достигли домов к северу от Криплгейта. У дверей горели фонари, из окон таверны лился тусклый свет. Улицы стали узкими, пришлось нырять под выступающие балконы или свисающие вывески. Мы миновали «Утку и селезня», где я когда-то выиграл шестнадцать шиллингов в карты у портного с севера. Карты были мечеными. На мгновение я испугался, что перси отведут меня обратно во двор Мусорщика, но потом мы повернули на юг, к Смитфилду. Сторожа ныряли в дверные проёмы, и несколько человек,

которые ещё не спали, нырнули в переулки, чтобы не попадаться на глаза одетым в чёрное мужчинам на крепких лошадях.

— Может, у симпатяги есть подружка, брат, — сказал близнец слева от меня, когда мы въехали на большую площадь Смитфилдского рынка.

Близнец выдохнул облачко пара.

— Нам же нравятся сёстры, братишка.

— Ох, нравятся.

— Или все-таки подружка?

— Нам и подружки нравятся.

— У него должна быть подружка. Он же симпатяга.

— А мы ненавидим симпатяг, да, братишка?

— Мы ненавидим симпатяг.

Я ничего не ответил, и моё молчание так их расстроило, что они тоже замолчали. Мы доехали до Вестминстера и оказались у тяжёлых ворот под охраной двух слуг в алых ливреях. Ворота освещались парой пылающих факелов, которые мигали от ночного лёгкого ветерка. Стражники ничего не сказали, очевидно, узнав всадников, просто подняли алебарды, а один толкнул правую створку ворот. Я понял, где мы. Это был дворец, где Саймон Уиллоби целовал лорда-коротышку под дождём.

— Спрыгивай, симпатяга, — приказал мне один из близнецов, как только мы оказались за воротами, и я повиновался.

Близнецы тоже спешили, один дёрнул меня за локоть и повёл через низкую дверь в освещённый фонарём двор.

Дворцы похожи на театры. Снаружи всё безвкусное и яркое, разрисовано звёздами и сияет ненастоящим мрамором, но стоит уйти со сцены, как откроется грязь, беспорядок, голое дерево и треснувшая штукатурка. Мы были за кулисами дворца, глубоко в недрах, где вечно бодрствуют слуги. По одну сторону от прохода лежали дрова, а из двери, где прачка толкала шестом бельё в висящем над огнём котле, валил пар. Она увидела близнецов и перекрестилась. Все может произойти прямо во дворце, без констеблей. По слухам, во внутренних покоях королева держала распятие, большой крест с распятым Христом, смотрящим на неё сверху. Возможно, это правда. А совсем рядом людям вырывали кишки и сжигали, предварительно лишив глаз.

— Он трудится допоздна, — сказал мне один из близнецов.

— Мистер Прайс, — пояснил другой.

— Трудится допоздна.

Они произнесли это со странным уважением, но не ко мне, а к допоздна работающему мистеру Прайсу. Моя ненависть к близнецам переросла в отвращение. Они были на голову ниже меня, но всё вокруг них казалось слишком большим; большие зады, большие носы, большие подбородки, густые чёрные волосы под чёрными бархатными беретами, объёмные мускулы, вздувшиеся под чёрными рукавами. Грубые неуклюжие парни, которые вели меня через маленький двор, заваленный бочками, а потом в коридор, где один из близнецов постучал в дверь.

— Войдите, — послышался голос.

— Иди, — близнец протолкнул меня в дверь.

— Сними шляпу, — сказал второй близнец и сорвал с моей головы широкополую шляпу Кристофера де Валля. Они зашли за мной в комнату, и за ними ещё два персиванта. Все почтительно кивнули сидящему за столом человеку.

— Мы его привели, мистер Прайс, — произнёс один из близнецов.

Ответа не последовало.

Комната была небольшая, но достаточно просторная. На полу сено, а стены обшиты панелями из тёмной древесины. На потолке изображено ночное небо, корабли с раздутыми ветром парусами плыли меж звёзд. Я понял, что рисунок заказывал не мистер Прайс, потому что он выглядел слишком несерьёзным по сравнению с остальной комнатой, а мистер Прайс не походил на человека, у которого корабли плывут в небесах. Он явно любил порядок — у одной стены на полках аккуратно лежали бумаги. Хотя ещё больше бумаг было на большом столе, занимавшем половину комнаты.

На столе горело тридцать больших свечей. Они освещали комнату и днём, и ночью, потому что окон в ней не было. Позади стола половину дальней стены, занимал широкий каменный камин, в котором потрескивал огонь. Дрова лежали слева от очага, а морской уголь справа. Жар был сильный, но одетый в чёрное мистер Прайс придвинулся поближе к огню.

Мистер Прайс. Он сидел за столом и писал. Перо скрипело по бумаге. Он продолжал писать, не поднимая головы, царапал пером бумагу и окунал его в оловянную чернильницу, потом тщательно

страхивал избыток чернил и снова царапал по бумаге. Я видел лишь макушку с похожей на монашескую тонзуру лысиной. Скрип-скрип. Насколько я мог судить, он был одет во всё чёрное и не носил воротник. Пуританин? Даже близнецы носили воротники, но грязные и плохо накрахмаленные, которые болтались под слишком крупными подбородками.

Наконец, мистер Прайс прервал молчание:

— Где, мы приобрели перья?

— В лавке миссис Хамильтон на Грасс-стрит, мистер Прайс, — ответил один из близнецов.

— Правильное название Грейсчёрч-стрит, кажется?

— Ну да, Грейсчёрч-стрит, мистер Прайс, прошу прощения.

— Передайте миссис Хамильтон, что её перья недостаточно мягкие. Спросите её — я что, должен слюнявить перо?

— Я уверен, что миссис Хамильтон сама послушает ваше перо, мистер Прайс.

За этим последовало молчание. Перо замерло, а мистер Прайс притих. Близнецы не шевелились.

— Я... — сказал один, но запнулся, — в смысле, я мог бы...

Снова зашуршало перо, и близнецы расслабились. В огне хрустнули угли, и в комнату потянулась струйка дыма.

— Подложи-ка угля, — сказал мистер Прайс, и один из близнецов обошёл вокруг стола, чтобы подложить в камин побольше угля, хотя там и без того уже бушевало адское пламя.

Мистер Прайс взял обрывок тряпки и тщательно вытер остриё пера. Потом аккуратно сложил тряпицу, положил её рядом с бумагой, макнул перо в чернильницу и посмотрел на меня.

«Вот свинья», — сразу подумал я, вспомнив слова лорда Хансдона о Поросёнке Прайсе. И он был прав, потому что Джордж Прайс был свиньёй в человеческом обличье. Маленький, пухлый человек с тяжёлыми челюстями, приплюснутым носом и крохотными глазками, жидкой бородёнкой и плотно стиснутыми губами. Возраст? Лет сорок или больше. У него был вялый подбородок и раздражённое выражение лица. «Уродливая свинья, — подумалось мне, — но злобная и опасная».

— Меня зовут Джордж Прайс. Джордж. Прайс, — чётко повторил он, разделив имя и фамилию долгой паузой.

Он помолчал, ожидая, что я заговорю, но я ничего не ответил. Он

постучал пальцами по столу. Ногти у него были обкусаны, кожа вокруг разодрана в кровь, но никаких чернил на пальцах. Я никогда не видел писателя, поэта, клерка или нотариуса, у которого на пальцах не было бы чернильных пятен. Но только не у свиноподобного мистера Прайса. Привередливый поросёнок. За его спиной ревел огонь, пламя освещало комнату не хуже свечей.

— Он неразговорчив, мистер Прайс, — сказал стоящий у очага близнец.

— Тише, — произнёс мистер Прайс. Затем посмотрел на меня, закрыл глаза и сложил искусанные пальцы. — Давайте помолимся, — сказал он.

— Закрой свои паршивые глаза, — рявкнул близнец, стоящий рядом со мной.

— О Господь, — произнёс Прайс, — в твоей власти защитить это королевство. Благослови нас, Боже, мы молимся, чтобы наши труды в эту ночь восславили тебя и ускорили пришествие царствия твоего. Мы молимся об этом во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

— Аминь, — одновременно пробормотали близнецы.

Джордж Прайс открыл глаза и посмотрел на персиванта у закрытой двери.

— Приведите парня, — велел он.

Персивант ушёл, а мы остались ждать. Потрескивал огонь. На дощатый пол с башмаков натекали лужи талого снега.

Я услышал шаги. Дверь открылась, и зашёл персивант, держащий парнишку за воротник камзола.

Это был Саймон Уиллоби.

— Теперь можем начать, — сказал мистер Прайс.

Глава десятая

Саймон Уиллоби выглядел испуганным, а от красоты, которой он когда-то мог похвастаться, не осталось и следов. Правая сторона лица превратилась в один огромный фиолетовый синяк с коркой запёкшейся крови. Похоже, я сломал ему скулу. Его правый глаз заплыл, верхняя губа опухла, длинные волосы обвисли, и он дрожал. Он посмотрел на меня и захныкал, как будто ожидая ещё больших неприятностей.

— Пусть парень сядет, — велел мистер Прайс.

Персивант, сходивший за Уиллоби, придвинул к нему стул.

— Спасибо, сэр, — жалобно промычал Саймон Уиллоби.

— Вы двое — подождите снаружи, — нахмурился Прайс, глядя на двух типов, стоящих прямо в дверях. Он подождал, пока они уйдут. В жаркой комнате остались только я, Поросёнок Прайс, Саймон Уиллоби и близнецы. Один из близнецов стоял рядом со мной, а другой ждал у огня.

— Вам удобно, молодой человек? — спросил Прайс Саймона Уиллоби, когда закрылась дверь.

— Да, сэр, спасибо, сэр.

— Ты узнал этого человека? — Прайс указал на меня.

— Да, сэр, — подтвердил Уиллоби, — это Ричард Шекспир, сэр.

Он говорил нечленораздельно, возможно потому, что я выбил ему зуб дубинкой, или из-за распухшей щеки, но всё же его слова сочлились ядом.

— И это он напал на тебя и украл доверенное тебе имущество?

— Да, сэр, это он.

— Лжёшь, мелкий ублю... — начал я, но стоящий рядом близнец вмазал мне по губам.

— Помолчи, пока тебя не спрашивают, — сказал Прайс. Он привёл в порядок бумаги на столе, суетливо выровняв их края. Оставшись довольным, он взглянул на меня.

— Ты актёр? — спросил он, так, будто это слово измазано дерьмом. Я не ответил. Он и так знал, кто я и что я, зачем сотрясать воздух.

— Я могу заставить его визжать, мистер Прайс.

Мистер Прайс проигнорировал энтузиазм близнеца, забарабанил

пальцами по столу и посмотрел на меня.

— Её величеству, — сказал он, — нравятся маскарады, интерлюдии и пьесы. — Он явно не одобрял подобного, но она его королева, а он её подданный, поэтому он произнёс эти слова почтительно. — Думаешь, это даёт тебе привилегии?

— Нет.

— Нет, сэр, — поправил меня близнец, стоящий у камина.

Я и бровью не повёл.

— Она тебе не поможет, — сказал мистер Прайс, — и знаешь, почему?

Я промолчал.

— Он не знает почему, мистер Прайс, — сказал другой близнец.

Я почуял в его дыхании запах табака, рыбы и эля.

— Потому что ты актёр и вор, лжец и мошенник, — сказал мистер Прайс с внезапной злостью. — А кто ж ещё?

— Христианин, — сказал я, зная, что это его разозлит.

— Богохульник! — прошипел Прайс. — Ты папист?

— Нет, — ответил я.

— Нет, сэр, — поправил меня Рыбоед. — Прояви уважение к мистеру Прайсу.

Он засадил мне локтём прямо по ребрам, выделив слово «мистер». Его брат фыркнул от сдавленного смеха. Он подбросил в огонь ещё угля и энергично поворошил кочергой, его тупое лицо теперь лоснилось от пота.

— Он научится уважению, — спокойно произнёс Прайс. — Мастер Уиллоби?

— Сэр? — нетерпеливо отозвался Саймон Уиллоби.

— Мистер Шекспир папист?

— Да, сэр, думаю, да, сэр!

— Ах ты, мелкий поганец... — начал я, и Рыбоед вновь ударил меня по губам.

— Почему ты так считаешь? — спросил Прайс у Уиллоби.

— Потому что перед каждым спектаклем, сэр, его брат крестится. Я часто это видел, сэр. Часто!

— А если один брат папист, — сказал мистер Прайс, глядя на меня, — значит, скорее всего, и другой тоже.

— Да, сэр, — подтвердил Саймон.

— А ты ссышь перед каждым представлением... — начал я и резко дёрнул головой, когда Рыбоеда нанес мне удар сбоку. — Лжёшь, мелкий ссыкун, — проревел я.

— Крёстное знамение, — Прайс говорил медленно, наслаждаясь каждым словом. — Твой брат не стыдится своих грязных верований, а ты живёшь в доме с известным католическим священником. Тебе недостаточно быть актёром, грязный подонок, ты к тому же еще и зловонный кусок дерьма из задницы Вавилонской блудницы! Отец Лоуренс исповедует?

Он задал этот вопрос быстро и чуть не застал меня врасплох.

— Нет! — справился я с ответом.

На поросычьей физиономии лице отразилось недоверие, но напирать он не стал.

— Подготовь всё необходимое, — обратился он к Потному, по-прежнему сидевшему на корточках у огня. Мистер Прайс встал, продемонстрировав торчащий живот, как у борова, отодвинул стул как можно дальше и обогнул Потного, чтобы обойти стол и сунуть свою морду мне в лицо. — Ты веруешь, — спросил он, выдыхая запах тухлого яблока, — в спасительную благодать нашего Господа Иисуса Христа?

Есть только один способ ответить на этот вопрос.

— Да, — сказал я.

— Да, сэр! — сказал Рыбоед.

— Готово, мистер Прайс, — произнёс Потный.

Огонь разгорелся ещё ярче, на плавающих среди нарисованных звёзд кораблях замерцали размытые тени.

Прайс не обратил на него внимания, с негодованием уставившись на меня.

— Скажи мне, — потребовал он, — чем занимаются актёры?

— В каком смысле?

— Чем занимаются актёры в притоне беззакония, который вы называете театром?

— Мы притворяемся, — сказал я.

— Значит, вы лжёте?

— Мы воплощаем в жизнь истории, — объяснил я.

Мне приходилось смотреть на него сверху вниз, потому что он был на голову ниже меня.

— Нельзя сотворить правду из вранья,— сказал он,— это как готовить заварной крем, помешивая дерьмо.

— Отлично сказано, мистер Прайс, — сказал Рыбоед, посмеиваясь, — очень точно.

Мистер Прайс его проигнорировал.

— Ты носишь женскую одежду, верно?

— Как и Саймон Уиллоби, — ответил я.

— Но священное писание это запрещает! — Мой комментарий о Саймоне Прайс будто и не заметил. Он посмотрел на меня, поморщившись от отвращения, и громко и гневно продекламировал: — «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий, делающий сие». Это Божья заповедь, Его святое слово! Слышишь, что говорит Бог? Что ты мерзость! Ты обманываешь, лжёшь, притворяешься, носишь женскую одежду! — Он и впрямь рассердился. — Отец Лоуренс выслушивает исповеди?

— Нет!

Он плюнул мне в лицо и с отвращением отвернулся.

— Расскажите нам, мастер Уиллоби.

Саймон вздрогнул.

— В новой пьесе, — прошептал он — губы у него были сплошь в синяках и кровоточили, и он не мог чётко произносить слова, — есть герой, монах Лоуренс, сэр. Он говорит об исповеди, сэр.

— Положительный герой, как ты считаешь?

— О да, сэр.

— Действие новой пьесы, — сказал я, — происходит в Италии. Там нет протестантов...

— Разве я давал тебе слово? — Прайс повернулся ко мне. — Так что помолчи. — Он снова посмотрел на Уиллоби. — А эту пьесу написал Уильям Шекспир?

— Да, сэр.

— Который крестится?

— Перед каждым представлением, сэр.

— Тогда как у тебя оказалась эта пьеса?

Саймон Уиллоби избегал моего взгляда, а его единственный открытый глаз блестел от слёз.

— Сэр Годфри, сэр, испугался, что пьеса будет еретической.

— А разве это дело распорядителя увеселений?

— Нет, если пьеса играется частным образом, сэр, — сказал Саймон.

Я подозревал, что они отрепетировали эту сцену, и Саймон, несмотря на все неудобства, играл хорошо.

— Понятно! — Прайс притворился, что удивлен. — Так значит, вы утверждаете, мастер Уиллоби, что труппа лорда-камергера — гнездо тайных папистов?

— О да, сэр! — выпалил говнюк.

— Лорд-камергер — протестант! — сказал я.

— Ты... — начал Прайс, но в кои-то веки я его прервал.

— Его мать носила фамилию Болейн! Невозможно быть большим протестантом, чем... — мне пришлось остановиться из-за удара Рыбоеда.

— Кто знает, какие грязные тайны таятся в людских сердцах? — заявил Прайс. — Говоришь, сэр Годфри боялся ереси?

— И он попросил меня добыть пьесу, сэр, — сказал Саймон и тихо добавил: — Что я с удовольствием исполнил, сэр.

— Ты сделал Божье дело, парень, — набожно сказал Прайс, — как и сэр Годфри.

Поросёнок Прайс не был актёром и плохо лгал. Он, как и я, знал, что сэр Годфри — мерзкий подонок, но сейчас мерзкий подонок был его союзником. И мне пришла в голову интересная мысль. Свинка Джордж Прайс не делает Божье дело, он трудится на благо графа Лечлейда.

— Сколько тебе платит граф? — успел спросить я, прежде чем Рыбоед снова влепил мне пощечину.

— Платит? — Прайс в ярости повернулся ко мне. — Платит? Ах ты, сатанинское отродье! Ты знаешь, чем мы занимаемся? Наша задача — уничтожать ересь, искоренять папистов и отдавать под суд тех предателей, что хотят убить нашу королеву и посадить на английский трон Вавилонскую шлюху! Когда осведомитель сообщает, что в театре процветает ересь, я не прошу плату! Даже если бы эта борьба ввергала меня в нищету, я бы боролся с этой гнусью! Это мой долг перед Богом и королевой.

Он говорил неистово, сердито, и я понял, что он не врёт. Кто-то, явно граф Лечлейд, использовал стремление Джорджа Прайса разделаться с ересью в качестве инструмента для уничтожения нашей

труппы. И как охотно он принялся за эту задачу! В его лихорадочном, одурманенном религией воображении открылась возможность разворошить гнездо папистов и одновременно с этим закрыть одно из ненавистных прибежищ беззакония, театр.

— Думаешь, лорд-камергер оградит тебя от папизма? — прогремел он. — От измены? От мятежа? От ереси?

Десна кровоточила. Я сглотнул кровь.

— А если ваш осведомитель солгал? — спросил я.

Прайс поднял руку, останавливая удар Рыбоеда.

— Если он солгал, я раскрою его обман. То есть, скорее ты.

— Я?

— Ты же вор. Разве не так?

— Ничего подобного, — возмутился я. — Я просто взял то, что принадлежало нам.

— Ты увиливаешь! — резко ответил Прайс. — Ты вор! Расскажите нам, мастер Уиллоби.

— Рассказать вам, сэр? — переспросил Саймон Уиллоби, метнув на меня испуганный взгляд.

— Мастер Шекспир вор?

— Да, сэр, — тихо подтвердил Уиллоби.

— Не бойтесь, мастер Уиллоби, — подбодрил его Прайс, — вы под моей защитой, вас больше никто не обидит. Расскажите нам, что знаете.

И Уиллоби начал рассказывать, как мы с ним отвели пьяного дворянина через Финсбери-филдс в таверну «Испанская дама» в Мургейте, забрали у него кошелек и разделили деньги. Каждый выручил по восемь шиллингов, но Саймон Уиллоби утверждал, будто мы получили восемнадцать шиллингов на каждого, а выглядел он полным раскаяния, что участвовал в краже. Он хорошо играл роль.

— Я знал, что поступил неправильно, сэр, — сказал он Поросятку Прайсу, — и меня замучила совесть.

— Ха, — усмехнулся я и получил удар.

— Продолжайте, — подбодрил Саймона Поросянок Прайс.

— Я нарушил заповеди Божьи, сэр, и знаю, что отправлюсь в ад. Единственным священником, которого я знал, был сэр Годфри, поэтому я пошёл к нему, и он помолился со мной. Он сказал, что я должен искать Божье прощение, сэр. Так я и сделал.

Боже правый! Конечно, это была по большей части ложь, но

основанная на капле правды и в исполнении хорошего актёра, а потому убедительная. Саймон Уиллоби продолжал говорить, что я пытался уговорить его на новую кражу, а завершил речь, бросив на меня злой взгляд здоровым глазом.

— Он вор, сэр, вор!

— Как и вы, мастер Уиллоби! — твердо произнёс Поросёнок Прайс.

— Да, сэр, — уныло ответил Уиллоби, — я был вором, сэр.

— Но вы пришли к спасению, познав Господа нашего, Иисуса Христа?

— Пришёл, сэр.

— Тогда, как и у вора на Голгофе, ваши грехи прощены, и вы очистились от скверны.

Я бы рассмеялся, если бы мог вынести ещё один удар Рыбоеда. Прайс повернулся ко мне.

— Ты отрицаешь обвинения мастера Уиллоби?

— Конечно, отрицаю, — сказал я. — Он лжец, жалкий ссыкливый лгунишка.

— А ты вор, — сказал Прайс, — и теперь будешь использовать свои греховные навыки в моих интересах. Правда ли, — он глянул на Саймона Уиллоби, — что пьесы труппы спрятаны в доме лорда-камергера?

— Да, сэр.

— Тогда ты, — поросычья физиономия повернулась ко мне, — принесёшь нам греховные пьесы. Принесёшь римскую пьесу и экземпляр «Конференции» твоего брата.

Я совсем забыл про крамольную книгу, призывающую сделать католическую принцессу Испании следующей королевой Англии, одного обладания этой книгой было достаточно, чтобы засадить человека в кошмарную лондонскую тюрьму. Я посмотрел на Прайса.

— Вы же персиванты, — сказал я, — так почему бы вам самим не обыскать дом лорда-камергера?

Он поморщился, зная ответ так же хорошо, как и я: он не осмелится обыскивать собственность лорда Хансдона. Его милость был двоюродным братом, возможно, даже сводным братом королевы и слишком влиятельным человеком, чтобы Поросёнок Прайс мог атаковать в лоб, но труппа актёров для него — аппетитная добыча. Он

проигнорировал мой вопрос.

— Принесёшь нам рукописи и книгу завтра.

— Завтра! — удивился я.

— Это будет просто. Ты знаешь, где спрятана пьеса?

— Он знает, мистер Прайс, — вставил Саймон Уиллоби.

— А если я откажусь? — спросил я.

— Не откажешься, — ответил Прайс, — потому что если вернёшься из дома лорда-камергера без нужных бумаг, тебя арестуют и обвинят в грабеже и разбойном нападении, будут судить и, уверяю, вынесут приговор. А приговором, — добавил он с наслаждением, — будет смерть через повешение.

Рыбоед ухмыльнулся и сдавленно захрипел, изображая висельника.

Джордж Прайс хмуро посмотрел на Рыбоеда, очевидно не впечатлившись его проделкой.

— Вы с братом, — приказал он близнецам, — будете ждать в церкви Святого Бенета, куда мастер Шекспир принесёт вам бумаги. Завтра!

Последнее слово буквально обрушилось на меня.

— Что если я не смогу принести бумаги завтра? — спросил я. Я не волновался, просто пытался найти выход со сцены, который, похоже, отсутствовал.

— Завтра! — рявкнул Прайс.

— Завтра мы не репетируем, — солгал я.

— Возможно, это правда, сэр, — пробормотал Саймон Уиллоби.

— Тогда послезавтра, — сказал Прайс, — или через три дня. Но не дольше! Три дня! И если обманешь, тебя точно повесят. — Он отпрянул. — Принеси, что нужно, — приказал он Потному и посмотрел на Рыбоеда. — Оторви-ка у него левый рукав, — приказал он.

Рыбоед стянул с меня плащ и ахнул, что неудивительно, потому что такой камзол из испанской кожи мог носить и герцог, если не король. Сообразив, что испортит камзол, он хихикнул.

— Дай сюда рукав, — пробубнил он и вытащил короткий нож, чтобы разрезать рукав от запястья до плеча.

На поясе у меня по-прежнему висел кинжал, спрятанный под красивыми фалдами камзола, а Рыбоед с мистером Прайсом стояли слишком близко ко мне и не видели мою правую руку.

Рыбоед схватил манжету моего левого рукава с изящной оборкой

из белого французского кружева. Но тут же взвизгнул и убрал нож.

— Что за... — начал мистер Прайс, и я ткнул кинжалом в пах Рыбоеду. Тот издал невнятное мычание.

— В чём дело? — раздраженно спросил мистер Прайс.

— Собираюсь отрезать ему яйца, — объяснил я.

— Он отрежет мне яйца, — эхом повторил Рыбоед таким тоненьким голоском, что сошёл бы за героиню в любом театре.

Мистер Прайс меня удивил. Пусть он и был толстяком с брюхом борова, поросячьими глазками и свиными челюстями, но двигался стремительно. Он схватил Рыбоеда за воротник камзола и отдернул от моего клинка, так что ноющий дурак чуть не рухнул, ударившись о стену.

— Рутгерс! Карсон! — проревел мистер Прайс.

Дверь открылась, и вошли двое персивантов, видимо, ждавшие снаружи. Они увидели кинжал в моей руке и вытащили мечи.

— Брось кинжал! — проревел мне один.

Я сомневался, что они воспользуются мечами, ведь мистер Прайс нуждался в человеке, способном ответить на его вопросы и украсть пьесу, а не в проткнутом мечом калеке, и потому я не выпустил из рук кинжал. Я молчал, потому что не знал, что сказать. Эти двое оставили дверь открытой, и я чуть было не решил рвануть к ней, но, конечно, далеко бы всё равно не убежал. Они преградили мне путь.

— Я убью его, — провизжал Рыбоед.

Клинок приблизился к моему горлу. Что мне оставалось делать? Перерезать горло Рыбоеду, чтобы взамен мне выпустили кишки? Я опустил кинжал.

— Ты его не убьешь, — спокойно сказал мистер Прайс Рыбоеду, — просто оторви ему рукав.

Мой старший брат вечно наставлял меня не испытывать судьбу, и я считаю это дельным советом. Но зачастую все дельные советы игнорируются. И всё же тем вечером, столкнувшись лицом к лицу с двумя мечами и ножом Рыбоеда, я решил, что хватит сомневаться. Пришло время действовать. Я оттолкнул Рыбоеда, прежде чем он перехватил мою руку.

— Хотите, оторвать мне рукав? — спросил я.

— Хочу, — ответил мистер Прайс.

— Тогда я его сниму, — сказал я, вложил кинжал в ножны и

расшнуровал рукав. Я любил одежду и не имел никакого желания, каким бы неприятным ни случился вечер, наблюдать, как глупец портит прекрасный камзол из бархата, испанской кожи, французского кружева и белого шёлка. Узлы были старыми, и чтобы их развязать, требовалось некоторое время. Но никто не вмешивался, и наконец, рукав отделился от плеча и я стянул его через запястье.

— Теперь сорочка, — сказал мистер Прайс, жестом указывая на мою левую руку.

— Соткана эльфами, — сказал я, — из льна, отбелённого феями.

— Обнажи руку, придурок, — рывкнул он и посмотрел на Потного. — Неси, Томас, — сказал он, — и побыстрее.

Я актёр, и актёр хороший. Я играл для публики семь лет и изучил актёрские хитрости, и признаюсь, сплошное удовольствие наблюдать за молчащей толпой, когда публика смотрит, затаив дыхание, становясь свидетелем убийства или поцелуя. Удовольствие слышать бурные аплодисменты, приветственные возгласы, получать подарки, видеть молчаливое восхищение. Неприятно, когда зрители рассержены, простолюдины свистят, а по сцене с брызгами разлетаются гнилые фрукты, но это редкость. Мы, актёры, можем играть с публикой, как музыкант играет на лютне. Возможно, вы видели нас, платили пенсы, чтобы стоять внизу или сидеть повыше, в галереях, и если мы выполняли свою работу хорошо, то вам показалось, что это проще простого.

Но это нелегко. Чудовищно трудно. Я помню сэра Годфри, который злился, как дьявол, наставляя нас, мальчишек.

«То, что вы делаете — неестественно, — говорил он, рассекая воздух массивным берёзовым прутом, которым любил прогуляться по нашим голым задницам, — и я говорю не о ваших отвратительных репетициях, а о представлении. Быть на сцене — это неестественно, но теперь вы научитесь выглядеть естественно». И мы научились.

«Это обман, — говорил сэр Годфри, иногда стоя за спиной одного из нас и расстёгивая штаны, — столь же фальшивый, как сиськи у продажного содомита, но публика хочет быть обманутой, а вы — волшебники. И первый шаг для убеждения дурака — поверить самому! Вы должны верить, потому что, если не верите вы, то и они не поверят. Во имя Отца и Сына, мальчик, нагнись».

Обман — тяжёлая работа. Может показаться, что это легко. Но

стоит только понаблюдать за ряжеными на какой-нибудь деревенской ярмарке, чтобы понять разницу между людьми, которых вы видите на сценах лондонских театров, и неловкими дурачками, кривляющимися на своих повозках. Страшно проходить через дверь артистической на суд двух тысяч зрителей, стоять лицом к лицу перед лондонцами, смотрящими с галерей, и видеть море внимающих лиц во дворе. Некоторых актёров, играющих всю жизнь, рвёт перед ведром у выхода на сцену, другие бледнеют как смерть и не могут унять беспокойство или крестятся украдкой. Но когда пора выходить на сцену, они открывают дверь и уверенно шагают в круг света. Они улыбаются, их плащи изящно кружатся, и простолюдины приветствуют их изумлением и аплодисментами, а всё почему? Потому что они притворяются.

Именно это я и сделал в ту ночь в жаркой комнате мистера Прайса. Я притворился. Я был напуган, это правда, потому что знал — ничего хорошего ждать не приходится, но я актёр, и хотя мое сердце билось как пойманная птица, а мышцы на правой ноге дрожали, я притворился смелым. Потом я увидел, что находится в руке у Потного, и страх превозмог притворство.

Это было клеймо. Он держал длинный железный прут, обёрнутый в толстую ткань, и на его конце было раскалённое железо. Этот наконечник пылал красным жаром, мерцая в уже перегретом воздухе.

— Неси, — опять сказал мистер Прайс, и Потный обогнул стол. — Держи его, — приказал мистер Прайс, и Рыбодед схватил меня. Он держал меня крепко, повернув левой обнажённой рукой к Потному.

— Ты хочешь сбежать, а не принести мне то, что я требую, — сказал Джордж Прайс, подняв руку, чтобы остановить раскалённое железо, — и потому я помечу тебя клеймом с буквой «П». Оно может означать «Прайс», но нет. Может означать «протестант», но нет. Оно могло бы даже означать «притворщик». Но это значит «папист».

— Я не папист, — произнёс я, больше не притворяясь. Страх уничтожил притворство, и голос не пронёсся над головами простолюдинов, которые наваливаются на край сцены и щелкают орехи у наших ног. Я с испугом всхлипывал.

— «П» значит «папист», — повторил мистер Прайс. — Римская нечисть — враги нашей страны и прячутся в тени, а я помечаю их, выводя на чистую воду.

— Я не папист, — повторил я почти шёпотом.

— Возможно, и нет, — сказал мистер Прайс, — но я поставлю тебе клеймо паписта, и если ты обманешь меня, мастер Шекспир, каждый констебль и каждый судья в Англии узнает клеймо и отыщет тебя. Каждый шериф в каждом городе получит твоё описание. Ты будешь человеком с клеймом, и ты станешь моим! — Он кивнул Потному. — Давай.

Потный покосился на меня и ткнул клеймом мне в предплечье.

И я завопил.

Боль была ужасной. Я закричал и дернул руку, чтобы избавиться от боли, но Рыбод удерживал меня слишком крепко. А затем вмешался Саймон Уиллоби.

Он с криком бросился через комнату.

— Я сам! Он сделал мне больно, разрешите мне ему отомстить!

Он оттолкнул Потного, случайно убрав клеймо с пузырящейся кожи на моей руке, а потом схватил железный стержень, желая снова воткнуть его в мою плоть.

Только он забыл, что всё клеймо — и буква П на конце, и служивший ручкой длинный железный стержень — раскалены. У него не было тряпки, как у Потного, и как только он схватился правой рукой за стержень, Саймон снова закричал. Он завопил как ребёнок, бросил клеймо, сунул обожженную руку между ног и присел, всхлипывая.

— Как больно, о Боже, помоги мне! Как больно!

Тростник на полу загорелся. Он был сухим, его следовало заменить несколько недель назад, и как только докрасна раскалённое клеймо упало, тростник охватило пламя, которое быстро распространилось. Рыбод и его спутник отпустили мои руки и начали тушить огонь, Саймон Уиллоби визжал, а Поросёнок Прайс завопил Потному, чтобы тот поднял железный прут. Что он и сделал, но когда Саймон Уиллоби вырвал клеймо, Потный выронил ткань, и теперь, схватившись голой рукой, заорал от внезапной боли и снова уронил раскалённое железо. Сено вновь вспыхнуло.

— Рутгерс! — закричал Прайс. — Воды!

Персивант выбежал из комнаты, оставив дверь открытой. Прайс помогал тушить пламя, Уиллоби сидел на корточках, плакал и ныл, Потному удалось найти тряпку, поднять клеймо и, не зная, что с ним делать, он отнёс прут обратно к очагу, а тем временем дым от обугленного тростника устремился к волшебным кораблям на

разрисованном потолке.

— Вы что, хотите поджечь дворец её величества? — раздался голос в дверях.

Там с удивленным выражением лица стоял высокий и мрачный тип.

— Недоразумение, сэра Леонард, — резко ответил Прайс, — недоразумение.

— Её величество будет недовольна вашим недоразумением, мистер Прайс. Дворцы немало стоят!

— Это было недоразумение! — смущенно выпалил Прайс.

Просто, но элегантно одетый незнакомец с цепью на шее вошёл в комнату и махнул рукой, разгоняя дым.

— Какие же вы, персиванты, неловкие. Это вы так очищаетесь от грехов?

— Огонь потушен, сэра Леонард, — сказал Прайс.

— О, я вижу, у вас гость, — сказал сэра Леонард, нахмурившись при виде раны на моей руке. — Почему мне не сообщили?

— Наша работа, — сказал Прайс, призвав своё достоинство, — защищать её королевское величество от мятежа.

— Сжигая её дворец? Её королевское величество, мистер Прайс, будет под защитой, если сообщить стражникам, что вы приютили во дворце незнакомцев на ночь. Ведь уже наступил комендантский, верно?

Рутгерс бросился мимо сэра Леонарда с ведром воды, но огонь уже потушили, хотя почерневший тростник ещё дымился. Моя рука пульсировала от боли. Кожа почернела и покраснела, кровь запеклась. Прайса и его людей явно смутило прибытие сэра Леонарда, поэтому я рискнул подойти к стулу, куда бросил свой плащ. Я вздрогнул от боли, накидывая его на плечи.

— Стой! — проворчал Прайс.

— Что у вас за дела с этим человеком? — спросил сэра Леонард.

— Наши дела закончены, — угрюмо сказал Прайс. Горящий тростник и презрение сэра Леонарда испортили ему вечер. — Через три дня! — проревел он. — Принесёшь мне книгу и бумаги через три дня. Иначе тебя повесят!

— Нет, сначала я его убью! — заскулил Саймон Уиллоби, по-прежнему держа обожженную руку между ног. — Я хочу убить его прежде, чем его повесят!

Прайс пропустил это заявление мимо ушей.

— Рутгерс, Карсон! Ведите мерзавца на улицу.

Я схватил шляпу де Валля и пошёл к двери, которую сэр Леонард — очевидно, работающий во дворце, учтиво для меня открыл. Было заметно, что ему не нравится Джордж Прайс, а Поросёнок Прайс боится сэра Леонарда, холодно кивнувшего в ответ на мой поклон. Рутгерс схватил мою раненую руку, и я чуть не задохнулся от боли. Потом он проводил меня во двор.

— Три дня, — буркнул он.

— Я слышал, — ответил я и осмелился задать вопрос: — Кто эти близнецы?

Я думал, что никто не ответит, а потом Карсон хрипло рассмеялся.

— Его племянники.

— И редкостные сволочи, — пробурчал Рутгерс себе под нос.

Они проводили меня тем же путём, что мы пришли, открыли дверцу в огромных воротах и вытолкнули меня на улицу.

— Три дня! — прокричал вслед Карсон.

Через три дня меня повесят.

Подморозило. Стояла тихая ночь, подёрнутая инеем. Снег искрился в свете фонаря, изо рта шёл пар. Плащ был толстым, но буквально через мгновение я уже продрог. Лишь рана на руке горела, жгла и пульсировала. Я наклонился, подхватил горстку снега и приложил к ожогу, и это помогло, боль притупилась.

Я побрёл прочь от ворот, подумывая вернуться домой, но умер бы от холода, так и не добравшись до Шордича. Я нуждался в убежище, но ночью в такой час таверны в Уайтхолле накрепко закрыты, не мерцало ни одного фонаря. Я прошёл по Чаринг-Кросс, снег скрипел под башмаками, когда я двинулся на восток в направлении Стрэнда. Я готов был зарыдать от боли и холода. Я подумал, что смогу найти паперть, где в холодные ночи укрываются нищие. Потом я увидел отсвет костра в переулке с правой стороны. Проулок между высокими каменными стенами привёл к реке и к лестнице Йорка, а свет исходил от жаровни сторожа.

В конце переулка я увидел заледеневшую реку и длинный деревянный причал. К нему были пришвартованы несколько вмёрзших в лёд лодок, а на берегу, наверху лестницы, стояла небольшая деревянная хижина, одной стороной обращённая к Темзе. Там сидели два человека, греясь от горящих углей в железной корзине. Таких людей

нанимали лодочники на Темзе для охраны лодок по ночам, и выйдя из переулка, я услышал щелчок взводимого пистолета.

— Хочешь попортить мордашку, сынок? — спросил кто-то.

— Бога ради, пощадите! — отозвался я.

— Отвали, сынок.

Я увидел, направленный на меня пистолет.

— Я друг Джо Лестера, — произнёс я в приступе внезапного вдохновения.

— Джо?

— Который живёт вон там, — сказал я, указывая на южный берег реки.

— Кто у него гребец? — с подозрением спросил второй сторож.

— Том, — ответил я, — и у него есть сын Нед и дочь Сильвия. Во имя Господа, я окоченел.

Пистолет опустился.

— Бери стул, — нехотя сказал первый сторож. — Откуда ты знаешь Джо?

Я подвинул стул поближе к жаровне и почувствовал благословенное тепло.

— Я человек лорда Хансдона, — объяснил я, хотя произнёс это так, будто я, скорее, родственник лорда-камергера, а не один из его актёров.

— Поэтому я знаю Сильвию и Неда.

— Сильвия симпатичная, — сказал первый сторож и положил пистолет рядом с собой на скамейку. Он смотрел, как я дрожу. — Так чем ты промышляешь в эту богом забытую ночь?

Я не хотел упоминать про персивантов, потому что это могло вызвать подозрения, а эти люди должны мне доверять. — Я проводил кое с кем время, — сказал я, стуча зубами, и указал на Вестминстер. — А потом вернулся её муж.

Они засмеялись.

— Это будет тебе хорошим уроком, сынок. Не забавляйся с чужими жёнами морозными ночами.

— А теперь её греет муж, — сказал второй, — а не ты!

— Милостивый Боже, — произнёс я с облегчением, потому что тепло наконец начало проникать в мои косточки. Я нашёл в кошельке шиллинг и положил его на скамейку рядом с пистолетом. — В благодарность за вашу доброту, — объяснил я. Это был

экстравагантный жест, и я вряд ли мог себе такое позволить, но заплатил бы и в двадцать раз больше за возможность избежать этого жуткого холода.

— Располагайся сынок, располагайся.

Так я и поступил.

— Масло, — сказала Сильвия.

— Ой!

— Не будь таким ребёнком, не опускай руку. — Она осмотрела покрытую коркой рану на моём предплечье. — Почему он поставил на твоей руке букву «д»?

— Это П.

— Нет, это Д. Д — Дудка. Смотри!

Я взглянул, и она оказалась права. То ли Потный нажал недостаточно сильно, то ли Саймон Уиллоби выхватил клеймо до того, как тот закончил работу, но я увидел перекладину у буквы внизу.

— Д — дурак, — сказал я.

— Ты не дурак, не больше, чем любой молодой человек. Держи ровно. Масло. — Она нанесла пригоршню масла на мою руку. — Оно поможет. Масло помогает от ожогов.

— Матушка всегда полагалась на листья щавеля.

— Она из Стратфорда. Что они там понимают в Стратфорде? Не дергай рукой. — Она взяла полоску льна, чтобы перевязать мою руку. — Так что же произошло?

Убежище на берегу Темзы я покинул когда колокола возвестили о конце комендантского часа. По-прежнему было холодно, но когда я шёл по Стрэнду, встающее солнце создавало иллюзию тепла. Я вошёл в город через Людгейт и повернул к особняку лорда-камергера. На сей раз стражники меня узнали и кивнули в знак приветствия. К моему облегчению в большом зале ещё горел камин, и я подбросил в него дров, присел в тепле и стал ждать, пока прекратится дрожь. Никто из труппы ещё не пришел, и не придёт ещё по меньшей мере час. Я ждал, и пока я ждал, меня нашла Сильвия.

— Щебень сообщил, что ты пришёл, — объяснила она.

— Щебень?

— Тощий стражник. Который с бородавками на носу. Боже всемогущий, что у тебя с рукой?

Десять минут спустя она завязывала повязку.

— Так расскажешь мне, что случилось?

— Расскажи мне про Тома.

Она посмотрела мне в глаза.

— Господь всемогущий, вот что тебя беспокоит?

— Ты собираешься за него замуж?

— Когда небо зазеленеет. Мама хочет, чтобы я за него вышла.

— И твой отец тоже, — печально сказал я.

— Мой отец хочет того, что говорит ему мама.

— А что Том? — спросил я. — Он хочет?

— Чего?

— Он хочет на тебе жениться?

— Надеюсь, что да, я же не уродина! Но всегда молчит.

— Он будет тебе хорошим мужем, — грустно сказал я.

— Почему это, Ричард Шекспир?

— Потому что он надёжный. Он лодочник, для него всегда найдётся работа. У него постоянный заработок.

— Да, — сказала она, — по крайней мере, пока река не замёрзла.

— Так что он будет хорошим мужем.

— Ты прав!

— Я знаю, — сказал я ужасно несчастным тоном.

— Ты неправ насчёт Тома, — сказала она. — Но прав, что «д» означает дурак. Я не собираюсь замуж за Тома.

— Не собираешься?

— Конечно, нет. У него слишком большой нос.

— А за меня ты выйдешь? — выпалил я, хотя не собирался говорить подобных глупостей.

— Возможно, — сказала она, — я думала об этом. А теперь расскажи уже наконец, что случилось!

И я рассказал ей всё, а она сидела рядом со мной перед камином в большом зале и слушала. Она нахмурилась.

— Похожи на гусениц, — сказал я.

— Что-что?

— Твои брови, — сказал я, прикоснувшись к ее лбу, — они похожи на гусениц.

Она отпрянула и кинула на меня сердито-гусеничный взгляд.

— Возможно, мне всё же лучше выйти замуж за Тома.

— У него слишком большой нос.

— Все говорят, что и у меня тоже!

— Немаленький, — сказал я.

— Боже всемогущий! Большой нос и брови-гусеницы! — Она опять нахмурилась. — Так тебя поджидают перси, да?

— Да.

— Тогда оставайся здесь. Они не посмеют вторгнуться в дом его милости. Да он выкинет их головы в канаву. Когда ему перечат, он тот ещё старый кровожадный мерзавец.

Я посмотрел ей в глаза. Она сидела рядом со мной на корточках у очага, на её лице играли языки пламени. Она выглядела такой серьёзной.

— То есть остаться здесь, в особняке? — спросил я.

— Конечно! Ты ведь не отдашь этому борову то, что он хочет, так?

— Да, — ответил я.

— И если ты не отдашь им пьесу, перси захотят тебя арестовать. Но они не посмеют явиться сюда. Ты будешь ночевать здесь.

— А что если меня найдут?

— Боже всемогущий, да здесь полный кавардак! Туда-сюда ходит больше народу, чем по Лондонскому мосту!

— Но где... — начал я.

— Сюда, — сказала она. Она встала, взяла меня за руку и повела к сцене. — Мистер Харрисон, — сказала она, имея в виду дворецкого, — всегда проверяет дом, прежде чем лечь в постель, но не заглядывает сюда. — Она взобралась по временной лестнице, ведущей на сцену, и попыталась открыть люк, через который несколько раз появляется Пак. — Боже, — сказала она, — да он тяжёлый. Как его открывает этот проклятый эльф?

— С помощью волшебства, — сказал я, потянул и открыл люк.

Она заглянула вниз, в темноту.

— Надеюсь, там нет пауков. Ненавижу пауков.

— Ты хочешь поселить меня внизу?

— Ты не можешь остаться у меня, — сказала она, — я живу с четырьмя другими девушками. Она нахмурилась, сдвинув брови-гусеницы. — Внизу есть одежда, которой мы не пользуемся. Она станет хорошей постелью. И здесь тепло, — она имела в виду большой зал, — теплее, чем на моём чердаке.

— Ты спишь на чердаке?

— За исключением случаев, когда я нужна леди Элизабет, что бывает нечасто. — Она хмуро посмотрела на меня. — После свадьбы, она сразу переедет, верно?

— Переедет?

— Конечно, переедет! Ей же придётся жить с мужем. Возможно, в Глостершире. У них есть ещё дом в Лондоне, на Стрэнде. Ну, а раз так, она захочет, чтобы я переехала с ней.

— Не получится, — сказал я.

— Не получится? Почему это, Ричард Шекспир?

— Потому что мы поженимся.

— Ах, я и забыла! — Она хихикнула, села на край люка и спрыгнула вниз. — Ты не должен зажигать свечи, — воскликнула она из мрака, — иначе тебя найдут, но всё не так уж плохо!

Я последовал за ней через люк. Задняя часть сцены вела во временную артистическую, но под сценой хватало места, чтобы спрятаться, потому что это пространство использовалось для хранения досок, пустых бочек, ящиков и ткани.

— Сюда, — позвала Сильвия из темноты, — можешь спать здесь. Никто тебя не найдёт. Только не храпи.

Я нашёл её в передней части сцены, между рамой с натянутой зелёной тканью и кучей досок. Сильвия могла выпрямиться почти во весь рост, мне же пришлось пригнуться.

— Никто тебя не увидит, — прошептала она, как будто опасаясь, что меня уже ищут. — Здесь как в маленькой пещере, тебе будет уютно.

— И одиноко, — сказал я, прикидывая, что придётся скрываться в этом тёмном пространстве от сумерек до рассвета.

— Не будь таким плаксой, — сказала она. — Лучше быть одиноким, чем болтаться на виселице.

— И куда мне деваться после свадьбы? — спросил я.

— Об этом мы позаботимся позже.

— Мы?

— Мы, — твердо сказала она, и я вспомнил слова матери, что девушки охотятся за вероятными мужьями. Меня поймали.

— Перси будут меня искать, — напомнил я. — Они хотят меня повесить.

— Лорд Хансдон этого не допустит! — твёрдо сказала она.

Я покачал головой.

— Мой брат не хотел его впутывать.

— Не будь дураком! Он ваш покровитель. Только сейчас не лучшее время говорить с его милостью на эту тему, он сердится из-за потраченных денег. Но я ему нравлюсь. Я расскажу ему, когда попрошу разрешения выйти замуж.

— Тебе нужно его разрешение?

— Конечно, нужно! Но он согласится. А последней девушке, которая выходила замуж, он дал пятьдесят шиллингов!

— Я люблю тебя, — произнёс я.

— Конечно, любишь, — она уселась на пол, — наверное, раз в пятьдесят раз больше, чем минуту назад. У меня есть идея?

— Идея?

— Мы с Джин всё обсудили. Она замечательная швея. Такая аккуратная! Клянусь, она могла бы зашить анус дьявола, и он даже не догадался бы. А богачи хорошо платят за красивые вещи. Чепцы, воротники, маски, сорочки, ремни, рукава, повязки, корсажи, вуали, отделка платья, кошельки, вставки, подвязки. Мы всё это умеем!

— Ты с Джин?

— Вряд ли с тобой, — сказала она. — Ты умеешь шить?

— Нет.

— Конечно, не умеешь. Так что да, мы с Джин, и на пятьдесят шиллингов мы купим много прекрасных тканей.

— И Джин покинет театр?

— Ей нравится работать в театре, и я буду ей помогать. Мы можем работать вдвоём. Джин начала бы шить уже сейчас, если бы знала, где продать одежду, но я знаю множество горничных. Её милость будет у меня покупать, она меня любит, и другие тоже будут покупать.

— Я люблю тебя, — сказал я.

— Но ты не должен больше воровать, — внезапно сказала она. Я попытался ответить, но понятия не имел, что сказать, и Сильвия протянула руку и коснулась моей щеки. — Ничего страшного, — сказала она, — я многое про тебя знаю. Например, что ты делал кое-какие глупости, но все мы делаем глупости в молодости. Ты просто должен это прекратить. Я не хочу, чтобы ты болтался на виселице.

— А ты делала глупости? — спросил я.

— Пока что нет, но собираюсь.

— И какую же глупость?

— Выйду за тебя замуж. — Она наклонилась ко мне и поцеловала. И тут мы услышали, как открылась главная дверь зала и по каменным плитам застучали громкие шаги.

— Кто-то уже зажёт камин, — произнёс слуга.

— Не иначе феи из пьесы, — ответил Уолтер Харрисон, управляющий. — В особняке полно привидений. Пойди лучше набери воду.

— Дом проснулся, — прошептала Сильвия, — мне пора.

Она направилась к задней части сцены.

Любовь и разум в наше время редко ладят. Благодарение Господу.

Часть четвёртая

Сладчайшая пьеса

А главное, дорогие мои актёры, не ешьте ни луку, ни чесноку. Мы должны испускать сладостное благоуханье, и я не сомневаюсь, что зрители скажут: вот сладчайшая пьеса. Без всяких рассуждений! Марш вперёд без дальних слов!

«Сон в летнюю ночь»

Акт IV, сцена 2

Глава одиннадцатая

Леди Энн Хансдон, бабушка невесты, восседала в центре большого зала. Две служанки, и среди них не было Сильвии, сидели на низких скамейках у её ног, а на маленьком столике сбоку стояли песочные часы. Мы только что закончили первую репетицию, сыграв всю пьесу в костюмах, по крайней мере, в каких могли, поскольку многие изысканные наряды ещё не сшили, и сейчас все актёры неловко стояли на сцене, ожидая приговора её милости. Это было в день моего столкновения с персивантами, до свадьбы оставалось всего шесть дней, и леди Энн потребовала, чтобы мы сыграли для неё «Сон в летнюю ночь».

— После той интерлюдии, что вы представили на Рождество, — объявила она пайщикам, — я хочу удостовериться, что наши гости не уснут от скуки.

Леди Энн была одета в модный чёрный цвет, седые волосы убраны под французский чепец. Она взирала на нас, постукивая по столу пальцами в перстнях. Разумеется, мы наблюдали за ней по ходу пьесы, и суровость её лица, на котором лишь изредка появлялась едва заметная улыбка, не говоря уже о смехе, нас тревожила. И вот она вынесла свой приговор:

— Почти два с половиной часа, мистер Шекспир, два с половиной!

— Так долго, миледи? — отозвался мой брат.

— Два с половиной! — повторила она, подняв в доказательство песочные часы.

— В самом деле, миледи.

— Его милость не выдержит двух с половиной часов, — сурово произнесла она.

— Мне очень жаль это слышать, миледи.

— Но если бы мы играли, чтобы развлечь моего мужа, мистер Шекспир, то пьеса закончилась бы, едва зрители успели занять свои места.

— Его милость любезно сказал... — начал мой брат.

— Мнение моего мужа о пьесах не имеет значения, — резко перебила леди Энн, — ровно никакого. Ему нравятся постановки, где

люди умирают. Часто и в муках. Пишите побольше в таком духе, мистер Шекспир, и он навсегда останется вашим покровителем.

Мой брат поклонился в ответ.

— А вот мое мнение, — продолжала её милость, — имеет значение! И мне нравится эта пьеса. Очень нравится, и смею сказать, если её величество соизволит появиться среди нас, ей она тоже понравится.

— Ваша милость чрезвычайно добры, — сказал мой брат с поклоном.

— Вовсе нет! Как я уже сказала, пьеса мне нравится, но мне не нравится, что она идёт два с половиной часа... — Она сделала паузу, явно ожидая возражений, но мой брат не ответил, а все остальные просто переминались с ноги на ногу. — У меня есть вопрос, — сказала леди Энн.

— Разумеется, ваша милость.

— В пьесе заявлено, — ей, очевидно, нравилось это слово, потому что она произнесла его с особым нажимом, — что если бедняжка Гермия не выйдет замуж за мужчину по выбору её отца, то её казнят. В Афинах действительно есть такой закон?

— Действительно есть, ваша милость, — уверенно заявил брат.

— Удивительно! — сказала она. — Весьма необычно, но ведь эти греки — иностранцы, и нельзя ожидать от них здравых суждений.

Она встала и величественно выпрямилась. Две служанки тоже поспешно вскочили.

— Послушайте, мистер Шекспир. Два с половиной часа — это слишком долго для пьесы. Не забывайте, что перед этим нам придётся выслушать проповедь епископа, и, видит Бог, этот человек может говорить бесконечно. Напомните, — обратилась она к Томасу Поупу, — как зовут вашего персонажа?

— Эгей, миледи.

— Он чересчур много жалуется, чересчур. Но он же всё равно дурак, так что чем его меньше, тем лучше. А вы, — она кивнула на Джорджа Брайана, — играете герцога?

— Да, миледи.

— Герцогам следует поменьше говорить. Мой опыт показывает, что сказать им обычно нечего, и вы — не исключение. А вы, дитя моё, — она указала на Бобби Гауфа, закутанного в кисею и шелка Титании,

— ваш монолог чрезвычайно скучен. Царицы эльфов — не епископы, им не полагается быть скучными.

Бобби, не зная, поклониться ему или сделать реверанс, остался неподвижен.

— Простите, миледи, — пробормотал он.

— И выучите свою роль! — отрезала она, прежде чем повернуться к Паку. — Как вас зовут?

— Раст, миледи, Алан Раст.

— Вы прелесть, мистер Раст, просто прелесть, как и вы, мистер Кемп.

— Ваша милость чрезвычайно добры, — сказал Кемп с низким поклоном.

— Доброта годится для собак, мистер Кемп, а не для наёмных актёров. И больше никаких стихов, мистер Кемп, никаких стихов. И сделайте пьесу не длиннее двух часов, мистер Шекспир, двух часов! Пойдём, Цезарь, пойдём!

Она удалилась из зала, следом вышли служанки и белая собачка, прятаясь под длинными юбками хозяйки.

После её ухода на сцене воцарилось молчание, которое нарушил Джордж Брайан:

— Наёмные актёры, вот уж действительно!

— А кто же мы ещё? — спросил мой брат.

— Прелесть, — сердито сказал Уилл Кемп, — мы прелесть!

Уилл Кемп неплохо играл роль Основы, но те из нас, кто хорошо его знали, весь день чувствовали, что он с трудом сдерживает гнев. Его что-то злило, и Алан Раст, боясь, что Кемп сорвётся, пытался перевести разговор на другую тему.

— А что, в Афинах и правда казнят непокорных дочерей? — спросил он.

— Конечно, нет, — сказал мой брат, — но если бы я это признал, она потребовала бы точности. Как будто точность хоть что-то значит. Это же пьеса!

— Ну что ж, по крайней мере, она всё ещё хочет, чтобы мы играли эту пьесу, — хмуро проговорил Джон Хемингс.

— Она хочет, чтобы играл я! — не выдержал Уилл Кемп. Он спрыгнул со сцены и целеустремлённо прошёл к ближайшему столу, где налил себе чашу камергерского эля. — Вы слышали её милость.

Скажите, что нравится зрителям в этой пьесе?

— Всё нравится, — сказал Ричард Бёрбедж.

— Почему тогда она хочет её сократить? — требовательно спросил Кемп. — Им нравится комедия. Им нравится Ник Основа!

— Никто не отрицает, что ты хорошо играешь, Уилл, — сказал мой брат, стараясь успокоить Кемпа.

— Прекрасно! — язвительно заметил Уилл Кемп. — А сколько строк ты мне дал в «Ромео и Джульетте»?

Алан Раст застонал, поняв, чем вызвана эта вспышка. Кемпу уже несколько дней не давала покоя новая пьеса, и он не мог больше сдерживать своё недовольство.

— Я дал тебе достаточно реплик, — холодно заметил мой брат.

— Чёрт бы побрал твою достаточность! — огрызнулся Кемп. — В пекло её и обратно. — Осушив чашу, он со стуком поставил её на стол и снова наполнил. — Они приходят посмеяться! — Он указал на моего брата рукой с кувшином, так что выплеснулся эль. — Они приходят не затем, чтобы почувствовать себя несчастными. В их дрянной жизни и так хватает несчастий. Они приходят не затем, чтобы смотреть на умирающих любовников, они приходят посмеяться!

— То есть они приходят посмотреть на тебя? — едко поинтересовался Алан Раст.

— Они приходят посмотреть на меня, — горько согласился Кемп и свирепо уставился на моего брата. — Ты дал Питеру тринадцать реплик. Я посчитал. Тринадцать! Вот, значит, что ты обо мне думаешь — актёр, способный сказать тринадцать реплик. Да этот чёртов «Театр» будет пуст через тринадцать минут!

— Уилл... — начал брат.

— Он опустеет через две минуты! — взревел Кемп, — чума тебя заberi! Всех вас! — Он со стуком водворил кувшин на место, схватил плащ и гордо удалился через главный вход, чтобы не идти по сцене.

— Ох, господи боже мой, — произнёс мой брат.

— Вся ли наша компания в сборе? — процитировал Алан Раст начальную реплику Питера Пигвы, но никто даже не улыбнулся.

Билли Роули, ученик Кемпа, еле сдерживал слезы, не зная, что делать.

— Беги за ним, парень, — велел мой брат. Он задумчиво смотрел на дверь, через которую вышел Кемп. — Я сам виноват, не нужно было

показывать ему рукопись.

— Он всё равно увидит её рано или поздно, — сказал Алан Раст.

— Там есть для него роль побольше? — встрепенулся Джордж Брайан.

— Нет!

— Утром он вернётся, — с тревогой сказал Джон Хемингс.

— Если не сбежит к Филиппу Хенслоу и в «Розу», — сказал брат.

— Я поговорю с ним, — сказал Алан Раст. Никто не стал возражать, никто не хотел нарывать на гнев Уилла Кемпа. — Он вернётся, — сказал Раст. — Я уверен.

Брат усталился на потолочные балки.

— Сегодня мы ничего не можем поделать, а завтра у нас последняя репетиция.

— Завтра! — выпалил я в изумлении.

— Его милости нужен зал, — объяснил брат. — Свадьба в следующий четверг. Если завтра выйдет плохо, будем репетировать в «Театре». — Он посмотрел на Бобби. — Бога ради, выучи свои реплики!

— Хорошо, сэр, — виновато ответил Бобби.

— Так что идите домой, — сказал брат.

— Ты сократишь пьесу? — спросил Джон Хемингс.

— Что захочет её милость, то и получит, — сказал мой брат, сел за стол, подвинул к себе несколько свечей и открыл коробку с перьями.

Актёры и музыканты пошли домой. А в следующем квартале, у церкви Святого Бенета, меня поджидали близнецы. Настало время прятаться.

«Сон в летнюю ночь» — свадебная пьеса, все её события вытекали из брака между герцогом Тезеем и его невестой Ипполитой. Ради их свадьбы Питер Пигва собрал группу афинских мастеровых, которые надеялись развлечь герцога своей пьесой про Пирама и Фисбу. Они репетируют пьесу в лесу возле Афин, и в основном действие происходит в этом лесу, который мы соорудили из пяти молодых вязов, выкопанных на северной окраине Финнсбери-филдс. Зимой деревца, конечно, были голыми, но мой брат настаивал, что у них должны быть листья, и поэтому Джин и Сильвия часами вырезали листья из зелёной ткани и привязывали их к ветвям.

— Вы могли бы использовать кусты остролиста! — жаловалась Джин.

— Я хочу, чтобы это выглядело как боярышник, — сказал мой брат.

— Может, тебе ещё и белые цветочки нужны?

— А что, отличная идея. Да, и цветы!

— В середине лета? — возмутилась Джин. — Боярышник цветёт в мае!

— Так это же волшебное дерево, — легко объяснил брат, и Джин с Сильвией принялись скручивать из обрывков белого пуха крошечные цветочки.

Боярышник рос там, где ссорились царь эльфов Оберон и Титания, его королева. Титания укрывала индийского ребёнка, которого сыграл внук Уолтера Харрисона Мэтью, чьё лицо затемнили при помощи жжёной пробки. Шестилетний Мэтью, побывавший на сцене лишь однажды, не должен был ничего произносить. Но его дед, управляющий лорда Хансдона, засиял от гордости, когда впервые увидел мальчика в костюме.

— Он хорошо выглядит, правда? — спросил он Алана Раста, который пытался как-то утихомирить мальчиков.

— Когда не ковыряется в носу — да.

Ковыряющий в носу Мэтью послужил причиной ссоры Оберона и Титании. Оберон хотел, чтобы мальчик был в его свите, но Титания отказала ему, и чтобы наказать её, Оберон посылает своего слугу Пака за волшебным цветком, из которого Оберон выжимает сок, и капли его падают на веки спящей Титании. Она должна по уши влюбиться в первого, кого увидит, пробудившись, неважно, человек это или животное.

А видит она Уилла Кемпа с ослиной головой.

Ослиная голова представляла собой плетёный каркас, на который мы натянули кроличьи шкурки. Глазами служили большие стеклянные бусины с нарисованными зрачками и радужками, а ушами — опять-таки кроличьи шкурки со вставленными внутрь прутьями, чтобы уши торчали вверх. Челюсти оставили открытыми, чтобы гостям было слышны слова Уилла, а ещё мы добавили крупные деревянные зубы, выкрашенные в белый цвет, чтобы животное казалось ржущим от смеха. Сначала Уиллу было трудно удерживать голову на плечах из-за тяжести её передней части с зубами, поэтому Джин пришила сзади к каркасу лямку, которая крепилась к ремню, спрятанному под его рубашкой.

Голова Кемпу ужасно нравилась, он ни за что не хотел её снимать и с восторгом расхаживал в ней по коридорам особняка, пугая ничего не подозревающих слуг.

В большой пьесе участвовало более двадцати персонажей. Тезей, Оберон, Титания, Пак, Питер Пигва, Ник Основа, Деметрий, Лизандр, Елена и Гермия — все имели существенные роли. У Уилла Кемпа, играющего Основу, было больше всего реплик, что он воспринял как должное и, до того как удалился, пылая обидой, получал удовольствие от смешных любовных сцен, которые играл с Титанией и со мной.

Других любовников в пьесе Пак сделал даже ещё несчастнее. Гермия любит Лизандра, но её отец настаивает, чтобы она вышла замуж за Деметрия или столкнется со страшным наказанием, и поэтому они с Лизандром тайно сбегают в лес из пяти молодых деревьев. За ними следует в лес Деметрий, также влюбленный в Гермину, и Елена, подруга Гермии, влюбленная в Деметрия. Оберон, сжалившись над несчастной Еленой, приказывает Паку намазать глаза Деметрия соком волшебного цветка, и тогда он влюбится в Елену, но Пак принимает Лизандра за Деметрия, и таким образом любовный узел запутывается и затягивается. Поединки, ссоры, преследования и смех, и в конце Оберон и Титания мирятся, Тезей женится на Ипполите, Гермия выходит замуж за Лизандра, Елена выходит замуж за Деметрия, а Пирам с Фисбой умирают.

Это была действительно свадебная пьеса.

Ещё недавно в особняке шли лихорадочные приготовления к Рождеству, но это было ничто по сравнению с суетой, предшествующей свадьбе. У лорда Хансдона пока не появилась уверенность, приедет ли на свадьбу его кузина королева, но он предполагал, что да, и потому вторую сцену построили близко к большому очагу, чтобы её величество могла обедать на несколько футов выше, чем её подданные, и оставаться в тепле. Маленькие столы, которых хватило для рождественских гостей, признали неподходящими и изготовили три новых стола. Маленький собирались поставить на новом возвышении, два других соответствовали существующему длинному столу, где помещались тридцать шесть человек. Как раз изготавливали стулья, и в большом зале эхом отдавались звуки плотницких работ.

Поверх панелей в зале висели ламбрекены из белой ткани, но леди Энн Хансдон при осмотре объявила их потрёпанными, и вместо них

заказали атлас. Новые ламбрекены и потолочные высокие балки обвили гирляндами из плюща. Принесли множество свечей, и для всех понадобились подставки и подсвечники. Леди Энн объявила, что вымощенные камнем полы в зале слишком холодны для аристократических ног, поэтому заказали ковры.

— В моё время вполне годился и тростник, — ворчал лорд Хансдон.

— В тростнике заводятся блохи, — резко объявила его жена.

— А в коврах они не заводятся?

— Не в моих коврах! Харрисон!

— Миледи?

Управляющий поклонился.

— В буфетном коридоре видели крыс.

— Мне тоже так сказали, миледи.

— Это из-за реки, — проворчал лорд Хансдон. — У реки всегда водятся крысы.

— Не в моём доме! — сказала её милость. — Избавьтесь от них!

— Будет сделано, миледи, — ответил Харрисон.

— А это что такое? — лорд Хансдон обнаружил ящик и извлёк из него тонкую серебряную палочку, заканчивающуюся двумя потоньше. — И к чему так много?

— Это вилки, — сказала леди Хансдон.

— Вилки?

— Ими едят. Не делай вид, что раньше не видел! Ими пользуется Кэтрин Ховард.

— А чем не угодили старые добрые ножи и пальцы?

— Мы не крестьяне.

— Вилка... — лорд Хансдон попробовал пальцем острый кончик и отдёнул руку. — Вилка, Харрисон, вилка!

— Именно так, — ваша милость, — невозмутимо ответил управляющий.

Лорд Хансдон обернулся к сцене, где мы пытались репетировать. Любые попытки сохранить пьесу в тайне от домочадцев давно уже забросили, однако сомневаюсь, что им удавалось найти хоть какой-то смысл в таком хаосе обрывочных диалогов.

— Предполагается, что это лес? — проворчал лорд Хансдон.

— Да, милорд, — ответил мой брат, — это лес вблизи Афин.

— Должно быть, никудышные леса в этих Афинах! Больше смахивает на хилую поросль. В такой листве и воробью не спрятаться. Зелёная кисея, приятель, зелёная кисея. Сделаем лес погуще!

Совет лорда-камергера сработал. Мы задрапировали над деревьями и позади них дорожную зелёную кисею, и тут же появилась иллюзия густоты. А когда за кисеей поставили подсвечники, то с идущим из глубины светом лес стал выглядеть ещё лучше.

Свечи стали для нас проблемой, пусть и не самой тяжёлой. В особняках и дворцах мы часто играли при свечах. Мы знали, что по ходу пьесы они оплавят, и понадобится делать в представлении перерывы для подрезания фитилей.

— Трёх антрактов достаточно, — сказал брат.

— Четырёх, — немедленно возразил Уилл Кемп.

Вот если бы брат предложил четыре, он пожелал бы три.

— На время обрезки свечей понадобится музыка, — брат окликнул Фила, игнорируя Кемпа. — Три отрывка.

Фил кивнул. Он был мрачен — домашние музыканты, которым предстояло играть на свадебном празднестве, настаивали на репетициях в галерее менестрелей, а значит, нашим музыкантам приходилось ждать.

— Они вообще не музыканты, — ворчливо пожаловался мне Фил, — скорее, мучители струн. Господи! Ты только послушай!

— По-моему, звучит неплохо.

— Благодарение Богу за то, что ты в этой пьесе не поёшь. Я уже достаточно натерпелся.

В зале царил такой хаос, что за неделю до кражи Саймоном двух пьес мы пытались перенести репетиции в просторный подвал под старой часовней, но помещение оказалось влажным, а погода настолько холодной, что на древних каменных стенах образовался лёд. Стуча зубами и притопывая ногами, нам один раз с великим трудом удалось пройти первую половину пьесы, но подвал явно не годился, и стало ещё заметней, когда с приближением дня свадьбы слуги принесли ветчину, чтобы повесить к потолку. Запах готовящейся еды проникал в особняке повсюду.

Бобби Гауф до сих пор не выучил роль Титании.

Костюмы эльфов были не закончены.

Уилл Кемп отказался играть.

День свадьбы приближался.

А у церкви Святого Бенета меня ждали близнецы.

— Разве тебе не нужно домой? — спросил меня брат.

Остальные актёры уже ушли. В дальнем конце зала работал единственный оставшийся плотник, а мой брат сидел за столом в центре, переворачивая страницы.

— А ты чем занят? — спросил я.

— Сокращаю пьесу по настоянию её милости. А разве тебе не нужно домой? — снова спросил он. По ледяному тону я понял, что благодарность за спасение его пьес уже испарилась.

— Я уйду, — ответил я и, подхватив свой плащ и шляпу де Валля, пересёк сцену.

Приоткрыв дверь в буфетный коридор, я с шумом хлопнул ею, убеждая брата в своём уходе, после чего прополз под сценой. Я прокрался вперёд, в уголок, где Сильвия выложила гнездо из зелёной ткани, и уселся там. Одиноким плотник закончил свою работу и ушёл. Мой брат продолжал трудиться. Авансцену задрапировали тканью, и я видел, где материал отгибался. Камин освещал зал, мерцая аляповатыми тенями, одна за другой погасли свечи, все, кроме шести вокруг моего брата.

Я услышал, как открылась дверь зала, а затем прозвучали шаги. Мой брат поднял взгляд и встал.

— Садитесь, садитесь. — Это был лорд Хансдон, и он уселся напротив моего брата. — Никакого покоя в этом доме, — проворчал он.

— Ещё неделя, милорд, и всё будет позади.

Лорд Хансдон хмыкнул.

— У вас есть дочери, мистер Шекспир?

— Есть, милорд. Две.

— Две!

— Сюзанне двенадцать, а Джудит десять, милорд.

— Две! — повторил его милость. — А у меня восемь! Я всех уже выдал замуж, а теперь и внучки замуж выходят. — Он повернулся и крикнул в сторону двери: — Харрисон! Кто-нибудь! Кто-нибудь!

— Милорд? — отозвался слуга.

— Хересу нам, и два кубка! И побыстрее! — Он снова посмотрел на моего брата. — Две дочери, да? Хорошенькие?

— Думаю, да, милорд.

— Мне нравятся дочери! Они оживляют дом. — Его милость

откинулся на спинку стула и потянулся. — Королева говорит, что придёт на свадьбу.

— Большая честь для нас, милорд.

— Боже правый! Честь? — рассмеялся лорд Хансдон. — Она терпеть не может мамашу жениха. Я надеялся, что это её остановит. Может, хоть погода подействует?

— Надеялись, милорд?

— Боже мой, дружище, развлекать её величество непросто! И она притащит с собой бог знает сколько придворных, которым понадобится вино, еда и лесть. Но если река замёрзнет...

— Тогда она сможет приехать в карете, — язвительно заметил брат.

— Она в Гринвиче. Нужно пересечь реку — сказал лорд Хансдон и замолчал, когда слуга принёс поднос с кувшином хереса и двумя кубками. Его милость отказался от помощи слуги и налил себе хересу. — Когда я смотрел в последний раз, вода под мостом не замёрзла. Скорее всего, она приедет. — Он подтолкнул кубок моему брату. — Она может не остаться на пир. Кто знает?

— Если она не останется, милорд, то пропустит пьесу.

— Моя жена говорит, что вы должны играть днём. Перед угощением.

— Правда, милорд?

— Она говорит, слишком много вина усыпит народ. А ей нравится ваша пьеса.

— Её милость отлично скрывает своё мнение, — сварливо заметил мой брат.

Лорд Хансдон рассмеялся.

— Она держит всех в строгости, да?

— Воистину, милорд.

— Теперь вы знаете, каково это.

— Слишком хорошо, милорд. У меня тоже есть жена.

— Здесь, в Лондоне?

Брат покачал головой.

— Она живёт в Стратфорде, — Он помолчал. — Так лучше.

— Только не думаю, что вы сильно скучаете.

— Не больше, чем ваша милость.

Лорд Хансдон засмеялся.

— Вы знали Эмилию?

— Я знаю её, милорд.

— Славная женщина, славная женщина! — задумчиво произнёс лорд Хансдон.

— А теперь ещё и замужняя.

— И в самом деле, — угрюмо пробормотал его милость, осушил кубок и налил ещё.

Я слушал как зачарованный. Очевидно, его милость хорошо относится к моему брату, а тот тоже чувствует себя вполне уютно в обществе его милости. Я не знал, хватило бы у меня смелости так непринуждённо разговаривать с великим лордом. А лорд Хансдон, ближайший родственник королевы, был поистине велик. Он откинулся на спинку стула и устремил взгляд вверх, на задрапированные дорогим атласом балки.

— Восемь дочерей! Восемь свадеб! Помоги нам Бог.

— Может быть, он обратит воду в вино?

Лорд Хансдон рассмеялся.

— Ходят слухи, что ваш клоун отказался выступать.

— Да, отказался, милорд, — мрачно сказал мой брат.

— Жаль! Энн говорит, он смешной. Очень смешной!

— Её милость права, он смешной, а ещё считает себя незаменимым.

— Незаменимых не бывает, — сказал лорд Хансдон, — кроме, пожалуй, Харрисона. А он вернётся?

Брат пожал плечами.

— Думаю, вернётся. Он и раньше, бывало, отказывался выступать. Утопит завтра свою гордость в кувшине эля и приползёт назад.

— Но завтра он вам нужен?

— Да, милорд.

— Хотите, я пошлю за ним Райкера?

Мой брат помолчал, приятно удивлённый. Райкер был доверенным лицом лорда Хансдона, главой охраны в доме.

— Вы и правда хотите это сделать, милорд?

Лорд Хансдон ухмыльнулся.

— С удовольствием, мистер Шекспир. Давайте-ка напомним вашему парню, что он один из моих людей. А Райкер способен напугать хоть самого чёрта. Я его сам боюсь. Где он живёт?

— Под вывеской «Феникс» на Ломбард-стрит.

— Отличная таверна! Райкер зайдёт туда завтра утром, и смею

сказать, после этого парнишка явится сюда как миленький.— Его милость отодвинул кувшин. — Мне пора ужинать. С нетерпением жду вашей пьесы, мистер Шекспир.

Лорд Хансдон поднялся, и мой брат тоже встал.

— Ваша милость чрезвычайно добры, — церемонно произнёс он.

— Потому что я стар. Когда стареешь, быть добрым становится проще.

После ухода его милости брат надолго не задержался. Он сделал пометки на бумаге, сунул рукопись в большой сундук, запер его и положил ключ на высокую каминную доску. Потом надел плащ и шляпу, и я услышал топот его шагов по сцене надо мной. Дверь открылась и закрылась, и осталось лишь слабое потрескивание огня. Иногда откуда-то из глубины особняка слышалась музыка, и пару раз слышались шаги в буфетном коридоре. Когда огонь потух, в зал начал просачиваться холод. Текли часы, лишь церковные колокола отбивали время в наползающей темноте. В тишине я отодвинул ткань, закрывающую авансцену, и незаметно на цыпочках подкрался к столу. Я достал из мешка кувшин и принёс его в своё убежище, где обмотался в запасную зелёную ткань. Когда-то я бы спрятал серебряный кувшин и продал его, но это время прошло. «Сильвия, — подумал я, — Сильвия».

Я заснул и проснулся лишь от шуршания шагов. В большом зале появился тусклый свет. Я глянул сквозь щель в занавесе и увидел Уолтера Харрисона в сопровождении слуги, который держал фонарь над головой, а управляющий оглядывался.

— Всё в порядке, — объявил Харрисон, и оба ушли.

Я сидел тихо, еле дыша, пока шаги не стихли. Я обмотал вокруг себя еще больше ткани, словно кокон, но по-прежнему дрожал. Было не холоднее, чем в моей комнате на чердаке у вдовы Моррисон, но так странно чувствовать себя одиноким в таком прекрасном доме, вздрагивая от каждого скрипа, каждого шороха, возни крыс в подвале под залом. От камина все ещё исходило свечение, но сохранившееся тепло не достигало сцены. Церковные колокола смолкли, звонари ушли по домам, и Лондон заснул.

Я уснул во второй раз и проснулся, когда на меня набросили тяжелое одеяло. Я вскрикнул от испуга, и чей-то голос меня успокоил.

— Ричард! Ричард! — прошептала Сильвия. — Господи, как холодно, — сказала она, и я почувствовал, как она скользнула под

одеяло и легла рядом. Мгновение мы просто лежали, возможно, оба удивленные происходящим, но затем я потянулся к ней, а она слегка засопела и устроилась в моих объятиях. — Я не могла оставить тебя здесь, — прошептала она. — Одеяло было из толстого меха, на атласной подкладке, и как сказала Сильвия, из шкафа хозяйки. — У нее четыре одеяла, ей оно не нужно. И оно тёплое, нам оно нужнее.

Стало тепло, а мы так нуждались в нём. А позже, сложно сказать, насколько позже, мы заснули.

Во многих пьесах приходит момент, когда всё оказывается на грани катастрофы, и совершенно неожиданно на сцене появляется персонаж, который всё исправит. Мой персонаж Эмилия делает это в «Комедии ошибок». Её давно потерянный муж был обречён на смерть, но Эмилия появляется как раз вовремя, чтобы его спасти.

«Я привела к тебе, великий герцог, — восклицает она, — несчастного, терпящего от всех гонение!»

Помню, как впервые играл Эмилию, думая, что простолюдины никогда не поверят в её неожиданное вмешательство. Она аббатиса, считает себя вдовой и верит, что её муж и один из двух сыновей утонули. Она оплакивает их многие годы, а затем совершенно неожиданно и муж, и сын находятся в Эфесе. Эгеона, мужа, вот-вот казнят, но аббатиса Эмилия бросается на сцену и выкрикивает, признавая его: «Вот, государь, обиженный жестоко!» Семья неожиданно воссоединяется, казнь предотвращена, устраивают пир, публика в слезах, но это слёзы счастья, а не горя. Я помню Ричарда Бёрбеджа, игравшего потерянного сына. Когда мы репетировали эту сцену, он относился к ней с презрением.

— Жизнь не такая! — сказал он моему брату. — Это слишком своевременно, слишком удобно!

— Это театр, — возразил брат, — а мы торгуем мечтами.

И он был прав. Публика никогда не потешалась над внезапным вмешательством аббатисы, вместо этого люди вздыхали с облегчением, улыбались, заливались слезами, они были счастливы!

Я нуждался в Эмили. Мне нужна была героиня, воскликнувшая: «Вот, государь, обиженный жестоко!». На эту ночь я был в безопасности, но у нас осталась только одна репетиция в большом зале, после чего мне придется покинуть особняк, рискуя подвергнуться аресту.

— Я что-нибудь придумаю, — сказала Сильвия, но предложила лишь спрятаться в доме своих родителей.

— Тогда их тоже арестуют, — сказал я.

— Господи боже, нет, — прошептала она.

Мне нужна была Эмилия, и вместо этого меня обнаружили Клык и Грязнуля. Сильвия оставила меня в ночной темноте, прошептав, что ей нужно зажечь камин. Она поцеловала меня.

— Оставайся здесь, — предостерегла она и убежала, особняк снова погрузился в тишину, а я опять заснул.

Это был изматывающий, глубокий сон, и поначалу я не слышал царапанье лап по полу, голоса или шаги, но резко проснулся от собачьего воя в ушах. Залаяла вторая собака.

— Они что-то нашли! — произнес чей-то голос.

Я еще не отошёл ото сна, сердце заколотилось. В дальнем конце сцены забрезжил слабый свет. Я попытался встать и больно ударился головой о бортики наверху.

— Держи его, Грязнуля! — закричал второй голос, и собаки залаяли с удвоенной силой. Это был высокий, пронзительный лай, а не более низкий и угрожающий рык боевых мастифов, но лай по-прежнему меня пугал, я схватил одеяло и выбежал через занавес перед авансценой, сорвав ткань с гвоздей. За окном слегка посветлело, слуга разжёг камин, в зале замелькали тени. Слуга схватил кочергу, словно для защиты и уставился на меня, а на сцену вышли двое мужчин, один с фонарём.

— Это не крыса! — сказал первый.

— Но голый, как крыса! — сказал второй. Оба терьера, гордясь своей работой, зарычали на меня. — Лежать, Грязнуля! Лежать, Клык!

До прибытия управляющего мне удалось натянуть штаны, рубашку и камзол. В зале появились новые собаки, всего шесть, они дрожали от волнения и мочились на новые ковры леди Хансдон. Это были терьеры-крысоловы с грязной спутанной шерстью и окровавленными мордами.

— Тише! — громко потребовал Уолтер Харрисон. — Семья спит, нельзя так шуметь!

Даже собаки умолкли. Должно быть, управляющий недавно проснулся, но тем не менее выглядел безукоризненно, поверх камзола с серебряными пуговицами сверкала цепь. Он оглядел меня сверху донизу, от длинных неопрятных волос до неряшливых чулок, из

которых торчал палец.

— Мистер Шекспир, — сказал он с разочарованием в голосе, — объяснитесь.

— Он вор, мистер Харрисон! — Слуга пролез через порванную ткань на авансцене и вновь появился с пустым серебряным кувшином.

— Вот что я нашёл, сэр!

Терьеры очевидно подумали, что это брань, потому что начали выть.

— Тише! — взревел Харрисон и нахмурился. — Воруете, мистер Шекспир?

— Я украл мешок, сэр, но не кувшин.

Он как будто согласился с этим объяснением, потому что снова осмотрел меня сверху донизу и сказал:

— Судя по тому, как ты одет, вряд ли ты вор. Объяснись.

В зале находились шесть-семь слуг, и вместе с двумя крысоловами они меня окружили.

— Я здесь спал, сэр, — объяснил я.

— Ты здесь спал, — спокойно сказал Харрисон. — Но почему?

— Было поздно покидать город, сэр.

— И ты прихватил одеяло её милости? — спросил он, глядя на дорогое одеяло из меха на атласной подкладке.

— Я его нашёл, — робко произнёс я.

— Но одеяла хранятся в комнате её милости, — сказал Харрисон, и слуга хихикнул. Харрисон повернулся к нему. — Прочь! У тебя есть работа!

— Я просто нашёл его, сэр, — повторил я, не в состоянии придумать другую ложь.

Один терьер помочился на поленья в очаге.

— Заберите своих гнусных псов! — приказал Харрисон крысоловам. — Крысы в подвале, а не здесь. Ступайте! — Он подождал, пока они не ушли. — Ущерб нет, — высокомерно объявил он, — так и не будем больше об этом говорить. Сегодня ваша последняя репетиция в зале, верно?

— Да, сэр, — ответил я.

— В таком случае, одевайтесь, мистер Шекспир, репетируйте и уходите.

— Уходить, сэр? — глупо повторил я.

— Уходите, мистер Шекспир. Покиньте особняк. Удалитесь. Ступайте домой. Уйдите. Вам нельзя здесь ночевать! Дом его милости — это вам не постоянный двор. Вам придётся уйти.

— Но он не может! — раздался в дверях возмущенный голос.

— Не может? — Харрисон повернулся к двери. В его голосе нарастало негодование. — Не может?

— Его повесят! — вскричала Сильвия.

Моя Эмилия вышла на сцену.

Уилл Кемп прибыл вскоре после того, как церковные колокола пробили девять. Он вошел в зал, словно вчера не было никакой ссоры.

— Всем доброе утро! — бодро воскликнул он. — Кажется, сегодня потеплело.

Следом за ним появились его ученик Билли Роули и высокий мрачный человек в ливрее лорда Хансдона. Я решил, что это, должно быть, Райкер, начальник охраны лорда-камергера. Увидев в большом зале лорда Хансдона, высокий изумленно остановился.

— Не уходите, Райкер! — велел его милость. — Вы мне нужны!

— Милорд?

Лорд-камергер был в ярости. Сильвия говорила мне, что старый хрыч просто свирепеет, если что-то не по нему, и оказалась права. Все следы его обычного радушия мигом исчезли, и Уилл Кемп, удивлённый, как и Райкер, присутствием лорда, и боясь, что гнев может быть направлен на него, отступил на несколько шагов.

— Я не потерплю оскорблений! — прорычал лорд Хансдон.

— Я не замышлял ничего дурного, ваша милость, — проговорил Кемп с неестественной покорностью.

Лорд Хансдон проигнорировал его. Больше никто ничего не сказал. Все актёры собрались в зале и явно нервничали. Музыканты устали на нас с балкона, а Уолтер Харрисон, единственный, на кого гнев лорда не произвел никакого видимого впечатления, стоял возле камина, покровительственно обняв Сильвию за плечи. Она то и дело бросала на меня встревоженные взгляды. Повязку с моей левой руки сняли, и из пульсирующей болью раны сочился гной.

— Лошадь, Райкер! — потребовал лорд Хансдон.

— Сию минуту, милорд.

— Вы едете со мной.

— Конечно, милорд. Куда прикажете, милорд?

— В Уайтхолл, сейчас же!

Его милость величественно удалился, и Райкер, все ещё не оправившийся от изумления, последовал за ним.

— Святые угодники, — сказал Кемп, — что происходит?

— Вы! — сказал мой брат. — Все мы. Пайщики! Репетировать будем в полдень.

— В полдень? — испуганно сказал Кемп, — но мы...

— Мы закончим позже, чем обещали, мистер Харрисон, — сказал мой брат.

— Уверен, это не причинит больших хлопот, — спокойно ответил Харрисон.

— Не снимай плащ, Уилл, — обратился к Кемпу мой брат, — ты идёшь с нами.

Он прошёл к сундуку возле камина и взял оттуда книгу, стопку бумаг, коробку с перьями и чернила. Он принёс всё это к большому столу с реквизитом.

— Мечи! — сказал он. — Каждый пайщик должен взять меч. — Он посмотрел на меня. — А тебе, брат, меч не понадобится.

Он назвал меня братом!

Он сел, нашёл чистый лист бумаги и начал писать.

— Ральф, — позвал он, не отрываясь от своего занятия, — займись-ка танцами. Фил? Певцам не мешает ещё порепетировать. — Он закончил писать, посыпал бумагу песком и встал. Озадаченные пайщики принялись застёгивать пряжки на перевязях. Брат сделал то же самое. — Мы скоро вернёмся, — объявил он.

— А вы куда? — спросил Ральф Перкинс.

— Мы скоро вернёмся, — повторил брат. — Пошли.

И мы ушли.

На листе бумаги было торопливо написано всего шесть слов:

«Ромео и Джульетта»

трагедия

Уильям Шекспир

Под ним находилась толстая стопка бумаги, экземпляр пьесы для

суфлёра. Я нёс пьесу и книгу, «Собрание» без переплёта, вниз по Эддл-Хилл, а следом шёл брат с Уиллом Кемпом, Аланом Растом, Джоном Хемингсом, Ричардом Бёрбеджем и Генри Конделлом. У каждого из них был меч или рапира, длинные ножны скрыты под плащами.

— Не убивать, — были последние слова моего брата, когда мы покидали особняк.

С юга налетел небольшой дождик, и булыжники мостовой вмиг стали скользкими. Лёд на реке в основном растаял, и лодки опять сновали туда-сюда, перемещая пассажиров между городскими пристанями.

— Тебе придётся поговорить с моим отцом, — сказала Сильвия незаметно пролетевшей ночью, — если мы собираемся пожениться.

— Мы сейчас как раз и женимся, — ответил я, и она хихикнула.

Она хотела пойти с нами в Эддл-Хилл, но Уолтер Харрисон только посмеялся над этим, сурово добавив, что ей придётся кое-что объяснить.

— Так вчера ночью ты был с девушкой? — спросил брат.

— Да, с Сильвией.

Он хмыкнул.

— Его милость, наверно, не обрадуется, услышав, что ты соблазнил его горничную.

— Мы собираемся пожениться, — вызывающе заявил я. Казалось странным говорить это вслух, особенно моему брату.

— Боже, Спаситель наш! — сказал он и засмеялся. — Безумен род людской!

Его веселье меня раздражало, потому что я чувствовал себя ребёнком.

— Ты был моложе меня, когда женился, — ответил я.

— Конечно.

— И Сильвия говорит, что его милость не будет возражать.

— Сомневаюсь, что его милость заботит, выходит она замуж или нет, — мягко сказал он, — разве что он может пожалеть, что потерял хорошую служанку. А судя по тому, что я слышал, она хорошая девушка.

— То есть слишком хороша для меня?

— Она хорошо на тебя повлияет, это точно, — сказал он, и у меня закралось подозрение, уж не он ли рассказал Сильвии, что я вор. Но только я собрался спросить его об этом, как он сам задал мне вопрос: —

Ты знаешь, что она говорила с Джин?

— Знаю.

— Джин хочет, чтобы она помогала нам в «Театре».

— Она отличная швея, — с надеждой сообщил я.

— Отличных швей пруд пруди, — пренебрежительно отозвался он, и тут мы внезапно очутились на крыльце церкви Святого Бенета. — Мы войдём вслед за тобой, — сказал он, — и помни — не убивать.

— Не убивать, — повторил я и начал спускаться по знакомым ступеням.

Сэр Годфри обожал хвастаться, что церковь построили еще до Вильгельма Завоевателя. Она находилась почти на три фута ниже булыжной мостовой Эддл-Хилла, и четыре истёртые каменные ступени вели вниз, ко входу. Дом сэра Годфри располагался в нескольких ярдах вниз по холму, и дверь была обычно заперта на засов, но церковная дверь закрывалась только в комендантский час. «Верующие, — любил говорить сэр Годфри, — должны иметь доступ к Божьей благодати», подразумевая под этим, что верующие должны иметь доступ к массивному ящику для пожертвований, окованному железом и запертому на мудрёный висячий замок. Этот ящик первым бросался в глаза каждому посетителю.

Сэр Годфри проповедовал щедрость, поощрял благотворительность и прикарманивал денежки. Мне пришлось пригнуться, проходя под каменной аркой, и так я и вошёл в церковь, где столько раз пел псалмы на побелённых извёсткой хорах. Когда-то стены здесь были расписаны сценами из Библии, кафедру проповедника украшала изящная резьба, а на алтаре стояли серебряные чаши, но сэр Годфри, вовремя почуяв холодный ветер пуританства, уничтожил или продал все красивые вещи. Кафедра священника исчезла, алтарём служил обычный сосновый стол, а подсвечники были сделаны из бука. Лишь ящик для пожертвований остался ярким, белый по бокам и красный спереди, с текстом из Книги притчей Соломоновых: «Благотворящий бедному даёт взаймы Господу».

Я обогнул огромный ящик, прошёл по короткому нефу и открыл дверь ризницы. Там было пусто. Я пересёк комнату и нажал на задвижку следующей двери. Когда сэр Годфри был дома, эту дверь не запирали, и сейчас она была открыта. Я толкнул посильнее, и сэр Годфри, который сидел за столом и завтракал, вздрогнул и обернулся.

— Ричард! — воскликнул он.

— А, наш красавчик, — глумливо прохрипел чей-то голос, и я увидел двух носатых племянников Поросёнка Прайса. Они тоже сидели за столом. Я надеялся, что, прождав одну ночь, они уберутся восвояси, но, похоже, они вознамерились торчать тут все три дня. Четвёртым был Саймон Уиллоби, и при виде меня его затрясло. Общая трапеза всей четвёрки состояла из каравая хлеба, небольшого куска сыра, обрывка бекона и кувшина эля.

— Может, хочешь присоединиться? — предложил сэр Годфри, улыбаясь сквозь чёрную окладистую бороду.

— Я хочу ему морду начистить! — взмолился Саймон.

Его лицо всё ещё было в синяках, губа вспухла, глаз заплаыл. Огромный сгусток крови чернел на скуле, а на обожженной правой руке красовалась тугая повязка.

— Мы должны дружить, — вкрадчиво сказал сэр Годфри. — Ты принёс то, что мы хотели, Ричард?

Я положил книгу и пьесу на стол. Один из близнецов, не то Рыбод, не то Потный, схватил пьесу и уставился на верхнюю страницу.

— Ты что, читать умеешь? — спросил я.

Он вскочил, с грохотом отодвинув стул, чтобы немедленно наказать такую дерзость, но сэр Годфри предупреждающе поднял руку.

— Никаких драк, — сказал он. — Кажется, юный Ричард честно исполнил свой долг, как и подобает доброму христианину. — Он придвинул книгу к себе и наклонился к окну, чтобы полностью открыть ставни и впустить побольше утреннего света. Близнец, теперь я увидел, что это Рыбод, потому что у другого, как и у Саймона, была перевязана обожжённая рука, угрюмо сел на место, а сэр Годфри тем временем прочитал вслух название книги. — «Рассуждение о следующем преемнике короны Англии». Это книга твоего брата? — спросил он.

— Да, сэр Годфри.

Он хищно оскалился.

— Кажется, мистер Уильям Шекспир попался на крамоле! — Он коротко усмехнулся и протянул книгу Рыбоду. — Как мы и договаривались, это тебе, а это, — он взял в руки пьесу, — мне.

— Мы можем арестовать его брата? — спросил Рыбод, взяв книгу.

— Конечно, вы должны его арестовать, — сказал сэр Годфри.

Я понял, что мой брат уже услышал всё, что ожидал услышать —

сэр Годфри заключил дьявольскую сделку с персивантами. Они получают доказательства, что мой брат — бунтовщик, а сэр Годфри спокойно продаст пьесу богатому графу.

Сэр Годфри улыбнулся, глядя на титульную страницу.

— «Ромео и Джульетта», — прочёл он вслух, — трагедия. — Он обнажил жёлтые зубы в подобии ещё одной улыбки. — Благодарю, дорогой Ричард. — Он отложил в сторону верхнюю страницу и взял следующую, и я увидел, как его улыбка медленно исчезает. Он нахмурился и снова прочёл вслух: — Сцена первая. Английский королевский двор. Входит Вильгельм Завоеватель, маркиз Любекский с картиной. — Он умолк, посмотрел на меня и повернулся к Саймону Уиллоби. — Английский королевский двор, Вильгельм Завоеватель. Это та пьеса, которую у тебя украли, Саймон?

— Нет, сэр. Это «Прекрасная Эмилия».

Сэр Годфри печально покачал головой и снова посмотрел на страницу.

— Когда могучий завоеватель прекрасной Британии столь внезапно отбрасывает в сторону свой скипетр, что это значит? — прочитал он и посмотрел на меня. — А когда юный Ричард столь внезапно отбрасывает в сторону свой ум, что это значит? — взревел он. — Тебя за это повесят!

Рыбоед встал и потянулся ко мне, но вдруг застыл, потому что у его горла оказался меч.

Он застыл, потому что мой брат и остальные пайщики один за другим протискивались в дверь, заполняя крошечную комнатку, а мой брат приставил меч к глотке Рыбоеда.

Сэр Годфри первым опомнился от удивления.

— Лютик! — закричал он. — Лютик!

Ответа не последовало.

— Вы послали его за солью, сэр, — прошептал Саймон Уиллоби.

— Ты хотел повесить моего брата Ричарда? — спросил мой брат Рыбоеда, но тот не ответил. Меч вынуждал его держать голову запрокинутой. — Это те самые близнецы, которые тебя заклеямили?

— Да.

— Близнецы, которые хотят арестовать меня за крамолу?

— Да, брат, — сказал я.

— Только не убивать, господа, — сказал мой брат — А теперь

начнём.

И мы начали.

Глава двенадцатая

Час нашей свадьбы близок, Ипполита:

Всего четыре дня до новолуния.

Взошла новая луна.

Нас мучила тревога. Ни разу мы не репетировали пьесу так долго, ни разу не видели, чтобы на это тратилось столько денег, и ни разу так не нервничали перед представлением. От нас многого ожидали, по крайней мере, ожидала супруга лорда-камергера, а публику, перед которой мы играли, трудно было чем-то удивить. Многие уже видели «Прекрасную Эмилию» и наверняка недоумевали, за что лорд Хансдон снова наказывает своих гостей. Они уже вытерпели свадебную церемонию, вытерпели проповедь епископа, а теперь должны были терпеть ещё и нас, и если бы не присутствие королевы, а все в зале знали, что она любит представления, то разговоры совершенно заглушили бы начальные реплики Джорджа Брайана. Некоторые гости всё ещё шептались, когда герцог Тезей произнёс свои первые слова, но разгневанный взгляд её величества быстро заставил их замолчать. Даже слуги, разносившие лакомства, засахаренные фрукты и вино, не смели пошевелиться.

Мы начали позже почти на два часа. Некоторые говорили, это потому, что лодке королевы пришлось ждать стоячей воды, прежде чем идти под мостом, другие винили проповедь епископа, а Уилл Кемп, основываясь лишь на собственных умозаключениях, утверждал, что невеста упала в обморок в ожидании потери девственности. Мой брат пытался успокоить актёров, сказав, что все свадьбы начинаются с опозданием.

— Вот почему мы вступаем в брак в спешке, — добавил он.

Никто даже не улыбнулся.

Я вспомнил его свадьбу. Мне было восемь лет, и я восхищался им. Отец, мать и я в холодный ноябрьский день пошли в церковь в Графтоне. Мы все оделись в самое лучшее, а брат надел новый чёрный камзол. Тогда у него были длинные волосы, и мама сказала, какой он красивый мальчик. А он и правда был почти мальчиком, всего

восемнадцать лет, а Энн, его невеста — на восемь лет старше. Она была в бледно-сером льняном платье, в распущенные волосы вплетены веточки падубы с ягодами. Юбки обтягивали маленький округлый живот, и маленький животик, хотя я долго этого не понимал, стал моей племянницей Сусанной. В церкви было всего восемь человек, девять, если считать Сусанну. Церемония закончилась, едва успев начаться, и мы вернулись в Стратфорд вместе с Энн, ворчащей из-за раскисших от ливней полей, хотя добрались до Хенли-стрит ещё до ливня.

— Ну вот, — сказала мама, занимая обычное место за кухонным столом, — дело сделано.

Джорджа Брайана вырвало во время долгого ожидания.

— Господи, боже мой, — продолжал он бормотать, дёргая ногой.

Помогавшая Джин Сильвия с ужасом смотрела, как его рвет в деревянное ведро между ног.

— Он болен? — спросила Сильвия.

— Он всегда такой, — сказал я.

— Господи, боже мой, — опять повторил Джордж.

На нём был великолепный камзол лорда Хансдона из тёмно-синего бархата, отделанный на воротнике и манжетах рысьим мехом. И берет из тёмно-синего бархата с меховой отделкой и двумя чёрными перьями из шляпы, украденной мной у де Валля. На его шее висела золотая цепь с медальоном. Он играл герцога Тезея, его трясло и рвало.

Джон Хемингс шагал по артистической, иногда останавливаясь, чтобы выглянуть сквозь занавес, закрывающий выходы на сцену, но видел в зале лишь слуг, расставляющих тарелки и кубки. Я слышал, как он бормочет свою начальную реплику:

— Не в добрый час я при сиянье лунном надменную Титанию встречаю!

Он играл Оберона, царя эльфов, и был в чёрных штанах, рубашке и плаще из настоящей золотой парчи. Плащ был жёстким из-за золотой проволоки, вплетённой в шелковые нити. Ткань взяли от балдахина над кроватью леди Энн Хансдон, и Сильвия превратила его в плащ, добавив окантовку из чёрного атласа, на котором вышила белые звёзды.

— В нём нельзя садиться, — предупредила она Джона, — потому что он сомнётся и так и останется мятым.

— Сомнётся? — растерянно спросил он.

— Нельзя садиться и вставать на колени, сэр!

— В тот миг я увидал, — произнес Джон Хемингс, одной рукой хватая заячью лапу, висевшую вокруг его шеи на серебряной цепи, — но видеть ты не мог,

*Между луной холодной и землёю
Летел вооружённый Купидон.
В царящую на Западе Весталку
Он целился и так пустил стрелу...*

— У меня стрела любви! — прогудел Уилл Кемп, схватил Джин и поцеловал её в губы, как и перед каждым выступлением. — Но теперь у тебя есть помощница, — сказал он и взял Сильвию за руку, повернул её, но отпрянул, когда попытался поцеловать, — Господи, что за...

— Булавки, сэр, — сказала она, вынимая две булавки изо рта, — извините, сэр. Я держу их во рту.

Она зажала булавки между губами, увидев, как Кемп целует Джин. Она сладко улыбнулась ему и наклонилась, чтобы застегнуть пряжки на ботинках.

Кемп был в буйволиной коже, шерстяных клетчатых штанах, простой шляпе и в хорошем настроении.

— Продолжайте двигаться, господа! — призвал он. — Продолжайте двигаться!

Никто не слушал. Кемп по правде и не ждал, что кто-то будет слушать.

Мой брат повернулся спиной к трупке и перекрестился.

— Мне нужно отлить, — сказал Томас Поуп.

Ричард Бёрбедж вытащил свой меч и поцеловал клинок.

А я вышел через дверь буфетного коридора и поднялся по лестнице. На мне был зелёный плащ цвета гусяного помёта, грубые штаны и шерстяной берет. Длинные волосы исчезли. Джин с Сильвией отрезали их со смехом и подровняли оставшиеся.

— В Олд-Чендж есть изготовитель париков, который щедро за них заплатит, — сказала Джин, аккуратно складывая длинные пряди на кусок ткани.

— Сколько я получу? — спросил я.

— Ты? Ты не получишь ни пенни! Сильвия получит несколько

шиллингов. Ты — нет!

— Господи боже, — произнесла Сильвия, стоя сзади и рассматривая меня. — Он выглядит на десять лет старше!

Вначале короткие волосы казались странными. Отец Лоуренс, глядя на, них улыбнулся.

— Наконец-то мужчина, Ричард? — сказал он.

Я стал мужчиной и, забравшись на галерею менестрелей, ждал, когда свадьба наконец-то закончится и гости выйдут из часовни. На галерее находился Фил с пятью музыкантами. Увидев меня, друг Фила Роберт поднял свой крумхорн в приветствии.

— Короткие волосы, — удивлённо сказал он.

— Я повзрослел, — ответил я.

— Это Ричард? — Фил притворился, что меня не узнаёт. — Мне кажется, я не видел тебя без юбки! — сказал он со странным присвистом.

— Что случилось с твоим голосом? — спросил я.

— Мне вчера вырвали два зуба.

— Сколько это стоило?

— Четыре пенса каждый.

— Боже, — сказал я, — я бы выбил все за так!

Он засмеялся и ударил пальцами по струнам лютни.

— Почему мы задерживаемся?

— Наверное, потому что свадьба ещё не закончилась.

Я облокотился на балюстраду. На столах горели свечи, сверкало серебро, и ярко горел огонь. Помост королевы с высоко установленным тронem и отдельным столом был накрыт ярко-красным навесом. Близился вечер, небо за эркерным окном уже потемнело.

— У тебя фингал под глазом, — сказал Фил.

— Да.

— Я бы сделал это за так, — произнёс он, и я засмеялся.

Вместо него это сделал сэр Годфри.

— Приступим, — сказал мой брат, но пару секунд никто не двигался.

Сэр Годфри попытался возмутиться, но мой брат не обратил на него внимания и обнажил меч. Все застыли — возможно, никто не верил, что прольётся кровь.

— Это какая-то ошибка... — нервно сказал сэр Годфри.

Рыбоед рывкнул сэру Годфри, чтобы тот заткнулся.

— Мы служим королеве! — сказал он вызывающе.

— Нет, не служите, — спокойно сказал мой брат.

— И к полудню вас посадят в Маршалси, — закончил Потный за своего брата-близнеца.

— В эту минуту, — сказал мой брат, всё ещё очень спокойно, — лорд-камергер говорит с её величеством. К полудню вы обнаружите, что уже не на службе.

И с этими словами он ударил Рыбоеда в живот.

Это был мощный удар. Мой брат не такой здоровенный, как Уилл Кемп, и не такой проворный, как Ричард Бёрбедж, но силен и беспощаден. Я вспомнил, как он дрался с Диком Куини, когда обоим было по шестнадцать, и избил Куини в кровь, хотя тот был на голову выше моего брата. Рыбоед попытался ударить в ответ, но брат отбил удар и боднул головой Рыбоеда, который заскулил и потянулся к кинжалу. Мой брат схватил его за руку и вывернул палец. Рыбоед снова взвизгнул, раздался хруст, и крик стал ещё громче. Потный бросился через комнату, чтобы помочь брату-близнецу, и тогда все остальные тоже бросились в драку.

Сэр Годфри встал и попытался протиснуться мимо меня, но я оттолкнул его, и он врезал мне кулаком в левый глаз. Боль меня разозлила. И тут как будто прорвало все семь лет гнева, я пнул его между ног, а потом коленом в лицо. Хрустнул сломанный нос. Я схватил его за длинные чёрные волосы, сбросив шляпу, прижал его голову к стене и колошматил кулаком по морде до боли в суставах, пока она не превратилось в кровавое месиво.

Всё закончилось очень быстро. Потный вступил в драку, но Уилл Кемп был быстрее, выше и сильнее, и через мгновение Потный стал Окровавленным.

— Это не мы! — умолял сэр Годфри кровоточащими губами. Он стоял на коленях, кровь текла из его носа. — Это Фрэнсис Лэнгли. Спроси у него!

— Спрошу, — уверил мой брат и врезал сэру Годфри в ухо. — А

что касается тебя... — он переступил через Рыбоеда и двинулся на скулящего Саймона Уиллоби.

— Он мой, Уилл, — сказал Джон Хемингс.

— Оставь его мне, — потребовал Уилл Кемп.

— Нет, он мой! — настаивал Хемингс.

Окровавленный пытался оттащить Джона Хемингса от Саймона, но Алан Раст и Ричард Бёрбедж схватили его и швырнули к стене.

— Лорд-камергер, — сказал Алан Раст, — тобой недоволен. Он шлёт тебе приветствие, — и он двинул кулаком ему под рёбра, — и просит не красть у нашей трупы. — Он снова двинул кулаком, а в третий раз ударил в уже сломанный нос.

Ричард Бёрбедж и Генри Конделл, чувствуя себя обделенными вниманием, убеждали Рыбоеда не помогать второму близнецу, беспощадно избивая его, а мой брат смотрел на сэра Годфри, лежащего на полу, закрыв голову руками.

— Мы люди лорда-камергера, — ревел мой брат на скорчившегося священника, — и не суйтесь на нашу сцену!

— Нет! — завопил Саймон Уиллоби.

Мы оглянулись и увидели, что мальчишка на полу, над ним стоит Хемингс с ножом.

— Никаких убийств, — сказал мой брат.

— Нет! — опять завопил Саймон, потому что Хемингс стащил с парня шляпу и распустил его длинные золотистые волосы.

Хемингс одной рукой схватился за волосы и потянул вверх.

— Изготовители париков неплохо платят за золотые волосы, — сказал он.

— Нет!

— Хватит ныть, — сказал Хемингс и ударил мальчишку тяжёлой рукояткой ножа. Потом он начал отрезать волосы у корней, грубо орудуя ножом, порезав кожу на голове Саймона.

— Ты больше не ученик, — сказал он и засмеялся над месивом, в которое превратил голову Саймона. — Мы квиты?

Мой брат оглядел переполненную комнату, где лежали в крови четверо избитых мужчин.

— Мы квиты, — сказал он, поднимая книгу и пьесу, — отличная утренняя работа, господа.

По пути в Эддл-Хилл мы смеялись. Кемп обнял моего брата за

плечо.

— Хороший ты человек, Уилл! — громогласно объявил он. — Хороший человек!

— Несмотря на Питера? — спросил брат.

— Возможно, это и маленькая роль, — сказал Кемп, — но я что-нибудь придумаю.

— Тогда давайте сделаем что-нибудь из сегодняшней пьесы, — сказал брат.

И мы сделали. Последняя репетиция, казалось, была наполнена энергией драки, энтузиазмом, смехом, который эхом отдавался на Эддл-Хилл. Мы люди лорда-камергера, и никто не смеет изгадить наше представление.

В большой зал прибыли первые гости. Они приходили маленькими группами, разодетые в шелка, атлас и меха, смеялись и болтали, с облегчением покинув часовню, где, очевидно, замёрзли, потому что всех тянуло к широкому очагу. Я глядел вниз с галереи менестрелей, рассматривая шляпы с перьями и усыпанные драгоценностями диадемы. Уолтер Харрисон, великолепный в чёрном одеянии дворецкого с золотой цепью, хлопнул в ладоши, вызывая слуг.

— Вина гостям, — сказал он, — немедленно!

— О господи, — произнес Фил, — пьяная публика. С тем же успехом можно снова сыграть для них «Прекрасную Эм».

Уолтер Харрисон повернулся и посмотрел на галерею.

— Музыку, — крикнул он, — давайте музыку.

— Пусть будут музыканты, — сказал я и резко дернулся от хлопка по спине со стороны Фили.

Я спустился вниз.

— Теперь уже недолго, — сказал брат, когда я снова вошёл в артистическую.

— Господи боже, — молился Джордж Брайан.

— Не в добрый час я при сиянье лунном надменную Титанию встречаю! — снова и снова бормотал Джон Хемингс, прерываясь лишь, чтобы поцеловать заячью лапку, болтавшуюся на серебряной цепочке на шее.

— Разве она не воняет? — спросил Уилл Кемп.

— Не хуже тебя.

— Господа! — вмешался Алан Раст.

Гул гостей в большом зале становился всё громче. Мальчики, играющие женщин и девочек, сидели на скамейке, а Джин и Сильвия покрывали их лица, грудь, руки и ноги свинцовыми белилами. Белила содержали жемчуг, так что при свечах кожа сияла. Одному за другим подкрашивали губы красным, капали в глаза белладонну и затемняли веки сажей, смешанной со свиным жиром.

— Мне нужно отлить, — простонал Томас Поуп.

— Ты мочился пять минут назад! — сказал Генри Конделл.

— Я хочу ещё.

— Мочись в ведро Джорджа, — предложил Алан Раст.

Джордж, отставив ведро, дотронулся до потолка. Ещё одно суеверие.

— Пора зажигать свечи? — спросил Ричард Бёрбедж, потягиваясь.

— Нет ещё, — сказал брат.

— Господи боже, — простонал Джордж Брайан. Он не мог дотянуться до потолка.

— Прыгай! — сказал Уилл Кемп, и Джордж прилежно прыгнул, пальцем коснувшись балки.

— Уже скоро!

Джон Хемингс схватился за свою заячью лапку.

— Королева пока не в зале, — сказал Алан Раст. Он смотрел на центральный вход.

Смех из зала стал громче. Я приник вместе с Растом к щелке, чтобы взглянуть сквозь занавес. Гости заняли свои места, а слуги разливали вино. На сцене было темно. Народ продолжал смотреть на неё, но видел лишь два тяжёлых занавеса, свисавших с галереи менестрелей, один закрывал правую треть сцены, а другой — оставшуюся. На каждом занавесе была изображена пара белых колонн, стоявших с другой стороны нарисованной ниши, в которой располагалась нарисованная статуя. Занавес изображал для публики зал афинского дворца и скрывал накрытые марлей деревья граба.

Из буфетного коридора влетел слуга.

— Она идёт, — прошептал он, — она идёт!

— О господи, — застонал Джордж Брайан.

Он сидел на артистическом сундуке, качаясь взад-вперёд и стиснув руки в молитве.

— Том, Перси! — позвал брат. — Зажгите свечи.

Том с Перси были из домашней прислуги лорда Хансдона, но в этот день стали нашими сценическими помощниками. Каждый зажёл тонкую свечу от свечей в артистической и исчез за занавешенными дверями. С каждой сцены стояло по пятьдесят больших церковных свечей высотой более трёх футов, из дорогого воска, чтобы королева не страдала от зловония жира.

— Деньги, — простонал лорд Хансдон, когда прибыли большие свечи, — это всего лишь деньги!

— Скажу музыкантам, что она идёт, — произнёс я и, не ожидая ответа, скрылся через заднюю дверь и вбежал по лестнице на галерею, только чтобы послушать, как королевские трубачи возвещают о её прибытии, прежде чем у меня появился шанс что-то сказать. Гости в зале встали, мужчины склонились, а женщины присели в реверансе. Музыканты Филя закончили играть.

Королева-девственница! В зал вошла Елизавета, одетая в сияющий белый шёлк и атлас, её рыжие волосы украшала диадема из яркого серебра с пылающими рубинами. Пелерина из горностая свободно спадала по плечам, не скрывая набелённую кожу груди, на которой мерцали бриллианты. Она шла медленно, высоко подняв голову, не замечая почтительных гостей, и вместе со своим кузеном, лордом Хансдоном, направилась к накрытому балдахином помосту. Спереди причёска открывала высокий, красивый лоб и белое гладкое лицо в обрамлении ярко-рыжих завитков и водоворотов густых кудрей.

— Это парик? — пробормотал Фил мне на ухо.

— Конечно, — прошептал я, — по возрасту она вполне может быть твоей бабушкой.

— Будь она моей бабушкой, — сказал он, — я бы был принцем Уэльским.

— Помоги господь валлийцам, — сказал я. За королевой следовали четыре фрейлины, а за ними шли невеста с женихом, оба уступающие в блеске Елизавете. Невеста — довольно милая в бледно-жёлтом с фиолетовым, жених — в тёмно-синем. За новобрачных шла родня, а когда королева поднялась по двум покрытым ковром ступенькам к отдельному столику, все остановились, и мужчины склонились в поклоне.

— Разве ты не должен устроить шум? — спросил я Филя.

— Нет, пока бабушка не села, — ответил он.

Двое слуг всё ещё зажигали свечи, медленно освещая сцену с разукрашенным занавесом. Королева села, а музыканты Фила снова начали играть, сначала негромко, поскольку гости вернулись на свои места и снова слышался ропот разговоров. Я стоял в тени и наблюдал, пытаюсь не обращать внимания на нервное биение сердца каждый раз, когда думал о выходе на сцену. На столы подали ещё вина и серебряные блюда с обилием деликатесов. Семьи новобрачных заняли свои места, невеста с надеждой пристально смотрела на пустую сцену. Лорд Хансдон склонился над креслом королевы, слушая её слова, а потом выпрямился и кивнул Уолтеру Харрисону, а тот, в свою очередь, заговорил с Перси, слугой, зажигающим свечи с левой стороны сцены.

— Мы начинаем, — сказал я Филу.

Перси зажег последние несколько свечей и исчез под галереей. В зале слышались смех и голоса, разливали вино в большие серебряные кувшины. Я услышал шаги на лестнице, открылась дверь, и на галерее появился Джон Хемингс.

— Можно уже начинать, — сказал он Филу. Хемингс, укутанный в большой кусок жёсткой золотой парчи встал рядом со мной, оглядывая сверкающую драгоценностями публику в зале. — Да поможет нам Бог, — прошептал он.

Музыка прервалась. Молчание на галерее продлилось несколько секунд, потом барабанщик медленно ударил в большой барабан, звук эхом раскатился по залу, и десяток ударов заставил публику замолчать, трубач встал и протрубил в фанфары, а когда они стихли, Фил и другие музыканты заиграли красивый и мелодичный танец. Дети прислуги и эльфы из труппы вышли на сцену танцевать. Они просто танцевали под музыку, а Перси с Томом пришли на галерею и теперь тянули верёвки, поднимая экраны, так что сзади открывался нарисованный сверкающий лес.

Начать пьесу с безмолвного танца, чтобы успокоить публику, придумал Алан Раст. Танец будет напоминать маскарад, намекать на волшебство. Танец длился недолго, но это сработало, потому что публика молча следила за танцорами, пока их не прервал внезапный стук барабана, и два раскрашенных экрана упали вниз, давая понять, что мы теперь во дворце. От падающих экранов задрожали свечи, но ни одна не погасла. Босые танцоры скрылись через левые и правые двери, и зазвучали тяжёлые шаги — это на сцену из большой центральной двери

вышли актёры. Джордж Брайан, который только за минуту до этого дрожал от страха, когда его рвало от нервного напряжения, теперь шагал с высоко поднятой головой и говорил полным уверенности голосом.

— Прекрасная, — сказал он, — наш брачный час

*всё ближе: четыре дня счастливых —
новый месяц нам приведут. Но ах,
как медлит старый!*
Мы начали представление.

Джордж Брайан и Томас Поуп начали играть. Поуп тоже был пайщиком, тихим и скромным человеком, и часто играл роли пожилых. Он купил долю в труппе после смерти отца, пуританского торговца шерстью, ненавидевшего театры.

— Всякий раз, когда я выхожу на сцену, — любил говорить Томас, — он вертится в гробу.

Во «Сне в летнюю ночь» он играл Эгея. Эгей — отец Гермии, и пьеса начинается его жалобами на дочь. Он хочет, чтобы она вышла замуж за Деметрия, но Гермия любит Лизандра, и Эгей говорит: «А этот вот околдовал ей сердце». Он обвиняет Лизандра в пении под окном его дочери и в том, что тот забрасывает её подарками: «Ты в ход пускал, чтобы пленить ей сердце, браслеты, кольца из волос, конфеты, цветы, безделки, побрякушки...» Теперь Эгей требует справедливости. Он обращается к герцогу, требуя, чтобы Гермия вышла замуж за Деметрия, иначе по афинскому закону, который сочинил мой брат, её казнят за неповиновение.

Когда Томас Поуп произнёс слово «смерть», публика в большом зале ахнула. Хороший знак. Они слушают. Правда, некоторые слушали только потому, что боялись недовольства королевы, но это удивление означало, что многие уже увлеклись историей на сцене.

В «Театре» всё по-другому. Простолюдины любят сообщать нам своё мнение и, несомненно, криками возражали бы против возмутительного предложения Эгея казнить дочь за отказ выйти замуж за Деметрия. Зрителям нравится кричать актёрам или спорить друг с другом о том, что они наблюдают, но вероятность такого гораздо

меньше в освещённых свечами залах. Играть в «Театре» — это искусство. Мы не можем притворяться, что зрителей нет, они вокруг нас, ближайшие сидят прямо на сцене, а другие облакачиваются на неё, ставят туда бутылки с пивом и щёлкают орехи прямо на подмостках, и поэтому мы часто обращаемся непосредственно к ним и подмигиваем, но всегда пытаемся их вести.

— Шевелитесь! — проревел Алан Раст, прежде чем мы вышли на сцену. — Не давайте им отвлекаться!

Уилл Кемп любит давать публике отвлечься, потому что считает комментарии из зала вызовом, своего рода соревнованием в остроумии, и уверен в победе. Он даже порой прерывает пьесу, чтобы обменяться колкостями с простолюдинами, и многие, кто приходит, только чтобы насладиться его грубыми остротами, его поощряют. Мой брат ненавидит, когда Кемп начинает добавлять реплики от себя, но ничего не может поделать, потому что Кемп слишком знаменит.

Но остальные предпочитали произносить реплики быстро и естественно.

«Не говорите как городской глашатай», — брюзжит всякий раз мой брат, когда актёр на репетиции тянет слова, чтобы сильнее их выделить.

«Не давайте им время для раздумий, — говорил нам Джеймс Бёрбедж. — Тащите их за нос, иначе они начнут бросаться всякой гадостью!»

Я спустился с галереи и вернулся в артистическую. Вводная сцена шла достаточно хорошо, но публика начала ёрзать, когда Гермия с Лизандром готовились убежать, а Елена, которая любила Деметрия, поклялась их выдать. Сцена была длинной, и я слышал из артистической, как публика стала покашливать, а это всегда признак, что она теряет внимание. Я внимательно слушал Александра Кука, играющего Елену, и услышал строчки, подсказавшие мне, что сцена близка к окончанию.

*И не глазами — сердцем выбирает:
За то её слепой изображают...*

Я пошёл к правому выходу. Стоящий там Уилл Кемп кивнул. Мы играли мастеровых, неотёсанных ремесленников, устраивавших

спектакль для герцога и его невесты. Мы впятером вошли на правую часть сцены, а Питер Пигва — слева.

— Сейчас разбудим мерзавцев, — тихо сказал нам Кемп. — Наслаждайтесь!

За занавесом меня охватил страх. Страх в панике позабыть слова.

«Если тебе не страшно, — однажды сказал Ричард Бёрбедж, — ты не актёр».

Я был напуган и желал оказаться где угодно, только не в этом зале перед ужасной публикой.

Елена закончила свой монолог и поклялась завоевать любовь Деметрия. Она осталась в дальнем конце сцены, и Уилл Кемп, чувствуя, что публику нужно расшевелить, откинул занавес и выпрыгнул на сцену. Том с Перси опустили с галереи новый занавес, чтобы скрыть нарисованные колонны. Когда упал новый занавес из простой коричневой ткани, свечи снова моргнули. Простой коричневый занавес давал понять, что мы в закрытом помещении, но не во дворце. Мы вышли перед ним в наших простых костюмах. Я чувствовал, что Кемп хочет ошеломить публику, разбудить и заставить смеяться, но изменил настроение в большом зале мой брат.

Он вышел неторопливо, с озадаченным выражением лица. Он не обращал на нас внимания, а всматривался в зал, озираясь с ошеломлённым видом и держал паузу так долго, что служивший на время болезни Исайи суфлёром Джеймс Бёрбедж прошептал его начальную реплику. Брат не обратил внимания на шёпот. Он по-прежнему смотрел на удивлённую публику, потом с вытаращенными глазами уставился прямо на королеву и, наконец, произнёс первую реплику, но не нам, а залу, и произнёс её тоном чистого замешательства:

— Вся ли наша компания в сборе?

Публика засмеялась. Это был не вежливый смех, а взрыв радости, почти облегчения. Публика опасаясь, что придётся два часа мучиться, но поняла, что получит удовольствие. Мы больше не нуждались в присутствии королевы, чтобы удерживать внимание зрителей. Мы их увлекли.

Сцену мы покинули с ликованием. Пусть пьеса разворачивалась неспешно, но мастерские разогрели зрителей. Мы подпитывались от их удовольствия, появились энергия, никогда не появлявшаяся на репетициях. В притворном ужасе я провёл реплику, так возмущившую

меня, когда я прочитал её впервые: «Нет, честью прошу, не заставляйте меня играть женщину!»

Я не собирался визжать, это произошло само, и публика засмеялась. Зрители так хохотали, что Уиллу Кемпу пришлось прерваться, когда он изображал львиный рёв.

Питер Пигва только что дал роль льва Миляге, а её хотел получить и Ник Основа. «Давайте я вам и Льва сыграю! Я так буду рычать, что у вас сердце радоваться будет!» И, конечно же, он рычал, неистово рычал на публику, которая вознаградила его смехом, поэтому Кемпу, естественно, пришлось придумать реплики, чтобы ещё порычать. Мой брат прервал его, возвращая к пьесе, но этого никто не заметил. Мы нравились зрителям и улыбались, покидая сцену и пообещав снова встретиться и порепетировать пьесу в лесу недалеко от Афин.

Заиграла музыка, и я схватил ножницы. Зажгли свечи Том и Перси, но сейчас они остались на галерее, и мы, двое мастеровых, взяли на себя правую сторону сцены, а двое других — левую, где подрезали фитили, удаляя лишнее, чтобы пламя горело ярче. Гости болтали и пили вино, пока барабанный бой и фанфары не возвестили, что пьеса продолжается. Двое слуг на галерее подняли занавес, и снова появился сверкающий зелёным светом лес. Вошёл одетый во всё зелёное Алан Раст, даже его лицо было зелёным.

Джин несколько дней кипятила вайду и дрок, чтобы получить зелёную краску для смешивания с белилами, а ещё добавила надменные чёрные брови. Пак выглядел уморительно. Он вышел на сцену так помпезно, что публика зааплодировала.

— А, фея! Здравствуй! А куда твой путь? — начал он, и зал замер, слушая пьесу.

— Нет! — неожиданно взвыл Бобби Гауф в артистической. Я повернулся и увидел, что кто-то из детей встал на его царский шлейф. В эту же секунду Бобби шагнул в сторону, и теперь бело-голубая мантия Титании оказалась разорванной от плеча до бедра.

— О Господи! — прошипела Сильвия. — Иди сюда!

— Мне нужно на сцену! — взвыл Бобби.

— Пойдешь на сцену, когда я скажу. Не дергайся. А ты, — она посмотрела на племянника в костюме эльфа, застывшего в ожидании, чтобы последовать за Титанией, — не ковыряй в носу. — Она вытащила из кармана фартука иглу с уже вставленной нитью. — Не шевелись, —

сказала она Бобби, и игла замелькала вдоль длинной прорехи.

Джин поспешила на помощь, пришивая нижний край дополнительными стежками.

— Но отойдём! — прогудел Пак. — Смотри: вот Оберон.

— А там — царица. Как некстати он! — ответила фея на сцене.

Сильвия перекусила нить и хлопнула Бобби по заднице.

— Иди, царица! — сказала она. — Иди!

Когда Оберон и Титания вместе со своей волшебной свитой вошли на сцену, публика снова удивленно охнула. Разодетые в серебро и золото актёры сверкали и переливались. Потом они начали ссориться, и публика удостоила их самой лучшей награды: сидела в полном молчании. Ни скрипа стульев, ни грохота тарелок или кубков, ни кашля — ничего. Сцена заполнилась волшебными существами, сверкающими при свечах. Царь и царица эльфов спорили из-за ребёнка-индуса, а потом Титания, сыгранная Бобби с внезапно обрётённой уверенностью, отказалась выполнять требование царя и надменно покинула сцену, Оберон же, обуреваемый гневом, вызвал Пака.

*— Поди сюда, мой милый Пак. Ты помнишь,
как я однажды, сидя на мысу,
внимал сирене, плившей на дельфине
и певшей так пленительно и стройно,
что яростное море присмирело,
и кое-где с орбит сорвались звёзды,
чтоб музыку её послушать?*

Как бы мне хотелось, чтобы отец Лоуренс послушал, как Джон Хемингс произносит эти слова, потому что они лились словно музыка русалки, плавной мелодией, и очарованные поэзией зрители притихли. Даже в артистической все молчали и не шевелились, погружившись в волшебство на сцене.

— Помню, — произнёс Пак.

А потом Оберон приказывает Паку найти алый цветок с колдовским соком, и если капнуть им на веки спящего, тот влюбится в первое попавшееся существо, которое увидит. Месть Оберона упрямой Титании заключалась в том, чтобы выжать сок цветка на её веки, и он

точно знал, где её найти.

*Есть холм в лесу: там дикий тмин растёт,
Фиалка рядом с буквицей цветёт.*

И как он знал, на том холме, где она будет спать, Оберон намажет её веки и...

*И первый, на кого она посмотрит,
Проснувшись, — будь то лев, медведь, иль волк,
Иль бык, иль хлопотливая мартышка, —
За ним она душою устремится.*

Оберон готовится отомстить, но отвлекается на прибытие Дементрия и Елены из Афин.

— Я невидимка! — говорит Оберон публике, и, удивительно, никто в зале не поднимает его на смех, никто и не думает, что такого не может быть, зрители молчат, наблюдая за невидимым для Дементрия и Елены Обероном, который подслушивает двух ссорящихся любовников.

— Всё идёт отлично! — прошептал мне Бобби Гаф, его лицо блестело от толчёного жемчуга.

Он выглядел удивлённым.

Я обнял его.

— У тебя хорошо получается, — сказал я.

Из всех актёров нас больше всего беспокоил Бобби, мы боялись, что он слишком молод для такой важной роли, но в первой сцене он наделил Титанию властью коварства. Он знал, что не может соперничать с Обероном Томаса Поупа по умению держаться на сцене с достоинством, и поэтому нашёл вкрадчивую, обольстительную манеру. Зрители забыли, что перед ними мальчик. Он был богиней, царицей фей, изящных, красивых, желанных и хитрых.

— Я не люблю тебя! — огрызается Дементрий на Елену, и она напоминает, что когда-то он её любил, но теперь Дементрий любит Гермину и потому уходит из леса, отвергая Елену.

Невидимый Оберон, который всю сцену ссоры молчал, теперь вмешивается и грозит, что накажет Дементрия за его бессердечное поведение. Он воспользуется соком волшебного цветка, чтобы заставить Дементрия полюбить Елену, и поэтому приказывает Паку

найти незадачливого кавалера.

— Но постарайся, чтоб красавец наш её увидел, чуть откроет вежды, — говорит он Паку. — Ищи: на нем афинские одежды.

И Пак найдёт Деметрия и воспользуется соком волшебного цветка.

— Не бойся, всё исполнит верный дух.

Пак с Обероном покинули сцену, а Фил заиграл наверху медленную лирическую мелодию, флейта и нежная лютня. Дети прислуги выбежали на сцену и начали танцевать. Двум ученикам труппы, тоже одетым в фей, предстояло отнести ложе Титании в то место, где цвёл дикий тимьян. Роль ложа играл очень низкий стол с пятидюймовыми ножками, на котором закрепили веточки искусственного боярышника с белыми цветами. Мальчишки чуть не разорвали занавес, зацепившийся за торчащий из стола гвоздь, но Алан Раст тут же выпрыгнул и откинул занавес, а мальчишки, игравшие роли Мотылька и Паутинки, вынесли стол в центр сцены. Там будет спать Титания, но сначала мальчишки запели.

— Боже правый, — пробормотал мой брат себе под нос, — всё получилось.

Сильвия подкралась к правому входу и чуть-чуть откинула занавес, чтобы посмотреть на танцующих и поющих мальчиков.

— Прекрасно! — прошептала она и повернулась, в её глазах отразились свечи. — Прекрасно! — снова прошептала она.

Я стоял сзади, положив руки ей на плечи, и просто смотрел на медленное завершение танца, феи одна за другой покинули сцену, и наконец, Титанию одолела усталость и она опустилась на ложе из фиалок и дикого тимьяна. Музыка смолкла, и она заснула, в тишине было слышно биение сердец. Затем в дальнем конце сцены появился Оберон. Он медленно и тихо крался к спящей царице, и клянусь, мы могли бы услышать в зале даже мышинный писк.

Оберон встал над царицей, и зрители охнули, когда он сжал цветок над глазами Титании и затаили дыхание, стоило ей пошевелиться. Титания заворочалась, застонала во сне, Оберон застыл, но она не проснулась. Зал умолк, совершенно умолк. Когда волшебные капли упали Титании на веки, царь эльфов улыбнулся.

*Для твоих влюблённых взоров
Станет он всего милей.*

Как придёт, проснись скорей!

Я слегка отодвинул занавес и взглянул в конец зала, который ярче всего освещал камин. Королева наклонилась вперёд, её ярко-алые губы чуть приоткрылись, глаза расширились и сияли, как будто она закапала белладонну.

И началось столпотворение.

Гермия влюбилась в Лизандра.

Лизандр влюбился в Гермию.

Деметрий влюбился в Гермию.

Елена влюбилась в Деметрия.

И никто не влюбился в Елену.

Но Оберон решил, что Елена должна получить желаемое, и поэтому приказал Паку выжать волшебный сок на глаза Деметрия. Пак должен был узнать Деметрия по афинскому наряду, который в тот зимний день в Блэкфрайэрс состоял из дублета и серебристых чулок, а поверх Генри Конделл надел подобие римской тоги. Увидев спящего человека, завёрнутого в тогу, Пак помазал ему глаза соком цветка, но выжал он сок на Лизандра, а не на Деметрия. Заснувший близко к своей любимой Гермии Лизандр просыпается и видит Елену, которая только что наткнулась на спящих любовников.

Теперь Лизандр влюблён в Елену.

Елена любит Деметрия.

Деметрий влюблен в Гермию.

А Гермия влюблена в Лизандра.

И, как будто этих ошибок мало, мастеровые репетируют свою пьесу в том же лунном лесу, где спит Титания, а недалеко от неё спят четверо влюбленных афинян. Пак обнаружил репетицию, но, как и его господин Оберон, он может становиться невидимым, так что мы его не видим. Мы репетируем, и Ник Основа уходит за сцену, в заросли боярышника, которыми в нашем случае служила артистическая, где голова Пака волшебным образом превращается в ослиную. Уилл Кемп натягивает плетеную конструкцию из веток ивы и кроличьих шкурок и возвращается на сцену.

Зал, который посмеивался над сценой, где мы репетировали «Пирама и Фисбу», взревел от хохота, стоило вернуться Уиллу.

Находившиеся на сцене в ужасе убежали от Ника Основы, не узнав его с новой чудовищной головой, а тот расхаживал взад-вперёд перед беседкой, где спит Титания. Ник Основа что-то напевает.

И Титания просыпается.

Она садится, потягивается, зевает, слышит пение Ника Основы, видит его и застывает.

Она не сводит с него взгляда.

Публика, зная, что грядёт, рассмеялась в предвкушении. Нервные смешки, но в них можно было уловить предстоящий взрыв хохота. Как тугая тетива возле уха, дрожащую от напряжения, пока её не отпустят.

Ник Основа всё ещё поёт. Потом Титания, очарованно глядя на неуклюжего крестьянина с головой осла, говорит:

— О, что за ангел пробудил меня среди цветов?

И в огромном зале раздался взрыв хохота.

Королева, обычно столь осторожная, когда дело касается её достоинства, смеялась вместе с остальными. Невеста стиснула ладони, её взгляд был прикован к сцене и полон восхищения.

Уилл Кемп чувствовал себя как в раю.

Однажды, за пару лет до того, как мы исполнили «Сон в летнюю ночь», когда брат ещё был со мной учтив, мы вшестером отправились в таверну «Дельфин» после первого представления «Ричарда II». Спектакль прошёл хорошо, и брат пребывал в хорошем расположении духа. С ним рядом сидела милая рыжая Нелл, держа его за руку. Он заказал устриц и эля, но почти ни с кем не разговаривал, кроме зрителей, которые подходили к нашему столу и поздравляли его. Брат был с ними учтив, но не хотел, чтобы они задерживались. Он был счастлив.

Разговор становился всё громче, актёры заново переживали некоторые эпизоды на сцене. Августин Филипс, игравший Ричарда, хихикал, потому что чуть не забыл некоторые реплики.

— Я был в панике!

— Никто не заметил, — ответил кто-то.

— Какие реплики? — спросил мой брат.

— Часы растратив, стал я сам часами, — продекламировал Августин.

И мой брат, обычно такой сдержанный, вдохновился строками. Он спросил, видели ли мы часы его милости в Сомерсет-Хаусе, но никто из

нас не видел. Он описал их, изумительное изобретение из дисков и колёс, винтиков и цепей, ведущих стрелку вокруг диска с нарисованными цифрами. Как он объяснил, чтобы часы работали, нужно потянуть гирию вверх, а потом она медленно опустится, оживив сложный механизм за циферблатом.

— Пьеса похожа на часы, — сказал он.

— Как бы не так, Уилл! — засмеялся Уилл Кемп.

— Именно так! — возразил мой брат, правой рукой поглаживая Нелл по голове.

— И чем же, мой слабоумный поэт, пьеса похожа на часы? — спросил Уилл Кемп.

— Первый акт спектакля мы поднимаем гирию вверх, — сказал брат. — Подготавливаем почву, устраиваем неразбериху, запутываем жизни героев, создаём предательство или вражду, а затем отпускаем гирию, и все распутывается. Стрелка движется по циферблату. Это, друг мой, и есть спектакль. Плавное движение стрелки часов, распутывание.

И Уилл Кемп, обычно такой насмешливый, кивнул и поднял кружку с элем.

— Тогда за распутывание.

К тому времени, как мы подрезали фитили свечей в третий и последний раз, мы распутали пьесу. Развернулась захватывающая борьба между Гермией и Еленой, заставлявшая публику смеяться, обнажили мечи, потому что народу нравились фехтовальные сцены, но после борьбы и гнева путаница между любовниками разрешилась, и к тому времени, когда мы подрезали фитили в последний раз, Гермия любила Лизандра, Лизандр любил Гермию, Елена любила Деметрия, а Деметрий любил Елену. Отец Гермии, в начале пьесы требовавший смерти дочери, был теперь доволен её свадьбой с Лизандром. Граф Тезей и Ипполита поженятся, Гермия с Лизандром поженятся и Елена с Деметрием тоже. Титания, освободившись от влечения к Нику Основе, воссоединилась с Обероном.

Это свадебная пьеса. Бессмыслица, счастливая чепуха, любовники нежились под светом луны, попусту болтая, и мы добрались до счастливого конца.

Но пьеса не закончилась. Гирия еще не завершила свой путь вниз, часы тикали, а стрелка ещё двигалась. Путаница между любовниками разрешилась, но близилось ещё кое-что. И перед тем, как заиграли

музыканты Фила, чтобы развлечь зрителей, пока подрезают свечи, Ник Основа вновь присоединился к мастеровым и объявил, что они пойдут во дворец герцога в надежде представить свою пьесу «Пирам и Фисба».

— А главное, дорогие мои актеры, — молил Ник Основа, — не ешьте ни луку, ни чесноку. Мы должны испускать сладостное благоуханье, и я не сомневаюсь, что зрители скажут: вот сладчайшая пьеса. Без всяких рассуждений! Марш вперёд без дальних слов!

Я снял камзол цвета гусяного помёта, снял ботинки, штаны и чулки и привязал фальшивые груди, которыми служили льняные мешочки, начинённые войлоком и укреплённые ивовыми прутьями, поэтому они выпирали очень неестественно. Они оказались намного больше, чем я носил раньше. Сильвия затянула их на спине и намазала мне губы мареной. У Фисбы не будет никаких белил. Мы ведь ремесленники, играющие в актёров, и должны выглядеть карикатурно, а не красиво. Я буду играть Фисбу босиком и без чулок, и конечно, я не побрил ни ноги, ни лицо, на котором темнела однодневная щетина. Сильвия принесла мне простое льняное платье соломенного цвета с голубым поясом. Она хихикнула.

— Какая ты красotka, Ричард Шекспир.

— Нет, честью прошу, — произнес я, натягивая платье через голову, — не заставляйте меня играть женщину.

А под лиф я засунул ярко-красную шаль.

На улице стояла ночь. В феврале темнеет рано, и высокое эркерное окно в дальнем конце зала зияло чернотой. Звучала бравурная музыка, возвещающая финальную часть пьесы. В зале слуги подложили дров в камин и подрезали фитили свечей на длинных столах. Народ смеялся и разговаривал, но тут же умолк, как только затихла музыка, а барабанный бой и фанфары возвестили продолжение пьесы.

На сцену вышел граф Тезей с невестой и придворными.

Я слушал диалог на сцене, когда Джин принесла мне парик. В «Театре» мы редко пользовались париками, они стоили ужасно дорого, были непрочными и рассыпались слишком быстро, но этот парик был полным убожеством. Его сделали из хвоста сивой лошади, перекрасили в мерзкий жёлтый цвет, а потом покрыли воском, так что пряди торчали в стороны. Пока Джин закрепляла парик, Сильвия засмеялась, мальчики, игравшие фей, захихикали, за кулисами все ухмылялись.

— Ну, как он тебе? — спросила Джин.

Я кивнул и осторожно потянул прядь жёлтых волос.

— Плотно сидит.

— Готов? — тихо окликнул меня брат.

— Готов, — ответил я, поцеловал руку Сильвии и двинулся к большому центральному входу.

Свадьбы в пьесе закончились, и теперь новобрачные ждали в зале герцога вечернего развлечения. Опять спустили разрисованный занавес, скрыв зелёный волшебный лес, на правый край сцены поставили скамейки, там сидели три пары новобрачных в ожидании спектакля.

— Государь, вся эта пьеса, — сказал Филострат, распорядитель увеселений при дворе герцога, — вся эта пьеса — в десять слов длиной. Короче пьесы нет, насколько помню, но лишние все эти десять слов.

— А кто актёры? — спросил герцог.

— Все простые люди, ремесленники из Афин. Привыкли не головой работать, а руками.

— И мы её посмотрим! — сказал герцог.

— Нет, мой герцог, нет, это не для вас!

Но герцоги, как королевы и лорды-камергеры, получают то, что хотят, и поэтому мастеровые из Афин исполнили пьесу. Мужчины с натруженными руками: ткач, столяр, починщик раздувальных мехов, портной и медник. И если до этого зрители смеялись, и смеялись много, это было ничто по сравнению с хохотом, встретившим «Самую грустную комедию и самую жестокую смерть Пирама и Фисбы».

Всё началось со сбивчивого, прерывающегося и мучительного пролога в исполнении моего брата. Я наблюдал за королевой через прорезь в занавесе и заметил её улыбку. Как часто она приезжала в какой-нибудь город своего королевства и слушала восторженного мэра, приветствующего её подготовленной речью, но он так нервничал, что красивые слова искажались и почти теряли смысл. Пролог Питера Пигвы был таким же, провальным введением в нелепую пьесу. И когда пролог завершился, представили актёров.

Сначала на сцену вышел Уилл Тойер, трубач из группы музыкантов Фила, и громко протрубил в фанфары. Зрители ожидали, что фанфары вызовут нового героя, но никто не появился. В зале раздался нервный смех, поскольку зрители подозревали, что какой-то актёр пропустил свой выход, затем Тойер протрубил второй раз, и на сцену, спотыкаясь, вышел Кемп, как будто его вытолкали пинком в спину. Теперь он играл

роль Пирама, а не Ника Основы. Плохо подогнанный нагрудный панцирь болтался почти на животе, за пояс заткнут деревянный меч, на голове побитый шлем. Кемп восстановил равновесие и принял героическую позу, и в зале волной пронёсся смех.

Вторые фанфары представили Фисбу. Я прошествовал на сцену, застенчивый и скромный, жеманно взглянул на публику и сразу же отвёл взгляд, закрыв свое личико руками, моя грудь ходила ходуном, провоцируя взрывы смеха в зале.

Брату пришлось подождать, пока не затих смех. Уилл Кемп, конечно же, подбодрил смеющихся, продолжая прихорашиваться, но вряд ли мой брат возражал, и, наконец, снова протрубили фанфары, и появился Ричард Коули. Он играл Томаса Рыло, медника, но в «Пираме и Фисбе» он изображал стену и был в размашистом балахоне, который Джин разрисовала под каменную кладку. Он по-дурацки раскинул руки, а свисающая с рук ткань изображала стену. Какая-то дама в зале чуть не захлебнулась от смеха. Она задыхалась и взвизгивала между вздохами, отчего публика смеялась ещё пуще.

Питер Пигва немного её утихомирил, когда на сцену вышел Джон Синкло, игравший Лунный свет, потому что мастеровые беспокоились, достаточно ли света для «Пирама и Фисбы», и добавили собственную луну. Джон, в тёмной как ночь мантии, на которой Сильвия вышила серебряные полумесяцы, нёс сетку шиповника и фонарь и вёл на верёвке Цезаря, твякающую собачонку леди Хансдон.

И последним вышел Джон Дюк, играющий льва. Он был закутан в одеяние из кроличьих шкур, а его голову скрывала гибкая маска тоже из кроличьих шкур, из неё торчали огромные зубы. На руках — перчатки с прикреплёнными когтями. Джон сделал еле заметный угрожающий жест деревянными когтями, что побудило Цезаря яростно лаять, и, боящийся собак герцог отпрыгнул в сторону.

Мы и правда выглядели смешно, как и наша пьеса. Я задумался, помнил ли мой брат про «Дидону и Акербанта» из далёкого прошлого. В этой интерлюдии, его первой работе, он пытался заставить публику кричать от горя, когда Дидона сожгла себя, но вместо этого зрители рыдали от смеха. Теперь он снова заставил их плакать, но на этот раз от веселья и удовольствия. «Сон в летнюю ночь» закончился, любовники нашли друг друга и поженились, и сейчас мы чествовали их счастье и любовь, рассказывая историю о запретной любви и печальной смерти.

Пирам и Фисба встречались тайно, потому что их семьи враждуют и потому не одобряют их чувства. История исходит от латинского поэта Овидия, мы изучали его в школе, и у Овидия это трагедия. Обречённые любовники встречаются у стены и разговаривают друг с другом через трещину в кладке. Ричард Коули так распростёр руки, что разрисованная камнями мантия создавала препятствие, в котором Пирам проделал дыру деревянным мечом. Он видит Фисбу сквозь появившуюся щель. Уилл Кемп наклоняется, к восхищению публики оттопыривая огромный зад.

— Услышу ль Фисбы я прекрасный лик? О Фисба!

— Ты ли к щёлке там приник? Я думаю... — в отчаянии прокричал я и наклонился к стене.

— Целуй сквозь щель: уста твои так сладки! — умоляет Пирам.

Я вытянул губы трубочкой и ткнул ими в раскрашенную ткань, а Уилл сделал то же самое с другой стороны. Поцелуй длился несколько мгновений, давая публике насмеяться, а потом я отскочил, притворяясь, что выплёвываю известь.

— Целую не уста — дыру в стене! — завопил я.

— К гробнице Ниньевой придёшь ко мне? — спросил Пирам.

— Хоть умереть, приду я без оглядки! — сказал я и мелкими шажками убежал со сцены, а Уилл появился с противоположной стороны.

История достаточно известная. Как Фисба встречает льва по пути к гробнице Нина [\[11\]](#), но убегает от страшного зверя, лишь её мантия падает на землю, а Пирам находит запачканную кровью льва мантию, решает, что его возлюбленная погибла, и кончает с жизнью. Это была любимая сцена Уилла Кемпа, смерть, которую он мог преувеличить, и он ударил себя, точнее, несколько раз ткнул деревянным мечом под мышку, зашатался, потом воспрял и снова зашатался и, наконец, рухнул на авансцене и подарил зрителям полный отчаянья взгляд.

— Несчастный, умирай! Ай-ай-ай...

На его лице отразилась паника. Это был уже не Пирам, а испуганный актёр, забывший реплику. Он застыл в деревянной позе, и наступила неловкая пауза, а потом мой брат, притворяясь, что Питер Пигва еще и суфлёр, прошептал забытое слово:

— ...ай!

— Ай! — выкрикнул Уилл.

Ничто не сравнится со смехом зрителей, которым нравится спектакль. Некоторые в зале буквально умирали от смеха. Королева не сводила с нас глаз, а невеста, похоже, расплакалась от смеха. Мы отлично отметили её свадьбу.

Я умер следующим, лишив себя жизни над телом Пирама, и выдернул из груди шарф из красного шелка, обозначавший кровь. Парик свалился, что только добавило веселья, пока я, замешкавшись, натягивал его обратно. Я умер. Потом другие мастеровые утащили наши тела со сцены, феи вернулись и стали танцевать под звуки сладкой мелодии, а Оберон всех благословил. Улыбающаяся публика успокоилась, и Пак попрощался со зрителями в заключительном монологе:

— Давайте руку мне на том.

Коль мы расстанемся друзьями,

В долгу не буду перед вами, — воскликнул он, призывая зрителей хлопать, и все захлопали.

Вся труппа выстроилась на сцене, мы купались в удовольствии публики. Мы перенесли её величество и придворных из зимнего Лондона в волшебный лес в Афинах. Они хлопали стоя, а мы кланялись.

Я редко бывал счастливее. Мы ещё раз поклонились. Настоящая труппа.

И сыграли сладчайшую пьесу.

Эпилог

Я умер, когда колокола церкви Святого Леонарда прозвонили третий час пополудни.

Мы вернулись в «Театр». Стоял прекрасный весенний день с ясным небом и легкими облачками, двор полнился людьми, как и галёрка. Со сцены виднелись только лица, две тысячи лиц. И все пристально смотрели на нас. Мы рассказывали эту историю лишь во второй раз, но по городу уже распространился слух, что её стоит послушать. И поэтому народ тёк через Финсбери-филдс, слишком много людей, и некоторых не пустили, пообещав, что мы сыграем пьесу завтра и послезавтра. Кое-кто хотел узнать, когда мы снова сыграем «Сон в летнюю ночь» — пьесу, благодаря которой «Театр» снова и снова заполнялся.

Я был в чёрных чулках, чёрных ботинках, чёрных штанах и дублете, сшитом из мягчайшей испанской чёрной кожи с полосатыми вставками из тёмно-синего бархата, спасенном от ножа Рыбоеда прошлой зимой. Мою белую рубашку украшали оборки из французского кружева, вместо брыжей я надел ниспадающий воротник, мои короткие волосы закрывала красивая синяя шляпа с двумя чёрными перьями, которую я отобрал у де Валля и теперь старался надевать всякий раз, когда выходил на сцену. Перья стали моим талисманом, моей волшебной защитой от дьяволов театра, из-за которых забываешь свою роль. Я отрастил короткую аккуратно подстриженную бородку и играл роль Меркуцио, ближайшего друга Ромео.

Как и пообещал брат, это оказалась настоящая роль, даже замечательная. Ричард Бёрбедж играл Ромео, и на репетициях мы с ним сблизились. Он даже взял меня в «Дельфин» и купил эля, рассказывал истории про своего отца, а потом неожиданно заговорил о моём брате.

— Таких как он больше не сыщешь.

— И таких как ты, — отозвался я, и это было правдой. Из всех наших актёров Ричард был самым талантливым, его единственным конкурентом был Нед Аллен, игравший в труппе лорда-адмирала в театре «Роза».

— Да, но мы ничто без слов, — сказал Бёрбедж, — пустое место. Народ приходит послушать пьесу, и если бы не было слов, не было бы и публики.

Слова! Я начал тщательнее прислушиваться к словам брата, и хотя неохотно, начал понимать их волшебство.

— Я видел нынче сон, — сказал мне Ромео.

— И я видал.

— Что снилось вам?

— Что часто лгут сновидцы.

— В постели спящему и правда снится.

Ромео и Джульетта, несчастные любовники, фатально продвигались к своему концу и, как Пирам и Фисба, умрут из-за недопонимания. Как Пирам и Фисба, они происходили из враждующих семей. Ромео, влюбившись в тринадцатилетнюю Джульетту, полюбил дочь врага, а Джульетта, полюбив Ромео, бросила вызов своей семье. Они оба должны умереть, но Меркуцио умирает первым.

Я умер в драке. Я сражался на рапирах с Тибальтом, которого играл Генри Конделл. Тибальт пытается вызвать на бой Ромео лишь из-за того, что тот из рода Монтекки, а Тибальт — сторонник семьи Капулетти. Ромео не будет сражаться, потому что любит Джульетту Капулетти, но Меркуцио, спровоцированный Тибальтом, платит кровью.

Генри Конделл был умелым фехтовальщиком, и наша драка, даже на длинных рапирах, была захватывающей. Мы перемещались с одной стороны сцены на другую, клинки мерцали, как языки змей, скрещивались, скользили, расходились. Мы отрепетировали каждое движение, но всё равно Конделл был проворен как гадюка. Публика наблюдала за поединком затаив дыхание. Зрителям нравится фехтование. Многие зрители были фехтовальщиками, разбирались в этом, и всё должно выглядеть по-настоящему. Сражение закончилось, когда я обманным маневром отбросил Генри назад, делая финты и выпады, отбивая его встречные выпады, и двигаясь быстрее его, но тут Ромео, зная, что уличные поединки запрещены, попытался прекратить сражение, встав передо мной, и тем самым помешал мне атаковать. А потом Генри-Тибальт делает выпад под протянутой рукой Ромео и пронзает мне грудь.

Колокол церкви Святого Леонарда пробил третий час пополудни.

— Я ранен! — прокричал я. — Чума на оба ваши дома!

Я покачнулся, левой рукой схватившись за рану, нажал на свиной мочевого пузырь и выдавил овечью кровь. Театр затих, слышно было только шарканье моих ботинок по сцене.

— Друг, ободрись, — сказал мне Ромео. — Ведь рана не опасна!

— Да, она не так глубока, как колодезь, и не так широка, как церковные ворота. Но и этого хватит: она своё дело сделает. Приходи завтра, и ты найдёшь меня спокойным человеком. Из этого мира я получил отставку, ручаюсь. Чума на оба ваши дома! Чёрт возьми! Собака, крыса, мышь, кошка исцарапала человека насмерть! Хвастун, мерзавец, негодяй, который дерётся по правилам арифметики! Какого дьявола ты сунулся между нами? Он меня ранил из-под твоей руки!

И я медленно умираю, а поскольку всегда трудно удалить труп с освещённой солнцем сцены, я ковыляю, чтобы умереть в другом месте.

— Бенволио, сведи меня ты в дом, куда-нибудь, — молил я своего брата, — иль я лишусь сознания. Чума, чума на оба ваши дома! Я из-за них пойду червям на пищу.

Итак, я обнимаю брата за плечи, а он обнимает меня за пояс, и, покачиваясь, я удаляюсь в артистическую, где меня ждёт жена. Сильвия теперь работает в театре, и мы живём в когда-то принадлежавших отцу Лоуренсу комнатах. Сам же он «пошёл на корм червям», хотя до своей кончины одним апрельским вечером успел нас благословить.

Кристофера де Валля я больше не видел. Ходят слухи, что он уехал в дом своего хозяина в Беркшире, где стал дворецким, а его хозяина, графа Лечлейда, стоявшего за всей этой историей, отослали со двора.

Поросенок Джордж Прайс уехал из Лондона неведомо куда, а с ним его племянники. Персиванты всё ещё разъезжают по городу, но никогда не появляются поблизости.

Фрэнсис Лэнгли нашёл пьесы, а «Лебедь» — публику. Я видел, как он рука об руку прогуливался с моим братом по Банксайд, они были погружены в беседу. Они примирились.

Сэру Годфри, как приходскому священнику Блэкфрайерса, пришлось огласить наше с Сильвией бракосочетание, но поженил нас преподобный Венейблс в часовне его милости. Чуть позже преподобный отвёл меня в сторонку и сказал, что борода не сильно испортила. Сэр Годфри всё ещё предоставляет собак и медведя Вашингтона театру «Занавес», а иногда и театру «Лебедь», но ходят

слухи, что он скоро покинет Лондон и откроет школу для мальчиков где-то в западных графствах.

Саймона Уиллоби, с покрытыми глубокими шрамами лицом и ослепшего на правый глаз, в последний раз видели просящим милостыню у креста Святого Павла. Он утверждал, что был солдатом и получил ранение, сражаясь с испанцами в Нидерландах, и хорошо играл роль.

Её величество потребовала, чтобы мы сыграли «Ромео и Джульетту» в её дворце в Ричмонде. Скоро мы так и сделаем. Мы пользуемся высоким покровительством лорда Хансдона, и ещё большим — его жены.

Мой брат живёт с женщиной по имени Анна. Она общительная, симпатичная, много смеётся и замужем за другим человеком. Мы с ним помирились, возможно потому, что ему нравится Сильвия. Он сдержал обещание и дал мне роль Меркуцио, и после премьеры обнял меня.

— Ты отлично сыграл, брат, — вот и всё, что он сказал.

Теперь он помог мне сойти со сцены.

— Ну что за беспорядок! — сказала Сильвия, оттирая щёткой овечью кровь, окрасившую белый камзол. — Она не отмоется!

Я закрыл ей рот поцелуем.

Мы лицедеи лорда-камергера. Мы рассказываем истории. Мы творим магию на сцене. Мы превращаем сны в реальность. Мы — актёры.

Историческая справка

В последние годы шестнадцатого столетия произошло выдающееся событие — зародился профессиональный театр. Конечно, и раньше существовали пьесы и актёры, но у этих трупп не было постоянного дома. Они гастролировали по Англии и Европе, выступая в больших домах, на постоянных дворах и в залах для собраний, но в 70-х годах шестнадцатого века в Лондоне впервые построили постоянные театры. Джеймс Бёрбедж, начавший свою карьеру как плотник, а затем стал актёром, построил один из первых театров в Шордиче, рядом с Финсбери-филдс. К 1595 году, когда происходит действие романа, рядом располагался «Занавес», за рекой, в Банксайде, привлекала публику «Роза» и строился «Лебедь». Со временем их будет гораздо больше, самый знаменитый, «Глобус», построили лишь к 1599 году.

Бёрбедж назвал свой новый дом для представлений «Театром», позаимствовав слово из классического греческого, и теперь это название охватывает огромную и волнующую профессию по всему миру. Тем не менее, в 1574 году, когда Бёрбедж арендовал землю и построил театр, он принял на себя значительный финансовый риск. Не все театры процветали. «Красный лев» потерпел неудачу, а «Занавес» разорился в тяжёлые времена, но «Театр» и «Роза» оказались прибыльными.

Они также изменили характер профессиональных трупп. Раньше, когда группы актёров гастролировали по Британии, они могли давать одну и ту же пьесу в разных городах, точно зная, что публика в Уорике не будет той же, что и видевшая пьесу на два-три дня раньше в Кенилворте. Они могли существовать, имея в репертуаре очень мало пьес, но как только театр стал постоянным, они играли для одной и той же публики неделю за неделей. И эта публика хотела чего-то нового, поэтому появился профессиональный драматург.

Из дневника Филипа Хенслоу мы знаем, что «Роза» представляла около тридцати пьес в год, и «Театр» стремился, испытывая такое же давление, играть новый и свежий материал. В 1595 году в Лондоне насчитывалось около двухсот тысяч жителей, это был самый крупный город в Британии.

Многонаселённый город обеспечивал постоянные театры постоянной публикой. И эти театры были большими. «Роза» и «Театр» вмещали около двух тысяч человек каждый, а новый «Лебедь» играл представления для аудитории в три тысячи человек. Эти цифры сравнимы с крупнейшими современными театрами Лондона и Нью-Йорка! Каждый день значительное число лондонцев ходило в театр, и этим зрителям постоянно требовались новые пьесы. Большая их часть, несомненно, никуда не годилась, но в те самые первые годы появилась удивительно талантливая группа писателей, в числе которых Бен Джонсон, Кристофер Марлоу, Томас Кид и Уильям Шекспир.

Не столь уж странно предположить, что никто из этих драматургов не заработал славы, и мало какие (если вообще такие были) из их пьес стоило сочинять, не говоря уже о том, чтобы играть их, если бы не отчаянная нужда постоянных театров в новых пьесах. Кирпичи и раствор, точнее, древесина и штукатурка стали необходимыми катализаторами для зарождения одного из величайших достижений цивилизации — пьес Шекспира.

Однако, несмотря на успех, действующие труппы были уязвимы. Их ненавидели появляющиеся пуритане, и, как известно, управляемый пуританами Лондон. Поэтому все театры были построены за пределами города. Новые театры были популярны, привлекая восторженную публику, что только усилило попытки пуритан их закрыть. Театры спасло покровительство королевы Елизаветы и дворянства. Самый ревностный пуританин был беспомощен, когда пьесы и актёров одобряла сама королева. Когда в 1603 году Яков VI Шотландский стал королем Англии, королевская поддержка стала ещё более явной, и «слуги лорда-камергера» стали «слугами короля». Мир должен благодарить монархию Англии и аристократию, потому что без них театр мог бы задохнуться при рождении, и у нас не было бы Шекспира.

Но существовавшим в то время театрам мальчиков по причуде закона разрешалось выступать в Лондоне. Одна такая школа располагалась в Блэкфрайерсе, хотя в 1595 году она не действовала. Мальчики исполняли пьесы для взрослых и, выступая в помещении, не зависели от погоды. В 1596 году Джеймс Бёрбедж, осознающий достоинства театра под крышей, купил помещение в Блэкфрайерсе, которое после многих правовых споров стало игровым пространством для труппы.

Этот зал, или, скорее, большие залы судебных иннов, где впервые были исполнены многие пьесы Шекспира, является истинным предком большинства современных театров. «Глобус» справедливо знаменит, хотя следует помнить, что многие из лучших пьес Шекспира впервые были поставлены в «Театре», но Блэкфрайерс, «закрытый театр», изменил профессию. В театре под открытым небом вроде «Глобуса» актёры выступали при естественном свете, а поскольку сцена вдавалась во двор, зрители сидели вокруг неё.

Актёрам приходилось играть для всей аудитории, половина которой находилась за их спинами. Это было похоже на современную авангардную пьесу, а закрытый театр размещал всю публику перед сценой, как это происходит сегодня в большинстве театров. Публика была защищена от погодных условий, что увеличивало прибыль, при этом из-за дороговизны свечей аудитория могла сидеть в относительной темноте, в то время как актёры были освещены. В театре под открытым небом не могло быть «четвёртой стены», и есть много доказательств, что публике почти не запрещалось разговаривать с актёрами. Поведение в закрытом театре стало более пристойным. В театральных залах могло разместиться меньше людей, но, к неудовольствию лондонских подмастерьев, входная цена была выше.

Пьеса неизвестного драматурга (совершенно определённо не вымышленного преподобного Уильяма Венейблса) под названием «Эстер и Ксеркс», в которой Ричард выступает в роли королевы Астинь, была исполнена «слугами лорда-камергера» в 1590-х годах. Цитируемые строки не из пьесы, чей текст утрачен, а либо из спектакля в честь Эсфирь, который был исполнен для королевы Елизаветы в городе Норидж, или же из пьесы 1561 года «Добродетельная и благочестивая королева Эстер», тоже неизвестного автора.

У нас есть текст пьесы «Прекрасная Эм, или дочь мельника», полное название которой «Приятная комедия о прекрасной Эм, дочери мельника из Манчестера. С любовью к Вильгельму Завоевателю». В двух сохранившихся с XVI века изданиях имя автора не указано. Предполагали, что пьеса — ранняя работа Уильяма Шекспира, но это кажется маловероятным. Нет и никаких доказательств, что труппа лорда-камергера исполняла пьесу, но, безусловно, это возможно.

Учёные единодушно полагают, что «Ромео и Джульетта» написана после «Сна в летнюю ночь». Две пьесы, конечно, были написаны почти

в одно время, где-то в середине 1590-х годов, и я подозреваю, что интерлюдия «Пирам и Фисба» во «Сне», которая заканчивается гротескным самоубийством двух любовников — это озорная пародия Шекспира на его собственную пьесу «Ромео и Джульетта». Версия начального сонета из «Ромео и Джульетты», знаменитое вступление о «двух семействах», которое Ричард цитирует в девятой главе, не ошибка, а скорее версия, напечатанная в первом ин-кварто ^[12] 1597 года, и, как я подозреваю, была версией, впервые услышанной на сцене до того, как Шекспир переработал текст в более знакомую форму.

Джигга «Иеремия и молочная корова» — полностью вымысел, но за всеми пьесами следовала джигга, которая, по сути, была небольшой непристойной пьеской, добавленной к основной. У нас есть тексты нескольких таких джигг, состоящих из простой истории, обычно о сексе, парочки импровизированных шуток и танцев всей труппой. На представлениях перед королевой джигги не показывали. Выстраивались ли актеры и делали ли поклон, как я предположил в первой главе, неизвестно. Такой поклон, безусловно, зафиксирован после Реставрации 1660 года, когда джигги вышли из моды, но вполне вероятно, что он развился из более чопорного показа пьес в аристократических особняках и королевских дворцах. Стихотворение, которое декламирует Уилл Кемп после представления «Прекрасной Эм, или дочери мельника» — «Сплю одна», найдено в книге «Реликвии древнеанглийской поэзии», написанной в восемнадцатом веке епископом Томасом Перси.

Мы также обязаны этому доброму епископу за текст «Панче», это и есть «песенка-перделка», которую не смог завершить Кемп. Он был известен как комический актёр, возможно, для лондонской публики даже известнее Шекспира. Ник Основа стал замечательной ролью для Кемпа, и возможно, он приукрасил роль с помощью импровизированного диалога, практика, которую осуждал Шекспир: «А тем, кто у вас играет шутов, давайте говорить не больше, чем им полагается», — писал он в обращении Гамлета к актёрам. Клоуны, добавляющие отсебятину, являются «пошлыми», писал Шекспир, и проявляют «прискорбное тщеславие», и я подозреваю, что выражая подобное осуждение, он вспоминал Уилла Кемпа. Уилл Кемп узнаваем в издании ин-кварто «Ромео и Джульетты», как актёр, сыгравший слугу Питера, очень маленькую роль для такого выдающегося актёра, но

Кемп, несомненно, доминировал в джиге после трагедии. Кемп покинул труппу «слуг лорда-камергера» в 1599 году.

Книга «Рассуждение о следующем преемнике короны Англии» была опубликована в 1594 году и действительно разгневала Елизавету I. Под псевдонимом Р. Доулман почти наверняка скрывается Роберт Персонс (иногда Парсонс), священник-иезуит, считавший своей миссией обращение Англии обратно в католицизм. Он был умным, тонким человеком, и его книгу запретили в Англии. Стареющая королева ненавидела любое обсуждение преемственности. Конечно, у неё не было прямого наследника, и большинство людей в 1590-х годах предполагали, что её преемником станет протестант Яков VI Шотландский (он был правнуком Генриха VII и действительно унаследовал трон Елизаветы), но королева упрямо отказывалась назвать наследником его или кого-то другого. Стоило только ей назвать наследника, как власть начала бы утекать из её рук, поскольку придворные станут искать одобрение и покровительство следующего монарха.

Орфография в списке исполнителей (Ипполита, Лизандр и т. д.) отличается от привычного сегодняшнего написания, имена представлены как в изданиях ин-кварто и фолио. Я использовал более современные версии, кроме случаев, когда роман цитирует текст эпохи Уильяма Шекспира, или, как он когда-то писал своё имя, Шакспира. Существуют шесть сохранившихся подписей Уильяма Шекспира, все они отличаются друг от друга, и ни одна из них не произносится как Шекспир!

Предположение, что Шекспир написал интерлюдия под названием «Дидона и Акербант» — полностью выдумка, но упоминание, что Шекспир работал школьным учителем до переезда в Лондон не лишено оснований. Джон Обри, антиквар и сплетник семнадцатого века, которого обычно считают столь же ненадёжным, как и забавным, написал в своей книге «Краткие биографии», что Шекспир «в молодые годы был сельским учителем», а на полях манускрипта пометил, что получил эти сведения от мистера Бистона. Мистер Бистон — это Уильям Бистон, человек с несколько сомнительной репутацией, владелец театра и сын Кристофера Бистона, который вместе с Шекспиром был актёром в труппе «слуг лорда-камергера». Период между 1585 и 1592 годами часто называют «потерянными годами»,

потому что у нас нет записей о деятельности Шекспира в это время, но ссылка Обри на мистера Бистона открывает заманчивую перспективу, что, возможно, воспоминания вполне точные.

Некоторые читатели могут возразить против изображения Уильяма Шекспира как человека, с готовностью применяющего насилие, но через год после вымышленных событий романа «Безумен род людской», судьями графства Суррей ему было предписано сохранять мир. Эпизод окутан тайной, но в ноябре 1596 года человек по имени Уильям Уэйт получил приказ о наложении ареста (аналогично судебному запрету), выпущенный против Уильяма Шекспира, Фрэнсиса Лэнгли (из театра «Лебедь») и двух женщин, Дороти Соер и Энн Ли. Уэйт утверждал, что он подвергся нападению и боялся за свою жизнь. Уэйт, судя по другим сохранившимся документам, тоже не святой, но подобное таинственное событие напоминает о том, что театры эпохи Тюдоров и якобинского Лондона лежали очень близко к миру преступников и борделям.

Разговор Сильвии о рыцаре-крестоносце и драконе — это отсылка к крупной, незавершённой эпической поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей». Спенсер был отдалённо связан с Элизабет Спенсер, баронессой Хансдон, которая была замужем за сэром Джорджем Кэри, сыном лорда-камергера и матерью Элизабет Кэри, невесты. Элизабет Спенсер была известной покровительницей искусств, и не исключено, что она с энтузиазмом восприняла первую постановку пьесы «Сон в летнюю ночь». Эмилия, кратко упомянутая в главе одиннадцать, это Эмилия Ланье, которая долгое время была любовницей лорда Хансдона.

Она была дочерью придворного музыканта из Италии и на сорок пять лет моложе лорда-камергера.

Забеременев от лорда Хансдона, она получила щедрое вознаграждение и вышла замуж за своего двоюродного брата. Некоторые учёные считают, что Эмилия Ланье и есть та «смуглая дама» из сонетов Шекспира.

В 1577 году, вскоре после постройки «Театра», было опубликовано послание преподобного Иоанна Нортбрука, «Трактат против игры в кости, танцев, пьес, интерлюдий и другого праздного времяпровождения», и это одна из самых ранних атак пуритан на театры.

Выдержки, которые я цитирую в главе восьмой, были

отредактированы и укорочены, но показывают сущность успешной кампании по закрытию лондонских театров. Х.Л. Менкен дал такое определение пуританам: это те, «кого преследует страх, что кто-то где-то может быть счастлив», и чем больше счастья давали театры, тем более опасными становились атаки пуританских проповедников. Как объявил с кафедры преподобный Нортбрук «причина чумы — это грех... а причина греха — это пьесы, поэтому причиной чумы являются пьесы». В 1594 году лорд-мэр Лондона Джон Спенсер попытался убедить Тайный совет закрыть все театры, описывая их как «развращенные и нечестивые», не содержащие ничего, кроме «нечистых басней, распутных выдумок... и тому подобного».

Он описывает театры как «места встречи всех бродяг и бесхарактерных людей, шатающихся по городу, воров, конокрадов, блудников, мошенников, жуликов, изменников и других праздных и опасных людей». Победа парламента в гражданской войне в Англии принесла успех этой неустанной кампании, и, к восторгу пуритан, в 1642 году лондонские театры принудительно закрыли, и они оставались закрытыми на протяжении всего периода междуцарствия. Они вновь открылись в 1660 году вместе с восстановлением монархии и, к счастью, с тех пор процветают.

Велись некоторые споры относительно существования режиссёра в театральных труппах конца XVI века. Конечно, тогда его так не называли, слово не стало общеупотребительным до девятнадцатого века, но доказательства, что руководил актёрами и постановкой пьесы один человек, содержатся в тексте «Сон в летнюю ночь».

Питер Пигва репетирует с мастеровыми «Пирама и Фисбу», пьесу внутри пьесы, и ведёт себя как современный режиссёр. Он распределяет роли между актёрами, составляет список реквизита, намечает репетиции, и в акте III, сцене 1, мы видим одну из таких репетиций. Он рассказывает актёрам, когда выходить или уходить, куда двигаться, что говорить и когда. «Да только это ещё рано говорить: это ты отвечаешь Пираму. А ты хочешь всю роль сразу отбарабанить! Пирам, ну что же ты! Ты реплику прозевал; твоя реплика: «Что устали не знает...». Это режиссёрские указания! И это явно описание постановки пьесы в 1595 году. Пигва, конечно, тоже появляется в пьесе, которой он руководит, что решительно говорит о том, что в качестве режиссёра выступал один из главных актеров. Я приписал большую часть руководства

вымышленному Алану Расту, но Шекспир, как автор лучших пьес «Театра», часто брал эту роль на себя, особенно в собственных пьесах.

Мы в неоплатном долгу перед Джоном Хемингсом и Генри Конделлом, потому что семь лет спустя после смерти Уильяма Шекспира они выпустили известную книгу, знакомую нам сегодня как «первое фолио» [\[13\]](#). Многие из пьес Шекспира уже были опубликованы в ин-кварто (название относится к размерам книг — представьте ин-кварто как размер книги форматом в четвёртую часть листа в мягкой обложке, а фолио — скорее как энциклопедию), но если бы у нас не было «первого фолио», то не было бы восемнадцати шекспировских пьес: «Макбет», «Буря», «Юлий Цезарь», «Два веронца», «Мера за меру», «Комедия ошибок», «Как вам это понравится», «Укрощение строптивой», «Король Иоанн», «Всё хорошо, что хорошо кончается», «Двенадцатая ночь», «Зимняя сказка», Часть первая «Генриха VI», «Генрих VIII», «Кориолан», «Цимбелин», «Тимон Афинский» и «Антоний и Клеопатра».

Учёные подсчитали, что между 1570 годом и закрытием театров в 1642 году лондонские театры сыграли около трёх тысяч пьес, и из этих трёх тысяч мы имеем тексты лишь двухсот тридцати, так что просто чудо, что какие-то дожили до наших дней, и ещё большее чудо, что тридцать восемь из них — пьесы Шекспира. Упоминание в главе шестой пьесы «Плодотворные усилия любви» — не ошибка. Вполне возможно, что пьеса с таким названием существовала, и если так, то наряду с «Карденио» она является одной из двух потерянных пьес Уильяма Шекспира. «Плодотворные усилия любви» впервые упоминается в 1598 году, и может быть либо потерянной пьесой, либо альтернативным названием для другой пьесы, возможно, «Всё хорошо, что хорошо кончается» или «Много шума из ничего».

Сокращались ли пьесы? Шекспировские пьесы, если их играть целиком, зачастую очень длинные, продолжительность в три или даже четыре часа не является чем-то необычным. Тем не менее, в «Ромео и Джульетте» сам Шекспир описывает «двухчасовую продолжительность нашей постановки», и я считаю, что пьесы на репетиции сокращали, чтобы действие длилось чуть больше двух часов. В «Театре» не делали антракт, но в зале со свечным освещением делали перерывы, чтобы подрезать фитили.

Традиционалисты утверждают, что пьеса должна быть

представлена полностью, какой бы длинной она ни была, каким бы трудным ни казался язык шестнадцатого-семнадцатого столетий, и невзирая на испытания, которые это налагает на публику. Тем не менее, есть убедительные доказательства, что опубликованные пьесы — это не вполне то же самое, что первоначально исполненные на сцене. Это свидетельство исходит от современника Шекспира, Бена Джонсона, который на титульном листе своей пьесы «Всяк в своём настроении», опубликованной в 1600 году, подчеркивает, что «текст напечатан в том виде, как он был впервые написан автором, и содержит больше, чем было сыграно на публике». На репетициях несомненно потребуются сократить пьесу, как происходит и до сих пор.

Некоторые читатели могут быть разочарованы отсутствием моих предположений, что Уильям Шекспир не являлся автором приписываемых ему пьес. В некоторых кругах закрепились мысли, что он недостаточно образован для написания пьес, и разгорелся спор на тему «кем был настоящий Шекспир». Спорить глупо. У нас есть масса доказательств, что Уильям Шекспир из Стратфорда был Уильямом Шекспиром, драматургом. Любого читателя, который захочет изучить как доказательства, так и аргументы в этом споре, я хотел бы отослать к превосходной книге Джеймса Шапиро, «Оспоренное завещание, кто писал за Шекспира?» (Саймон и Шустер, Нью-Йорк, 2010). Жаль, что пришлось написать такую книгу, но, как говорит, Пак: «Безумен род людской!»

Я очень благодарен Аманде Мур, собравшей массу исследований по миру Шекспира и театральных трупп 90-х годов шестнадцатого века. Она имеет полное право огорчиться, что так мало из этих исследований появляется в романе, но тем не менее они дополняют всю историю и оказались бесценны. Все ошибки полностью на моей совести.

Я также обязан Терри Лайману, который, играя Ника Основу, придумал, как Пирам забывает последнее слово в реплике «Несчастный, умирай! Ай-ай-ай...» Получилось чудесно!

В одной из ранних комедий «Как вам это понравится» Шекспир сказал: «Тот не любил, кто сразу не влюбился». По правде говоря, он украл строчку из пьесы Кристофера Марлоу «Геро и Леандр», а это лишь сложный способ сообщить, что хотя «Безумен род людской» посвящен актерам театра «Мономой» в Чатеме, штат Массачусетс, сделавшим моё лето таким восхитительным (и ужасающим), я уверен,

что никто из них не будет против разделить его с моей женой Джуди, которая делает возможным многое. Спасибо всем, и особенно Джуди.

Понравилась книга? Поблагодарите переводчиков:
Яндекс Деньги 410011291967296

WebMoney
рубли – R142755149665
доллары – Z309821822002
евро – E103339877377
PayPal istoricheskij.roman@gmail.com

VISA, MASTERCARD и др.:
https://vk.com/translators_historicalnovel?w=app5727453_-76316199

notes

Примечания

Здесь и далее перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

Джигга — национальный английский танец; во времена Шекспира сценически принял форму песенки с пляской, исполнявшейся комиком или шутом в финале спектакля.

Бракетт — экстравагантное решение ширинки, декоративный элемент впереди на штанах, к которому прикреплялись чулки.

Гальярда — старинный танец итальянско-французского происхождения. Для танца характерны резкие прыжки и оригинальные позы.

Кардинал Пандульф — папский легат в исторической хронике Шекспира «Король Иоанн (Джон)».

Крумхорн — старинный деревянный духовой инструмент эпохи Ренессанса из семейства тростевых, загнутый в нижней части и с шестью отверстиями.

Грейс-инн, Миддл-темпл — так называемые судебные инны, имеющие право назначать в суды барристеров (адвокатов). Когда-то барристеры имели там и квартиры.

Куранта — французский танец, следы которого восходят к середине XVI века. Тактовый размер в основном 3/4.

Пахотный понедельник — первый понедельник после крещения, отмечался как символическое начало пахоты.

Votre frere est chauve, oui? (фр.) — Твой брат лысый, да?

Нин — персонаж древнегреческой мифологии, царь Вавилонии.

Ин-кварто – печатные издания формата «в четвертую часть листа».

Первое фолио — термин, употребляемый для обозначения первого собрания пьес Уильяма Шекспира (1564—1616), изданного Джоном Хемингсом и Генри Конделом (работавшими в шекспировской труппе) в 1623 году под заглавием: «Мистера Уильяма Шекспира комедии, хроники и трагедии. Напечатано с точных и подлинных текстов» («Mr. William Shakespeares Comedies, Histories, & Tragedies»).